

Мистер Шерлок Холмс

Выпуск 7

«Мистер Шерлок Холмс»

альманах

Выпуск 7

Мистер Шерлок Холмс

Альманах

Выпуск 7

Паровая типолиитографія А.А.Лапудева
Москва
Георгіевскій переулокъ, домъ 19
2014

Мистер Шерлок Холмс. Альманах. Выпуск 7. – Москва, Паровая типолитография А.А.Лапудева, 2014 – 374 с., илл.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т.п.

Не предназначено для продажи

Все материалы получены из открытых источников.

Все права сохраняются за авторами, переводчиками и художниками.

Тираж издания — 50 экземпляров.

Рисунок на обложке — Evan Shaner

Рисунок на 2-й странице — Richard Gutschmidt

Рисунок на 5-й странице — Alfred Gilbert

Рисунок на 28-й странице — Richard Gutschmidt

Рисунок на 127-й странице — Howard K. Elcock

Рисунок на 162-й странице — Frederic Dorr Steele

Раздел первый

Его прощальный поклон

(произведения Артура Конан Дойла)

КОГДА И КАКЪ БУДЕТЬ ЗАКЛЮЧЕНЪ МИРЪ!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО сэра Артура Конанъ-Дойля КЪ РУССКОМУ НАРОДУ.

1

Дорогие русские друзья и братья!

Нам прискорбно слышать, что некоторые среди вас, поддавшись дурному влиянию, дали убедить себя в том, будто мы в Великобритании не напрягаем всех сил к скорейшему и победоносному окончанию нынешней войны. Врагу истина известна лучше, но как раз именно враг и распространяет подобные слухи, в надежде охладить чувства горячего доверия и дружбы, которые должны соединять нас до конца. Позвольте мне, поэтому откровенно и просто объяснить вам, что мы сделали, что делаем и что намерены сделать.

Мы высоко ценим ваши великие подвиги, ваше терпение, мужество, хладнокровие и непобедимую доблесть ваших солдат. Но нам хочется, чтобы и вы поняли, что мы достойны быть вашими союзниками.

Великобритания — держава морская. Никогда раньше она не предполагала выступить сухопутною державою в великой войне, и за всю свою историю Великобритания ни разу не выставляла более 50.000 войска в сражениях на европейском континенте. Море — вот главный объект её ведения. Но как же, в таком случае, справилась она со своею специальною задачею? Вам известно, что в этой области она достигла безусловной и полной победы. Заморская торговля Германии погибла; вне Балтийского моря ни одно судно на всём полном пространстве зем-

¹ листовка «Когда и как будет заключён мир!», 1916, вып. 1, Пгр.: МИР и ВОЙНА, 2 стр.

ного шара не идёт под германским флагом; военные суда Германии заперты в Балтийском море или в Кильском канале, и только в балтийских водах, где мы не можем достать его, германский военный флот сохраняет некоторое стратегическое значение. Что касается других мировых морей, то можно сказать, что в этом отношении германский военный флот и чудовищные суммы, затраченные на его создание, как бы погребены на дне Атлантического океана.

В результате этой полной и почти бескровной победы мы не только остановили всю внешнюю торговлю Германии, являющуюся для неё источником богатства, но и можем до известной степени регулировать и ту торговлю, посредством которой она получает припасы. В нашей власти прекратить доставку чего бы то ни было Германии; однако, мы не в состоянии полностью осуществить нашу власть, ибо мы связаны законами международного права: мы — не германцы, которые могут смотреть на международный договор, как на «клочок бумаги». Вследствие этого, в Германию провозится много товаров. Однако, пищевые средства, резина, металлы, кожа и всё то, что нужно для ведения войны, может проникать в неё теперь лишь в небольших количествах, а потому её силы всё более и более убывают. Взгляните лишь в бешеные статьи её газет, — и вы поймёте тот ущерб, который мы ей причинили. Однако, подобные результаты не достигаются без затраты труда и расходов. Наши храбрые моряки принуждены бороться и преодолевать и бури и неприятельские подводные лодки, и вражеские мины. В настоящее время у Британии 4,000 больших и малых судов под военным флагом, на которых ходят моряки нашего флота. Таким образом, на море, которое является нашим специальным полем битвы, мы совершили всё, что зависит от человеческих сил. Даже в Мраморном и в Балтийском морях, являющихся неприятельскими водными бассейнами, мы сделали всё, что могли, чтобы помочь нашим союзникам нашими подводными лодками.

Господствуя на морях, мы отрезали Германию от её колоний и отбираем их у неё одну за другой. В первую очередь мы захватили Того, во вторую — острова Тихого океана, в третью, при помощи японцев, — Цзиндао, в четвёртую — германскую Юго-Западную Африку. Скоро наступит черёд для Камеруна и германской Восточной Африки. Тогда Германия лишится всех своих колоний. Правда, этим заморским завоеваниям можно противопоставить территории, захваченные и пока удерживаемые Германией в Бельгии и Польше.

Перейдём теперь к вопросу о деньгах, который столь же важен для современной войны, как и вопрос о людях. В отличие от германцев, мы не взвалили финансовой тяжести войны на плечи наших потомков, а поскольку это возможно, выносим её на собственных спинах. Это показывает вам, как серьёзно мы относимся к нашей задаче.

Наши налоги удвоились, утроились и настолько расширились по отношению к плательщикам, что и рабочие, и купец, и дворянин, — все несут свою лепту для достижения общей цели. Налоговое бремя стало теперь столь тяжёлым, что многие платят государству треть всех своих доходов, и мы предварены, что может случиться, что придётся платить ему и половину своих доходов. Этим путём мы ежегодно отдаём свыше 300 миллионов фунтов стерлингов нашего дохода. Мы вынуждены также делать чудовищные займы и предоставлять нашим союзникам самое широкое пользование как наличными деньгами, ссужаемыми им, так и нашим собственным кредитом. Мы с радостной готовностью несём это бремя и счастливы приносить пользу своим друзьям, но нам горестно слышать, что некоторые из них воображают, будто мы не делаем всего от нас зависящего для достижения этой цели. Чего достигла Германия своими бумажными займами, обеспеченными мнимыми гарантиями. Чего достигла она, что можно было бы сравнить с этим единодушным напряжением усилий Великобритании.

Теперь поговорим о стране. Я уже сказал, что Британия никогда не претендовала на роль военно-сухопутной державы. Она никогда не имела в виду отправить на континент в случае войны более 150 тысяч человек. Она, действительно, послала 100 тысяч человек, которые успели вовремя для участия в первой же битве, и значение помощи этих войск нашим храбрым французским друзьям, — помощи, которая дала им возможность отстоять Париж от вражеского нашествия, — это значение занесено в скрижали истории. Как велико развитое нами с тех пор напряжение усилий, — об этом свидетельствует тот факт, что мы уже потеряли убитыми и ранеными полмиллиона человек, то есть ровно в пять раз более состава нашей первоначальной армии. Несмотря на эти потери, мы в настоящее время держим на фронте в действительности 1.250.000 человек, и, по меньшей мере, ещё столько же хорошо обученных рекрутов мы имеем внутри страны. Во Фландрии у нас большая армия. У нас значительные силы в Салониках, в Египте, в Месопотамии, на границах британской Индии и, наконец, в Восточной Африке. Ни один театр военных действий не стоил нам так дорого, как галлипольский, где мы потеряли 100 тысяч человек. Однако, мы признаём, что эти силы были израсходованы не даром, если Россия поймёт, что мы там совершили, а также что наши старания там были направлены к облегчению натиска на неё и к открытию для неё пути. Если Россия не понимает этого, — тогда, действительно, наши потери напрасны. Всего у нас под ружьём 3 миллиона солдат, и мы надеемся поднять эту цифру до 4-х миллионов. Не забудем, что все эти солдаты-добровольцы, свободно покинувшие свои семьи и отказавшиеся от свободной своей воли. Неужели и теперь ещё вы можете верить, будто мы не серьёзно отдались делу войны?

Теперь остаётся вопрос о военном снаряжении. Когда дело придёт к концу, то обнаружится, что и в этой области, как и во всех других, Британия отдала все свои силы общему делу. Только с наступлением лета 1915 года мы выяснили себе, сколь вели-

кие усилия должны быть посвящены этой задаче. Тогда-то расширением своих промышленных мастерских Великобритания явила миру такое же чудо, как и расширением своей армии. Численность и размеры этих мастерских не удвоились и не утроились, — нет: они возросли в 50 и даже 100 раз. Вся Британия является в настоящее время великой фабрикой, где изготавливаются снаряды, патроны, пушки, аэропланы и мортиры, колючая железная проволока и все другие предметы, потребные для современной войны. В этой сфере Германия далеко опередила нас. Ныне же мы догнали её и даже перегнали. А, между тем, мы всё ещё из месяца в месяц скачками и прыжками увеличиваем наши вооружённые силы. Отныне ни мы, ни наши союзники никогда не должны страдать от недостатка в чём бы то ни было.

Всё это я написал вовсе не из хвастовства, ибо мы британцы, так же не любим хвастунов, как и вы, русские, но я изложил перед вами ряд фактов, которые дадут вам возможность судить о том, что мы сделали и что делаем, дабы вы не думали, будто, живя на нашем острове, мы избегаем всякого рода жертв на алтарь войны. Нет ничего возможного для человека, что бы мы не были готовы сделать.

Что же касается конца войны, то навсегда изгоните из своей души всякие сомнения по этому вопросу: **возможен только один конец войны. Мы никогда не согласимся ни на какой компромисс. Мы должны одержать победу, полную победу, как бы долго ни пришлось из-за неё драться.** Ни одно британское правительство никогда не согласится на меньшее, а если бы и нашлось такое правительство, оно будет немедленно свергнуто, и его место займут более крепкие духом люди. **Мы должны победить во что бы то ни стало.** Под победою мы не разумеем ни уничтожения Германии, ни даже раздробления её, как уверяют её газеты. Нельзя упразднить существование великой нации. Под победой мы разумеем вынуждение Германии к возможному искуплению ею совершённых злодейств и, с другой стороны, получение от её надёжной гарантии, что в будущем она не повто-

рит ничего подобного. **Такова наша цель**, и когда мы её достигнем (**а мы её непременно достигнем, благодаря нашим общим усилиям**), тогда, — я уверен, — сохранится один общий великий результат нынешней войны, — именно: **русские, французы и британцы будут навсегда хранить в памяти воспоминание о своём нынешнем купленном кровью братстве и никогда никому не позволят сеять между ними раздоры в будущем**. Вся кровь и слёзы, пролитые в этой войне, оправдают себя, если они, действительно, приведут к такому результату.

6 го января 1916 года.

Артур Конан-Дойль.

—•••••—

✠ — Пр о б ъ. — ✠

Разсказъ Конанъ Дойля, переводъ съ англійскаго А. Т.

Извѣстный желѣзнодорожный дѣятель Джемсъ Плюмнеръ разсказалъ мнѣ однажды нежеслѣдующую исторію, происшедшую съ нимъ во дни его молодости. Онъ предоставилъ мнѣ право какъ угодно распорядиться съ даннымъ мнѣ матеріаломъ, и я воспользовался этимъ разрѣшеніемъ, стараясь въ точности придерживатьсѣ разсказа самого героя.

I.

„Я былъ сердитъ, очень сердитъ и при томъ имѣлъ къ этому важныя причины да еще сразу нѣсколько. Прежде всего я былъ единственнымъ служащимъ на маленькой станціи Ч. М. ж. д. Кругомъ былъ лѣсъ и глушь — ни одного жилья по близости. До ближайшаго мѣстечка Росевуда въ Минесотѣ было около десяти верстъ. У меня былъ обыкновенно лишь одинъ компаніонъ — станціонный служитель, но и тотъ со вчерашняго дни ушелъ... къ праотцамъ. Послѣ непродолжительной болѣзни онъ тихо скончался, и я не могъ даже позвать доктора — я не могъ удалиться со станціи, такъ какъ замѣстить меня было нѣкому. Умеръ старикъ Томъ, человѣкъ хорошій, къ которому я успѣлъ привыкнуть въ теченіе нашего двухлѣтняго пребыванія въ этой трущобѣ и теперь я остался одинъ, какъ перстъ.

Я не чувствовалъ страха передъ его трупомъ, но все-таки былъ взволнованъ его смертью и размышленіями о тщетѣ нашихъ земныхъ стремленій, такъ что всю прошлую ночь я не могъ заснуть. Утромъ я сообщилъ о происшедшемъ куда слѣду-

² ж. «Северъ» (СПб.), 1900, № 7, стб. 213-216, 219-222; № 8, стб. 253-255.

еть и просилъ выслать мнѣ другого слугу, но наступилъ уже вечеръ, а отвѣта все не было. Мнѣ представлялась не особенно пріятная перспектива провести вторую ночь наединѣ съ трупомъ,

Нанять кого-нибудь въ мѣстечкѣ для того, чтобы провести со мною ночь, я ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ, такъ какъ это могли бы объяснить боязнью передъ трупомъ. Я впрочемъ, утѣшалъ себя надеждой, что можетъ быть явится просимый мною слуга съ послѣднимъ вечернимъ поѣздомъ.

Вотъ первая причина моего раздраженія. Вторая была не меньше первой. Уже два дня свирѣпствовала сильная буря, что подъ осень случается въ Минесотѣ очень часто. Вѣтеръ свистѣлъ, ревѣлъ и встряхивалъ весь станціонный домикъ, игралъ на телеграфной проволокѣ какъ на арфѣ; холодный, яростный дождь бѣшено барабанилъ въ окна, сквозь его густыя струи нельзя было разобрать даже полотна желѣзной дороги. Къ вечеру буря еще усилилась. Не удивительно, что вслѣдствіе этого всѣ поѣзда ѣхали съ опозданіемъ, къ тому же наша дорога была наихудшей въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ что при подобной погодѣ надо было ѣхать какъ можно осторожнѣе. Выходить для встрѣчи поѣзда было крайне неприятно, и хотя я надѣвалъ непромокаемый плащъ, но не смотря на это возвращался въ комнату промокшимъ до костей.

Самая же важная причина моего раздраженія явилась лишь къ вечеру. Я получилъ телеграмму, извѣщавшую меня, что съ семи часовымъ поѣздомъ мнѣ вручатъ двадцать двѣ тысячи долларовъ, пересылаемые извѣстной чикагской фирмой одному купцу въ Росевудѣ. Мнѣ удалось передать ему это извѣстіе и вмѣстѣ съ тѣмъ мое желаніе, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ за деньгами, такъ какъ я не хотѣлъ оставлять у себя такую значительную сумму на ночь. Купецъ дѣйствительно пріѣхалъ, но деньги не пришли. Купецъ, раздраженный напраснымъ ожиданіемъ на семичасовой опоздавшій поѣздъ, и слышать не хотѣлъ объ ожиданіи слѣдующаго поѣзда, приходящаго въ половинѣ одиннадца-

таго. Полъ-часа спустя послѣ его отъѣзда я получилъ новую депешу, сообщавшую мнѣ, что деньги действительно придуть съ этимъ поѣздомъ, но было уже поздно. Такимъ образомъ, такая значительная сумма денегъ осталась на моей отвѣтственности.

Сказать правду, я какъ-то невольно боялся этой ночи. Меня мучило какое-то недоброе предчувствіе. Не смотря на всѣ мои старанія размышлять спокойно, безпокойство мое все возростало. Я хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, принять мѣры предосторожности и вынулъ револьверъ, чтобы привести его въ порядокъ, — новая неудача! У меня не оказалось ни одного патрона. Въ теченіе двухъ лѣтъ со мной не случилось решительно ничего особеннаго, такъ что я пересталъ быть предусмотрительнымъ. Но почему же именно сегодня должно случиться что-нибудь? спрашивалъ я себя. Вѣдь это бессмыслица! Несомнѣнно, что такія мысли возбуждаетъ во мнѣ одиночество, близость трупа и столь значительная сумма денегъ, данная мнѣ на храненіе.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я поѣзда, все еще надѣясь, что деньги не придуть и на этотъ разъ. Наконецъ вдали показались фонари локомотива, и я вышелъ на платформу съ тревожно бьющимся сердцемъ. Сильный вихрь чуть не сшибъ меня съ ногъ, дождь ослѣплялъ меня ударами въ лицо.

II.

Изъ поѣзда вышелъ только одинъ пассажиръ, высокій мужчина, завернутый въ широкій плащъ. Я направилъ на него свѣтъ фонаря, но лицо его оказалось мнѣ незнакомымъ. Видя во мнѣ начальника станціи, онъ поклонился и спросил, не ждетъ ли его здѣсь повозка г-на Смита.

Объ этомъ я ничего не зналъ.

— Къ тому же какого г-на Смита? Ихъ здѣсь много. Вѣдь вы же знаете, что въ Америкѣ изъ десяти одинъ называется Смитомъ.

— Франкъ Смитъ! — отвѣтилъ незнакомецъ. — Онъ, по-видимому, купецъ. Я его не знаю и въ первый разъ услыхалъ о

немъ нѣсколько дней тому назадъ. Я послалъ ему вчера телеграмму, чтобы онъ ждалъ меня съ этимъ поѣздомъ.

— Можетъ быть вы ошибаетесь относительно станціи? — спросилъ я, не будучи въ состояніи припомнить подобнаго Смита, не смотря на то, что хорошо зналъ почти всѣхъ жителей этой мѣстности. — Вы находитесь въ Росевудѣ.

— О, нѣтъ! Я не ошибся. Однако это пренепріятная исторія, — бормоталъ незнакомецъ. — У меня здѣсь есть весьма неудобный пассажиръ — трупъ сестры г-на Смита, умершей въ Чикаго. Въ завѣщаніи она высказала желаніе быть похороненной здѣсь, на своей родинѣ.

Я не слыхалъ ничего подобнаго, но вещь была вполнѣ возможная.

Между тѣмъ подошелъ кондукторъ и подаль мнѣ свертокъ съ вышеупомянутыми деньгами. Я провелъ его въ свою контору, далъ ему расписку въ приѣмъ денегъ и сейчасъ же спряталъ ихъ въ кассу, ключи отъ которой положилъ въ карманъ. Едва я это сдѣлалъ, какъ въ контору вошелъ незнакомецъ, присутствовавшій при передачѣ мнѣ свертка. Онъ должно быть не зналъ, что находится въ сверткѣ, такъ какъ кондукторъ не сказалъ при немъ ни слова.

— Что мнѣ дѣлать? — сказать незнакомецъ. — Разъ здѣсь нѣтъ повозки, то придется оставить на станціи трупъ до утра.

Я сообразилъ это тогда же, когда онъ впервые упомянулъ о трупѣ. Мнѣ было это крайне непріятно, но я не могъ этому воспрепятствовать! Страхъ вновь сталъ овладѣвать мною, не смотря на все мое сопротивление.

Между тѣмъ поѣздная прислуга внесла большой ящикъ и положила его по моему приказанію въ маленькую кладовую, находившуюся сейчасъ же возлѣ конторы. Незнакомецъ внимательно слѣдилъ за ящикомъ.

Кондукторъ простился со мной и поѣздъ уѣхалъ. Я остался наединѣ съ незнакомцемъ и двумя трупами. Ожидаемый мной слуга не пріѣхалъ и я былъ предоставленъ самому себѣ. Я бессо-

знательно облокотится на тяжелый стуль, который долженъ былъ служить мнѣ въ качествѣ щита и оружія въ томъ случаѣ, если бы незнакомецъ, котораго я начиналъ бояться, вздумалъ на меня напасть.

Я ни на минуту не спускалъ съ него глазъ. Это былъ человѣкъ высокаго роста, хорошо сложенный, съ черной бородой, довольно прилично одѣтый.

— Вотъ непріятность! Вотъ непріятность! — повторялъ онъ, прохаживаясь по моей маленькой конторѣ. — Значить, вы ничего не знаете о повозкѣ?

— Ничего! — отвѣтилъ я, но не могъ при этомъ скрыть въ голосѣ чувство раздраженія и опасенія, внушаемое мнѣ этимъ человѣкомъ.

— Какъ далеко отсюда до мѣстечка? Я слыхалъ, что 10 версть?

— О, нѣтъ, едва пять! — сказалъ я, хотя прекрасно зналъ, что туда около десяти. Но мнѣ хотѣлось избавиться отъ этого человека какъ можно скорѣй и удобнѣй.

— А скажите, пожалуйста, какая теперъ дорога?

— Очень хорошая. Сначала вы пойдете подлѣ полотна желѣзной дороги, а затѣмъ повернете налѣво и сейчасъ же будете въ мѣстечкѣ. Гостиница будетъ еще открыта, хотя вамъ надо будетъ поторопиться. Сбиться съ дороги совершенно невозможно — она ведетъ прямо въ мѣстечко.

— Я вамъ скажу, г-нъ начальникъ, что лучше всего чувствовалъ бы себя, если бы вы позволили мнѣ переночевать здѣсь на станціи. Я удовольствовался бы самымъ маленькимъ уголкомъ, въ крайнемъ случаѣ я готовъ спать на полу, лишь бы не тащиться въ такую непогоду по незнакомой дорогѣ. Нельзя-ли было бы какъ-нибудь это устроить? Я бы васъ хорошо поблагодарилъ!

— Извините, но я принужденъ рѣшительно отказать въ вашей просьбѣ. Я здѣсь живу съ двумя рабочими, самъ занимаю маленькую комнату съ одной кроватью, мои слуги спятъ вмѣстѣ

въ другой довольно неудобной комнатѣ. Больше у меня нѣтъ никакого помѣщенія. А здѣсь я васъ не могу оставить, и въ концѣ концовъ вокзалъ не гостиница, намъ строго воспрещается оставлять здѣсь кого бы то ни было на ночлегъ! Вы поймите...

— Конечно, конечно! Я знаю; но я думалъ, что можетъ быть все-таки. Я, конечно, не хотѣлъ бы этого даромъ, но если нельзя, то ничего не подѣлаешь, придется отправиться въ эту проклятую дорогу. Чортъ бы побралъ этого Смита! Почему онъ не явился? Вѣдь долженъ же онъ былъ получить мою телеграмму. Но скажите, господинъ начальникъ, здѣсь вполнѣ безопасно? Я безъ всякаго оружія...

— О, объ этомъ можете не беспокоиться: здѣсь совершенно безопасно! — увѣрялъ я, желая какъ можно скорѣй отъ него отдѣлаться.

— Если у васъ случайно есть какое-нибудь оружіе, то не можете ли вы мнѣ его одолжить? — просилъ незнакомецъ.

— У меня есть револьверъ, но я не могу его отдать, мнѣ онъ тоже можетъ пригодиться. — При этихъ словахъ я вынулъ изъ стола револьверъ и старался держать его такъ, чтобы незнакомецъ не замѣтилъ отсутствія въ немъ патроновъ.

— Конечно, конечно. Я понимаю! Вы меня не знаете... Ну дастъ Богъ, со мной ничего не случится! Я, знаете ли, былъ солдатомъ и дрался съ индѣйцами, но никогда не чувствовалъ передъ ночнымъ объѣздомъ такого страха, какъ теперь передъ этой короткой дорогой. Если бы хоть не было дождя и бури! Такъ вы не знакомы съ этимъ Смитомъ? Вотъ была бы штука, если бы мнѣ не удалось его найти! Объ этомъ я даже не подумалъ. Мнѣ дали адресъ и сказали — поѣзжай. Конечно, за хорошія деньги человѣкъ работаетъ съ удовольствіемъ... Сегодня я надѣюсь хорошо выспаться, — всю прошлую ночь я не спалъ. Вы понимаете, какое можетъ быть спанье въ вагонѣ! Какая это, однако, неприятность! Извините, что я васъ такъ долго беспокоилъ...

— Я тоже усталъ и сейчасъ лягу спать. Только вотъ позапираю все и разбужу ночного сторожа. Я далъ ему немного от-

дохнуть. Они у меня дежурить по очереди через одну ночь. Это знаете, очень утомляетъ. Благодаря сегодняшнему опозданію поѣзда, онъ могъ спать дольше обыкновеннаго на цѣлыхъ полтора часа!

— Развѣ необходимо кому-нибудь постоянно дежурить на такой маленькой станціи? — спросилъ незнакомецъ, остановившись въ дверяхъ. — Я думалъ, что до утренняго поѣзда... когда онъ идетъ?

— Осторожность никогда не бываетъ лишней, — сказала я, нарочно зѣвая. — Да къ тому же поѣзда идутъ всю ночь, только не всегда здѣсь останавливаются. Но на всякій случай кто-нибудь долженъ бодрствовать.

— Однако я бы не думалъ, что по этой веткѣ ѣздитъ столько поѣздовъ!

— Это товарные, идущіе безъ распisanія, — отвѣтилъ я. Хотя это была не правда, но мнѣ казалось, что я поступаю разумно и осмотрительно.

— Вотъ оно что! — замѣтилъ незнакомецъ.

Я во все время этого разговора не двигался отъ своего стула и поигрывалъ какъ бы случайно револьверомъ. Я съ удовольствіемъ показалъ бы ему дверь, но боялся. Сознаніе одиночества меня обезсиливало. Если этотъ человѣкъ замышляетъ противъ меня что-нибудь скверное, то лучше всего вести себя такъ, чтобы онъ не заподозрилъ моего одиночества и беззащитности. Поэтому то я говорилъ о двухъ рабочихъ и показывалъ ему револьверъ. Повредить это не могло мнѣ ни въ какомъ случаѣ.

Незнакомецъ стоялъ у дверей, не двигаясь и осматривая контору. Мнѣ показалось, что взглядъ его особенно часто останавливался на кассѣ.

— Уже больше одиннадцати часовъ! — сказалъ я съ выраженіемъ, изъ котораго можно было легко понять действительный смыслъ этой фразы.

— Ну, прощайте! — сказалъ онъ и вышелъ. Я сейчасъ же закрылъ дверь на ключъ.

III.

Единственное живое существо удалилось, но я чувствовалъ себя гораздо лучше въ обществѣ двухъ мертвецовъ, чѣмъ въ присутствіи этого живого человѣка. Я сразу почувствовалъ такое облегченіе, какъ будто тяжелый камень свалился съ моихъ плечъ. Опустившись на стулъ, на который я возлагалъ всѣ мои надежды въ случаѣ нападенія, я сталъ приводить въ порядокъ спутанныя мысли.

Незнакомецъ исчезъ, вмѣстѣ съ нимъ исчезъ и мой страхъ. Были ли у меня причины не довѣрять ему? Почему, спрашивалъ я себя? Потому, что онъ видѣлъ эти деньги? Развѣ онъ могъ знать, что это деньги и притомъ такая значительная сумма?

Я сталъ понемногу успокаиваться. То, что я былъ одинокъ и беззащитенъ это, повидимому, возбуждало во мнѣ страхъ и волненіе. При другихъ обстоятельствахъ я не обратилъ бы на всю эту исторію никакого вниманія. Незнакомецъ, котораго я подозрѣвалъ въ такихъ скверныхъ намѣреніяхъ, очевидно, былъ обыкновеннымъ служащимъ въ какомъ-нибудь похоронномъ заведеніи или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. И за нимъ, бѣдняжкой, въ подобную погоду не послали повозку. Я могъ не знать какогонибудь Смита изъ множества населявшихъ эту мѣстность и это могъ быть именно искомый. Телеграмма, о которой говорилъ незнакомецъ, не прошла черезъ мои руки, но развѣ каждая телеграмма доходитъ по назначенію? Точно также вполне понятно его нежеланіе тащиться въ мѣстечко при такой погодѣ и по незнакомой дорогѣ. Мнѣ стало его жаль, но все-таки я извинилъ себя, такъ какъ отвѣтственность, лежавшая на мнѣ изъ-за денегъ, заставляла меня быть осторожнымъ.

Я сталъ смотрѣть на все это, какъ на стеченіе неприятныхъ случайностей, которыя вполне извиняли мои опасенія. Смерть моего сотоварища, мое одиночество, присылка такой значитель-

ной суммы денегъ, прїѣздъ неизвѣстнаго человѣка съ гробомъ, отсутствіе оружія — все это было непріятно, но ничего еще не доказывало. Незнакомецъ ушелъ, значить все хорошо.

Я перешелъ въ сосѣдную комнату, но въ силу какого-то предчувствія оставилъ двери, ведущія въ контору, открытыми. Я такимъ образомъ былъ ближе къ трупу, такъ какъ кладовая была отдѣлена отъ конторы лишь деревянной перегородкой безъ дверей. Если человѣкъ чего-нибудь боится, я долженъ сознаться, что чувствовалъ себя не особенно хорошо при мысли объ этомъ большомъ ящикѣ, скрывающемъ въ себѣ гробъ съ трупомъ, то лучше быть ближе къ этому предмету, привыкнуть къ нему. Кромѣ того, въ конторѣ были деньги, — это была вторая причина, заставившая меня оставить двери открытыми — я такимъ образомъ могъ ихъ лучше стеречь.

Я зажегъ у себя ночную лампочку, потушивъ рабочую и висячую въ конторѣ, бросилъ порядочный пень въ каминъ и, снявъ запачканные грязью сапоги, легъ на кровать. Мнѣ не хотѣлось спать, я все еще былъ сильно взволнованъ, и фантазія моя продолжала усиленно работать. Я закурилъ трубку и сталъ еще разъ перебирать въ памяти весь разговоръ съ знакомцемъ. Вновь возникало во мнѣ сознаніе, что при первомъ же взглядѣ онъ показался мнѣ подозрительнымъ. Я хотѣлъ знать — почему. Я искалъ доказательствъ для того, чтобы ихъ не найти, чтобы убѣдиться какъ разъ въ обратномъ и тѣмъ себя успокоить.

Все, что онъ говорилъ, было вполне правдоподобно. Нелзя было не довѣрять мелочамъ, вродѣ того, что повозка не прїѣхала, что онъ хотѣлъ у меня переночевать и хотѣлъ одолжить у меня оружіе, что я не зналъ этого Смита, что мнѣ казалась какъ будто бы онъ все время посматривалъ на кассу. Все это можно было прекрасно объяснить и я съ удовольствіемъ убѣждалъ себя въ томъ, что въ поведеніи знакомя не было ничего предосудительнаго. Но все-таки снова и снова охватывало меня какое-то темное предчувствіе, отъ котораго я никакъ не могъ освободиться.

Что бы я теперь далъ за то, чтобы мой Томъ былъ живъ! Почему мнѣ не прислали прислугу? Это удивительная безпечность!

Но стоитъ ли всему этому придавать такое значеніе?! Неизвѣстный человѣкъ привезъ гробъ какой-то бабы, оставилъ его здѣсь и пошелъ выпасться. Что ему не хотѣлось идти въ дождь и бурю 10 верстъ, это вполне понятно, онъ бы удовольствовался и сквернымъ ночлегомъ. И какъ онъ могъ узнать о деньгахъ? Предположимъ даже что онъ догадался, какое содержимое заключалъ въ себѣ свертокъ, такъ развѣ онъ рѣшится такъ быстро на грабежъ? И кто бы могъ догадаться, что я тутъ одинъ, совершенно одинъ и имѣю при себѣ такую значительную сумму денегъ? Какъ могъ узнать кто-нибудь посторонній о смерти Тома и могъ ли онъ предполагать, что у меня нѣтъ никакого оружія? Если бы онъ зналъ всѣ эти обстоятельства, то онъ могъ сейчасъ же по отходѣ поѣзда влѣпить мнѣ пулю въ голову и я бы не успѣлъ даже вынуть револьвера. Однимъ словомъ, всѣ мои подозрѣнія не основательны, рѣшилъ я наконецъ.

Часы пробили двѣнадцать, но я и не думалъ о снѣ, хотя мнѣ и удалось себя въ концѣ концовъ успокоить. Я уже не опасался незнакомца, который навѣрно тонулъ въ грязи около мѣстечка. Возбужденная фантазія продолжала, однако, работать дальше, избравъ теперь своимъ объектомъ провезенный трупъ.

Въ головѣ моей роились странные вопросы: молода она или стара? Отъ какой умерла болѣзни? Какъ она выглядела и какъ теперь выглядить и вдругъ...

Что такое? Какая мысль?!

Этотъ человѣкъ вѣдь говорилъ, что она желала быть похороненной на своей родинѣ! Родина! Росевудъ существовалъ не болѣе десяти лѣтъ и выросъ въ дикой пустынѣ, между тѣмъ какъ женщина, лежащая въ гробу, должна быть взрослой! Тутъ какая-то ошибка.

Невольно во мнѣ снова зарождались подозрѣнія, и я снова началъ обсуждать все сначала. Мнѣ казалось, что я убѣдился во лжи незнакомца. Но зачѣмъ ему было лгать?

Цѣлый рядъ вопросовъ, отвѣтовъ, объясненій, опасеній и доказательствъ зашевелился въ моей головѣ.

Этотъ человѣкъ знаетъ о деньгахъ, нарочно привезъ гробъ, и все было имъ выдуманно лишь бы оставить гробъ на ночь въ кладовой поближе къ кассѣ; этимъ онъ, повидимому, надѣялся меня запугать и такимъ образомъ съ большимъ успѣхомъ ограбить. Кто знаетъ, что находится въ гробу, — можетъ быть онъ пустой?! Подобные случаи уже бывали.

Удобнѣе всего для него было, конечно, остаться здѣсь, но и такъ онъ навѣрно попробуетъ сюда забраться. Этотъ человѣкъ сразу же показался мнѣ подозрительнымъ. Насчетъ телеграммы это онъ тоже выдумалъ! Потомъ онъ спрашивалъ о моей прислугѣ, сторожахъ, оружіи, ночныхъ поѣздахъ, однимъ словомъ — обо всемъ, что могло бы помѣшать его ночной работѣ.

Чѣмъ больше я разсуждалъ, тѣмъ очевиднѣе становилось для меня, что этотъ незнакомецъ явился съ намѣреніемъ меня ограбить.

IV.

Я рѣшилъ что-нибудь предпринять. Незнакомецъ навѣрно за мною слѣдитъ и бродитъ около дома.

Я тихо поднялся съ кровати и сталъ пробираться въ кладовую, гдѣ лежалъ желѣзный ломъ, которымъ я думалъ вооружиться. Шаговъ моихъ не было слышно, такъ какъ я былъ въ чулкахъ. Конечно, ломъ былъ слабымъ оружіемъ сравнительно съ револьверомъ, которымъ навѣрно былъ вооруженъ воръ, но лучше что-нибудь, чѣмъ совсѣмъ ничего.

Какъ разъ пробилъ первый часъ. Ночная лампочка бросала тусклый свѣтъ по конторѣ, такъ что я прошелъ въ кладовую, ни за что не зацѣпивъ но дорогѣ.

Нечаянно взглядъ мой упалъ на ящикъ и...

Кровь застыла у меня въ жилахъ.

Крышка ящика медленно и тихо поднималась, какъ будто въ ней совсѣмъ и не было громаднхъ гвоздей, головки которыхъ торчали по ея краямъ!

Я окаменѣлъ отъ испугу при видѣ этого явленія, но, слава Богу, сейчасъ же опомнился и въ слѣдующій же моментъ вскочилъ на ящикъ и придавилъ крышку всей тяжестью моего тѣла. Крышка опустилась и изнутри раздался ревъ боли.

— Проклятіе, мои пальцы! закричалъ мошенникъ, лежавшій въ ящикѣ, съ нечеловѣческой силой, приданной ему болью, опираясь о крышку ящика. Ему дѣйствительно удалось освободить свои пальцы.

Теперь я сообразилъ, что мошенниковъ два и другой сейчасъ долженъ придти.

Что тутъ дѣлать? Я лежалъ на ящикѣ, крышку котораго старался приподнять злоумышленникъ.

— Попался въ ловушку, мошенникъ! — сказалъ я такъ, чтобы только онъ услышалъ меня.

— Проклятіе! — проворчалъ тотъ сквозь зубы.

Я со страхомъ ждалъ каждый моментъ, что вотъ, вотъ у дверей раздастся условленный между мошенниками сигналъ. Я теперь понималъ все: негодяй, лежавшій подо мной, долженъ былъ тихо открыть ящикъ, убить меня и впустить своего товарища. Затѣмъ они бы разбили кассу и убѣжали. Прозѣвай я только нѣсколько мгновеній, и я былъ бы навѣрно убитъ этимъ мошенникомъ, несомнѣнно хорошо вооруженнымъ.

Пока перевѣсъ былъ на моей сторонѣ, но съ приходомъ другого злоумышленника дѣло могло совершенно измѣниться. Онъ дастъ условленный сигналъ, услышавъ который, мошенникъ въ ящикѣ начнетъ кричать и звать на помощь. Можетъ быть второй бросится бѣжать, а вдругъ нѣтъ? Что если онъ захочетъ помочь товарищу? Что я буду тогда дѣлать? Ящика я не могъ оставить, а между тѣмъ второпяхъ злоумышленникъ легко могъ выломать дверь и застрѣлить меня на ящикѣ.

Притомъ мнѣ не откуда было ждать помощи. Положеніе было ужасное и мозгъ мой работалъ съ неимовѣрной быстротой. Зато время тянулось безконечно медленно. Каждый моментъ я ждалъ сигнала извнѣ. Злоумышленникъ, находившійся въ ящикѣ, что-то бормоталъ, но что именно — я не могъ разобрать. Онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы поднять крышку, но старанія его были напрасны: я вцѣпился въ ящикъ съ такой силой, что казалось, мои пальцы вошли въ дерево. Попытки злоумышленника освободиться становились все слабѣе: онъ, повидимому, уставалъ. Промежутки между этими попытками становились все продолжительнѣе. Вдругъ у меня блеснула прекрасная мысль. Когда мошенникъ отдыхалъ, я вдругъ схватился за ящикъ и, напрягая всѣ свои силы, перевернулъ его вверхъ дномъ. Мошенникъ заоралъ отъ неожиданности. Теперь я почувствовалъ себя въ безопасности. Недалеко отъ меня лежалъ довольно тяжелый сундукъ, я притянулъ его къ себѣ и втащилъ на ящикъ. Злоумышленникъ снова попробовалъ освободиться, но ящикъ даже не шевельнулся. Затѣмъ я опять воспользовался временемъ, въ теченіе котораго онъ отдыхалъ, чтобы взгромоздить на ящикъ еще нѣсколько меньшихъ сундуковъ, находившихся въ кладовой.

Я вздохнулъ съ облегченіемъ — даже при наибольшихъ усиліяхъ мошенникъ не могъ уже освободиться.

Первымъ дѣломъ я бросился къ телеграфу и сообщилъ сосѣдней станціи о томъ, что нахожусь въ большой опасности:

«Дѣло идетъ о моей жизни и двадцати двухъ тысячахъ долларовъ! Каждое мгновеніе дорого! На меня напали злоумышленники, только быстрая помощь можетъ меня спасти!» — телеграфировалъ я съ чистой совѣстью.

Кончивъ это дѣло, я возвратился въ кладовую и отыскалъ ломъ и веревку. Подсунувъ при помощи лома веревку подъ ящикъ, я обвязалъ его какъ слѣдуетъ на обоихъ концахъ. Теперь я могъ быть совершенно спокоенъ относительно одного злоумышленника.

Едва я успѣлъ затянуть послѣдній узелъ, какъ послышался осторожный стукъ въ дверь, ведущую изъ конторы на платформу. Я тихонько прокрался съ ломомъ къ дверямъ и сталъ ждать.

— Джонъ! — позвалъ злоумышленникъ, находившійся за дверьми.

Я ничего не отвѣтилъ, но тутъ же услыхалъ стукъ телеграфнаго аппарата, который я прекрасно понялъ. Меня извѣщали, что на помощь мнѣ высланъ локомотивъ съ людьми. Я былъ въ восторгѣ. Ужасъ одиночества исчезъ и мнѣ оставалось лишь заботиться о томъ, чтобы не быть убитымъ стоявшимъ за дверьми злоумышленникомъ.

— Джонъ! — снова позвалъ тотъ уже громче и при этомъ сильнѣй постуцалъ въ дверь. Въ этомъ голосѣ я узналъ вчерашняго незнакомца.

— Помоги, помоги! — закричалъ мошенникъ изъ ящика услыхавъ окликъ перваго.

— Но какъ? Кто тебя тамъ заперъ? — спросилъ голосъ снаружи.

— Эта собака, съ которой ты здѣсь разговаривалъ. Когда я поднималъ крышку, онъ вскочилъ на нее и раздавилъ мнѣ пальцы! Потомъ онъ перевернулъ ящикъ и положилъ на него сундуки!

— Проклятiе! Гдѣ же онъ теперь?

— Не знаю! Должно быть удралъ!

— Я никого не видалъ и не слыхалъ и думаю, что онъ на станціи одинъ. Онъ навѣрно убѣжалъ за помощью!

— Я тоже, кромѣ него, не слыхалъ здѣсь никого другого! Разломай двери и помоги мнѣ или я задохнусь!

Сердце мое громко билось при этомъ разговорѣ. Итакъ, я былъ на волосокъ отъ смерти! Но теперь съ каждой секундой надежда на скорую помощь во мнѣ возрастала.

Вдругъ я услыхалъ какое-то царапанье въ дверь. Злоумышленникъ снаружи долбилъ или сверлилъ ее немного повыше

замка. Скоро показался кончикъ бурава, потомъ онъ исчезъ и вмѣсто него высуналась тонкая пилка, быстро пилившая горизонтальную черту надъ замкомъ. Затѣмъ пила снова исчезла и буравчикъ появился снизу замка. Я понялъ намѣреніе злоумышленника: онъ хотѣлъ вырѣзать весь замокъ.

Что теперь дѣлать? Если не придетъ во время помощь, то я долженъ буду вступить съ нимъ въ борьбу. Работа его быстро подвигалась впередъ, онъ, повидимому былъ хорошо знакомъ съ нею.

— Ну что? Откроешь? — спрашивалъ запертый въ ящикѣ.

— Сейчасъ кончу! Надо быть осторожнѣе. Эта собака имѣетъ револьверъ. Если бы дѣло не касалось тебя и такой значительной суммы, то я бы бросилъ все и удралъ.

— Но вѣдь ты меня не оставишь? Повѣрь, что его здѣсь нѣтъ. Онъ убѣжалъ. Только бы мнѣ выбраться изъ этого проклятаго ящика, тогда мы будемъ въ одинъ моментъ готовы.

Между тѣмъ и второй разрѣзъ былъ конченъ, затѣмъ ударъ и замокъ съ грохотомъ упалъ на полъ. Я этого ожидалъ и былъ къ этому приготовленъ. Оставалось открыть еще засовъ, находившійся гораздо ниже замка. Пробормотавъ что-то, злоумышленникъ просунулъ правую руку сквозь образовавшееся отверстіе съ намѣреніемъ отодвинуть засовъ.

Но я въ тотъ же моментъ схватилъ его за руку и втащилъ ее еще больше. Отъ боли и неожиданности онъ заоралъ во все горло.

Завязалась дикая, ожесточенная борьба.

Прошло нѣсколько минутъ, длинныхъ какъ вѣчность, въ ожиданіи помощи и очень короткихъ въ борьбѣ за жизнь.

Вдругъ я услышалъ шумъ локомотива. Злоумышленникъ сдѣлалъ новую отчаянную попытку вырвать изъ моихъ рукъ свою, но я тоже напрягъ послѣднія силы.

VI.

Локомотивъ остановился и послышались голоса.

— Сюда! Держите его, вяжите! — закричалъ я.

Его схватили и связали. Тогда только я открылъ дверь и увидѣлъ предъ собой шесть нашихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Они были очень рады, что поспѣли во время.

— Это еще не все! — сказалъ я съ гордостью и подвелъ ихъ къ ящику съ мнимымъ трупомъ. Мы сняли сундуки и перевернули ящикъ вверхъ крышкой. Злоумышленникъ самъ поднялъ ее, но былъ связанъ прежде, чѣмъ успѣлъ воспользоваться находившимися у него револьверомъ и кинжаломъ.

Онъ лежалъ въ мягко выстланномъ гробу, что бы не возбудить подозрѣнія, если бы случайно кому-нибудь вздумалось открыть ящикъ; но, именно благодаря этому, злоумышленнику было труднѣе подняться.

Гробъ и ящикъ закрывались изнутри засовами и привинчивались гайками, видимыя же снаружи головки гвоздей были сдѣланы для отвода глазъ.

Пойманные злоумышленники оказались извѣстными чикагскими мошенниками, которыхъ давно уже искала полиція. Я получилъ большую сумму денегъ, назначенную за ихъ задержаніе. Затѣмъ меня отблагодарилъ купецъ, которому были присланы деньги, и наконецъ я сталъ героемъ дня.

Бѣдный Томъ спасъ меня своей смертью.

Будь онъ живъ, я спокойно заснулъ бы и мошенникамъ удалось бы выполнить свой дьявольскій планъ.

Вскорѣ меня перевели на большую станцію, и такимъ образомъ эта ужасная ночь оказалась для меня очень выгодной, но ни за какія блага въ мірѣ я не желалъ бы пережить ее снова.

Раздел второй

Знаменитый клиент

(рассказы об Артуре Конан Дойле)

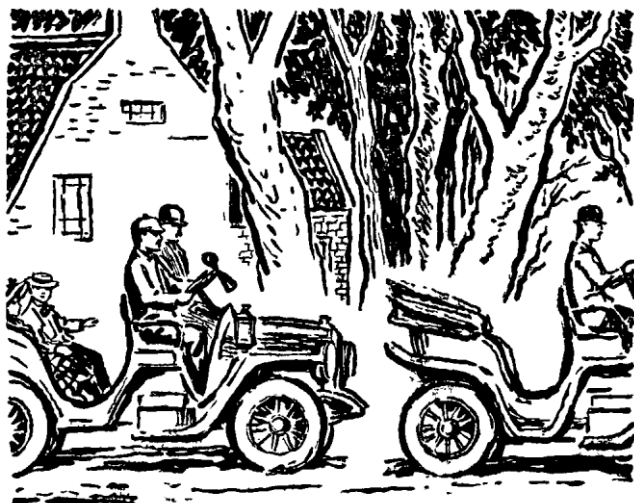
Дело об убийстве Шерлока Холмса

Роман Ким

РАССКАЗ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ВЕЛИКОГО СЫЩИКА ³

1

На четвёртом круге гостя рухнула вместе с мотоциклом у живой изгороди возле ворот — слишком круто повернула. К ней подбежали дети. Гостя приподняла длинную юбку и, показав зелёные чулки, стала потирать колено. Но, очевидно, ушиблась не так сильно — она смеялась и трясла головой с высоко взбитыми золотистыми волосами. Сквозь плотно закрытые окна не было слышно ни хохота гостыи, ни криков детей.

Она снова села на мотоцикл и промчалась мимо дома в сторону теннисного корта.

Секретарь Альфред Вуд подъехал в автомобиле к веранде, взял из рук старшей горничной потрёпанный саквояж и швырнул его на заднее сиденье. Судя по этому жесту, цвету его физиономии с квадратным подбородком и оттопыренному правому карману макинтоша, можно было заключить, что его совсем не устраивает поездка в Олдершот, что он с утра принял порцию бренди и

³ Журнал «Наш современник», 1966, № 4.

решил подкрепляться в дороге. Отсюда следовало, что детей с ним посылать не стоит.

На веранде появилась маленькая энергичная фигурка миссис Дойль. При виде её Вуд вскочил и вытянулся, как перед генералом. Миссис Дойль сказала ему что-то, тряхнув головой, украшенной, как всегда, ослепительно белым чепчиком.

Стоя у окна, сэр Артур приминал пальцем табак в трубке. Его пышные моржовые усы сердито топорщились.

Вчера вечером в усадьбу нагрянули гости; на этот раз миссис Дойль приехала без всякого предупреждения, да ещё в сопровождении пухленькой американки.

Войдя без стука в кабинет сэра Артура и, быстро оглядев комнату, она сказала:

— Я видела во сне Луизу и решила навестить её. Весной лёгочным больным всегда становится хуже.

— А кто с тобой приехал? — спросил сэр Артур. — Врач?

— Нет, её зовут Орора Килларни. — Миссис Дойль ещё раз обвела взглядом кабинет. — Она специально приехала в Эдинбург, чтобы познакомиться со мной и засвидетельствовать своё почтение... А почему у тебя теперь два письменных стола?

— Второй для Вуда. Когда я диктую ему что-нибудь, он садится туда.

— А где он вообще работает?

— У себя в комнате.

— А у него тоже такие шкафы?

— Нет, все шкафы с бумагами здесь.

— Так вот... когда ты был в Америке, Орора слушала твои лекции в Детройте и Нью-Йорке...

— Постой, мама. Сколько ей сейчас?

— Она сказала, двадцать пять. А что?

Сэр Артур улыбнулся.

— Я ездил в Америку в девяносто четвёртом, то есть двенадцать лет назад. Ей тогда было всего тринадцать, а таких дев-

чонок на мои лекции не пускали. Или она врёт, что слушала меня, или врёт насчёт своего возраста.

— Не перебивай меня. Она говорит, что любит читать твои книги, и я ей верю, потому что она знает наперечёт все твои сочинения. Кроме исторических. Когда я ей сказала, что видела во сне, будто Луиза поднимается на крышу церкви, — миссис Дойль показала на колокольню, торчавшую вдали над соснами, — Орора сказала, что, очевидно, больной грозит большая опасность и надо сейчас же ехать к ней.

— Она толковательница снов?

Миссис Дойль строго посмотрела на него.

— Она учительница школы в пригороде Филадельфии, преподаёт алгебру. И страстная поклонница твоего таланта. У неё собраны все твои книги, вышедшие в Америке и у нас, и даже все номера «Стренд-мэгэзина» с твоими произведениями, кроме исторических. И когда я сказала, что поеду к тебе, она чуть не на коленях стала умолять меня взять её с собой. Сказала, что для неё будет величайшим счастьем побывать в усадьбе Андершоу и увидеть своими глазами, как творит писатель, давший миру гениального героя...

Сэр Артур хмыкнул.

— Она ничего не увидит. Я никого, кроме Вуда, не пускаю в свой кабинет. Ты ведь знаешь об этом.

— Я её предупредила, что хозяйка усадьбы тяжело больна, уже давно прикована к постели и что ты сейчас не принимаешь гостей, но она сказала, что будет просто моей компаньонкой, а вовсе не гостьей. Шкафы у тебя все новые и вместительные. Запираешь на ключ?

— Нет, а зачем?

— А где та пишущая машинка, которую ты купил в Саутси?

— В комнате Вуда. Он научился печатать на ней. Грохочет, как японский пулемёт.

— Орора совсем не гостя, просто приехала со мной. Не сердись, Артур. Ты должен проявлять любезность к своим поклонницам и особенно иностранным. Она ничуть не помешает тебе, поживёт недельку, будет вести себя тихо, как мышь.

И вот с утра эта золотоволосая мышь в клетчатой юбке и зелёных чулках бегала по саду, играла в теннис и серсо, каталась в тележке по миниатюрной монорельсовой дороге в нижней части сада и наконец, стала показывать своё искусство ковбойской езды на мотоцикле. А скоро попросит дать ей лассо. Несмотря на своё звание учительницы, она ведёт себя как подросток. Заметная склонность к полноте ничуть не отражается на её подвижности. Семнадцатилетняя Мэри и четырнадцатилетний Кингзли в восторге от весёлой преподавательницы алгебры.

Но сэр Артур не разделял чувств своих детей. Рабочий день испорчен. Сейчас он, правда, ничего не писал — исторический роман о сэре Найгеле уже давно закончен и скоро должен появиться в «Стренд-мэгэзине». Но надо готовить новые рассказы, а сбор материала и обдумывание сюжета тоже требуют полного спокойствия.

За утренним завтраком мама заявила, что она пригласила профессора Эдинбургского университета, светило медицины, которого в своё время вызывали на консилиумы к королеве Виктории и принцу Альберту. Профессор, несмотря на свой преклонный возраст и занятость, любезно согласился осмотреть Луизу и приедет сегодня в полдень в Хейлзмилл. Сэру Артуру придётся встретить его.

Сэр Артур выразил удивление. В нескольких милях от усадьбы Андершоу проходит железная дорога. Профессор мог бы сойти на полустанке, в крайнем случае — в Хайндхеде, но не в Хейлзмилле. Тряхнув чепчиком, мама заявила, что знаменитому учёному, которого приглашают даже в королевский дворец, не подобает выходить из поезда на какой-то захолустной станции, не обозначенной ни на одной географической карте.

А секретаря Вуда миссис Дойль попросила съездить ещё дальше — в Олдершот и выполнить несколько поручений: купить нюхательную соль особого сорта, её делают только в Олдершоте и в Рединге, и заехать к отставному полковнику Мелтон-Моубрею, живущему около Фарнема, и взять у него книгу о битве под Ватерлоо, в которой подробно описываются действия бригады генерала Дениса Пака. Мать сэра Артура гордилась своим дядей-генералом и уже давно просила полковника дать ей почитать эту книгу. Неделю назад от полковника было получено письмо — он просил прислать за книгой.

А американка поручила Вуду достать ей лекарство от мигрени — в готовом виде лекарство не продаётся, надо заказать в аптеке и подождать, пока его приготовят.

Итак, день был испорчен и у сэра Артура и у его секретаря. Поездка в Хейлсмир для встречи профессора займёт не меньше двух часов: Вуд, пожалуй, вернётся только к ужину. А по расписанию, составленному на неделю, имелось в виду сегодня с утра заняться набросками и выписками, заполнившими все ящички кипарисового шифоньера, стоящего у окна. Завтрашний день, возможно, тоже пойдёт насмарку.

Вуд засунул в карман сюртука рецепт, который вручила ему с обворожительной улыбкой Орора, дал гудок, ударив кулаком по резиновой груше, и отъехал от веранды. Вслед за ним отправился на другой машине сэр Артур. Он сел рядом с шофёром Холденом, а Мэри и Кингзли расположились на заднем сиденье. Миссис Дойль и Орора провожали машину до ворот. Американка долго махала вслед платком — таким же зелёным, как её чулки, — как будто сэр Артур уезжал в далёкие края.

2

Вернулся сэр Артур перед самым обедом. Дети со смехом выскочили из машины и стали рассказывать Ороре, как их в дороге вымочил дождь. К тому же пришлось сделать большой круг, проехать в сторону Питерсфильда, так как мост через реку Уэй

начали ремонтировать несколько дней назад. А профессор так и не приехал — ни с первым, ни со вторым поездом. Они зря проторчали на вокзале в Хейзлмире целых три часа.

Сэр Артур сказал матери:

— Ваш знаменитый эскулап, очевидно, забыл о своём обещании.

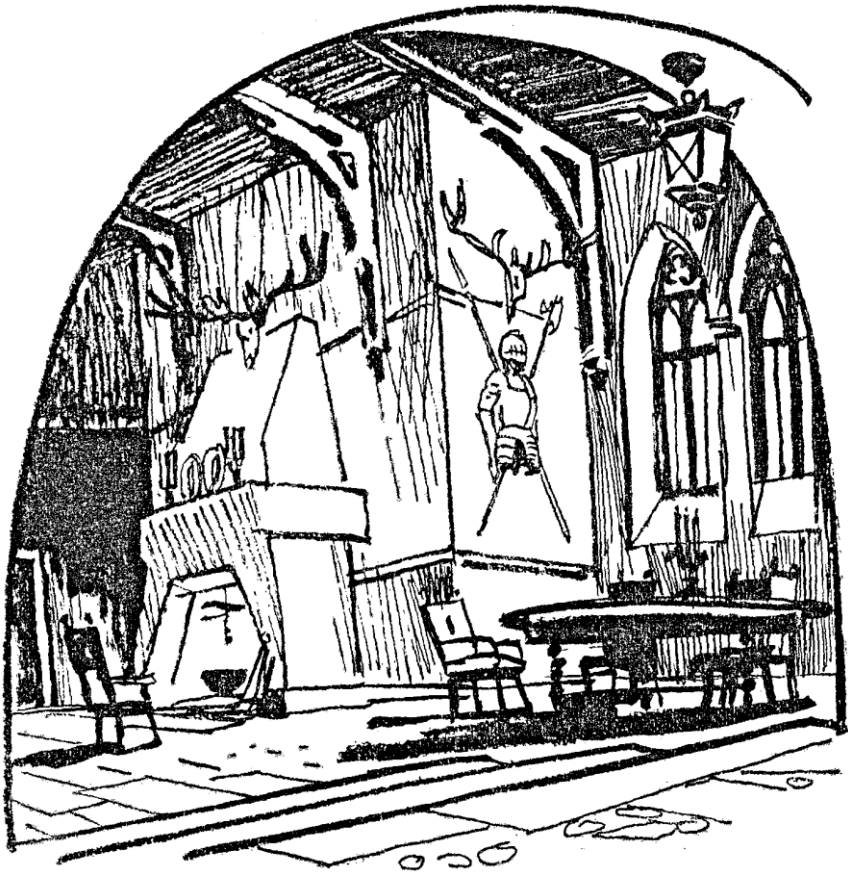
Миссис Дойль удивлённо развела руками.

— Он всегда такой аккуратный и предупредительный. И так хотел познакомиться с тобой. Может быть, срочно вызвали куда-нибудь... и он не успел послать телеграмму.

— Наверно, вызвали к турецкому султану, — произнёс без улыбки сэр Артур.

Вскоре вернулся и Вуд. Он сунул пакетики старшей горничной, процедил что-то сквозь зубы и, подняв широкие плечи, прошагал военной походкой к себе в комнату рядом с буфетной. Ему тоже не повезло — полковник Мелтон-Моубрей, как сообщила его экономка, уже третий месяц находится во Франции на Лазурном берегу. С помощью Вуда экономка перерыла всю библиотеку, искала даже на чердаке, но не нашла нужной книги. С лекарством для Ороры тоже получилось неудачно — в аптеке сказали, что рецепт составлен либо пьяным, либо полным невеждой. Единственное, что удалось достать Вуду, — это нюхательную соль. Но это была самая обыкновенная нюхательная соль, и в четырёх аптеках Олдершота его клятвенно заверили, что в цивилизованном мире принято употреблять только этот сорт соли, и если есть ещё какой-нибудь другой, то его надо искать разве на Южном полюсе.

Миссис Дойль сказала, что, вероятно, полковник прислал ей письмо из Канн — она не обратила внимания на почтовую марку и штампель. А американка рассмеялась и высказала предположение, что олдершотские аптекари, очевидно, не признают современной медицины.

Вуд передал сэру Артуру несколько книг и, как всегда, отпраповал по-военному:

— Заезжал на почту, только что пришли из Америки, отпраповитель — редакция журнала «Нью-Йорк уикли».

Сэр Артур поднял брови.

— Издали мои рассказы? Без разрешения!

— Нет, не ваши. Об американском сыщике. И письма. — Вуд передал сэру Артуру три книжки и пачку писем. — И есть ещё одно письмо.

— От кого?

Вуд усмехнулся и показал конверт. На нём крупными буквами было выведено: «Достопочтенному Шерлоку Холмсу».

Сэр Артур махнул рукой.

— Ответьте как всегда.

Такие письма приходили довольно часто. Отправители просили помочь им найти преступника или пропавшие ценности, либо распутать какую-нибудь тайну. Каждый раз Вуд отвечал одно и то же: автор, к сожалению, не может выполнять функции выдуманных им героев; нужно обратиться в полицию.

Сэр Артур закурил трубку и, усевшись в кресло в углу столовой, стал перелистывать книжки с красочными обложками. Мать и Орора на цыпочках вышли из комнаты, а Вуд направился в кабинет.

За обедом сэр Артур показал на книжки, лежавшие на подоконнике.

— Ужасная чепуха, В первом рассказе под заглавием «Один, волосок» рассказывается об убийстве в пансионе женского колледжа. Заколов девицу, убийца пьёт воду из стакана, и на нём остаётся, волосок от усов. Очевидно, убийца находился в стадии линьки. По этому волоску гениальный Ник Картер находит преступника в соседнем городе. Идиотская книга. Литература для готтентотов.

Миссис Дойль бросила взгляд в сторону американки и укоризненно покачала головой. Сэр Артур кашлянул в руку и добавил:

— Я хотел сказать, что такие рассказы можно мастерить по три штуки в день.

Вуд открыл рот, но не решился вставить слово. Он покоился на Орору. Она перехватила его взгляд и улыбнулась.

— Мистер Вуд, наверно, хочет сказать, что у нас в Америке это уже делается. В Нью-Йорке действительно такие книжки фабрикут в большом количестве.

Миссис Дойль откинулась на спинку стула.

— То есть как это... фабрикут?

Орора кивнула.

— Выпускают в таком количестве, чтобы удовлетворить спрос.

Она стала объяснять.

Первая вещь из серии «Приключения Ника Картера» появилась в Америке в 1886 году, то есть в том же году, когда была написана первая книга о великом английском сыщике — «Этюд в багряных тонах». До прошлого года, за девятнадцать лет, в Америке вышло семьсот восемнадцать книг о Нике Картере, причём каждая книжка — это не рассказ, а целый роман. В среднем выпускается в год тридцать семь романов из этой серии.

— Тридцать семь? — миссис Дойль сделала круглые глаза. — Тридцать семь романов в год? Неужели один писатель может сделать столько?

— Очевидно, у него не две руки, а больше, — сказал сэр Артур.

— Говорят, что пишут двое, — сказала Орора. — Джон Кориэл и Юджин Соьер. Но я склонна думать, что они просто владельцы предприятия, и у них работает...

— Эскадрон авторов, — буркнул Вуд.

Сэр Артур вздохнул.

— А я пишу один... и то не каждый день. Как тут угонишься за Ником Картером! Может быть, мне закрыть моё жалкое предприятие? Разделаться с моим героем...

Миссис Дойль и Орора переглянулись. Орора многозначительно прищурила глаза. Сэр Артур усмехнулся и попросил у дам разрешения закурить. После обеда настроение у него улучшилось. Он предложил Вуду сыграть партию в бильярд, но секретарь сказал, что надо разобрать почту за два дня и отослать вёрстку в редакцию журнала.

— Орора, кажется, играет, — сказала миссис Дойль.

Кингзли подтвердил:

— Лучше меня... то есть лучше мужчины.

Сэр Артур отвесил церемонный поклон.

— Имею честь вызвать вас на поединок, миледи.

Орора, прихватив пальцами юбку, сделала реверанс.

— Я давно не играла... и к тому же против такого партнёра... Пожалуй, буду всё время киксовать.

Они прошли в бильярдную. Сэр Артур выбрал кий для Ороры. С первых же ударов выяснилось, что она играет довольно прилично. Первую партию выиграл он, вторую — она.

— У вас блестящие задатки, — сказал сэр Артур. — Вы отлично делаете оттяжки и резаные дуплеты. Вам надо сразиться с нашим бравым отставным майором. Он играет как тигр, но с вами ему будет очень трудно...

— Почему?

— У него будут дрожать руки. Разве вы не заметили, как он украдкой пожирает вас глазами?

Орора стала поправлять сбившуюся набок причёску.

— Этого я не заметила, но мне кажется, что мистер Вуд весьма застенчив. Пожалуй, слишком застенчив для воина.

— Вуд — герой бурской войны, отличился под Блумфонтейном, отчаянный смельчак, никого и ничего не боится, кроме бога и... хороших блондинок.

Орора стала натирать кий мелом и перевела разговор на другую тему.

— Я давно хотела узнать... Вы сразу решили назвать вашего героя его именем?

— Нет, сперва думал назвать Шарпсом, потом Шарринфордом, но что-то мне не нравилось. И наконец, остановился на чисто ирландском имени — Шерлок.

— Всем известно, что прототипом вашего героя является профессор Белл из Эдинбургского университета. А доктор Ватсон? Это тоже реальное лицо?

— Да. Это мой друг по Саутси, профессор Джеймс Ватсон. А у меня — Джон Ватсон.

В дверях появился Вуд.

— Простите, у меня срочное дело...

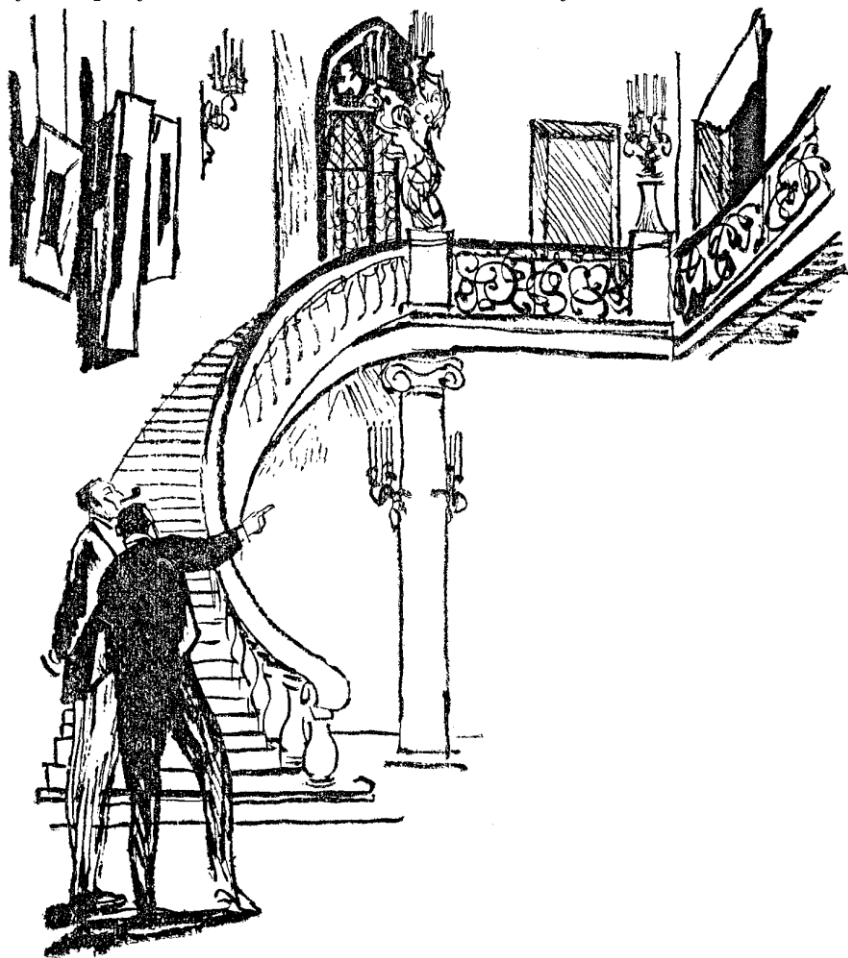
Вид у него был встревоженный. Хозяин дома извинился перед гостьей и вышел в коридор.

3

— Вы сегодня работали? — спросил шёпотом Вуд.

Сэр Артур пожал плечами.

— Когда же я мог работать? Следом за вами я поехал встречать этого проклятого профессора и вернулся только к обеду. Ни разу не заходил в кабинет. А что случилось?

— Значит, вы совсем не заходили? — Вуд был озадачен. — И шифоньер у окна не открывали?

— Как я мог открывать его, если не был в кабинете?

— А вчера вечером?

— Вчера я вышел из кабинета, когда сменялись сиделки у Луизы, а вы оставались там. И больше в кабинет не заходил. И вообще я уже давно не заглядывал в этот шифоньер. Что случилось?

Вуд покачал головой.

— Очень странно. Мне кажется, что в кипарисовом шифоньере и в шкафу у второго стола папки лежали совсем не так. Всё перепутано. И в большом шкафу сколотые журнальные вырезки оказались на другой полке. Я туда их не клал.

Они прошли в кабинет. Вуд стал открывать по очереди шкафы, ящики обоих письменных столов и шифоньера.

— Вот эти копии чистовиков сборника «Зелёный флаг» были здесь, а выписки для «Бригадира Жерара» тут. Остальное в этом шкафу в порядке. Только эти рецензии на «Роднея Стона» лежали, кажется, здесь, а не там. И в этом шифоньере тоже... Эти связки с черновиками «Норвудского архитектора», «Чарльза Мильвертона» и «Золотого пенсне» лежали не так. И папки с гранками «Греческого переводчика», «Морского договора» и «Серебряной звёздочки» тоже сдвинуты. Полки я недавно привёл в порядок, занумеровал всё, даже эти тетрадки, я ведь хорошо помню, как всё лежало, а теперь как будто кто-то рылся...

Сэр Артур пристально посмотрел на секретаря.

— Альфред, в последнее время вы иногда... это самое... И сегодня с утра тоже. Может быть, в таком состоянии искали что-нибудь и всё перемешали.

Вуд нахмурился.

— Я принимаю порцию только перед сном и то изредка. Только тогда, когда побаливает рана. И никогда не вхожу в кабинет в неподобающем состоянии. А сегодня утром я сделал исключение... чтобы не простудиться в дороге.

Сэр Артур закивал головой и провёл рукой по плечу секретаря.

— А когда вы в последний раз открывали эти шкафы?

— В последний раз... — Вуд наморщил лоб. — Пожалуй, во вторник. Да, во вторник. В тот день, когда приезжал турецкий генерал.

— После вы ничего не замечали?

— Нет.

Сэр Артур прошёлся по кабинету и, остановившись у окна, произнёс:

— Выходит, что кто-то заходил сюда в эти дни. Давайте припомним, когда нас обоих не было дома,

Вуд поднял кулак и стал отгибать пальцы.

— Во вторник я был здесь целый день, и вы тоже. И приезжал Инес с приятелем. В среду я ездил на почту, но вы оставались дома...

— И почти весь день сидел в кабинете,

— В четверг тоже. А в пятницу вы ездили в Брайтон, но я был дома и Мэри тоже, к ней приезжала мисс Грейфилд с гувернанткой. Я работал у себя в комнате. А сегодня нас обоих не было до обеда, но в доме оставались люди.

Сэр Артур и Вуд пришли к выводу: неизвестный мог проникнуть в кабинет либо в среду в первой половине дня, когда Вуд ездил на почту, а сэр Артур больше часа сидел наверху с больной, у неё был врач, либо в пятницу, когда сэр Артур ездил в Брайтон, а Вуд работал в своей комнате в течение часа, в то время, когда Мэри и её гости гуляли в роще за церковью.

В ночное время попасть в кабинет невозможно — окна закрыты изнутри, парадная дверь и дверь на веранде тоже. Проникнуть в дом можно только днём и только со стороны веранды — пройти в холл, откуда идёт лестница вверх, юркнуть в боковой тёмный коридор, ведущий в бильярдную, и пробраться в кабинет с другой стороны, не проходя мимо столовой и двух гостиных.

— На прошлой неделе обокрали соседнюю усадьбу, — сказал Вуд.

— Грейфилда?

— Нет, Крайстчерча. Я узнал об этом вчера. Залезли к нему через французское окно и утащили шкатулку с драгоценными камнями и коллекцию амулетов. В прошлом месяце была кража в доме викария. Украли старинные настольные часы и маленькую картину Констебля. А теперь у нас... Может быть, это дело рук одного и того же вора или шайки?

Сэр Артур покачал головой.

— А зачем было рыться в моём кабинете? В шкафах, набитых исписанной бумагой?

— Наверно, искали деньги или какие-нибудь ценные книги. А может быть, украли что-нибудь в других комнатах нижнего этажа, а здесь порылись просто для отвода глаз.

— Надо проверить, не пропало ли что-нибудь в других комнатах.

Вуд опросил прислугу и установил, что в других комнатах всё на месте — никаких следов вора. Попутно Вуд выяснил, что сегодня, во время отсутствия его и сэра Артура, дверь веранды была закрыта на ключ, миссис Дойль и американка сидели в зелёной гостиной, играли в карты и читали.

— Может быть, заявить в полицию? — спросил Вуд.

Сэр Артур сказал, что пока заявлять не стоит. Пусть Вуд съездит к Крайстчерчу и викарию и поговорит с ними. Возможно, что полиция уже напала на след преступника. Пока лучше не предавать огласке происшествие в Андершоу. И не надо ничего говорить Крайстчерчу и викарию. Не дай бог, если узнают газеты, сейчас же нагрянет орава репортёров, а вместе с ними любопытствующие бездельники, и всё пойдёт вверх дном.

Вуд посмотрел в окно. В том углу сада, откуда открывался вид на долину, прогуливались миссис Дойль и Ора.

— Дамам не надо говорить, — сказал Вуд. — Испугаются.

Сэр Артур согласился.

— Конечно, не стоит. Вор был либо в среду, либо в пятницу, то есть до их приезда.

— А сегодня никто не мог залезть, потому что дамы сидели в зелёной гостиной, откуда видна веранда.

4

Вуд вскоре уехал, а сэр Артур вышел в сад и стал прогуливаться по дорожке мимо клумб и подстриженных кустов шиповника. Сзади слышались лёгкие шаги. Сэр Артур обернулся. К нему подошла улыбающаяся Орора.

— Простите, я вам, наверно, помешала? Вы обдумываете что-нибудь?

— Нет. Я сочиняю всегда сидя. Хожу просто для моциона.

Орора пошла рядом. Она посмотрела на дом с красной черепичной крышей, на верхушки сосен и берёз и глубоко вздохнула.

— Буду всю жизнь вспоминать этот день. Какое это счастье видеть своими глазами всё это... и разговаривать с обожаемым писателем.

Сэр Артур оглядел Орору с головы до ног и, вынув трубку изо рта, сказал:

— Вы хотели покататься на мотоцикле, но вам, к сожалению, не удалось. И после обеда вы делали какие-то записи для себя.

Орора приоткрыла рот и остановилась.

— Как вы узнали?

— Очень просто. К вашей юбке сбоку пристали мокрые листья папоротника, а он растёт только в том углу сада, где сарайчик с мотоциклом и велосипедами. Но садовник, у которого ключи от сарайчика, уехал вместе с Вудом. Поэтому вам не удалось покататься. И кроме того, подол юбки не запачкан, а если бы вы ездили на мотоцикле, то на юбке были бы следы грязи, потому что у ворот земля ещё не просохла. Что же касается записей, то указательный палец вашей правой руки слегка запачкан черни-

лами. Перед обедом вы мыли руки, и они были чистыми, значит, вы писали после обеда. Но писали не письма, потому что нет смысла писать в Америку, вы всё равно скоро поедете на родину. Следовательно, вы делали записи для себя. И довольно важные записи, потому что писали не карандашом, а пером.

Орора захлопала в ладоши.

— Поразительно! Теперь я поняла, что автор и его изумительный герой — одно и то же лицо.

— И совершенно напрасно вы не носите очки, — продолжал сэр Артур. — Они вам должны идти.

— И это вы узнали?

— Во-первых, вы щурите глаза и не только тогда, когда разговариваете с Вудом, но и когда беседуете с миссис Дойль и Мэри. Значит, щурите глаза не из кокетства, а потому что вы близорукая. И время от времени бессознательно подносите большой и указательный пальцы к правому глазу — это жест тех, кто носит очки.

Орора подняла обе руки.

— Сдаюсь. Больше не надо... Ваша пронизательность пугает меня. Ни одна мелочь не ускользает от вашего внимания.

Он снисходительно улыбнулся.

— Это профессиональная черта сочинителей.

На лице Ороры мелькнула лукавая усмешка.

— Вы часто получаете письма от читателей?

— Да. Особенно много получил, когда мне дали звание сэра. Незадолго до этого была напечатана «Собака Баскервилей», и многие решили, что звание сэра я получил за эту повесть.

— Я слышала, что одна читательница прислала вам письмо, написав на конверте — лорду Баскервилю. Это правда?

— Да.

— А читатели пишут вам о ваших ошибках?

— Каких ошибках?

Она тихо засмеялась.

— Я хотела написать вам, но не решилась. В ваших произведениях попадают ляпсусы... Иногда ваша внимательность изменяет вам.

— Например?

- А вы не рассердитесь?
- Наоборот, буду признателен вам.
- Значит, не будете сердиться? Тогда слушайте.

Орора стала перечислять ошибки сэра Артура.

Доктор Ватсон — друг великого сыщика — был назван с самого начала Джоном, но в «Человеке с рассечённой губой» жена доктора именует его почему-то Джеймсом. Странные вещи происходят с раной Ватсона. В «Этюде в багряных тонах», где он впервые был представлен читателям, говорится, что он был ранен в Индии, под Мэйуондом, в плечо. Но в «Знаке четырёх» сказано, что Ватсон был ранен в ногу. В «Биржевом маклере» тоже — там сказано, что, когда меняется погода, доктор гладит ногу — ноет рана. А в других рассказах говорится, что Ватсон ранен в руку. Куда же на самом деле он был ранен? В плечо, в ногу или в руку? В «Серебряной звёздочке» Стрейкер выводит лошадь из конюшни в поле и пытается её искалечить; лошадь ударом копыта убивает его и убегает, но почему-то не в конюшню, обратно, а совсем в другое место — в Кэплтоун, к чужим людям. Нормальная лошадь, конечно, побежит в родную конюшню, а не куда-то в совсем незнакомое место. В «Собаке Баскервильей» сестра Степлтона просит сорвать орхидею. Судя по дате отчёта, посланного Ватсоном Шерлоку Холмсу, дело происходит в октябре. Но ведь общеизвестно, что в октябре в Англии орхидеи не цветут. Непонятное происходит и в «Обряде Месгрейвов». Там говорится, что человек сделал десять шагов на север, потом пять шагов на восток, затем два на юг, и они, то есть шаги, привели человека к порогу двери. Дальше говорится, что надо было сделать один шаг на запад, и тогда пришлось бы пройти по коридору, который ярко освещался лучами заходящего солнца. Лучи могли проникнуть в коридор только через дверь. А дверь выходит на восток. Получается, что солнце заходит на востоке. Затем не всё ясно с жёнами доктора Ватсона — неизвестно, сколько их было у него. В одном рассказе фигурирует одна жена, в другом — другая и так далее. А в «Пустом доме» Холмс говорит, что

владеет искусством японской борьбы «баритсу». Но такого вида борьбы в Японии никогда не было. Холмс, любящий во всём точность и отличающийся замечательной памятью, спутал, очевидно, «баритсу» с «джиу-джитсу». Затем в «Пёстрой ленте» — змея никак не могла спускаться и подниматься по висящему свободно шнуру...

Сэр Артур поднял обе руки.

— Сдаюсь. Я нокаутирован.

Орора с улыбкой посмотрела на поверженного автора.

— Могу сказать вам в утешение, что не вы один допускаете ошибки. Возьмите, например, Эдгара По, родоначальника литературы о сыщиках.

— У него тоже? — удивился сэр Артур.

— Да. В рассказе «Украденное письмо» Дюпен идёт к министру, у которого находится письмо, украденное им у одной особы. Дюпен садится напротив министра у письменного стола и замечает сумочку для визитных карточек, висящую на гвозде над камином. В сумочке, как сообщает Эдгар По, торчит письмо — на нём чёрная печать с вензелем и адрес, написанный женским почерком. Как же Дюпен мог увидеть одновременно и адрес на письме, который пишется на лицевой стороне, и печать с вензелем, которую ставят только на оборотной стороне конверта? Дюпен же не обладал даром ясновидца.

Сэр Артур рассмеялся.

— Теперь мне стало легче. Эдгар По, значит, тоже допускал промахи. А ведь рассказ «Украденное письмо» считается одним из лучших его творений, подлинным шедевром, но, оказывается, сюжет основан на грубой ошибке. Вы удивительно внимательная читательница.

— Это у меня профессиональная черта. — Орора скромно опустила глаза. — Приходится проверять тетради учеников и отыскивать ошибки.

— Мне очень приятно, что вы с такой тщательностью читаете мои пустячки.

Орора остановилась и покачала головой.

— Как у вас язык поворачивается говорить такие вещи! Вашего Шерлока Холмса любят во всём мире и особенно у нас, в Америке. Между прочим, американцы читают вас больше, чем англичане.

Сэр Артур прижал руку к сердцу.

— Я очень многим обязан американцам. Когда я сбросил Холмса на дно Райхенбахского водопада, в Америке, как мне сообщили, многие стали носить траурный креп на шляпах. А потом одно из ваших издательств предложило мне воскресить сыщика и обещало платить за каждый рассказ по пять тысяч долларов. Баснословный гонорар. Пришлось воскресить Холмса...

— А ваш «Стренд-мэгэзин», я знаю, платил по пятьдесят фунтов и ещё меньше — по тридцать пять. Это же просто грабёж! Ни один американский журнал не позволил бы себе такого. В Англии не ставили пьесу о Холмсе, а у нас поставили.

— Причём женили его, беднягу.

— Публика хотела этого.

Они подошли к веранде. Сэр Артур открыл дверь и пропустил Орору. Она обернулась и коснулась пальчиком его рукава.

— Скажите, сэр Артур... я хочу спросить вас... Почему ваш Ватсон так часто упоминает разные дела Холмса, перечисляет их, но они так и остаются неизвестными. Например, в «Скандале в Богемии» названо загадочное дело братьев Аткинсон и ещё какое-то дело, связанное с поручением голландского королевского дома. А в «Пяти зёрнышках апельсина» говорится о кемберуэльском деле, об обществе нищих-любителей и ещё о каких-то похождениях сыщика. Эти два рассказа были напечатаны пятнадцать лет назад, но вы до сих пор не рассказали публике, что это были за дела.

— Это просто приём с целью заинтриговать читателей и показать, как много и успешно работал Холмс.

— Но читатели ведь ждут рассказов об этих делах. Это жестоко с вашей стороны... раздражить и молчать. В «Пёстрой

ленте» Ватсон сообщает, что у него больше семидесяти записей о приключениях Холмса, во «Втором пятне» говорится, что у Ватсона хранятся записи о сотнях дел сыщика, а в «Золотом пенсне» сказано, что доктор имеет три большие тетради с записями о разных приключениях великого детектива. Публика ждёт от вас рассказов о всех этих делах. Вы можете написать... то есть вы должны написать ещё несколько сот рассказов о Шерлоке Холмсе.

Сэр Артур выколотил пепел из трубки.

— Нет, мой Холмс это не Ник Картер. И фабрику открывать я не намерен.

5

Сэр Артур поужинал один — дамы и дети провели весь вечер наверху, у больной, которой стало немного лучше. А Вуд, очевидно, задержался у словоохотливого викария или у бывшего судьи Крайстчерча, который чуть не силой заставлял своих гостей играть в карты.

После ужина сэр Артур закрылся в кабинете и стал читать журнальные и газетные статьи об охоте на китов, подобранные для него Вудом. Вскоре после того, как настенные часы пробили два раза, послышалось шуршание гравия и звук затворяемой дверцы машины — наконец-то вернулся Вуд. Увидев, что в кабинете горит свет, он постучал в дверь и вошёл.

Сэр Артур окинул его взглядом и произнёс:

— Судя по цвету ваших щёк и дыханию, у Крайстчерча вы пили джин, он ведь не пьёт виски и бренди, и играли в безик или казино, потому что на вашем правом рукаве следы мела. В доме Крайстчерча нет бильярда, но у него принято во время игры в карты писать цифры мелом на ломберном столике. А с викарием вы беседовали о собачьих бегах: из кармана вашего сюртука торчит бумажка; судя по формату и шрифту, это программа собачьих бегов.

Вуд шумно высморкался.

— Всё правильно, за исключением джина. У судьи сегодня пили арманьяк. Я сперва был у викария, от него отправился в Хейлзмилл, заехал к инспектору полиции, моему старому знакомому, а на обратном пути навесил Крайстчерча.

— Что-нибудь выяснили, кроме возраста коньяка и шансов борзых на предстоящих состязаниях?

Вуд вытащил из внутреннего кармана записную книжку и, просмотрев её, стал докладывать.

Позавчера в Хайндхеде арестовали трубочиста, сидевшего в своё время в тюрьме за кражу. Его подозревают в причастности к краже в усадьбе бывшего судьи. Дома у трубочиста нашли две жемчужины. Они оказались фальшивыми. Он утверждает, что купил эти жемчужины у цыган, бродивших в окрестностях городка. Полиция считает, что, во-первых, трубочист врёт насчёт цыган, во-вторых, он держал дома фальшивые жемчужины нарочно, чтобы сбить с толку следствие. А что касается кражи у викария, то задержано несколько человек, но никто из них пока не признаётся. Никаких решающих улик против них ещё нет. Возможно, что удастся распутать это дело путём проверки торговых операций, проведённых в последнее время владельцами антикварных лавок в Лондоне — они охотно покупают картины известных мастеров.

— Короче говоря, преступники не обнаружены. — Сэр Артур открыл фарфоровую табачницу и стал набивать трубку. — В жизни их ловить гораздо труднее, чем в книгах.

— Я уверен, что вор, совершивший кражу у викария, и тот, кто залезал в этот кабинет, одно и то же лицо. — Вуд сжал кулак и отогнул большой палец. — У викария можно было бы украсть много других вещей: столовое серебро, китайские безделушки, подзорную трубу и прочее. Но вор взял именно картину Констебля, хотя там висели и другие картины в красивых золочёных рамах, но малоизвестных художников. Вор выбрал именно Констебля. Отсюда можно заключить, что вор не простой преступник...

Сэр Артур усмехнулся:

— А образованный.

Вуд отогнул указательный палец.

— Он мог залезть сюда, чтобы поискать в шкафах и шифоньерах что-нибудь такое, что можно продать богатым любителям.

— Мои черновики?

— А почему нет? Ваши поклонники были бы рады иметь ваши автографы. И не пожалели бы денег. Или, например, письма, получаемые вами. Может быть, вор узнал на почте о том, что вы получаете письма от видных людей: например, от нашего короля и американского президента, от писателей, вроде Киплинга, Хаггарда и Мередита. Эти письма имеют большую ценность. Любители могут отвалить крупную сумму.

— Кстати, насчёт писем. Они в порядке?

Вуд бросил взгляд в сторону маленького письменного стола.

— Все наиболее важные письма хранятся в тумбочке этого стола, я их давно привёл в порядок. А тумбочку я закрываю на ключ. Поэтому вор не мог проникнуть туда.

— Значит, письма целы. А если украли черновики, то ничего страшного.

Вуд отогнул средний палец.

— Больше всего они рылись в шифоньере у окна...

— Они! Значит, по-вашему, воров было несколько?

— Нет, я просто так... один или несколько. В этом шифоньере рылись очень усердно и торопились. Запахнули обратно как попало. Здесь только папки с планами и набросками.

— А зачем вору знать планы моих будущих произведений? Просто рылся везде, сюда залез в последнюю очередь и поэтому торопился.

После недолгого молчания Вуд спросил:

— Заявлять в полицию? Или, может быть, сообщить прямо в Скотланд-Ярд, пусть пришлют сыщика высшего класса!

Сэр Артур махнул рукой.

— Не надо. В других комнатах ничего не украли, а если здесь и взяли какие-нибудь листочки, то не стоит из-за этого поднимать шум. Но вы время от времени наведывайтесь к Крайстчерчу и викарию. Если вора найдут, интересно будет узнать, кто он такой! И был ли он здесь! И если был, то с какой целью! Может быть, он действительно охотник за автографами или просто психопат?

Сэр Артур пожелал секретарю спокойной ночи и попросил его передать прислуге: к утреннему завтраку его будить не надо, он ещё почитает и ляжет спать поздно.

— А я утром встану пораньше, — сказал Вуд, — и наведу здесь порядок. Проверю папки с копиями чистовиков и черновиками: не пропало ли что-нибудь. — Он остановился у порога. — А что, если вор украл какие-нибудь листки, чтобы научиться писать вашим почерком? Потом изготовит фальшивые письма, компрометирующие вас, явится к вам и начнёт шантажировать.

— Если он явится ко мне, — сэр Артур потряс кулаком, — я покажу ему своё искусство бокса. Запомнит на всю жизнь мои инфайты.

6

Сэр Артур проснулся очень поздно. За окном стоял густой туман — не было видно даже кустов вереска, окружавших площадку с гимнастическими снарядами. Камердинер Патрик принёс чашку шоколада и газеты и сообщил, что мистер Вуд уехал куда-то с гостьей, Мэри и Кингзли поехали с ними.

Сэр Артур решил до обеда не выходить из кабинета: надо было написать письмо Уэллсу — поблагодарить за присланный недавно роман «В дни кометы» — и ответить бывшему газетному корреспонденту во время бурской войны, а ныне члену парламента Черчиллю. Несколько лет назад сэр Артур председательствовал на предвыборном митинге в Пелмел-клубе, где выступал с речью Уинстон Черчилль. С тех пор они обменивались письмами — молодой депутат настойчиво убеждал сэра Артура писать

только исторические романы, вроде «Майки Кларка» и «Белого отряда», и не расходовать попусту энергию на сочинения другого рода.

Незадолго до обеда приехал сосед Крайстчерч — маленький старичок с пышной серебрястой шевелюрой и большими испуганными рыбьими глазами. Он опирался на трость, украшенную серебряным набалдашником в виде головы Медузы-Горгоны — у неё было почти такое же выражение, как и у владельца трости.

Сэр Артур хотел подняться вверх — проведать жену, но сиделка, спускавшаяся с лестницы, шепнула, что больная только что заснула после бессонной ночи. Когда сэр Артур вошёл в столовую, стол был уже накрыт. Миссис Дойль слушала рассказ гостя. Он говорил визгливым голосом, проглатывая слова, — наверное, его трудно было понять, когда он в бытность судьёй оглашал приговоры.

Разговор шёл о краже. Крайстчерч решительно отвергал версию местной полиции. В усадьбу к нему залез вовсе не трубочист. Возможно, он тоже вор, но стащил фальшивые жемчужины где-то в другом месте, а не у Крайстчерча. Кражу совершили цыгане. Половина их воры, а другая половина — мошенники. Очевидно, в этом районе орудует большая воровская шайка цыган, руководимая из Лондона — из района Уайтчапел. И у викария украли картину и часы тоже цыгане. Аналогичные случаи были шесть лет назад в районе Бирмингама, но тогда вожаки цыганской шайки прятались не в самом городе, а в окрестностях Киддерминстера. Главарию тогда дали двадцать лет тюрьмы, а остальным по пятнадцати. Но недавно все они, за исключением двух умерших, бежали из заключения — судя по всему, подкупили надзирателей, которые теперь в большинстве своём продажны.

Воры оставили у Крайстчерча следы в гостиной и кабинете — грязные отпечатки ног и изодранный шейный платок. Фактически это их визитные карточки, но полиция бессильна что-либо сделать. Теперешняя полиция состоит из кретинов, это со-

всем не то, что при королеве Виктории. И судьи тоже не те — боятся мести со стороны преступников и ограничиваются минимальными наказаниями. Судьи теперь, как правило, трусы и невежды.

Когда доедали суп, в столовую вошли Вуд и дети.

— Почему вдруг уехала Орора? — спросил сэр Артур у миссис Дойль. — Она ведь хотела пробыть неделю.

Вместо ответа миссис Дойль посмотрела на Вуда. Тот ответил:

— Орора перепутала дни и вспомнила, что завтра должна встретить сестру директрисы своей школы, которая приедет в Лондон. Поэтому помчалась на станцию и просила передать вам извинения, что не смогла проститься и поблагодарить за гостеприимство и интересные беседы.

Крайстчерч перебил его:

— Американки обычно не прощаются. Плохое воспитание, недалеко ушли от ирокезов.

— Орора сказала, — продолжал Вуд, — что запомнит на всю жизнь часы, проведённые здесь. Мы чуть-чуть не опоздали к поезду. Лопнула шина на заднем колесе, пришлось сменить. И ехали не на нашу станцию, а в Хейлзмир, потому что оба дневных поезда не останавливаются у нас. Около усадьбы Риджуэя нас попросили подвезти одну старушку в больницу святой Терезы. И мы сделали большой крюк. Еле-еле успели.

— Из баула Ороры высыпались вещи, — сказал Кингзли и расхохотался, — пустые спичечные коробки. Она собирает коллекцию.

— Кстати о Риджуэе. — Крайстчерч обвёл всех круглыми глазами, — это, конечно, *entre nous*, его родной племянник окончил Итон, потом учился в Кембридже, но был изгнан оттуда из-за одной пикантной истории... — Он скользнул взглядом по Мэри и Кингзли. — При них неудобно говорить. Недавно срочно укатил на материк. И случайно выяснилось, что он был связан с какой-то шайкой грабителей, совершившей в прошлом году не-

сколько крупных краж и зверских убийств в разных городах. Но Скотланд-Ярд, куда набирают теперь только слепых и глухонемых, разумеется, не раскрыл ни одного из этих дел. Говорят, что шайка состоит из таких же повес, как племянник Риджуэя. Я уверен, что банда имеет своего сообщника в полиции, поэтому никого не могут поймать.

Сэр Артур покачал головой.

— Слишком категоричное суждение.

— Ничуть. Мы часто теперь слышим о преступлениях, остающихся нераскрытыми. Во времена покойной королевы этого не было.

— И тогда многие преступления тоже оставались не разгаданными, — возразил сэр Артур. — Например, Джека-Потрошителя ведь так и не нашли, хотя вся полиция была поставлена на ноги. А он преспокойно совершил семь убийств и исчез бесследно. И остался навеки загадочной фигурой.

— Полиция тогда установила, что он не был англичанином, — сказал Вуд. — После одного из убийств на месте преступления нашли пуговицу с буквами «эйч» и «кью». Из этого заключили, что убийца был американцем и что одежду он купил в магазине Хендрикса и Куентина в Чикаго. И убивал женщин он не только в Лондоне, но и в Техасе и в Никарагуа.

Крайстчерч кивнул в сторону Мэри и Кингзли.

— При них я не могу сказать, какие убийства совершались в Петербурге до появления Джека-Потрошителя в Лондоне. Он убивал самым страшным образом только женщин... определённой категории. Существует предположение, что русская полиция поймала убийцу, его звали Педаченко, и переправила к нам, в Англию, чтобы вызвать панику.

— В прошлом году в Скотланд-Ярде, — сказал сэр Артур, — мне говорили, что уже несколько десятков обитателей психиатрических больниц в разных странах признались в том, что убивали женщин в Лондоне. Все претендуют на звание Джека-Потрошителя.

Разговор перешёл на преступления, которые остались нераскрытыми. Увидев, с каким вниманием дети прислушиваются к беседе, сэр Артур приказал им выйти из-за стола — десерт им подадут в комнату Мэри.

После ухода детей гость стал подробно рассказывать о деле, недавно взволновавшем всю Америку, — певичку Нан Патерсон обвинили в убийстве коммерсанта Франка Янга, который ехал рядом с ней в фээтоне и оказался мёртвым. На его теле нашли пулевую рану, но пистолет оказался в кармане его пиджака. Присяжные два раза разбирали это дело и, в конце концов, признали певичку невиновной. Смерть Янга так и осталась тайной.

Сэр Артур заметил, что миссис Дойль хотя и следит за ходом разговора, но выражение лица у неё остаётся хмурым — она ни разу не улыбнулась во время обеда и не произнесла ни одного слова.

Изложив историю Нан Патерсон, Крайстчерч выразил уверенность в том, что убийцей является певичка. Они почти все склонны к преступлениям, и с ними не следует церемониться.

— Да, многие преступления остаются навсегда покрытыми тайной, — сказал сэр Артур, наливая гостю и Вуду вишнёвый бренди.

Вдруг миссис Дойль прервала своё молчание.

— Но некоторые преступления раскрываются вовремя, — сказала она ледяным тоном. — Возмутительные преступления.

Крайстчерч застыл с рюмкой у рта. Он уставился круглыми глазами на хозяйку стола.

— Какие, например?

Миссис Дойль поправила чепчик на голове и, глядя на сэра Артура, произнесла, почти не разжимая губ:

— Например, то, которое было совершено в этом доме.

Общее молчание было нарушено неожиданным стуком — на пол упала трость Крайстчерча. Он вздрогнул и опрокинул рюмку. Быстро накрыв салфеткой пятно на скатерти, он спросил:

— В этом доме?

— Да. — Миссис Дойль показала подбородком на сэра Артура. — Пусть сам скажет.

Крайстчерч повернулся всем корпусом к сэру Артуру и снова уронил трость.

— Пусть скажет, — повторила миссис Дойль, отчеканивая слова. — О своём преступлении. Об убийстве. И пусть наш гость будет свидетелем.

— Ничего не понимаю, — пробормотал сэр Артур.

— Убийство? — вскрикнул Крайстчерч и привстал, зажав трость под мышкой. — В этом доме?

Миссис Дойль молча кивнула.

— В чём дело, мама? — спросил сэр Артур и попытался улыбнуться.

— Сэр Артур убийца? — взвизгнул бывший судья.

7

Миссис Дойль повернулась к Крайстчерчу и начала рассказывать.

Неделю назад на благотворительном базаре в Эдинбурге она познакомилась со школьной учительницей из Филадельфии Оророй Килларни.

Орора спросила: почему сэр Артур решил повторить убийство?

Ровно тринадцать лет назад он, несмотря на категорический запрет своей матери, сбросил сыщика на дно водопада в Швейцарии, но потом, увидев, какое негодование во всех странах вызвала эта расправа, принял предложение одного американского издательства и воскресил своего героя.

Однако на этот раз сэр Артур решил убить Холмса окончательно и поделился тайной со своим американским другом — майором Пондом, который в своё время был организатором публичных лекций сэра Артура в Америке. В письме, которое майор Понд получил из усадьбы Андершоу в Хайндхеде, говорилось, что в одном из рассказов, который скоро появится в печати, сыщик будет убит так, что больше его никак нельзя будет воскресить.

Орора уговорила миссис Дойль немедленно отправиться в Хайндхед и проверить на месте — действительно ли Холмс приговорён к смерти. Прибыв в усадьбу, миссис Дойль и Орора Килларни решили прибегнуть к хитрости. Под благовидным предлогом заставили сэра Артура и его секретаря уехать из Андершоу на несколько часов. Профессор из Эдинбурга, лекарства, полковник Мелтон-Моубрей — всё это было придумано нарочно. Как только автомобиль сэра Артура скрылся за холмами, Орора проникла в кабинет, а миссис Дойль заперла на ключ дверь на веранде и заняла наблюдательный пост в зелёной гостиной.

Всё сошло удачно.

Орора тщательно просмотрела все папки и бумаги в письменных столах, шкафах и шифоньере и нашла папку с черновиками рассказов, подготовленных к печати. В одном из них говорится о том, как Холмс погибает от руки убийцы на глазах у Ватсона. Таким образом, на этот раз доктор сам констатирует гибель своего друга. Обстоятельства смерти настолько ужасны, что о них нельзя говорить за обеденным столом. Орора сунула папки обратно в шифоньер и доложила обо всём миссис Дойль.

— Ты втайне готовил это преступление, — сказала миссис Дойль, глядя в упор на сына. — Сколько раз тебе говорила: «Не смей этого делать, нельзя огорчать читателей». А ты не послушался и убил.

Сэр Артур развёл руками.

— Это же чепуха. Я вовсе не собирался...

Миссис Дойль постучала пальцем по столу.

— Не смей говорить неправду.

Крайстчерч быстро осушил рюмку и произнёс скороговоркой:

— Не надо запираться, это усугубляет вину.

— Орора видела своими глазами черновик. Чёрным по белому... — Миссис Дойль повысила голос: — Наверно, уже послал рукопись в журнал.

Сэр Артур приложил обе руки к груди.

— Поверь мне... Орора всё напутала или просто наврала.

Крайстчерч стукнул тростью об пол.

— В таких случаях надо сознаваться, а не упорствовать.

Сэр Артур грозно пошевелил усами, покраснел и гаркнул:

— А вы не лезьте! В ваши дела я не суюсь. Сутяжничаете со всеми соседями.

Миссис Дойль всплеснула руками.

— Артур, опомнись!

Крайстчерч медленно встал и обвёл всех взглядом.

— Вы все свидетели...

Вуд быстро наполнил рюмку судьи и зашептал:

— Не принимайте к сердцу, сэр. Это так...

— Артур, — строгим тоном сказала миссис Дойль, — немедленно извинись, или я сейчас же уйду!

Сэр Артур кашлянул в кулак, привстал и отвесил короткий поклон картине Тернера, висевшей позади Крайстчерча.

— Прошу извинить, сожалею.

Крайстчерч опустил на стул, молча кивнул головой и поднёс к губам рюмку. Он решил остаться — пересилило любопытство: что же будет дальше?

После недолгого молчания миссис Дойль спросила:

— Значит, ты не убивал его? И не собираешься?

— Твоя американка нахальная лгунья. — Сэр Артур отпил из рюмки и закашлялся, потом вытер усы салфеткой. — Наглая интриганка.

Крайстчерч кивнул:

— Американки, как правило...

Вуд перебил его:

— Наверно, ошиблась, торопилась...

Миссис Дойль повернулась к Крайстчерчу:

— Будьте свидетелем. Мой сын заявил, что не убивал и не собирается убивать. Дай мне обещание, Артур, раз и навсегда, и тогда я буду спокойна.

— Обещаю, — буркнул сэр Артур.

Крайстчерч обратился к миссис Дойль:

— Следовало бы взять письменное обещание. А я скреплю своей подписью.

Миссис Дойль вскинула голову и произнесла торжественным голосом:

— Достаточно устного. Дойли не нарушают своего слова — это неписанный закон нашего дома.

Крайстчерч повертел в руках трость и произнёс:

— А всё-таки любопытно... почему эта американка наврала, будто бы видела рукопись об убийстве сыщика? И кто она вообще? Загадочная особа.

— Я не нахожу в ней ничего загадочного, — сказала миссис Дойль. — Очень милая девушка, непосредственная, манеры у неё, может быть, немножко странные, но у них так принято.

Крайстчерч усмехнулся.

— Мне говорили, что у них принято с утра пить виски из кукурузы. И женщины безобразно напиваются.

— Я был в Америке и не замечал этого, — сказал сэр Артур.

Миссис Дойль повернулась к Крайстчерчу.

— В общем Орора мне понравилась, и я ей верю. Она учительница из Филадельфии и поклонница таланта Артура. И, как многие другие читатели, она не хочет, чтобы сыщика убивали.

Бывший судья скривил рот.

— Вы ей верите, но сэр Артур назвал её отъявленной лгуньей.

— Наверно, она очень волновалась, когда перебирала бумаги, — заметил Вуд. — И ей показалось...

Миссис Дойль кивнула головой и предложила всем перейти в гостиную и выпить кофе с бенедиктином.

Крайстчерч и сэр Артур заговорили о предстоящем крикетном матче между командами Шотландии и Австралии и о шансах Оксфорда и Кембриджа на лодочных гонках в этом году.

— Австралийская команда, кажется, состоит из бывших уголовников, — сказал Крайстчерч. — А что касается лодочных гонок, то это самое настоящее надувательство. Команды заранее договариваются, которая из них придёт первой, и потом делятся доходами от тайного тотализатора. Спортсмены в большинстве своём жулики и развра...

Сэр Артур перебил его:

— Простите, я тоже спортсмен, и, мне помнится, вы однажды рассказали, как взяли приз по плаванию.

— Исключения подтверждают правило, — сказал Крайстчерч.

8

В дверях показалась напояженная голова камердинера Патрика, он позвал секретаря. Вуд вышел и вскоре вернулся, держа в руке записную книжечку в зелёной кожаной обложке.

— Холден нашёл эту книжку в автомобиле, в котором мы ездили. Она закатилась в щель сиденья. Помню, что эта книжка

была в руках Ороры перед отъездом. Наверное, когда нас встряхнуло около мельницы, эта штука выскочила из баула.

— Надо переслать Ороре, — сказала миссис Дойль. — Она оставила мне лондонский адрес.

Сэр Артур стал просматривать книжку. Были заполнены лишь первые несколько страниц.

— Здесь только отдельные буквы и цифры, — сказал он.

Миссис Дойль улыбнулась.

— Ничего удивительного. Она записывала задачи по алгебре.

— И что-то вроде инициалов, — продолжал сэр Артур. — Похоже на пометки о курсах акций или... о ставках на бегах.

Он вернул книжку Вуду. Крайстчерч надел очки и, подсев к Вуду, наклонился над книжкой.

— Таинственные записи... явно зашифрованные. Очевидно, пометки для донесения. — Он хлопнул рукой по набалдашнику трости. — Понял! Недавно я написал своему другу в Лондон о краже в моём доме. Он, наверно, обратился к заправилам Скотланд-Ярда, и они прислали женщину-сыщика, чтобы нашла воров. Выходит, ваша Орора вовсе не американка и не учительница, а сыщик.

Сэр Артур, не вынимая трубки изо рта, произнёс:

— Но почему же она приехала сюда, а не к вам? И рылась в моих бумагах?

Крайстчерч наклонил голову набок.

— Очевидно, для отвода глаз. Чтобы обмануть преступников, усыпить их бдительность. Она здесь собрала все нужные сведения и укатила в Лондон. А эти зашифрованные пометки — для доклада начальству.

— Неужели она сыщик? — удивилась миссис Дойль. — Вот не думала...

— Они часто принимают такой вид, чтобы никто не мог догадаться. — Крайстчерч повернулся к сэру Артуру. — Ваш Холмс тоже часто прибегает к этому способу. В прошлом году,

незадолго до рождества, в Хайндхед приезжал страховой агент, ходил по домам и выяснял кое-что. И оказалось, что он полицейский сыщик. Он посетил меня и получил исчерпывающие сведения о племяннице Риджуэя. И эта Орора, несомненно, тоже сыщик.

Миссис Дойль покачала головой.

— Значит, теперь появились женщины-сыщики? Наверно, отбирают самых храбрых.

— Самых хитрых, — сказал Крайстчерч. — Есть такие дела, где требуются именно детективы в юбке, чтобы не спугнуть дичь. Женщины-сыщики обладают природным тонким нюхом и скорее мужчин могут обнаружить тайну преступления. И женщинам, конечно, помогает то, что по складу своей натуры им легче понять психологию преступника.

Сэр Артур неодобрительно хмыкнул.

— Всё-таки странно, что эта женщина-сыщик как будто искала что-то в кабинете, — сказал Вуд.

Крайстчерч шмыгнул носом:

— Вероятно, что-то искала. Во всяком случае, делала это неспроста. Очевидно, в ходе розыска следы привели куда надо.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил сэр Артур. — Я прошу...

Бывший судья наклонил голову набок.

— Я только констатирую факт. Женщине-сыщику понадобилось сделать подобие обыска у вас. А почему, не знаю... теряюсь в догадках.

— Артур, молчи! — Миссис Дойль повернулась к гостю. — Значит, всё это она выдумала? Насчёт того, что Артур написал письмо в Америку о намерении убить Холмса и что она нашла черновик...

Крайстчерч ответил:

— Сыщики придумывают любые поводы для того, чтобы проникнуть туда, куда им надо. Ваша Орора поступила так, как подобает профессиональному сыщику.

Вуд взял со стола записную книжку и стал снова перелистывать её. Затем понюхал обложку и провёл по ней пальцем.

— Тут записка какая-то.

Он вытащил листочек, который был засунут под бумагу, наклеенную на внутренней стороне обложки.

— У сыщиков всегда таки записные книжки с потайным карманчиком, — пояснил Крайстчерч. — Они туда засовывают денежные взятки. Сыщики, как правило...

— Читайте, — сказал сэр Артур.

9

Вуд стал громко читать:

— *«Предложенный вами способ с двойным алиби используем в деле хозяина ювелирного магазина. Его и приказчика убьём — первого отравим мышьяком, второго удавим и изобразим самоубийство. А насчёт жокея-пуэрториканца принимаем ваш план, только пусть сперва вытянет всё, что можно, у богатой вдовы. А разделаться с ней можно будет примерно так же, как в деле с крупье из Монако. Будем рады, если вам удастся пробраться к лорду Баскервиллю, уверены, что вам удастся окрутить старушку и поехать вместе с ней в Андершоу, только будьте осторожны. Ваш Р. К. 112, Уолнат-стрит, Филадельфия».*

На минуту воцарилось молчание. Потом миссис Дойль дрожащим голосом произнесла;

— Дайте.

Она взяла листочек у Вуда.

— Бандитка! — вскрикнул Крайстчерч. — Судя по всему, она руководила всеми ворами в нашем графстве. И кража у меня, и у викария, и прошлогоднее убийство с грабежом в Олдершоте и прочие нераскрытые дела... все были совершены этой шайкой. Это та самая банда грабителей и убийц в Лондоне, к которой причастен племянник Риджуэя. И ею управляют с той стороны океана. Всё ясно!

— Ничего не понимаю... — Миссис Дойль вздрогнула. —
Неужели она...

Листочек выпал из её рук на пол у камина. Крайстчерч вскочил и, подобрав записку, положил на стол.

— Это важное вещественное доказательство.

Сэр Артур подошёл к матери и погладил её по плечу.

— Успокойтесь, мама. Ничего страшного.

— Очевидно, готовят нападение на вашу усадьбу, — Крайстчерч приставил палец ко рту, — наверно, среди вашей прислуги кто-то связан с этой шайкой. Рекогносцировка проведена, и теперь ждите гостей. Между прочим... — он посмотрел на дверь и понизил голос, — ваш камердинер не внушает мне доверия.

Вуд поднял плечи и отчеканил по-военному:

— Заявим в полицию и примем все меры. Пусть только сунутся.

— Какой ужас!.. — прошептала миссис Дойль.

Сэр Артур взял со стола записную книжку, просмотрел записи на первых страницах, затем листочек, извлечённый из кармана обложки.

— Насчёт полиции подождём, — сказал он. — У нас два «люгера» и один карманный кольт, и мы оба умеем стрелять. Бояться нечего.

Крайстчерч встал и поклонился миссис Дойль.

— Премного благодарен за прекрасный обед и интересную беседу. Но у меня ещё куча дел, надо успеть.

Взяв трость под мышку, он торопливо вышел из гостиной — ему, очевидно, надо было успеть до вечера оповестить соседей о потрясающем происшествии, случившемся в усадьбе писателя.

10

Через два дня на имя сэра Артура пришло письмо из Лондона. На конверте было написано: «Только лично». Вуд осторожно вскрыл конверт и протянул сэру Артуру, сидевшему за письменным столом. От светло-зелёной бумаги шёл аромат духов. Почерк женский — торопливый, размашистый.

«Дорогой сэра Артур!

Простите за поспешный отъезд, не смогла даже лично проститься с Вами. Ваша уважаемая мамаша решила, не откладывая, объяснить с Вами за обедом, хотя я просила её повременить, чтобы побыть ещё день-два у Вас. Но, увы, мои уговоры не подействовали, миссис Дойль, типичная ирландка, мой дед тоже был из Дублина, и я знаю, что такое ирландское упрямство. Я вынуждена была уехать, чтобы не оказаться в неловком положении.

Дело в том, что я соврала Вашей маме, будто бы нашла среди Ваших бумаг черновик рассказа об убийстве Холмса. Она поверила.

Почему я соврала? Объясню всё по порядку.

Серия Ника Картера имеет у нас сумасшедший успех. В этом году наметили выпуск 45 книжек вместо прежних 35-37. У них сейчас работает пятнадцать авторов, они хотят нанять ещё нескольких.

Наше издательство тоже задумало выпустить серию книжек о похождениях сыщика. Но мы отказались от мысли придумывать нового, никому не известного детектива, а решили использовать Шерлока Холмса, которого знают и любят во всём мире и особенно у нас. Ведь пьеса о Холмсе прошла в Америке 450 раз. Сыщик, созданный Вами ровно двадцать лет назад, уже принадлежит не одному Вам, а всему человечеству — так же как Красная Шапочка, Дед Мороз, Синяя Борода и Робин Гуд. И предъявлять в отношении их право собственности так же нелепо, как и в отношении облаков и звёзд.

Мы будем выпускать книги о приключениях великого сыщика под видом воспоминаний его самого, а не доктора Ватсона. И мы используем те самые дела Холмса, о которых часто мимоходом упоминал Ватсон (помните наш разговор у входа на веранду?). Читатели ждут с нетерпением рассказов об этих делах, и мы удовлетворим их желание.

Но, для того чтобы выпустить серию книг о Холмсе, нам нужно, чтобы герой здравствовал. А у нас было опасение: что, если Вы надумали прикончить его, как это Вы уже однажды сделали? Если Вы убьёте его и это станет известно всему миру, то наши планы рухнут. Необходимо, чтобы сыщик был жив. Для того чтобы проверить, есть ли у Вас намерение умертвить Холмса в ближайшем будущем, издательство послало меня в Англию, чтобы я пробралась к Вам и ознакомилась тайком с Вашими записями и черновиками.

Прибыв в Эдинбург, я познакомилась с миссис Дойль, отрекомендовавшись почитательницей Вашего таланта, и напугала её сообщением о том, что будто бы Вы собираетесь опять убить своего героя и уже оповестили об этом своего друга в Америке. (Я наврала относительно Вашего письма майору Понду.) И добилась того, что Ваша мама поехала в Андершоу, взяв меня с собой. Затем я сказала, что будто бы нашла в одном из шкафов в Вашем кабинете черновик рассказа о страшной гибели Холмса. Ваша мама поверила и этому и заявила, что запретит Вам убивать сыщика и возьмёт с Вас клятвенное обещание никогда больше не покушаться на его жизнь. Нам нужно было именно это.

Простите, что я без разрешения похозяйничала в Вашем кабинете — осмотрела содержимое шкафов, шифоньера и ящичков двух письменных столов (за исключением двух ящичков маленького письменного стола, закрытых на ключ). Но не беспокойтесь, ничего, ни одного листочка я не взяла, и мы не пользуем Ваших сюжетов — мы не бандиты.

Сердечный привет глубокоуважаемой миссис Дойль, Вашим милым детям и Вашему секретарю, чем-то напоминающему доктора Ватсона.

Искренне Ваша
Орора Килларни.
24 апреля 1906 года,
Лондон.

Постскриптум.

Я потеряла записную книжку, возможно, у Вас в доме или в автомобиле. В книжке записаны инициалы наших авторов и суммы выданных им авансов. Мы набрали уже 25 человек, и они уже принялись за дело. Очень прошу переслать записную книжку по адресу, который я оставила Вашей глубокоуважаемой маме. Передайте ей сердечную благодарность от нашей фирмы».

Сэр Артур шлёпнул ладонью по столу.

— Издательская шпионка! А вовсе не сыщик и не бандитка.

— Хуже бандитки, — сказал Вуд, прочитав письмо.

Сэр Артур встал и несколько раз прошёлся по кабинету.

— И как это я не догадался? Ведь так легко было бы понять, кто она. Хорошо знает, сколько книг о Нике Картере выпускается в год и какие гонорары я получал от «Стренд-мэгэзина», знает наперечёт мои вещи, где упоминаются неизвестные читателям дела Холмса. Сразу же можно было понять, что для школьной учительницы она слишком осведомлена. И мама тоже... Почему-то расспрашивала меня насчёт шкафов. А самое главное, — сэр Артур щёлкнул себя по лбу, — Орора нашла ошибки в моих рассказах... Ясно, что это мог сделать только редакционный работник. Это их профессиональная черта, у них особое чутьё, как у сеттеров.

Вуд вздохнул.

— Значит, в Америке теперь начнут всюю выстреливать книжки о Холмсе по сотне, а то и больше в год..

— Будут фабриковать, как сосиски в Чикаго. Вот это и будет настоящим убийством Шерлока Холмса. Подлинным, действительным.

Сэр Артур походил несколько минут по кабинету, посасывая потухшую трубку.

— Не могу себе простить, что не разгадал эту чертовку. Наверно, сейчас смеётся: этот болван сочиняет всякие истории

про сыщика, у самого никакого нюха, никакой наблюдательности... Мне надо потренироваться по этой части, стать самому детективом. А что, если раскрыть тайну какого-нибудь преступления?

— Многие преступления остаются не раскрытыми, — сказал Вуд. — И суды часто ошибаются.

Подумав немного, сэр Артур спросил:

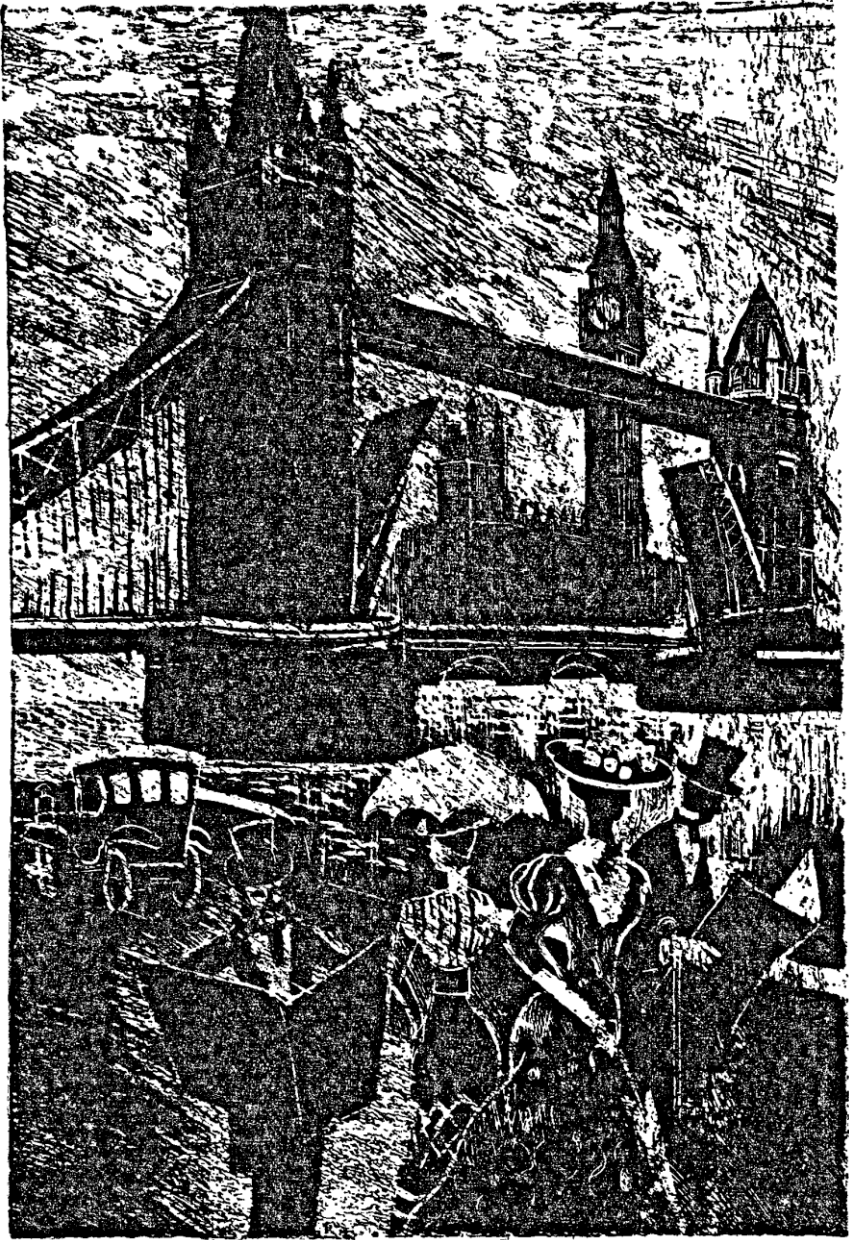
— А когда эта змея вышла в отставку?

— Крайстчерч?

— Да.

— Кажется, три года тому назад. После какого-то странного, тёмного дела. Там фигурировал не то индус, не то негр. Говорили, что не всё было ясно и подсудимый не признался.

— Надо будет заняться вот такими делами, тайнами этих дел, — сказал Конан Дойль.

Сэр Артур — детектив

РАССКАЗ

4

В тот момент, когда я впервые увидел Джорджа Эдалджи, у меня возникла уверенность в том, что его виновность весьма сомнительна...

*Из заявления А. Конан Дойля по делу Дж. Эдалджи
(«Дейли телеграф» от 11 января 1907 г.).*

1

Вскоре после утреннего завтрака явился необычный визитёр — первый секретарь дипломатической миссии одной империи. Он передал Конан Дойлю просьбу посланника: помочь найти драгомана миссии.

Десять дней тому назад драгоман скрылся в неизвестном направлении. Позавчера его видели в кебе на мосту Альберта. Он держал в руках букет из чёрных роз. И больше его не видели. Ввиду деликатного характера этого дела посланник счёл неудобным обращаться в официальное учреждение и решил прибегнуть к высокой помощи всемирно известного писателя. Китайской миссии известно, что к сэру Артуру часто обращаются с такими просьбами.

Сэр Артур развёл руками.

— Это верно, что мне присылают письма с просьбами о расследовании, но я, как правило, пересылаю их куда следует.

Потому, что я не сыщик, а только литератор. К тому же недавно меня постигло большое несчастье... и врачи предписали мне полный покой. Очень сожалею, но я лишён возможности быть вам полезным.

Иностранный дипломат поклонился и выразил глубокое соболезнование, затем, выдержав паузу, намекнул на то, что его правительство готово преподнести сэру Артуру соответствующую компенсацию за потерянное драгоценное время. Но писатель, покачав головой, повторил свой отказ.

Тогда секретарь миссии прибегнул к последнему средству — попытался заинтересовать сэра Артура. В спальне у драгомана нашли его косу; очевидно, он срезал её накануне своего исчезновения. Коса пропитана духами, судя по аромату, очень дорогими. Очевидно, в это дело замешана какая-то высокопоставленная женщина. И возможно, что она причастна к некоторым секретам придворных или правительственных сфер Великобритании.

Но и этот довод не подействовал на Конан Дойля. Дипломат принёс извинение за визит в неуточное время и, отсчитав полторы минуты, требуемые дипломатическим этикетом, встал и откланялся.

Проводив гостя, сэр Артур прошёл в кабинет. Секретарь Альфред Вуд передал ему утреннюю почту. Просмотрев письма, сэр Артур написал своей рукой ответ известному исследователю Арктики Стефанссону и продиктовал Вуду текст ответа издательству Ньюнза.

— А эти? — спросил он, показывая на письма, лежащие отдельно. — Сэру Шерлоку Холмсу?

Вуд кивнул головой.

— Я отвечу всем, как всегда. Но это... — Он взял одно из писем и протянул писателю. — Помните то загадочное дело, о котором мы как-то говорили весной? После визита американской шпионки...

— Помню. Дело какого-то негра, кажется... — Сэр Артур вынул письмо и пробежал его глазами. — Это письмо от самого преступника... то-есть осуждённого. — Сэр Артур ещё раз прочитал письмо, на этот раз медленно. — Это было последнее дело судьи Крайстчерча?

— Да, самое последнее. Мне говорили, что после окончания дела к Крайстчерчу явилась сестра обвиняемого, совсем девочка, и сказала ему, что он совершил большой грех, осудив невиновного. И тогда судья избил её тростью. Эту историю замяли с большим трудом, но Крайстчерчу пришлось уйти в отставку.

Подумав немного, сэр Артур сказал:

— Не негр, а сын индуса. И тут что-то непонятно... Во всяком случае, эта история пахнет тайной. Подберите мне, Альфред, газетные и журнальные вырезки по этому делу.

Вуд пошёл в свою комнату печатать на машинке ответы на письма, а сэр Артур отправился на кладбище. Он взял с собой лопату, чтобы расчистить дорожку к могиле жены, — за ночь выпало много снега.

Вуд выполнил приказание сэра Артура и к моменту его возвращения на столе в кабинете уже лежали две папки с газетными вырезками и несколько номеров английских и иностранных журналов со статьями о деле сына викария из Стаффордширского графства.

Сэр Артур показал на бутылку, стоящую на кипарисовой шифоньерке.

— А это что?

Вуд ответил:

— Эту бутылку французского коньяка оставил в передней китайский дипломат. Наверно, у них так принято.

2

Это началось ровно четырнадцать лет тому назад — в 1892 году. В посёлке Грейт-Уэрли, находящемся в двадцати милях от Бирмингема, кто-то стал рассылать анонимные письма.

Они были написаны не особенно грамотно, с орфографическими погрешностями и одной и той же рукой либо печатными буквами, либо обычным почерком.

В письмах говорилось, что местный викарий Шапурджи Эдалджи — тайный элодей. Он — сын переселенца из Индии и, хотя называет себя христианином, состоит в страшной секте огнепоклонников. Он должен убраться из Англии, иначе ему и членам его семьи будет плохо.

Автор анонимок обрушивался не только на викария. В письмах изобличались и другие жители посёлка, в том числе и директор колледжа в Уолсолле, друг викария. Он, оказывается, несмотря на свою почтенную седину, собирал неприличные фотографии и покупал краденые вещи у карманных воров в Бирмингеме.

Затем кто-то стал по ночам разбрасывать на лужайке перед домом викария различный мусор и нечистоты. А однажды подкинул к дверям дома Эдалджи ключ, украденный в колледже в Уолсолле. Как-то раз перед Рождеством несколько викариев соседних районов получили письма с грязными ругательствами, подписанные именем Шапурджи Эдалджи.

Викарий Эдалджи каждый раз пересылал письма начальнику полиции графства Ансону с просьбой принять соответствующие меры.

Начальник полиции высказал предположение, что анонимки и прочие проказы — дело рук сына викария — пятнадцатилетнего школьника Джорджа. За шалости сына должен отвечать отец, а не полиция.

Не раз бывало так, что, когда викарий и его домашние сидели за обеденным столом, кто-то засовывал под парадную дверь письма с угрозами и проклятиями. Викарий заявлял Ансону о том, что эти письма появлялись как раз в то время, когда Джордж сидел на глазах у родителей. Ансон отвечал: «Спрашивайте у своего сына, как он ухитряется проделывать такие трюки».

А когда у дверей дома викария нашли ключ, похищенный в Уолсоллском колледже, начальник полиции вызвал к себе Джорджа. Смуглый, темноглазый мальчик с чёрными вьющимися волосами отвечал, отводя глаза в сторону, — он ничего не знает, писем не писал, ничего не крал, ничего дурного не делал.

После допроса Ансон прислал викарию записку: «По глазам вашего сына видно, что он знает что-то, но не хочет сказать. Ему нельзя верить».

В конце 1895 года деятельность автора анонимок вдруг прекратилась. К этому времени сын викария, окончив начальную школу, поступил в Мэйсонский колледж, затем в Бирмингемский университет и стал ездить каждый день в город. Письма перестали рассылаться, и перед домом викария уже больше не появлялось никакого мусора.

В течение восьми лет в посёлке царило полное спокойствие. Но оно было нарушено в 1903 году. В Грейт-Уэрли стали снова происходить события. На этот раз злоумышленник избрал своими жертвами животных — овец, коров и лошадей, принадлежащих местным жителям. Кто-то подкрадывался в ночной темноте к бедным животным и резал их острым ножом.

Весь посёлок был потрясён этими бессмысленно-жестокими действиями. Начальник полиции графства приказал старшему инспектору Кэмелу, отвечавшему за порядок и безопасность в Грейт-Уэрли, немедленно принять меры — изловить злодея на месте преступления.

И снова появились анонимные письма. На этот раз они были адресованы полиции. В отличие от тех, которые рассылались восемь лет тому назад, они были написаны более грамотно и даже с претензией на поэтичность. Автор описывал красоты моря — волны с белыми гребешками, пируэты чаек и грохот прибоя, — привольную жизнь моряков. Затем делал намёки на то, что полиция никогда не найдёт тех, кто наводит страх на население графства. Потому что они объединены в грозную шайку,

во главе которой стоит неуловимый храбрец с глазами коршуна и быстрыми, как у лисицы, ногами.

Старший инспектор Кэмел терпеливо собирал все анонимные письма и изучал их так же тщательно, как Шамполион плиты с иероглифами. Злодеяния продолжались. И наконец анонимщик оповестил всех о том, что скоро вместо лошадей и коров шайка начнёт расправляться с двуногими существами. К марту следующего года падут жертвами двадцать девочек.

Таково было положение дел, когда произошло событие, переполнившее чашу терпения жителей Грейт-Уэрли.

3

18 августа 1903 года в шесть часов утра один из жителей посёлка — некий Генри Гарлет нашёл в канаве лошадь с распоротым брюхом. Она была ещё жива. На крики Гарлета сбежались полицейские и сыщики — они уже в течение нескольких недель сидели по ночам в засаде в разных пунктах посёлка. Кроме них, по всем улицам круглосуточно ходили полицейские патрули.

Судя по тому, как была ранена лошадь, орудовал тот же преступник, которого искала полиция. Это уже был восьмой случай за последние шесть месяцев.

Старший инспектор Кэмел выехал на место происшествия, опросил сыщиков и полицейских, патрулировавших ночью по этой дороге, и, вернувшись в участок, распорядился доставить ему сведения о сыне vicария.

Ему доложили: Джордж Эдалджи, двадцати шести лет от роду, окончил Бирмингемский университет, выдержал экзамен на присяжного стряпчего и стал работать в адвокатской конторе. Принимал участие в составлении справочника по железнодорожному законодательству и других трудов по юриспруденции, за один из них получил премию Великобритании юридической ассоциации. Холост, не пьёт, не курит. Спортом не занимается. В церковь, хотя он сын vicария, совсем не ходит; по воскресеньям ездит в Бирмингем и проводит весь день в библиотеках.

Кэмел вызвал к себе полицейского Уилса, знавшего семью викария, и получил дополнительные сведения. У Джорджа Эдалджи и его младшей сестры, её звали Мод, — кожа смуглая, глаза чёрные, волосы вьющиеся. Джордж и Мод вели очень замкнутый образ жизни, ни с кем, даже со школьными товарищами, не общались.

Шахтёр Гарлет нашёл зарезанную лошадь в шесть часов утра, а спустя два часа Кэмел, в сопровождении других чинов полиции, уже подходил к дому викария Эдалджи. Старшего инспектора полицейского отделения в Грейт-Уэрли никак нельзя было упрекнуть в медлительности.

Джорджа дома не было — он каждое утро в семь тридцать уезжал в Бирмингем на работу. Кэмел произвёл обыск в доме викария и первым делом осмотрел домашнюю одежду Джорджа и его обувь. На рукавах куртки были обнаружены белые и чёрные пятна, а на серых саржевых брюках следы чёрной грязи. Кэмел сказал, что куртка мокровата и на ней видны короткие волоски — очевидно, следы шерсти лошади тёмной масти. Дочь викария возразила: куртка совсем сухая и никаких волосков на ней нет, просто это чёрная шерстяная куртка с пушистым ворсом.

Кэмел приказал своим подчинённым взять для экспертизы куртку, брюки и жилетку, а также сапоги, покрытые чёрной грязью. Проходя мимо лошади, валявшейся в канаве с размякшей глиной, Кэмел распорядился прикончить её и вырезать кусок шкуры. Этот кусок вложили в мешок с вещественными доказательствами.

Спустя несколько часов в участок прибыл полицейский врач Баттер. Из мешка вытащили куртку, жилет, брюки и сапоги Джорджа. Доктор, тщательно осмотрев пятна на куртке, сказал, что это следы пищи, а на правом рукаве — пятна кровавые, может быть, от бифштекса или от чего-нибудь другого, но давнего происхождения.

Тогда Кэмел приказал извлечь из мешка кусок шкуры убитой лошади и положить рядом с одеждой Джорджа. Врач Баттер

ещё раз осмотрел одежду, на этот раз через микроскоп, и нашёл то, что требовалось найти, — двадцать девять тёмных волосков на куртке и пять на жилете. Цвет волосков совпадал с мастью погибшей лошади. Старший инспектор кивнул головой и произнёс: «Преступник найден».

4

В тот же вечер Джордж Эдалджи был арестован в Бирмингеме на месте работы — в адвокатской конторе. Когда его везли в Грейт-Уэрли, он пробормотал: «Я знал, что так получится. Я ждал этого». Эта фраза была записана, о ней доложили Кэмелу. Он сказал: «В этих словах заключается признание преступника».

Но как только Джорджа начали допрашивать, он заявил о своей невинности. Накануне вечером он вернулся домой из Бирмингема в половине седьмого и через некоторое время, надев домашнюю куртку, жилет и саржевые брюки, пошёл по шоссе на дороге в Бриджтаун к сапожнику. Пришёл к нему после восьми часов тридцати минут. Сапожник Джон Хенд подтвердил это. Заказчик пробыл у него минут пять и, оставив ботинки, ушёл. В руках у него ничего не было.

Джордж далее показал, что гулял до половины десятого и вернулся домой к ужину. Таким образом, было установлено, что Джордж накануне вечером был вне дома примерно с семи вечера до половины десятого, то-есть в течение двух с половиной часов. Выяснилось также, что в предыдущие вечера он совсем не выходил на улицу, а в этот вечер, несмотря на дождь и темень, совершил продолжительную прогулку.

— Почему вы любите ходить по улицам именно в такие вечера, когда погода, как вы сами сказали, не располагает к прогулке? — спросил в упор Кэмел.

Этот вопрос крайне смутил Джорджа. Не дав ему опомниться, Кэмел отчеканил:

— Джордж Эдалджи, вы избличены. Вы рассылали гнусные анонимки, проделывали всякие гадости, убивали животных и

в конце концов попались. Вы юрист и должны знать, что вам теперь полагается по закону.

Весть о поимке злодея, в течение долгого времени будоражившего весь Стаффордшир своими подмётными письмами и нападениями на животных, распространилась по всему посёлку. Преступника посадили в закрытую повозку — её называли «Чёрная Мэри» — и отправили в Каннок к прокурору. Возбуждённая толпа стала кричать: «Бей желтокожего ублюдка!», «Выгнать всех цветных из Англии!». Мальчишки улюлюкали и швыряли камни в повозку, взрослые последовали их примеру. Разъярённые женщины сгрудились вокруг «Чёрной Мэри» и сорвали дверцу, мужчины схватили Джорджа за связанные руки, чтобы вытащить его и расправиться на месте. Полицейские с трудом предотвратили самосуд, но не смогли уберечь арестанта от камней и ударов палками — его лицо покрылось синяками и ссадинами.

Полиция представила на квартальную сессию суда в Канноке решающие улики: одежду подсудимого с явными следами прямого соприкосновения с лошадью тёмной масти и сапог, заляпанный чёрной грязью и глиной. Эти улики произвели сильное впечатление на присяжных, состоявших из жителей Грейт-Уэрли. Утверждения Джорджа о том, что он ходил только по главной улице посёлка, где нет никакой глины и что он не видел в тот вечер никакой лошади тёмной масти, звучали неубедительно.

Выступивший на суде старший инспектор Кэмел заявил, что подсудимый на допросе в полиции признался в том, что 17 августа вечером до девяти тридцати был вне дома — и как раз в эти часы было совершено преступление.

Адвокат, защищавший Джорджа, потребовал вызова в суд ветеринарного врача Смизерса, который произвёл осмотр убитой лошади. Смизерс показал, что, судя по ране и по количеству вытекшей крови, лошадь была зарезана не ранее двух часов тридцати минут утра. Но это показание ветеринара не могло опро-

вергнуть утверждения полиции и прокурора о том, что Джордж зарезал лошадь. Дело не в том, в котором именно часу он напал на животное, а в том, что он совершил это нападение, о чём свидетельствуют следы лошадиной шерсти тёмной масти на его одежде и комы глины на его правом сапоге.

Прокурор задал вопрос ветеринару: что это за волоски на одежде подсудимого? Человеческие или, может быть, какому-нибудь животного? Например, жирафа?

Ветеринар ответил: это шерсть не жирафа, а лошади вороной масти.

На суд был вызван эксперт-графолог Томас Гарлин. Он удостоверил, что все анонимные письма, которые были представлены суду полицией, написаны рукой одного и того же человека — им является подсудимый Джордж Эдалджи.

Прокурор в своей речи поддержал обвинение в полном объёме. Адвокат Джорджа настаивал на том, что факт выхода Джорджа из дома после двух часов тридцати минут ночи точно не установлен и поэтому вряд ли аргументацию обвинения можно считать вполне обоснованной, а что касается вопроса об авторстве анонимок, то необходимо более тщательное изучение всех документов и всех обстоятельств, связанных с их появлением.

Судья графства Крайстчерч в своём резюме, обращённом к присяжным, повторил в сокращённом виде все утверждения прокурора, оставив без внимания доводы защиты. Присяжные удалились в свою комнату и очень быстро вернулись в зал суда. На вопрос судьи: виновен ли Джордж Эдалджи, они ответили утвердительно. На основании вердикта присяжных судья приговорил Джорджа к семи годам каторжной тюрьмы.

Приговор квартальной сессии суда был окончательным, — не подлежал обжалованию. Друзья Джорджа Эдалджи послали петицию на имя министра внутренних дел — просили пересмотреть дело, но не получили ответа. Ансону и Кэмелу была выражена благодарность от министерства внутренних дел за поимку изверга.

Судья Крайстчерч через некоторое время подал в отставку. Викарий Эдалджи сложил с себя сан из-за болезни, заболела также его жена Шарлотта, урождённая Стоуман. А виновник их бед — Джордж Эдалджи — сидел сперва в тюрьме в Луисе, затем его перевели в портландскую тюрьму, где заставили шить мешки для овса. Так бывший присяжный стряпчий превратился в каторжника.

5

Но он отсидел не семь лет, положенных ему, а всего три года. Из Лондона, из министерства внутренних дел, вдруг пришло распоряжение: досрочно освободить Эдалджи. Ему объявили об этом. Он спросил: что означает его освобождение? Отмену судебного приговора, то-есть признание его невиновным, или ему сократили срок заключения за хорошее поведение в тюрьме?

Начальник портландской тюрьмы ответил:

— Вас осудили за преступление и вы были каторжником, а теперь признали возможным выпустить вас на волю — и всё. Никаких объяснений давать вам не обязан, да их и не требуется. Благодарите бога.

Джордж Эдалджи вышел из ворот тюрьмы в начале ноября 1906 года с клеймом каторжника, отбывшего срок наказания. О возвращении к прежней работе не могло быть и речи — после вынесения обвинительного приговора он был исключён из корпорации английских юристов.

Как же ему быть? Что же он должен делать? Он решил: надо добиваться правды.

Мод, его сестра, сказала: надо обратиться не к высшим судебным инстанциям, не к правительству и не к королю Англии, а к человеку, который пишет книги о том, как раскрывают тайны преступлений, как находят настоящих виновников и смывают позор с тех, кого несправедливо заподозрили в чём-нибудь или обвинили. Надо послать письмо сэру Артуру Конан Дойлю. Он,

конечно, очень занят, но, может быть, найдёт минуту как-нибудь помочь жертве судебной ошибки.

И Джордж написал письмо, в котором умолял писателя разобраться в его деле.

6

Весь день и половину следующего дня сэр Артур посвятил просмотру папок и журналов. Много раз бесшумно открывалась дверь в кабинет, показывалась голова Вуда и исчезала.

Наконец сэр Артур откинулся на спинку стула, потянулся и пересел в кресло перед камином. Взяв со столика кисточку, окунул её в баночку с водой, смочил внутреннюю сторону головки трубки, набил её прессованным табаком и закурил.

Выкурив трубку, сэр Артур взял колокольчик и позвонил. В дверях показался Вуд.

— Прочитал всё, Альфред, — сказал сэр Артур.

Подойдя к столу, Вуд стал приводить в порядок разбросанные номера журналов.

Сэр Артур улыбнулся.

— На вашем лице, хотя вы это стараетесь изо всех сил скрыть, написано: это дело занимательней любой книги о выдуманном сыщике.

Вуд поскрёб пальцем подбородок и нахмурился — чувство юмора не входило в число его достоинств.

— Я так не думаю, — сказал он. — Но мне кажется, вас это дело заинтересовало. Вчера читали до половины двенадцатого ночи и сегодня с восьми утра... — Он посмотрел на часы на камине. — По расписанию мы сегодня должны были...

— У меня ещё не всё утряслось в голове. — Сэр Артур показал на папки и журналы. — Надо как следует подумать. Пойду прогуляюсь.

Сэр Артур пошёл на кладбище, затем совершил прогулку в сторону леса за церковью. Вернулся домой, когда уже были зажжены лампы.

Войдя в кабинет, сэр Артур сел в кресло и хлопнул ладонью по подлокотнику.

— Решение принято. Займусь этой историей, отложим все остальные дела.

Вуд наклонил голову набок.

— Редакция «Стрэнда» ждёт рассказ к мартовскому номеру. Место для десяти тысяч слов оставлено. Вы обещали дать им к концу года. И кроме того, «Виндзор-мэгэзин» просит...

Сэр Артур стал чистить трубку лопаточкой.

— Подождут. Англия не погибнет. А дело Эдалджи не может ждать.

Вуд взял большую тетрадь и карандаш.

— Пошлёте ответ Джорджу Эдалджи?

Он сообщает свой адрес — живёт около Бирмингема.

— Подождём с ответом. — Сэр Артур встал с кресла и прошёлся несколько раз по кабинету. — Надо собрать все нужные сведения, как следует всё проверить и только после этого пошлём ответ. Начнём действовать немедленно.

План был составлен быстро — как перед боем, которого не ожидали.

1. Послать телеграмму редактору бирмингемской газеты «Экспресс энд стар» с просьбой об оказании содействия — сообщить, что речь идёт о проверке материалов судебного процесса по делу Джорджа Эдалджи» Указать на то, что проверка будет проводиться в негласном порядке — иметь это в виду.

2. Выехать немедленно в Бирмингем. Получить разрешение от властей графства Стаффордшира ознакомиться в полицейском архиве с делом Эдалджи.

3. Ознакомиться с делом Эдалджи в архиве суда в Канноке.

4. Проехать в Грейт-Уэрли, соблюдая строжайшее инкогнито. Поговорить с местными жителями, в первую очередь с теми, кто видел анонимные письма и был лично знаком с Джорджем Эдалджи и его родными и кто видел зарезанных животных.

5. Изучить топографию Грейт-Уэрли. (Это берёт на себя Вуд).

6. Встретиться с действующими лицами этого дела, начиная с Ансона и Кэмела.

— Итак, майор, вперёд! — Сэр Артур подошёл к шифоньерке у окна и налил Вуду и себе по рюмке коньяку. — За успех нашего предприятия!

7

Главный редактор газеты «Экспресс энд стар» — Ричард Макканна оказался очень симпатичным старичком: с кругленькими бакенбардами, круглыми очками, круглым румяным лицом и круглым брюшком — типичный мистер Пиквик, эсквайр.

Он встретил прибывших на вокзале и проводил их в гостиницу.

— Я тогда поставил подпись под петицией по делу Эдалджи, как подобает каждому честному газетчику, — сказал он, ткнув себя пальцем в грудь, — но лондонские мандарины отвели молчанием. Очевидно, не умеют читать по-английски.

Он представил сэру Артуру худощавого, веснушчатого юношу с большими зелёными глазами и растрёпанными волосами соломенного цвета.

— Алан Макриви, мой земляк, тоже из Северной Шотландии, самый расторопный из всех репортёров моей газеты. Он оказывается на месте происшествия, как правило, за час до события. У него феноменальный нюх и дьявольская хватка. Он ухитрился получить интервью у самой Элеоноры Дузе, когда она ехала в поезде из Ливерпуля в Лондон. Его трижды выкидывали из её купе, но в четвёртый раз он проник к ней под видом носильщика и добился своего.

Макриви покраснел как девушка и поклонился.

К моменту прибытия сэра Артура в Бирмингем Макканна уже успел сделать необходимое. Член нижней палаты от Бирмингема приходился родственником его жене, а председатель

местного суда был его постоянным партнёром по бриджу. Можно было сразу же ехать в Каннок, где находился архив квартальных сессий суда и выездных сессий — ассиз.

Макриви нанял кеб, и сэр Артур с Вудом, быстро позавтракав, направились в Каннок. Макриви взял с собой редакционный фотоаппарат, уместившийся в чемодане.

Во флигельке за зданием мэрии их встретил хранитель архива — высокий красивый старик в белой ермолке на макушке, как у римского папы. Фамилия у него была итальянская — Фраскатти, манеры — старомодно-изысканные.

Он провёл гостей в комнату с большим дубовым столом, на котором стояли массивные серебряные подсвечники и большая бутылка вермута. Затем скрылся за дверью, обитой железом, и принёс несколько папок, перевязанных толстыми шнурами. В комнату вошёл огромный чёрный кот. Фраскатти величавым жестом представил его:

— Мой помощник, Отелло, оберегает бумаги от крыс.

Но углы папок были аккуратно объедены — очевидно, помощник хранителя иногда манкировал своими обязанностями из-за каннокских кошек.

Сэр Артур и Вуд сразу же принялись за работу. Просмотрели дело Эдалджи и сделали нужные выписки. Выяснилось, что ехать в Стаффордшир, чтобы искать в полицейском архиве графства подлинники анонимных писем периода 1892-1895 годов и за февраль-август 1903 года нет необходимости. Все письма были собраны в красной папке, на которой было написано: «Приложение к судебно-следственному делу № 226». Оказывается, эта красная папка с анонимками фигурировала на суде — по ней давал заключение графолог эксперт Томас Гарлин.

— А где сейчас этот Гарлин? — спросил сэр Артур.

Фраскатти ответил не сразу.

— Он теперь уже не выступает в амплу эксперта. А где он сейчас... затрудняюсь точно сказать. Не угодно ли рюмочку вермута? Настоящий туринский, сухой.

Когда ехали обратно в Бирмингам, сэр Артур высказал предположение, что Фраскатти, наверно, знает, где сейчас Томас Гарлин, но не хочет сказать.

— Наверно, Гарлин тоже любит кошек,— сказал Макриви. — Солидарность кошатников.

Он попросил остановить кеб у редакции и обещал сейчас же передать негативы редакционному фотографу. Поздно вечером он пришёл в гостиницу и доложил: Томас Гарлин три года тому назад был заподозрен во взяточничестве при разборе дела одного поддельвателя векселей — дал заключение в пользу мошенника. Выяснилось также, что из-за его неправильной экспертизы был несправедливо осуждён некий Адольф Бек, дело которого сейчас пересматривается. Сейчас Гарлин живёт в предместье Вулвергемптона и разводит цветы. Вероятно, торгует ими. Можно ещё собрать сведения — более доверительного свойства.

— Вы будете знаменитым репортёром,— сказал сэр Артур. — Вам место в Лондоне, на Флит-стрит.

— Если надо, я могу поехать к Гарлину и получить у него интервью относительно дел Эдалджи, Бека и поддельвателя векселей.

Сэр Артур засмеялся.

— Боюсь, что вместо интервью он начнёт швыряться цветочными горшками.

Макриви сморщил нос.

— Я буду задавать вопросы через забор. Привычное дело.

Вуд предложил план дальнейших действий. Он с Макриви едет завтра в Грейт-Уэрли на разведку. Макриви будет фотографировать то, что нужно, а Вуд — заниматься топографическими съёмками и составит карту посёлка.

— Первым делом я пойду в бар и там завяжу знакомства,— сказал Макриви.

— У женщин тоже следовало бы получить сведения, — заметил сэр Артур.

Вуд не согласился.

— При рекогносцировке женские сведения не годятся. Ничтожный процент достоверности; могут только сбить с толку.

— Когда пожары и грабежи, надо спрашивать у мужчин, сказал Макриви. — А когда убийства из-за ревности, — только у женщин.

На следующий день вечером Вуд и Макриви доложили сэру Артуру о результатах разведывательного рейда. Вуд набросал карту посёлка, отметив красными чернилами место, где была найдена зарезанная лошадь утром 18 августа 1903 года, дом викария и все естественные преграды, а также заборы, изгороди и проволочные ограждения, которые располагались между домом викария и пустырём, на краю которого было совершено нападение на лошадь.

— По прямой линии от дома викария до места происшествия полмили, — объяснил Вуд. — Но если идти по улицам, то надо пройти вот так и так, а потом пробираться кружным путём, выйдя на окраину посёлка, или же перелезть через все эти заборы и изгороди чужих дворов, а между ними канавы... я отметил их в виде зелёных линий. В общем, надо пройти мили полторы — в самом лучшем случае.

Макриви уточнил:

— Я подсчитал — одиннадцать заборов и проволочных оград, а перед семью из них глубокие канавы... И ещё живые изгороди, их четыре.

— И надо было пробираться тёмной ночью во время сильного дождя, — сказал сэр Артур.

— Сильно пересечённая местность, — заметил Макриви. — Даже генерал Ноги, штурмовавший Порт-Артур, пошёл бы на попятную.

— Каковы ваши успехи? — обратился к репортёру сэр Артур.

Макриви не потерял день даром. Поговорил со многими жителями, проведя несколько часов в баре, выпив семь кружек эля и портера. Познакомился с бывшим полицейским, ныне тор-

говцем — разносчиком угля, неким Уилфридом Стоктоном. Он принимал участие в деле сына викария — ходил на обыск в доме Эдалджи, собирал вещественные доказательства и присутствовал на суде в Канноке.

Сэр Артур одобрительно промычал.

— Это замечательная дичь. Хорошо было бы поговорить с ним лично, но вряд ли удастся вытащить его сюда.

Макриви сделал подчёркнуто равнодушное лицо.

— Я обещал ему очень выгодное дело в Бирмингеме. Он завтра утром придёт сюда в гостиницу. В восемь часов.

— Вряд ли этот Стоктон явится, — буркнул Вуд. — Наверно, решит, что какая-нибудь ловушка.

— Обязательно придёт, — сказал Макриви. — Я обещал свести его со своим несуществующим дядей — скупщиком краденного угля. И кроме того, я выведал у нескольких жительниц посёлка ценные детали теневой стороны биографии бывшего полицейского — за что его выставили из полиции, как замаял его дело старший инспектор Кэмел, каким путём Стоктон иногда добывает уголь и как его ловили на нечистых делах. Я всё записал.

Он передал листочек сэру Артуру. Тот, прочитав, кивнул головой.

— Вас, молодой человек, ожидает кресло шеф-суперинтенданта Скотланд-Ярда!

8

Стоктон пришёл не в восемь, как было условлено, а в девять утра. За это время сэр Артур, Вуд и Макриви обсудили и утвердили тактику, которой надо придерживаться в отношении бывшего полицейского.

Сэр Артур сказал:

— По-моему, он знает много и из него можно кое-что вытянуть, но ни в коем случае не надо запугивать. Он может заикнуться, как устрица. Будем применять мягкую тактику.

Алан встретил Стоктона в вестибюле гостиницы и привёл в номер, занимаемый писателем. Бывший полицейский — долговязый лысый субъект лет сорока, с маленькими глазками и одутловатыми щеками — был одет в потёртый сюртук, на кожаном жилете блестела золотая часовая цепочка. При виде сэра Артура и Вуда он смутился, но его усадили за стол и угостили рюмкой джина.

— Вот что, мистер Стоктон, — заговорил ласковым голосом сэр Артур. — Вы можете помочь мне, и я отблагодарю вас как следует. Дело в том, что я ознакомился с делом Джорджа Эдалджи...

— Этого индуса? — спросил Стоктон и закурил трубку.

— Это дело меня заинтересовало.

— Правильно. Из этого дельца можно такую книжку смастерить. Ловко тогда прихлопнули эту гадину. Мы сразу решили, что это он.

Стоктон зажёл потухшую трубку. Сэр Артур тихо побарабанил пальцами по столу.

— А почему решили, что он?

— Он уже давно у нас был на примете.

— Почему? — Сэр Артур стал барабанить пальцами громче.

— Как почему? Папаша его желтокожий, и он сам тоже, настоящий зверёныш, ублюдок. Вот его и схватили, и бац куда следует.

Он выпустил дым изо рта и засмеялся. Сэр Артур встопорщил усы, покраснел и вдруг ударил кулаком по столу.

— Негодяй! Мерзавцы! — заорал он. — Таких, как вы, надо вешать! Это вы — ублюдки!

Стоктон уронил трубку на колени и застыл с открытым ртом. Потом спохватился и стал стряхивать пепел с брюк.

— Я уже изучил все материалы, — продолжал греметь сэр Артур, — и хочу выяснить до конца, как могло такое чудовищное безобразие возникнуть в нашей Англии? Всех причастных к

этому делу мы притянем к ответу. И вы тоже попадёте на скамью подсудимых, это я вам обещаю. — Сэр Артур сделал паузу и перешёл на нормальный голос. — Но если вы поможете мне... спасёте себя. О ваших проделках я всё знаю, ко мне поступили все сведения о вашей персоне. Мои верные помощники собрали все нужные материалы. И насчёт вдовы Хит, и насчёт карточных колод, которые вы купили у грека, и насчёт угля, купленного у хозяина бара «Корона и якорь», и насчёт других дел. Всё, всё знаю.

Макриви топнул ногой и прошипел:

— Всё знаем.

Стоктон встал, вытянув руки по швам, и еле слышно забормотал:

— Я не предполагал, простите... Я всё скажу, я совсем не виноват, это всё начальники накрутили и приказывали. А мы только выполняли... А что касается вдовы Хит...

Сэр Артур махнул рукой,

— Об этом после. Вы попались, и я подумаю, как быть с вами, Ваше единственное спасение в том, чтобы рассказать без утайки всё, что вы знаете по делу сына викария. А если будете валять дурака, — сэр Артур растёр на пальцах горсточку табака, — превращу в порошок. Вот так. Поняли?

Стоктон кивнул головой, вытащив из кармана большой платок, стал вытирать лицо. Вуд вынул из портфеля тетрадь и приготовился записывать. Макриви тоже вынул записную книжку,

— Вы ходили тогда с Кэмелом к викарию домой для обыска?

— Да... старший инспектор приказал мне сопровождать его. И Пинчу тоже.

— Вы тогда взяли одежду Джорджа Эдалджи и его сапоги. Можете сесть и курить, Теперь отвечайте. Какая грязь была на сапогах Джорджа?

— Как какая? Грязь, обыкновенная грязь.

— Какого цвета?

— Обыкновенная, чёрная. Потому что в посёлке много угольной пыли, близко шахты.

— Значит, Джордж ходил по улицам посёлка и запачкал сапоги чёрной грязью. А почему на суде фигурировал в качестве вещественного доказательства сапог со следами глины? Откуда взялась глина?

Стоктон сделал большую затяжку и закашлялся. Сэр Артур ударил ладонью по столу и повторил вопрос:

— Откуда взялась глина на одном сапоге Джорджа? Ответьте! — Сэр Артур крикнул так громко, что Макриви вздрогнул и чуть не выронил записную книжку.

Стоктон вскочил со стула.

— Так получилось, сэр. — Он замотал головой. — Я совсем не виноват, это приказал старший инспектор... Когда мы вышли из дома викария, то пошли прямо к тому месту, где была лошадь. Кэмел приказал вырезать шкуру... кусок шкуры, Это сделал Пинч. А мне приказал сличить следы около канавы.

— Там было много следов?

— Да, много... все ходили. Прибежало много людей, собрались около канавы, всё время ходили.

— Значит, там после того, как нашли раненую лошадь, ходило много людей?

— Да, сэр.

— И как же вы сличали следы?

— Я взял сапог и стал сравнивать со следами, которые там были. Чтобы найти след такой же величины.

— Как же вы это делали?

— Ставил сапог на землю...

— Выражайтесь точнее: не на землю, а на глину.

— Да, сэр. Я ставил сапог Эдалджи на глину и сравнивал с другими следами,

— Выражайтесь точнее. Вы не ставили на глину, а...

— Простите, сэр, я вдавливал сапог в глину, она была мягкая... там было грязно.

— И вы запачкали сапог глиной? Так?

— Да, сэр. Потому что мне приказали сличать следы. И там были следы... примерно такой же величины...

— Много было таких следов?

— Да, сэр. Но я выбрал только один след возле канавы и сравнил его с сапогом Эдалджи...

— А след от сапога и тот след совпадали?

Стоктон мотнул головой.

— Не совсем... тот был больше.

— И в таком виде сапог Эдалджи был представлен суду? Запачканный глиной?

— Да, сэр. Так приказал старший инспектор, А я бы сам не стал пачкать сапог...

— Садитесь, Стоктон. Теперь следующий вопрос. Очень важный. Куда положили одежду и сапоги Джорджа после обыска в доме викария? Только не врать. Выкладывайте всё.

— Слушаюсь, сэр. Когда я вернулся в участок с пустыря с сапогами Эдалджи...

— Один из которых вы выпачкали глиной.

— Да, сэр. Тогда я увидел, что на столе у старшего инспектора лежит одежда, то-есть куртка, жилет и брюки. И я положил рядом сапоги, один из которых был выпачкан глиной. А потом пришёл Пинч с куском шкуры и тоже положил на стол. А потом мы положили всё это в мешок.

— Всё в один мешок? И одежду и сапоги?

— Да, сэр. Куртку, жилет, брюки, сапоги и шкуру. В один мешок. И он был представлен на суд.

— Подождите, не забегайте вперёд, Стоктон. Когда вложили все вещи и шкуру в мешок? Это ведь было утром?

— Так точно, сэр. Это было... часов в восемь... или около девяти. Не позже.

— А когда явился полицейский врач Баттер?

— В четыре часа, это я хорошо помню. У нас происходила смена дежурных. И снимали все засады и патрули.

— И когда пришёл врач Баттер, ему показали одежду, сапоги и шкуру, вытащив всё из мешка? И он нашёл на куртке и жилете конские волоски?

— Так точно, сэр. Подсчитал точно — сколько и записал.

— И потом всё обратно положили в мешок и...

— И отправили в Каннок прокурору. Потом этот мешок был на суде. Там снова вытащили одежду, сапоги и шкуру и показали присяжным.

Сэр Артур ударил кулаком по столу.

— И это в Англии, которая считается цивилизованной страной! Такой суд мог быть только у самых беспросветных дикарей, а не на Британских островах!

Стоктон на всякий случай привстал, но Вуд показал ему жестом: садись. Сэр Артур повернулся к Вуду и Макриви.

— У вас есть вопросы?

— Всё ясно, — процедил сквозь зубы Вуд.

Макриви поднял руку.

— У меня есть вопрос. — Он грозно нахмурился. — Скажите, Стоктон, в ночь на восемнадцатое августа, когда было совершено преступление, полиция следила за домом vicar's house?

— Так точно, сэр. Была засада около дома, за сараем соседнего дома, там жила вдова кузнеца Прентиса.

— Значит, за домом vicar's house стали следить ещё до восемнадцатого августа?

— Да, сэр, задолго до этого. После второго или третьего случая нападения на животных старший инспектор ездил к начальнику полиции Ансону и после этого приказал установить слежку по ночам за домом vicar's house. Это было примерно в мае.

— Следовательно, если бы кто-нибудь вышел ночью из дома vicar's house, полицейские заметили бы?..

— Конечно.

Макриви поклонился сэру Артуру.

— Больше вопросов не имею.

Сэр Артур медленно произнёс:

— Так и запишем. Засада у дома викария была установлена примерно в мае, то есть за три месяца до той самой ночи.

Сэр Артур стал расспрашивать Стоктона о том, когда уехал викарий из Грейт-Уэрли и куда. Стоктон ответил, что вскоре после осуждения Джорджа викарий уехал куда то вместе с семьёй и приехал новый, англичанин, который живёт в посёлке и сейчас.

Вуд спросил, где сейчас Ансон и Кэмел, и получил ответ: Ансон сейчас служит в Бирмингеме, а Кэмел — в Стаффорде.

— Скажите, — спросил сэр Артур, — почему, как только появились первые анонимки четырнадцать лет тому назад, Ансон сразу же решил, что это проделки сына викария?

— Ансон сказал нам, что викарий — индус и тайный член секты поклонников огня, они почитают бога Заро... Зоростру...

— Зороастра, — подсказал Макриви.

— Так точно. И Ансон сказал, что этим цветным вообще нельзя верить. И сын викария тоже, наверно, член этой секты и с задатками преступника.

— Старший инспектор Кэмел тоже так относился к индусам и другим? — спросил Вуд.

— Да, сэр. Он говорил, что все цветнокожие по природе своей преступники и что у них грязная кровь...

— Хватит, — поморщился сэр Артур, — Всё понятно.

Допрос Стоктона был закончен. Сэр Артур угостил бывшего полицейского ещё одной рюмкой джина и предупредил, что если он вздумает отказаться от своих показаний, во всех бирмингемских газетах сейчас же появятся такие сообщения о всех его делах, что ему останется только одно — удавиться.

После ухода Стоктона сэр Артур встал и сделал несколько движений боксёра — бой с тенью.

— Итак, начнём драться до полной победы. Но сперва надо встретиться с пострадавшим. Сегодня едем домой. На праздники

дети останутся у бабушки, никто ко мне не приедет, будет тихо, я набросаю начерно все соображения по этому делу, а после Нового года поеду в Лондон. Теперь можно послать ответ Джорджу Эдалджи — назначим время и место встречи.

Макриви щёлкнул языком.

— Красиво допрашивали... не давали ему опомниться. Вот так бы брать интервью..

Вуд вынул из жилетного кармана часы.

— Ближайший поезд идёт через полтора часа.

— Поедем этим поездом, — сказал сэр Артур.

— Значит, вы сегодня уезжаете? — Макриви вздохнул. —

И больше не приедете?

— Как не приеду? — удивился сэр Артур. — Обязательно приеду. Это только начало, главное впереди. Буду просить вашего шефа прикомандировать вас ко мне. Будем вместе искать настоящего преступника!

Макриви так покраснел, что все веснушки на его лице стали невидимыми. Он подпрыгнул, завертелся волчком и взвизгнул:

— Найдём преступника во что бы то ни стало, Шотландия!

9

Конан Дойль обычно останавливался в отеле «Марлей» на Трафальгарской площади, но на этот раз его любимые апартаменты в бельэтаже были заняты румынской принцессой и её мопсами. Писатель остановился в «Гранд-отеле» на Чаринг-кроссе.

Встреча была назначена на час дня в холле второго этажа. Но незадолго до этого к сэру Артуру пришёл бывший судья Эльвертон, который в своё время был составителем петиции, поданной по делу Джорджа Эдалджи. Беседа затянулась, и когда сэр Артур вышел в холл, он увидел в углу, в кресле рядом с диваном, человека лет тридцати, очень худого, смуглого, с чёрными вьющимися волосами с белой прядью посередине. Он читал газету, держа её близко к глазам, но слегка отвернув лицо, — читал,

скосив глаза. В другом конце холла сидела дама в огромной шляпе с птицей на полях, с вуалью, спущенной до носа.

Сэр Артур осмотрел с головы до ног смуглого человека и медленно подошёл к нему,

— Вы Джордж Эдалджи? — спросил сэр Артур, улыбаясь. — У вас, я вижу, сильная миопия.

Эдалджи вскочил, пожал руку писателя, что-то смущённо пробормотал. На его лице шафранного цвета проступил румянец.

— Простите, что начал с диагноза, — продолжал сэр Артур. — В своё время я был глазником. У вас миопия довольно сильная и, вероятно, ещё астигматизм. Почему вы не носите очков?

— Никогда до сих пор не носил, — ответил Джордж. — Обращался к нескольким окулистам, и в Бирмингеме, и в Ливерпуле, но никто не мог подобрать для меня...

Сэр Артур перебил его:

— На суде вы говорили о вашей миопии?

Эдалджи пожал плечами.

— Мой защитник, когда я сказал, что хочу вызвать в качестве свидетеля специалиста-глазника, ответил, что обвинение, предъявляемое мне, настолько абсурдно, что нет даже необходимости вызывать такого свидетеля...

— Не вызывали? — с удивлением протянул сэр Артур. — Меня поражает беспечность вашего защитника. И как же вы по вечерам ходите по улицам?

— Очень плохо вижу... стараюсь не выходить. А если и хожу, то только по такой улице, которую хорошо знаю.

— Вот что. — Сэр Артур пристально посмотрел на Джорджа, — Сейчас же поедете с моим секретарём к моему другу, лучшему окулисту Англии Кеннету Скотту. Начнём с этого.

Вуд и Джордж вернулись от Скотта спустя полтора часа. Доктор подтвердил; близорукость — восемь диоптрий и довольно сильный астигматизм — минус четыре. Обещал подобрать стёкла.

Вуд вынул из портфеля тетради и положил их на письменный стол. Сэр Артур предложил Джорджу кресло у стола.

— Немножко поработаем. Мне надо расспросить вас кое о чём, чтобы написать заявление. Да... — он повернулся к Вуду, — надо будет принять меры против газетчиков.

— Я первым долгом предупредил портье, чтобы никому не давал сведений о вас, — сказал Вуд. — Только с моего ведома.

Сэр Артур писал заявление три дня и дал прочитать Джорджу и Вуду. Получилось восемнадцать тысяч слов.

Заявление появилось 11 января 1907 года в «Дейли телеграф» под заглавием «Дело Джорджа Эдалджи».

Конан Дойль привёл все пункты обвинения Эдалджи — в том, что он рассылал анонимные письма и совершал зверские нападения на животных. И затем опровергал их одно за другим, доказывая их полную неосновательность.

Суд в Канноке отнёсся с непростительной небрежностью к вопросу об установлении авторства анонимок. Графологическая экспертиза, проведённая неким Томасом Гарлином, — верх недобросовестности. Никакого анализа содержания анонимных писем не было проведено — свалили в кучу все анонимки периода 1892-1895 гг. и 1903 года.

Томас Гарлин дал заключение — все письма писались одним человеком и этим человеком является Джордж Эдалджи. И суд поверил Гарлину. А насколько компетентен этот эксперт? Гарлин — это тот самый графолог, который дал неверное заключение по делу Адольфа Бека, в результате чего был вынесен ошибочный приговор. Графологическая экспертиза по делу Бека признана неправильной, и дело пересматривается. Гарлин — невежда и шарлатан.

Точно так же несостоятельно обвинение Эдалджи в нападениях на животных. Совершенно не доказано, что Джордж в ту ночь — после половины третьего — выходил из дому и, прокравшись на пустырь, зарезал лошадь. Ни одного свидетельского показания на этот счёт нет.

Суд в Канноке совсем не обратил внимания на состояние зрения Джорджа. А у него сильнейшая миопия и астигматизм. Он никак не мог бы в тёмную дождливую ночь преодолеть все заборы, ограды с колючей проволокой, живые изгороди и прочие препятствия и, добравшись до пустыря, совершить преступление и вернуться домой.

На суде фигурировали в качестве основных вещественных доказательств куртка Джорджа со следами шерсти лошади и сапог с правой ноги, выпачканный глиной.

Но откуда взялась шерсть на куртке и жилете Джорджа и глина на его сапоге? Совершенно ясно, откуда. Куртку и жилет засунули в один мешок с куском лошадиной шкуры и только спустя семь часов вытащили из мешка. А глина на сапоге Эдалджи появилась потому, что этот сапог вдавливали в глину около места преступления. И на этом было построено смехотворное обвинение.

Кто подобрал все материалы для обвинения Эдалджи? Начальник полиции графства Стаффордшир Ансон и инспектор полиции Кэмел. Никаких доказательств, никаких показаний, никаких улик в их распоряжении не было.

Квартальная сессия суда в Канноке вместо того, чтобы разобраться в этом деле и положить конец абсурдной полицейской фантазии, подтвердила её и покрыла позором юстицию Британской империи.

Дело Эдалджи — это английский вариант дела Дрейфуса. И там и здесь — дикое проявление расовых предрассудков. Полиция Стаффордшира и каннокский суд допустили произвол, недопустимый в стране, считающей себя цивилизованной.

Но что сделало министерство внутренних дел Англии? По получении петиции, подписанной многими юристами, и протестов от отдельных честных людей оно ознакомилось с делом Джорджа Эдалджи и убедилось в том, что суд в Канноке допустил ошибку. Однако престиж судейского парика для министра внутренних дел

оказался выше справедливости. Министр распорядился освободить досрочно Эдалджи, но оставил в силе судебный приговор.

Правильна ли эта позиция министра внутренних дел? Английское общественное мнение должно ответить на этот вопрос. Всех честных англичан возмутило дело Дрейфуса. Можно ли примириться с рецидивом такой же дикости на Британских островах?

10

Восемнадцать тысяч слов Конан Дойля прогремели на всю страну. В редакцию «Дейли телеграф» стали приходиться письма от английских читателей и из-за границы — с требованиями немедленного пересмотра дела, исправления судебной ошибки.

Виднейшие юристы Англии, во главе с сэром Джорджем Льюисом и Эльвертоном публично поддержали выступление Конан Дойля.

Корреспонденты иностранных газет телеграфировали своим редакциям о том, как автор Шерлока Холмса нанёс удар в подбородок министру внутренних дел Герберту Гладстону — сыну знаменитого Уильяма Гладстона, того самого, который не церемонился с цветными — египтянами, афганцами и суданцами.

Сэр Артур написал своей матери: «У меня уже достаточно материалов, неблагоприятных для противной стороны. Я веду расследование по нескольким линиям, чтобы докопаться до истины. Моей заслугой будет, если удастся посадить в тюрьму настоящего виновника».

От Макриви была получена телеграмма: «Мы напечатали заявление по делу Эдалджи. Бирмингамцы аплодируют любимому писателю. Был в Брайерли-Хилл, получил интервью у сестры Джорджа, очень симпатичной девушки с карими глазами. Ждём вашего приезда»,

В газетах появились сообщения о том, что оппозиция готовит запрос в парламенте по делу Эдалджи, Правительство поня-

ло: отмолчаться не удастся. Гладстон пригласил к себе представителей прессы и заявил:

— Дело Джорджа Эдалджи будет подвергнуто изучению. Назначена официальная комиссия из трёх компетентных лиц: сэра Артура Вильсона, сэра Альфреда Ратцена и Джона Ховертона, они ознакомятся со всеми материалами, проведут соответствующую проверку и представят правительству необходимые рекомендации.

Джордж прибежал в отель благодарить сэра Артура.

— Партия только началась, — сказал сэр Артур. — Благодарить рано. Надо добиться полной отмены приговора. А для этого надо дать комиссии убедительные данные.

Джордж покачал головой.

— Столько лет прошло... очень трудно будет найти концы.

На следующий день Джордж уехал в Брайерли-Хилл. Прощаясь с ним, сэр Артур сказал:

— Сделаем всё, чтобы найти анонимщика. А через него, может быть, удастся докопаться до истины. — Он улыбнулся. — Надо будет доказать моим читателям, что я могу не только выдумывать сыщика, но и быть им в жизни.

11

Через день Конан Дойль и Вуд, прибыли в Бирмингем ночным поездом, никого не предупредив. Но на перроне вокзала их ждали главный редактор Макканна и Макриви. Выхватив чемодан из рук носильщика, Макриви побежал к концу платформы, где стояли кареты.

— Как вы узнали, что мы едем? — удивился сэр Артур.

Макканна показал тростью в сторону Макриви.

— У него есть дружок в Лондоне, работает в газете, этот дружок следил за вашим отелем на Чаринг-кроссе и держал нас в курсе.

Макканна предложил прибывшим во избежание огласки поехать не в гостиницу, а на квартиру своей сестры — она гостит у друзей в Глазго. Квартира будет в их полном распоряжении. Алан проводит их.

Макриви открыл дверцу кареты и сел напротив гостей. Он скороговоркой сообщил им главные новости. Заявление сэра Артура прозвучало в Стаффордшире, как труба Страшного суда. Бывшего начальника полиции графства Ансона, занимавшего видное положение в полицейском управлении Бирмингема, и Кэмела, недавно назначенного на пост начальника полиции в Стаффорде, срочно вызвали в Лондон для объяснения. Говорят, что их переведут в Новую Зеландию.

Макриви ездил несколько раз к Эдалджи в Брайерли-Хилл. Старик почти совсем ослеп, жена его тоже болеет, они превратились в дряхлых инвалидов из-за пережитых страданий. Мод работает в адвокатской конторе в Бирмингеме — ей приходится заботиться о родителях и подбадривать Джорджа — ему разрешили жить с родными, но он нигде не может устроиться. Мод приносит ему работу из конторы — он составляет черновики прошений и подбирает материалы для судебных речей.

Сэр Артур улыбнулся.

— Я вижу, вам нравится интервьюировать девушку с карими глазами.

Макриви покраснел и стал рассказывать о вчерашнем пожаре в ночлежном доме.

Одноэтажный кирпичный дом сестры Макканна в стиле начала царствования Виктории находился на окраине города в конце буковой аллеи. На входной двери висел массивный деревянный молоток. Старик садовник и его жена-служанка — оба ямайцы — внесли вещи гостей в дом и затопили камин в большой комнате с муаровыми обоями.

На следующее утро после завтрака сэр Артур изложил Вуду и Макриви свои соображения:

— Писали анонимки два человека — один полуграмотный, низкого культурного уровня, условно назовём его А. Другой — более грамотный, назовём его Б. Письма надо разделить на две группы: написанные с 1892 по 1895 год, и те, которые стали рассылаться в 1903 году — после семилетнего перерыва. Что может послужить зацепками, исходными моментами для поисков преступника? Первое — автор анонимок А питал злобу к викарию Эдалджи, его сыну Джорджу и директору колледжа в Уолсолле. Второе — кто-то похитил ключ в колледже. Автор анонимок А и похититель ключа имели, по-видимому, отношение к уолсоллскому колледжу.

Выслушав эти соображения, Макриви сказал:

— Значит, надо начать поиски с Уолсолла. И очень важно то, что в одном из анонимных писем говорится плохо о директоре колледжа.

Вуд заметил:

— Это письмо относится к первому периоду. В дальнейшем о директоре ничего не говорится. Очевидно, во втором периоде А уже не имел прямого отношения к уолсоллскому колледжу.

Макриви сказал, что, по наведённым им справкам, в первом периоде директором колледжа был Уильям Грандхартлей. Он ушёл в отставку пять лет назад и ныне проживает в Уолсолле. А на его место назначен преподаватель латинского языка Эндрью Уилер.

— Я считаю важнейшей зацепкой, — сказал сэр Артур, — семилетний перерыв в рассылке анонимок. И заслуживает внимания то, что в письмах после этого перерыва появились упоминания о море. Итак, следы анонимщика А: ненависть к Грандхартлею и семилетний перерыв, в какой-то степени связанный с морем.

12

Макканна обещал сэру Артуру достать рекомендательное письмо к бывшему директору уолсоллского колледжа Грандхарт-

лею, но тот профессор, который обещал дать письмо, заболел. Без рекомендательного письма являться к Грандхартлею сэр Артур считал неудобным. Решили ждать выздоровления профессора.

А тем временем по Бирмингему распространились слухи о том, что Конан Дойль прибыл в город со сворой лондонских детективов и где-то скрывается.

— Репортёры бегают по городу, — сообщил Макриви, — и обнюхивают все фонарные столбы и подъезды.

Вуд покачал головой.

— Инкогнито идёт насмарку.

Сэр Артур сел у камина и стал размешивать угли щипцами.

— Может быть, придётся изменить внешность и переодеться. Уж если решили быть ищейками, надо идти до конца.

Макриви сказал:

— Во всяком случае, надо соблюдать максимальную осторожность. Никого не впускайте и не выходите. А я буду стучать в дверь три раза с одной паузой.

Он уехал в редакцию, сказав, что приедет вечером, если будут новости.

Поздно ночью в дверь стукнули три раза. Вуд впустил Макриви. Вид у репортёра был встревоженный. Он протянул сэру Артуру грязноватый конверт с надписью: врачу Конан Дойлю.

— В редакцию пришло на ваше имя анонимное письмо.

Вуд поднял фитиль в керосиновой лампе на столе. Сэр Артур извлёк листочек из конверта. На нём печатными буквами было нацарапано:

«Я узнал от полицейских сыщиков, что если ваша милость напишет министру Гладстону о том, что Эдалджи виновен и что вы больше не будете совать свой нос в это дело, то в будущем году вас назначат членом палаты лордов. Не лучше ли стать членом верхней палаты, чем оказаться с перерезанными почками и печёнкой. Имейте в виду, убийцы, безжалостные, как дьяволы,

действуют совершенно хладнокровно. И не воображайте, что сможете уберечься от них».

Макриви посмотрел на окно и прошептал:

— Угрожает расправой...

Сэр Артур провёл рукой по усам.

— Зверь вылез из норы. Это А, его стиль.

— Решил запугать. — Вуд усмехнулся.

— Наверно, ещё пришлёт.

— У нашего заведующего отделом судебной хроники есть исландский дог, — сказал Макриви. — Ростом с телёнка. Я попрошу дать дога сюда на время. Привяжем к кольцу на входной двери.

— Не годится, — возразил Вуд. — Если увидят баскервильского пса, все догадаются, что здесь сэр Артур.

Через несколько дней пришло второе письмо. В нём говорилось, что и автор анонимок, и тот, кто нападал по ночам на животных, это грязный полукровка Джордж Эдалджи, и это уже доказано раз и навсегда судом.

Письмо заканчивалось так:

«Джорджа Эдалджи надо держать в каторжной тюрьме с его папашей, со всеми темнокожими и желтокожими, со всеми цыганами, иудеями и прочими. Все письма Джордж писал своей рукой, и никто не подделывал его почерка. Ты — слепой дурак!».

А третье письмо пришло, спустя два дня. Макриви доставил его как раз во время обеда.

В письме говорилось, что набрасывать тень на суд в Канноке могут только злонамеренные и свихнувшиеся, а таких много, и они часто не по праву занимают важные места. Например, пятнадцать лет тому назад директором колледжа в Уолсолле был мерзавец, он всячески измывался над учениками, развратничал и занимался чёрной магией.

Сэр Артур потряс листок над головой и засмеялся.

— Так распалился, что забыл о всякой осторожности. Многие слова написал обычным почерком. И никак не может забыть

бывшего директора колледжа, до сих пор задыхается от злости. — Сэр Артур сорвал с себя салфетку и встал. — Не будем ждать рекомендательных в писем. Поедем сейчас же к Грандхартлею, нечего терять время.

Макриви побежал за каретой. Все направились в Уолсолл. Путь занял меньше часа.

Грандхартлей оказался приветливым стариком с белоснежными бакенбардами. Он жил с двумя внуками и на досуге занимался живописью. Стены небольшого уютного домика были увешаны маленькими картинами — портретами внучек в разных нарядах и ракурсах. Внуки были очень похожи на своего деда и, по-видимому, унаследовали его страсть — щёки и руки у них были испачканы масляной краской.

Грандхартлей сказал, что в его личном архиве, кажется, сохранилось одно анонимное письмо, присланное ему в самом начале истории с несчастным викарием-индусом.

— Вы тогда выясняли, кто прислал письмо? — спросил сэр Артур.

— Я получил два таких письма, — ответил Грандхартлей. — Одно я переслал полиции, и мне ответили, что они проведут расследование. А потом я получил это письмо... и засунул в папку.

— Я думаю, что автор этих анонимок — один из бывших учеников вашего колледжа, — сказал сэр Артур. — И мне хотелось бы порыться в архиве колледжа. Надеюсь, нынешний директор колледжа пойдёт мне навстречу.

— Я поеду с вами. — Грандхартлей сменил шлафрок на сюртук и приказал внукам почистить котелок и пальто, запачканные краской. — Директор колледжа Эндрию Уилер сделает всё, что вам надо. Мы ещё застанем его в колледже.

Уилер оказался на месте. Он сразу же приказал сторожу колледжа принести из архивной комнаты папки с письменными работами учеников, начиная с 1890 года.

Вуд и Алан занялись этими папками. А в соседней комнате Уилер стал показывать сэру Артуру фотографии, снятые им во время бурской войны. Он тогда ездил в Южную Африку в составе добровольческого отряда из Миддлсекса и был ранен в ногу. Грандхартлей, которого совсем не интересовали военные темы и особенно оценка полководческих талантов Китченера и Френча, перевёл беседу на другую тему — о положении африканских туземцев.

— Как вам понравился «Монолог короля Леопольда» Марка Твена? — спросил Грандхартлей у сэра Артура. — Читали?

— Нет, но обязательно прочту. Я люблю Твена.

— Эта брошюра не может оставить спокойным ни одного честного человека в мире. Я читал отдельные места моим внукам, и они плакали.

Из соседней комнаты раздался радостный возглас Макриви:

— Зверь обнаружен! Хип-хип-ура! Шотландия!

Вуд и Макриви с торжественным видом принесли папку, в которой были тетрадки с письменными работами учеников 4-го класса за 1891 год.

Вуд вынул из портфеля фотокопии анонимок из судебного дела Эдалджи и три письма, полученные в Бирмингеме, и разложил их рядом с тетрадкой, заляпанной кляксами.

Грандхартлей вынул из кармана сюртука письмо и, заглянув в папку, кивнул головой:

— Один и тот же почерк. Сразу видно.

Вуд промычал.

— В анонимках, которые присланы теперь, тот же почерк. Ничуть не изменился.

— У людей, которым приходится редко писать, почерк почти не меняется, — сказал Уилер.

— Итак, А установлен, — сказал сэр Артур. — Но, так как мы проводим расследование в секретном порядке, будем условно именовать его... ну, скажем, Питером Хадсоном,

Вуд принёс из соседней комнаты другую папку.

— А здесь мы нашли тетрадку с почерком Б, он — старший брат Питера.

— А его назовём Джоном Хадсоном, — сказал сэр Артур.

Уилер приказал секретарю учебной части порыться в старых папках с решениями совета колледжа. Нужная бумага была вскоре найдена, в ней говорилось об исключении Питера Хадсона из колледжа. К решению совета была приложена характеристика исключённого: очень плохо учился, часто пропускал занятия, питал склонность к злостным проказам, часто писал подложные записки, так, например, когда поссорился с учеником Фредом Бруксом, стал посылать родителям и братьям Фреда ругательные письма. Вне колледжа тоже вёл себя плохо, несколько раз Питера ловили на месте преступления, когда он срезал кожаные ремни в железнодорожных вагонах и вспарывал сиденья. Отцу Питера несколько раз пришлось платить штрафы.

Сэр Артур с довольным видом потёр руки — он был похож на хирурга, успешно закончившего операцию.

— Итак, автор анонимок и его пособник найдены. Вот с этого-то и должна была начать полиция Стаффордшира. Если бы она не была ослеплена расовыми предрассудками, то быстро нашла бы анонимщика, и никакого дела Эдалджи не возникло бы. То, что Питер не только писал подложные письма, но и любил орудовать ножом в вагонах, даёт основания полагать, что он не только автор анонимок, но и тот, кто по ночам резал животных.

— Это подозрение надо подкрепить... — осторожно заметил майор Вуд.

— Обязательно подкрепим, — сказал сэр Артур. — Между прочим, для того, чтобы окончательно убедиться в том, что Питер Хадсон автор анонимок обоих периодов, надо будет проверить: связан ли семилетний перерыв в его деятельности анонимщика с пребыванием на море.

Макриви открыл рот, но, взглянув на сэра Артура, поднёс руку ко рту. Сэр Артур улыбнулся.

— Вы что-то хотели сказать, Алан.

Макриви замахал рукой.

— Нет, ничего.

— Говорите, не стесняйтесь.

— Я хотел сказать, что Шерлок Холмс сделал бы так... — Макриви откашлялся. — Немедленно направился бы в Грейт-Уэрли и собрал бы все сведения о Питере Хадсоне... Познакомился бы с теми, кто его знал тогда...

Уилер окинул взглядом крупную фигуру писателя и покачал головой.

— Шерлоку Холмсу пришлось бы подумать: в каком виде туда поехать...

— Я думаю, что он послал бы туда одного из своих помощников, — сказал Макриви и ткнул себя в грудь, — у которых есть опыт по части собирания сведений...

Сэр Артур прищурил глаз в знак согласия.

13

Письмо Алана Макриви — мисс Мод Эдалджи от 10 марта 1907 года.

«Дорогая мисс Эдалджи!

В прошлый раз мы условились, что я буду время от времени сообщать Вам о ходе расследования, проводимого сэром Артуром.

Но ввиду того, что это расследование носит сугубо конфиденциальный характер, прошу мои письма либо тщательно уничтожать, либо хранить где-нибудь в абсолютно надёжном месте, чтобы они не достались тем, кому не следует.

Итак, по порядку.

Сэр Артур считает, что ПХ (Питер Хадсон) не только автор анонимок, но и тот изверг, который нападал на животных.

То есть тот самый, которого полиция должна была тогда схватить вместо Джорджа.

Надо убедительно доказать, что ПХ — тот самый злодей. Но это очень трудно, потому что прошло уже четыре года.

Сэр Артур удостоил меня высоким доверием. Он сказал: «Алан, поручаю вам пробраться в Грейт-Уэрли и собрать нужные сведения».

Меня очень обрадовало, что это задание было дано именно мне. И я решил во что бы то ни стало оправдать доверие сэра Артура. Между прочим, в некоторых его произведениях фигурируют мальчишки, выполняющие секретные поручения Холмса. Например, в «Знаке четырёх» — Уигинс, в «Калеке» — Симсон, а в «Собаке Баскервилей» — четырнадцатилетний Картрайт из рассыльной конторы.

Чем я, репортёр «Экспресс энд стар», хуже этих мальчуганов?

В тот раз я пробыл всего лишь несколько часов в Грейт-Уэрли. Теперь мне предстояло выполнить более важную работу. Не буду вдаваться в подробности того, как я выполнял поручение сэра Артура, потому что Вы можете подумать, что я хвастун. Скажу только одно: те навыки, которые я приобрёл во время работы в газете, дали мне возможность справиться с задачей. И, конечно, хорошо то, что я не произвожу впечатления хитрого, пронырливого человека (хотя на самом деле являюсь таким), поэтому мне удаётся незаметно располагать к себе людей и, не возбуждая никаких подозрений, вытягивать требуемые сведения.

Короче говоря, пробыв четыре дня в этом посёлке, в котором проживают шахтёры и рабочие окрестных фабрик, я завёл несколько знакомств среди старожилов, в том числе и с ветеринаром Смизерсом, тем самым, который выступал на суде в Канноке в качестве свидетеля защиты.

В общем, я узнал:

1) После изгнания из колледжа ПХ стал работать в мясной лавке в соседнем посёлке — Бриджтауне. Здесь он, очевидно, и

научился орудовать ножом для разрезания шкур и мяса. Все письма первого периода он рассылал как раз в это время, то есть когда работал у мясника в Бриджтауне.

2) В 1902 году его выгнали из лавки за какие-то проделки, Он уехал в Ливерпуль и устроился на работу сперва на пристани, а потом на судне для перевозки скота. Так началась его жизнь на море. И она отразилась в его анонимных письмах 1903 года. Морская жизнь ПХ продолжалась около года. Затем он стал работать в Стаффорде у поставщика кожи обувным мастерским в качестве рассыльного. Он ездил по городкам графства и время от времени появлялся и в Грейт-Уэрли. Нападения по ночам на животных происходили как раз в этот период.

3) После ареста Джорджа ПХ снова оказался в Ливерпуле, и с тех пор он находится там. Служит в итальянском ресторане в районе порта — этот ресторан пользуется дурной репутацией.

Сэр Артур поручил мне узнать — кто из жителей Грейт-Уэрли в 1903 году дружил с ПХ и, следовательно, мог знать о его приездах в посёлок. И я сразу понял, что это очень важный вопрос.

Мне удалось кое-что узнать. В тот период с ПХ дружил полицейский Джон Холден — товарищ его по уолсоллскому колледжу.

По всей вероятности, ПХ встречался с Холденом, когда появлялся в посёлке.

Холден сейчас работает в управлении полиции в Ковентри.

И ещё я узнал, что в 1903 году ПХ ухаживал за служанкой инспектора Кэмела — Нэнси Стоктон, младшей сестрой того Стоктона, которого сэр Артур «распечатал» в бирмингемской гостинице (помните, я Вам рассказывал). Нэнси потом вышла замуж за отставного военного и сейчас живёт в Кройдоне под Лондоном — её супруг занимает должность бренд-майора.

Выполнив всё, что мне было поручено, я вернулся в Бирмингем. Сэра Артура уже не было, он оставил у главного редак-

тора письмо на моё имя, Он просил приехать к нему в Кроуборо в графстве Суссекс, где находится его новая усадьба «Уиндлсам».

Главный редактор отпустил меня, и я, с бьющимся сердцем, поехал в гости к знаменитому писателю.

Дорогая Мод, как жалко, что я всего-навсего заурядный репортёр из отдела городской хроники, а не поэт! Если бы у меня был хоть какой-нибудь литературный талант, я смог бы описать Вам всё, что я увидел. Но, увы, с моей скудной палитрой я не отваживаюсь рассказывать о том, какой вид открывается из Кроуборо на холмы Суссекса и какое незабываемое впечатление производит «Уиндлсам». Придётся Вам примириться с моим бледным, неуклюжим рассказом о посещении усадьбы писателя.

«Уиндлсам» расположен на холме с пологими скатами — несколько зданий светло-серого цвета, с двускатными крышами из красных черепиц, с белыми оконными рамами. Главное здание выходит окнами на юго-запад, перед крыльцом большие клумбы.

Из окон кабинета сэра Артура видны жёлтые и лиловые долины, покрытые туманом, вдали синее море — это канал, отделяющий наш остров от Европы. А справа возвышается голый холм, который когда-то покрывал знаменитый Ашдаунский лес, а за рощами, на горизонте, — Долина смерти, где в своё время происходили кровавые схватки между стражниками и контрабандистами. В начале прошлого века на этих холмах — в лачугах и пещерах — жили цыгане, углежог и потомки пиратов-контрабандистов. Но теперь холмы совсем безлюдны, и только по ночам, в непогоду, над долинами реют беспокойные духи бывших обитателей этих мест. (Очень хочется увидеть хоть одно привидение).

В самом большом зале, где стоят бильярдные столы, над камином висит картина Ван Дейка, которую писатель получил от своего деда, Джона Дойля, прославленного карикатуриста. А на стенах, под большими газовыми лампами, развешаны образцы холодного и огнестрельного оружия времён Наполеона.

Я провёл пять дней в гостях у сэра Артура — мне отвели комнату с французскими окнами, рядом со спальней майора Вуда. Из моих окон были видны за деревьями площадки для гольфа, огороженные шестами с разноцветными флажками. Майор Вуд, очень сдержанный и пунктуальный, вначале казался мне типичным военным, с ограниченным кругозором. Но это первое впечатление было ошибочным. Майор отлично знает римскую литературу, особенно Светония, Тацита и других историков. И так же хорошо разбирается в английской мебели восемнадцатого века; он рассказал мне много интересного о таких мастерах, как Роберт Адам, Мэйхью, Джордж Смит и Кент, и я теперь знаю разницу между стилями Чиппендэйла и Хэплуайта. Между прочим, кресло в углу столовой Вашего дома — очевидно, творение Инса или одного из его учеников.

Сэр Артур одобрил мой доклад. Он сказал: «Я подумаю, как подобраться к Холдену. В Ковентри живёт врач, мой товарищ по университету, он имеет отношение к полиции. Может быть, будем действовать через него. И очень хорошо, что вы узнали про Нэнси Стоктон. Мы займёмся ею».

Затем сэр Артур кивнул в сторону майора Вуда и добавил: «Наш доктор Ватсон тоже кое-что узнал. Директор колледжа Уилер сообщил ему, что недавно беседовал с зубным врачом, работающим в Бриджтауне, и тот сказал, что два пациента, которые приходят к нему из Грейт-Уэрли, говорили ему, что после осуждения Эдалджи в посёлке стало известно о том, что отец ПХ дал крупную сумму полицейскому Стоктону и тот вскоре вышел в отставку и стал торговцем. Весьма вероятно, что отец ПХ заткнул рот Стоктону, который по ночам патрулировал по улицам посёлка».

Когда мы прощались, сэр Артур сказал: «В общем, дело идёт к концу, дорогой»

Алан. Я уверен, что мы изобличим ПХ в том, что он совершил злодеяния, приписанные Джорджу Эдалджи. Я поднесу все

материалы Гладстону, и ему придётся арестовать настоящего преступника».

Я пожал руку сэру Артуру и сказал: «Я очень рад тому, что успешные расследования, которые проводил сыщик с Бэйкер-стрита, повторены в действительности его творцом. Если то, о чём написано в книгах, потом происходит в настоящей жизни, это значит, что эти книги написаны не зря».

Мистер Макканна и я с нетерпением ждём известий из «Уиндлсама». Сэр Артур скоро представит все материалы в Комиссию, и она, признав невиновность Джорджа доказанной, отменит каннокский приговор, снимет с несправедливо осуждённого клеймо, и настоящий преступник окажется за решёткой. И правительству придётся склонить голову перед поборником правды — сэром Артуром. И это будет великой победой Справедливости! И весь мир увидит, что в нашей прекрасной Англии царит Правда!

Передайте привет Вашим уважаемым родителям и Джорджу.

Искренне Ваш
Алан.

Постскриптум.

Простите за смелость. Посылаю Вам фотографию, снятую майором Вудом. Справа от сэра Артура стоит писатель Редьярд Киплинг, а слева из-за граммофона выглядываю я (только на снимке получилось нечто вроде привидения, потому что в момент съёмки я сильно чихнул и дёрнул головой — и моё лицо смазлось). Если фотография Вам не нужна, можете выбросить. Или вырежьте ту половину, где сняты Конан Дойль и Киплинг, сохраните на память».

14

Сэр Артур Конан Дойль представил правительственной Комиссии материалы: заключение окулиста относительно миопии и астигматизма Джорджа Эдалджи, фотокопии автографов ПХ и

ДХ из архива уолсоллского колледжа и анонимок первого и второго периода, а также различные сведения о ПХ.

В сопроводительном письме Конан Дойль указывал на то, что Джордж Эдалджи должен быть полностью реабилитирован со всеми вытекающими отсюда последствиями, а полиция должна немедленно начать расследование с целью обнаружения настоящего виновника и в первую очередь проверить данные о ПХ.

Комиссия не торопилась. Спустя полтора месяца она опубликовала своё заключение:

«На основании рассмотренных материалов можно сделать вывод относительно того, что причастность Джорджа Эдалджи к нападениям на животных является недоказанной и, в силу этого, обвинение в этой части надлежит считать отменённым. Что же касается анонимных писем, то Комиссия не может квалифицировать представленные материалы как убедительное опровержение авторства Джорджа Эдалджи и поэтому не находит причин для пересмотра его судебного дела в полном виде. Его досрочное освобождение означает помилование осуждённого, и это вовсе не означает, что ему должна быть выдана денежная компенсация за пребывание в тюрьме согласно судебному приговору».

Сэр Артур явился в министерство. Личный секретарь министра, изысканно вежливый молодой человек, похожий на Оскара Уайльда, не заставил ждать знатного посетителя и сразу же подвёл его к огромной белой двери с бронзовыми украшениями. Вместо Гладстона писателя принял начальник секретариата министерства сэр Уильям Ленгдон, весьма представительный господин с напояженными волосами, разделёнными прямым пробормом, и с моноклем в правом глазу.

Он встретил визитёра у самого порога и, отвесив поклон, предложил сэру Артуру сесть не у письменного стола, а в кресло перед белым овальным столиком в углу кабинета — очевидно, для того, чтобы придать предстоящей беседе не совсем официальный характер.

— Я к вашим услугам, сэр Артур,— произнёс он, улыбаясь левой половиной лица, другая половина оставалась неподвижной.— Министр поручил мне принять вас... У него, к сожалению, сильный приступ подагры. Мы с вами, сэр Артур, встречались в клубе...

— Я тоже очень сожалею, что министр не счёл нужным принять меня. — Сэр Артур отодвинул на край столика подсвечник и вынул из портфеля несколько фотокопий. — Прошу вас ознакомиться с этими анонимными письмами, которые пришли на моё имя.

Ленгдон, дёрнув щекой, выбросил монокль на подставленную ладонь, засунул его в жилетный карман, затем вынул очки из кармана визитки, просмотрел письма и покачал головой.

— Отвратительные грязные анонимки.— Он вынул из заднего кармана брюк платок и вытер пальцы, затем неторопливо спрятал платок и очки и пожал плечами. — Возмутительно!

— Обратите внимание, многие слова написаны обычным почерком, а не печатными буквами...

Ленгдон вежливо улыбнулся.

— Простите, сэр Артур, я понимаю ваше волнение... но то, что вы называете обычным почерком, это, наверно, тоже изменённый почерк. Анонимщики часто пишут не своим почерком, изменяя наклон букв, и делают утолщения не там, где надо, и прибавляют разные росчерки.

— Так вот посмотрите и сравните. — Сэр Артур вынул из портфеля несколько других фотокопий. — Вот с этими... это те, которые фигурировали на суде в Канноке. Одна и та же рука. Согласны?

Ленгдон, прищурился правый глаз, покосился на фотокопии и снова улыбнулся:

— Пожалуй, сходство есть... но, простите, о чём это говорит?

Сэр Артур покраснел и быстро зашевелил усами.

— То-есть, как о чём? Комиссия ответила, что Эдалджи осуждён правильно, как автор анонимок...

Ленгдон кивнул головой.

— Совершенно верно.

— Но ведь эти анонимки, которые я недавно получил и которые содержат возмутительную угрозу, как вы сами заметили, написаны той же рукой, что и те, которые приписываются Джорджу Эдалджи. Выходит, что он пишет мне сейчас эти анонимки. Выходит, что он сумасшедший?

Ленгдон поднял правую бровь и вставил монокль.

— Простите, сэр Артур. Я вас очень уважаю и являюсь вашим усердным читателем... но мне не совсем понятен ваш ход мыслей...

Сэр Артур повысил голос:

— Я хочу спросить вас: если Джордж Эдалджи автор анонимок, которые распространялись в Грейт-Уэрли, то получается, что он автор и этих анонимок, ибо почерк совпадает. Получается, что он угрожает мне, своему заступнику? Что он, сумасшедший?

Ленгдон вздохнул и дёрнул щекой, монокль упал на руку.

— Мне трудно ответить на ваш вопрос, сэр Артур. Я ведь не врач... не психиатр. Может быть, сидение в тюрьме повлияло на Эдалджи, и он не в состоянии контролировать свои поступки. И кроме того... вы говорите о сходстве почерков в тех старых анонимках и в тех, которые присланы недавно на ваше имя. Мы ведь с вами, простите, профаны в этом деле. Нам кажется, что почерки сходны, но специалист-графолог может сказать совсем другое — что почерки принадлежат разным лицам. Для того, чтобы признать, что автором анонимок является не осуждённый Эдалджи, а какое-то другое лицо, надо изобличить это лицо в писании анонимных писем, то-есть застать его *fragrante delicto*⁵, или заставить его выступить с признанием своей вины. Но ни

⁵ На месте преступления (*лат.*).

того ни другого, увы, не произошло, и коль скоро это так, то, к сожалению, при всём нашем желании...

Ленгдон отодвинул от себя фотоконии, поставил подсвечник на прежнее место — в центре столика — и слегка поклонился сэру Артуру. Тот быстро встал, засунул фотоконии в портфель и, коротко кивнув головой, направился к двери. У порога он обернулся и спросил:

— Можно считать, что сказанное вами — это мнение министра?

Ленгдон широко улыбнулся и погладил подсвечник.

— Ни в коем случае. Я только высказал своё личное мнение. Но имею основания полагать, что министр сказал бы примерно то же самое. Как и любой другой здраво мысля...

Не дослушав его, сэр Артур с силой захлопнул за собой дверь.

15

Заключение Комиссии, напечатанное во всех газетах, вызвало шумные отклики. В фешенебельных клубах на Пикадилли и Риджент-стрит схватка Конан Дойля с Гладстоном являлась центральной темой споров — заключались пари: кто победит? На писателя ставили вдвое больше.

2 июня в «Дейли телеграф» появилось новое заявление Конан Дойля — «Кто написал эти письма?». В заявлении писатель привёл все доказательства того, что автором анонимок в 1892-95 годах и в 1903 году был не Джордж Эдалджи, а другое лицо, автографы которого имеются в распоряжении Конан Дойля.

Мало того, в распоряжении писателя имеются ещё семь анонимных писем, присланных в последнее время тем самым лицом, которое является истинным виновником в деле Эдалджи.

Заявление Конан Дойля было подкреплено весьма авторитетным заключением профессора Линдсея Джонсона, считавшегося крупнейшим в Европе экспертом по почеркам — в своё вре-

мя он принимал участие в деле Дрейфуса и способствовал реабилитации последнего.

Джонсон подтвердил, что анонимные письма написаны не Эдалджи, а теми, кого писатель именует «братьями Хадсон».

Ставки на Конан Дойля в клубах Вест-Энда повысились. Все ждали ответа Гладстона.

16

В коридоре бэльэтажа отеля «Морлей» с утра расхаживали молодые люди — администрация отеля уже примирилась с этим. Газетные репортёры ждали новостей из первоисточника — Конан Дойль остановился в трёх комнатах в конце коридора.

В гостиной у сэра Артура сидели гости — толстый, огненно-рыжий профессор Линдсей Джонсон и невысокого роста, стройный, с аккуратно подстриженными усами писатель Герберт Уэллс.

Сэр Артур рассказывал гостям о ходе дела. Партия Конан Дойль — министр Гладстон подходила к концу, вступила в конечную фазу. Писатель нанёс решающий удар — бросил на стол козыри, которые приберегал к концу.

Пять дней назад он послал Гладстону все материалы — итог работы, проделанной в последние недели.

Из сообщения сэра Артура явствовало, что Герберт Стоктон, которого удалось под благовидным предлогом залучить в Ковентри, попал в руки майора Вуда и его знакомого, тоже отставного военного. Стоктон признался им в том, что он действительно получил от отца ПХ в два приёма довольно солидную сумму — за то, что будет молчать. Он выследил ПХ дважды — как тот ходил на пустырь за кладбищем и на пастбище за домом вдовы Смизерс и совершал нападения на коров и лошадей.

Что касается Нэнси, то она тоже дала весьма ценные показания. Оказывается, ПХ ухаживал сперва за ней, а потом за соседкой Нэнси, молоденькой вдовой Уитли. И эта Уитли, которая до сих пор живёт в Грейт-Уэрли, — теперь она замужем за слу-

жащим на шахтах — сказала, что ПХ приходил к ней несколько раз поздно ночью, и всегда это было в те ночи, когда находили зарезанных животных. Однажды Уитли увидела у ПХ нож за сапогом. Он потом показывал ей этот нож — для разделки туш.

Все эти материалы и ещё три письма, полученные в последнее время от ПХ, сэр Артур послал Гладстону, написав на конверте: только лично.

— На этот раз Гладстон никуда не денется. — Сэр Артур поднял кулак. — Противник загнан в угол и ждёт удара в подбородок. До гонга не дотянет.

Уэллс покрутил головой.

— Говорить о нокауте ещё преждевременно. Противник пошатывается, но ещё может выкрутиться... Я говорю не только о Гладстоне. У вас два противника — министр и тот, кто совершал дела, приписываемые Эдалджи. И кто-нибудь из них может попробовать нанести вам ответный удар.

— В течение ближайших часов я собою с ног основного противника — министра Гладстона. Дело в том, что тот самый мерзавец — главный виновник — понял, что ему не миновать суда, и решил попытаться смягчить заранее приговор. Он позвонил в редакцию бирмингамской газеты и договорился с моим помощником, молодым способным репортёром, насчёт тайной встречи, во время которой он напишет покаянное письмо на имя главного прокурора. Я жду с минуты на минуту бирмингамского репортёра, он должен привезти письмо-исповедь.

Сэр Артур и его гости прождали Макриви до поздней ночи. Но репортёр не приехал.

Рано утром из Бирмингама пришла телеграмма:

«Встреча Алана Макриви с ПХ была назначена в итальянском ресторане, находящемся в переулке совсем недалеко от редакции газеты. По дороге к месту встречи в середине плохо освещённого переулка Макриви подвергся нападению со стороны неизвестных злоумышленников, которые нанесли ему несколько глубоких ножевых ран. Он доставлен в больницу в бессознатель-

ном состоянии. Консилиум врачей пришёл к выводу: надежды мало».

Вуд немедленно выехал в Бирмингем. Вслед за ним по просьбе сэра Артура отправился известный хирург сэр Джон Снелинг — он только что вернулся из Брюсселя, где оперировал принцессу — тётку короля.

17

Письмо Альфреда Вуда — мисс Мод Эдалджи от 8 июня 1907 года.

«Уважаемая мисс Эдалджи!

Только что вернулся из больницы. Сообщаю:

1) Алан наконец-то очнулся. Хотя он получил три глубокие раны — в шею, плечо и бок, профессор Снелинг сказал: пожалуй, выживет. Можно считать, что опасность, слава Всевышнему, миновала. Но Алан потерял много крови, очень слаб, за ним нужен тщательный уход. К нему ходят только сослуживцы по редакции, родных у него нет, кроме какой-то кузины в Британской Гвиане, но он даже не знает, как её зовут.

2) Полиция проводит расследование, но безуспешно. Оказывается, на Алана напали не тогда, когда он шёл к месту встречи, а на обратном пути. Он пришёл в назначенное время в ресторан Гуарнери, сел за столик у окна, как было условлено, но никто к нему не подошёл. Он просидел так полтора часа и пошёл обратно в редакцию. Набросились на него примерно в тридцати ярдах от ресторана. Лиц нападавших он не увидел — всё это произошло молниеносно, они, очевидно, поджидали его в тёмном подъезде. Алану кажется, что нападали трое.

3) Местонахождение ПХ не установлено. Стоктона тоже. Они исчезли. Строить обвинение против них на основании одного подозрения нельзя. В последнее время в Бирмингеме и его окрестностях был зарегистрирован ряд случаев ограблений на улицах, в двух случаях нападавшие наносили ножевые раны. У Алана исчезли кошелёк и записная книжка.

4) Я сообщил Алану о том, что Вы прислали телеграммы сэру Артуру и редактору Макканна, спрашивали адрес больницы и, возможно, навестите его. Алан сказал: «Если Мод действительно приедет, то я буду благодарить Небо за случившееся и готов ещё несколько раз стать жертвой бандитов». И попросил редактора выдать ему аванс, чтобы он мог пригласить к себе самого лучшего в городе парикмахера.

Прошу передать привет Вашим родителям и Джорджу».

18

Сэр Артур вернулся в «Уиндлсам» и послал вторичное письмо Гладстону с просьбой ответить: намерен ли министр отдать распоряжение о вызове на допрос действительного автора анонимок и начать следствие и будет ли пересмотрен ошибочный судебный приговор в отношении Джорджа Эдалджи?

Ответ на этот раз пришёл через десять дней — в виде письма на имя Конан Дойля от сэра Уильяма Ленгдона.

В письме говорилось, что, к сожалению, того человека, которому сэр Артур приписывает авторство анонимок и совершение преступных действий, не удалось найти, и поэтому провести требуемое расследование не представляется возможным. Что же касается копий анонимных писем, представленных министерству сэром Артуром, они имеют весьма отдалённое отношение к вопросу об оценке правильности судебного приговора, вынесенного в 1903 году квартальной сессией суда в Канноке. Убедительная просьба — считать данный ответ окончательным и не заслуживающим того, чтобы быть предметом дальнейших бесплодных споров.

Прочитав несколько раз письмо, сэр Артур скомкал его и швырнул в корзину под письменным столом. Вуд сейчас же вынул письмо из корзины, тщательно расправил и вложил в папку, отметив дату получения документа.

Походив несколько минут по кабинету, сэр Артур остановился и решительно кивнул головой.

— А что, если я выступлю в Гайд-парке и публично заявлю, что министр внутренних дел Англии покрывает преступников и, следовательно, сам преступник и негодяй.

Вуд пожал плечами:

— Вас привлекут к судебной ответственности за публичное оскорбление Герберта Гладстона и оштрафуют на сто гиней. Этим всё и ограничится.

Сэр Артур походил ещё несколько минут вокруг стола и со вздохом произнёс:

— Сколько ещё выносятся таких несправедливых приговоров и сколько преступников остаются безнаказанными! Какой ужас!

К вечеру приехали гости: бывший судья Эльвертон, известный адвокат сэр Хью Олби и Макканна.

Сэр Артур дал всем прочесть письмо Ленгдона.

— Престиж правительства, престиж великобританского суда — это прежде всего,— произнёс Эльвертон и ударил трубкой по бронзовой пепельнице, вытряхивая пепел.— *Flat justitia, pereat mundus!*⁶

— Вчера я слышал в клубе, — сказал сэр Хью Олби, откусив кончик сигары, — что вопрос о кассационном суде уже решён окончательно. Правительство готовит законопроект. По общему мнению, это один из результатов дела Эдалджи. Теперь станет труднее осуждать невиновных. Поэтому, сэр Артур, считайте, что ваши усилия в этом деле не пропали даром.

Сэр Артур покачал головой.

— Не такого финала я ожидал. Я написал кучу рассказов о том, как сыщик проводит расследования и на основании логического анализа находит преступника. В моих писаниях всегда торжествовала справедливость. А в жизни получилось не то, что на бумаге... Стоило мне только раз взять на себя роль моего Холмса, как я потерпел неудачу. Логика, аргументы, факты —

⁶ Да свершится правосудие, и пусть погибнет мир! (*лат.*)

а все это оказалось мыльным пузырьком перед Гладстоном и ему подобными. В общем, полное фиаско...

За ужином сэр Артур говорил очень мало. Все попытки гостей развеселить хозяина кончались неудачей. Эльвертон рассказал историю о том, как женская крикетная команда в Портсмуте вызвала на матч мужскую команду Брайтона и буквально разгромила её. После этого капитан брайтонской команды получил вызов от трёх женских команд разных городов.

Все засмеялись, кроме хозяина дома. Не помогли и анекдоты, рассказанные сэром Хью Олби.

К концу ужина приехал Джордж Эдалджи. Он подошёл к сэру Артуру и, схватив его руку, хотел поцеловать её. Сэр Артур отдернул руку.

— Что с вами, Джордж? Вы плачете?

Джордж вытер глаза и стал рассказывать:

— Несмотря на то, что приговор не отменён, Ассоциация юристов объявила меня реабилитированным и приняла обратно в корпорацию. А редакция «Дейли телеграф» начала сбор пожертвований среди читателей, чтобы помочь мне стать на ноги. И всем этим я обязан вам... Если бы не вы...

Джордж закрыл лицо руками. К нему подошёл Вуд и, положив руку на плечо, усадил за стол.

Макканна вдруг ударил себя пальцем по лбу.

— Чуть не забыл.— Он вытащил из кармана пиджака конверт и помахал им. — Не надо сокрушаться, дорогой сэр Артур. Вас должны утешить результаты деле. Ваши усилия не пропали даром. Во-первых, в Англии появится кассационный суд, во вторых, Джордж Эдалджи восстановлен полностью в своих правах, а в-третьих, тоже благодаря вам... один из моих работников стал самым счастливым человеком на свете.

Он передал конверт писателю. Тот вынул из конверта письмо, прочитал и впервые за весь вечер улыбнулся.

— Что за письмо? — спросил Эльвертон.

Конан Дойль наполнил свой бокал вином и поднял его.

— Мой молодой друг сделал предложение одной прелестной девушке и получил согласие. Давайте выпьем за счастье Алана Макриви и Мод Эдалджи. И пожелаем жениху, чтобы ему больше никогда не пришлось быть помощником такого... незадачливого детектива, как я.

Раздел третий

Знатный холостяк

(материалы о Шерлоке Холмсе)

Ада Ароновна Колганова

*Как я искала Шерлока Холмса*⁷

Редкий персонаж имеет такую всемирную известность, как Шерлок Холмс. Неудивительно, что литература полна «теньями» знаменитого сыщика. Поиск его двойников начался с пьесы под названием «Новые приключения Шерлока Холмса», написанной на основе произведений А. К. Дойла. Её опубликовал небезызвестный в своё время актёр-драматург Б. С. Глаголин в соавторстве с сыном книгоиздателя М. А. Сувориным (1907). Пьеса была поставлена в Малом театре в бенефис Глаголина, сыгравшего роль прославленного сыщика. Всё это можно «вычислить» по изданию 1907 года, так же как и расшифровать криптонимы М.А.С. и Б.С.Г., поставленные на этой книге.

Полностью понять смысл «Новых приключений...» помогают даты представления (декабрь 1906 года) и издания (1907).

Бурные события первой русской революции внесли в детективный сюжет свои коррективы. Авторы сделали Холмса невольным свидетелем подпольной борьбы. Симпатии героя и создателей его обновлённого образа на стороне Анны Странской, подпольщицы, прибывшей в Лондон, чтобы спасти ценные документы. Их украл предатель, её бывший муж, скрывающийся под именем профессора Корама. Интрига пьесы выстроена вполне в духе Дойла, в ней множество запутанных узелков, переодеваний, подслушиваний, покушений, шантажа. В полном соответствии с трактовкой оригинала новый Шерлок Холмс изображён сильным, бесстрашным, ловким. Его аналитический метод и здесь безотказен. Зло побеждено, Холмс восстановил справедливость.

В пьесе легко просматриваются мотивы нескольких рассказов Дойла.

⁷ кн. «Новые дороги литературных героев»: Вышэйшая школа; Минск; 1990, с. 181–189.

Дальнейшие поиски следов — на этот раз не преступников, а их грозы, прославленного детектива, — привели в другие страны.

Но поразило иное. Оказывается, Шерлок Холмс продолжал творить чудеса сыска в Германии, Франции, России, оказывается, он часто оживал на страницах чужих книг. Оказывается, его умерщвляли и воскрешали. Такова была притягательная сила этого образа, что рассказы А. К. Дойла вызвали множество подражаний и продолжений. И если разговор о книгах-подражаниях мало интересен, то за попытками «досказать», дописать судьбу знаменитого детектива стоят свои законы — книги, времени, читательской аудитории. Итак, где и как действовал Шерлок Холмс помимо ведома своего создателя? На поиски ушло немало времени.

В двух главных ленинградских библиотеках хранятся экземпляры книги Р. Гастона, по чьей воле прославленный сыщик попал в Германию для расследования очередного преступления. А оттуда — стараниями переводчиков — перескочил в Россию. Это была книжка «Тайна красной маски». Перевод сделан в духе развлекательных приключений, недаром в подзаголовке обещан «сенсационный роман». Под несколько изменённым заглавием книга вышла в 1907 году в Варшаве.

Среди авторов, продолживших жизненный путь знаменитого сыщика, был Марк Твен. В 1908 году в Москве увидела свет книга «Сильнее Шерлока Холмса». В ней речь шла о племяннике прославленного героя. Не беда, что у Артура Дойла брат сыщика не имел семьи. По воле замечательного юмориста знаменитый детектив оказывается незадачливым дядей. Между тем всё в рассказе «немного слишком»: «страшное имя» детектива, его система «планировать преступления», умноженное слухами могущество. Рассказ пародией не сочтёшь, но немислимые ситуации, сверходарённые персонажи, нетаинственная таинственность, собранные в одном произведении, — всё это придаёт ему оттенок иронии и ставит под удар стандартные детективные истории,

бродившие по свету. К примеру, главное действующее лицо, некто Арчи Штильман, наделён сверхчувствительным обонянием и с его помощью даже разыскивает преступника. Сам же великий детектив иногда оказывается в таких смешных и нелепых ситуациях, что читатели начинают сомневаться в его профессиональных качествах...

В России родилась своя «холмсиада», причём особенно урожайным показался мне 1908 год, когда с января по июнь имя Шерлока Холмса появилось на титуле изданий 143 раза! Бесспорно, многое было на уровне продукции Никольского рынка — «серобумажной литературы».

Часто издатели даже не ставили имя автора на книгах. География подобных изданий широка: Москва, Санкт-Петербург, Киев. Даже «Шерлок Холмс в Симбирске» (1908) уже не вызывал удивления у читателей.

Наиболее плодовитым в то время оказался некто П. М. Никитин, который заставил знаменитого сыщика не только погибнуть, расследуя очередное таинственное преступление, но и вновь воскреснуть. Он опубликовал целую серию о приключениях Шерлока Холмса в России, но сохранились не все её части. Одни его писания переиздавались. Иные выходили без указания года издания. Думается, этому же писателю принадлежат и безымянные «Новейшие приключения Шерлока Холмса в России». Помимо этого, в Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина имеется выпуск (в него вошли серии с 13-й по 20-ю) «Воскресший Шерлок Холмс в России» и аналогичная книга «По следам преступника. Похождения воскресшего Шерлока Холмса в России». О героической гибели Шерлока Холмса во время расследования очередного преступления Никитин рассказал в вышедшей в Москве книге под интригующим заглавием «Сверхсыщик. Из последнего приключения Шерлока Холмса в России», написанной, как и принято у Дойла, от имени доктора Ватсона.

Это — сборник рассказов, расширивший географию исследований Холмса в России. Английский сыщик успевает про-

явить свои выдающиеся способности в Казани, Костроме, Ярославле. Холмс «по-никитински» сверхумён, тщеславен, он в совершенстве овладел русским языком — за год! Обладает невероятной памятью. Рассказы построены на экзотической фабуле, копирующей известные сюжеты Дойла; здесь есть и пираты, и раджа, и таинственная принцесса, даже обезьяна-убийца. В рассказах Никитина Холмс, совсем как у своего исконного автора, успевает погибнуть и воскреснуть. Но если Дойл продлил сюжет по настояниям читателей, то его российский эпигон действовал по законам Никольского рынка — в погоне за сенсацией и сбытом.

Серия приключений, льющихся из-под пера Никитина, была бесконечна.

Чтобы создать представление о ней, расскажу подробнее хотя бы об одном выпуске. По нему можно судить об авантюрном стиле всего издания. Заглавия не отличались разнообразием. После «Таинственного дома» последовала «Тайна цыганки Стешки», читатель узнал «Загробного гостя» и сменившую его «Тайну нижегородского тайного дома», встретился с «Контрабандистами Азовского и Чёрного морей». Не менее таинственно звучали «Мечь бандита», «Заколдованный мост», «Чёрный ворон». Выпуски выходили в разных типографиях, среди них была даже «типография общества распространения полезных знаний».

Моё любопытство к расследованиям, которые проводил в России английский детектив, потребовало своего собственного расследования — литературно-библиографического. Библиографическую загадку ставит одно из изданий 1908 года.

На книге указано, что она вышла в московской типографии «Сыщик». Однако подобной типографии в Москве не было. Название её явно мистифицирует читателя и соответствует общему тону издания. О его коммерческом характере свидетельствует и броское заглавие: «Новейшие приключения Шерлока Холмса в России. Таинственный дом. Из записок знаменитого сыщика». Многоступенчатое название обещало, что основой бу-

дут разнообразные впечатления Холмса. Из повествования выясняется, что он уже три года прожил в России и ведёт здесь привычный для себя образ жизни.

Позже Никитин выпустил книжку под названием «По следам преступника». Это уже были «Похождения воскресшего Шерлока Холмса» (1909). Издания, посвящённые «новым», «новейшим», «последним» приключениям прославленного сыщика, часто были анонимны. От иных из них осталось лишь упоминание в библиотечных каталогах — сами книжки давно исчезли. Поэтому лишь по идентичности названий можно предположить, что автором иных анонимных книжонок был тот же Никитин.

Когда А. М. Горький говорил о Шерлоке Холмсе, он указывал, что не случайно «рядом с гениальным сыщиком возник «вор-джентльмен», который оставляет премудрых сыщиков в дураках...» В названиях многих детективных историй рядом с Шерлоком Холмсом упоминается Арсен Люпен. Обратимся к Краткой литературной энциклопедии, где нашёлся след борьбы великого сыщика и великого грабителя. В статье о французском писателе Морисе Леблане сказано: «Громадный успех выпал на долю созданного им персонажа, неуловимого даже для Шерлока Холмса **виртуозного** вора Арсена Люпена, которого он вывел впервые в романе „Арсен Люпен, вор-джентльмен“» (1907). Среди русских переводов энциклопедия упоминает ещё два: «Необычайные приключения Арсена Люпена» (1907) и «Последние приключения Арсена Люпена» (1910). Сочинения М. Леблана самостоятельными изданиями были выпущены на русском языке четырнадцать раз.

Выстраивая новую судьбу Шерлока Холмса, я стала искать книги, где действует знаменитый детектив. Оказалось, что первая книга издана как «Арсен Люпен. Джентльмен-громила» (1907). Последней книжки не нашлось, но в Библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина до наших дней сохранилась не учтённая в КЛЭ — «Новейшие приключения Арсена Люпена (Шерлок Холмс наизнанку)».

Но библиографическая путаница только начиналась. Далее встретились анонимные издания. На них не указано ни «по мотивам», ни «из романов» М. Леблана. Между тем «Побеждённый Шерлок Холмс и непобедимый авантюрист Арсен Люпен» так же, как и «Необычайные приключения Арсена Люпена и борьба его с Шерлок Холмсом», выходявшие небольшими выпусками, представляют собой типичные коммерческие переиздания-пересказы авантурных романов французского писателя. Зато издатели очередных «Таинственных приключений Арсена Люпена, знаменитого, неуловимого парижского вора», напротив, приписали их перу Леблана. Аналогично издана и пропавшая из оборота книга «Еврейская лампа. Арсен Люпен против Шерлока Холмса».

Мелькание стереотипных заглавий, их сходство убеждали в сенсационном, бульварном характере книжонок. Добавлю, что основная их масса появилась на волне общественной реакции. Не случайно «вор-джентльмен» побеждает благородного сыщика. В очередных «Похождениях» Люпен кичится перед Холмсом: «Вы знамениты, но я затмил вашу славу».

Это высказывание из книги М. В. Шевлякова, автора драматических сценок, шуток, пародий и фарсов. У него уже были пробы пера на тему преступного мира. В Петербурге в 1898 году вышла никем не замеченная книга из области приключений «По рассказам бывшего начальника Санкт-Петербургской сыскальной полиции И. Д. Путилина». Чужие мотивы волновали этого писателя и прежде: тогда же, в конце прошлого века он издал «Пародию-шутку в одном действии „Принцесса Грёза наизнанку“».

В разгар публикаций о новых приключениях старого героя (большинство их падает на 1908-1909 годы) Шевляков выпускает драму в 5 действиях, рекомендуемую как «Эпопея похождения вора-джентльмена и знаменитого сыщика» и названную «Арсен Люпен и Шерлок Холмс». После ряда неудач и хитростей побеждает логика и благородство: Шерлок Холмс возвратил

украденный алмаз, но дал бежать хитроумному преступнику. Эта история копирует известную ситуацию с голубым карбункулом из рассказа А. К. Дойла. Здесь нужно уточнить: драматург «перевёл» прозу Леблана на язык драмы, «забыв» указать первоисточник своей пьесы.

Сравнивая книги о новых приключениях Холмса, нетрудно, заметить, что они написаны с разных позиций: в одних случаях автор просто заимствует образ, продолжает фабулу, в других — спорит с английским писателем, а то и пародирует его. Полемика бывает подчёркнута даже формой псевдонима. Например, автор одной из книг 1908 года взял себе имя Нот Дойль. О многих опусах про любимца публики Холмса я узнала, просматривая «Книжные летописи». Но, выписав из них новые названия сериалов, рассказов, пьес, разыскать их всё же не сумела. Назову хотя бы анонимного «Джентльмена из Красного фонаря (Два персика)», «Новейшие приключения Шерлока Холмса по его протоколам» или «Шерлок Холмс — знаменитый сыщик».

Когда же узнала о Холмсах из Петербурга, Москвы, Симбирска, Томска, Казани, Ярославля, Киева, уже не удивляло, что в указателе за 1908 год имеется специальная рубрика для книг об этом персонаже.

В поисках сведений об эпигонах Дойла я обратилась к авторитету К. И. Чуковского, известного своей любовью к жанру детектива. Он был автором предисловия к наиболее серьёзным русским изданиям книг о Шерлоке Холмсе. Не подскажет ли он факты дальнейшей биографии этого героя? Нашлась работа 1910 года «Куда мы пришли», вошедшая в книгу «Нат Пинкертон и современная литература». Называя сэра А. К. Дойла «менестрелем и летописцем Шерлока Холмса», Чуковский удивлялся: «Этот романтический, нежный, рыцарский образ вдруг, на наших глазах, изменяется, перерождается, эволюционирует, отрывается от своего создателя... и как миф, как легенда, начинает жить среди нас». Что же всё-таки происходило? Почему в начале века популярное чтение сделало стремительный вираж в сторону

Приключений и криминала? Дело в том, что в личности прославленного сыщика читатель получал эталон порядочности, честности, увлечённости, тонкой интеллектуальности.

В известной мере ограниченные идеалы героя А. К. Дойла всё-таки были идеалами. А с появлением в разных странах потока сенсационно-приключенческой прозы литературу наводнил тип сыщика-карателя, сыщика-палача. Как говорил тот же Чуковский, всё заменилось «огромнейшим кулаком». В своей книге критик не пожалел язвительности, когда писал: «Пинкертон стреляет, колет, режет, рубит людей, как капусту, безо всякой жалости — и если подсчитать, сколько он истребил человеческих существ в десяти только книжках своих «похождений», то получится население хорошего провинциального города».

Пинкертоновщина стала махрово расцветать и на русской почве. Копеечные книги из серии о приключениях Ната Пинкертона заполнили прилавки магазинов, книжных лавок, сумки книгоношей. В литературе всегда было чтение и чтиво: неудивительно, что пинкертоновщина расцвела во время идейной реакции после разгрома революции 1905 года. Для формирования читательских вкусов, а через них и общественного сознания засилье низкопробных романов представляло немалую опасность. Это волновало и настоящего читателя, и серьёзную прессу. Один язвительный критик называл героев подобной литературы тончайшим и совершеннейшим продуктом нервного истощения и психопатической озверелости.

Борьба с засильем бульварных приключений шла не только в критике, но и в самой беллетристике. И на помощь привлекали испытанного в битве с преступниками, проверенного славой популярности героя А. К. Дойла. Такую цель я бы приписала создателям книги, автор которой избрал в качестве псевдонима русифицированный вариант имени английского писателя — Конан Долин. К сожалению, эта форма литературного имени не учтена в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова, не раскрыта в других библиографических справочниках. Рассказ вновь ведётся от име-

ни доктора Ватсона, а функции знаменитого сыщика пали на долю N-ского частного поверенного Коренева, блистательно расследующего преступления при помощи известного метода логического анализа. Герой — «спортсмен тонкой мысли и наблюдательности». Холмс присутствует в этом сочинении как прославленный литературный персонаж, но в действие не введён.

Книга вышла в серии «Коллекция рассказов для интеллигенции» под названием «Фантазёр». Привлекла издательская помёта на обложке «Антипинкертоновщина», которая прямо указывает на полемические цели издания. О них же говорит и автор, принявший роль «редактора записок». Называя эпидемию пинкертоновского чтения «сивухой», он пишет: «монстрообразные короли сыщиков» и «бичи преступников» сделались воистину королями литературного рынка и бичами ослабевшей от отравы мысли».

Как видим, конкурент Холмса особой симпатии у публики не вызывал, в то время как сам выдающийся сыщик-аналитик до сих пор остаётся своеобразным эталоном литературного типа. Пожалуй, наиболее плодовитым в российской «шерлокиане» оказался небезызвестный в своё время беллетрист П. Орловец. В 1908 году в московской типографии Вильде вышли рассказы «Приключения Шерлока Холмса в России против Ната Пинкертона».

Самый острый сюжет — в «Тайне Фонтанки». Завязка действия перенесена в кабинет начальника петербургской сыскальной полиции, где два сыщика — Холмс и Пинкертон — заключают пари на 1000 рублей. Предстоит расследовать громкое дело. У князя Ободолева украли дочь. Оба сыщика подозревают одного человека, идут одним путём, сталкиваются, но англичанин всегда немного впереди, всегда обгоняет соперника. Любопытен финал: путём логических сопоставлений Холмс приходит к выводу, что княжна похищена через потайной ход и увезена на... (!) подводной лодке. Знанием техники, последних её достижений автор наделил своего Холмса. Когда проигравший Пинкертон поража-

ется догадливостью Холмса, удачливый сыщик так объясняет свой успех: «...я слежу за наукой и ещё недавно изучал конструкцию последней изобретённой модели этого типа». Прославленный детектив в водолазном костюме спускается на дно реки, перегораживает Фонтанку проволочной сетью и минировать лодку...

«Побывав во всех крупных центрах Европейской России, Шерлок Холмс вздумал посетить русские владения в Азии, куда его тянуло с давних пор», — я цитирую уже другое произведение этого же прозаика «Похождения Шерлока Холмса в Сибири» (М., без года). Книга отличается от предыдущей наличием политического акцента. Путешествие героя давало возможность сказать о положении народов, живших в Сибири. Так, автор подчёркивал, что в образовании сибиряки опередили своих соотечественников. Исторически это объяснялось влиянием политических ссыльных на повышение образовательного уровня населения Сибири.

Все, переносившие в Россию главное действующее лицо английской приключенческой прозы, стремились придать своим повествованиям местный колорит. Характерны были рекламные объявления, вроде следующего: «Каждый выпуск представляет из себя законченное целое. Все рассказы, кроме первого, взяты из русской жизни последних лет».

Желая придать максимальное правдоподобие российским блужданиям знаменитого сыщика, сочинители, в соответствии с первоисточником, объясняли приезд Холмса в Россию стремлением укрыться от преследователей. Один из таких продолжателей, некто Н. Михайлович, спорит с произведениями, где сыщик пошёл по ложному следу. В рассказе «Три изумруда графини В-Д.» (1910) он выступает в роли петербуржца, дополняющего своими воспоминаниями картину подвигов Холмса в России. Правда, рассказ этого «очевидца» вызывает в памяти всё ту же историю с голубым карбункулом, но любопытно само стремление

откорректировать российские реалии в приключенческом повествовании.

В своих попытках восстановить фигуры российских двойников Шерлока Холмса я наткнулась и на юмористические вариации мотивов Дойла. Дешёвые выпуски под общим названием «Федот Холмский. Великий сибирский сыщик» выходили под литературной маской. Подчёркнутые пародийные параллели (фельдшер Виссонов; Федот Холмский) не помогли П. А. Казанскому, подписавшему эти десятикопеечные книжонки, вывести их из бульварного рода литературы.

Ещё одну публикацию, на этот раз журнальную, мне удалось найти в старом журнале «Огонёк». Читатели воскресного выпуска (№ 12 за 1908 год) получили рассказ «Шерлок Холмс в Москве». Это была откровенная мистификация: в редакцию якобы поступила рукопись неизвестного автора, который в противовес шаблону удачливости Холмса писал о его неудачах. Сыщик по фамилии Псищев, обратившийся к Холмсу за помощью, оказывается, сам себя невольно шантажировал: в лунатическом состоянии писал угрожающие записки на собственное имя. Однако растянутое повествование, тяжеловесные речевые обороты и, главное, надуманность ситуации перечеркнули её комизм.

Что касается комических ипостасей родоначальника дедуктивного метода, то самый яркий пример мы найдём в английской поэме М. Кингтона «Дело датского принца». О ней удачно рассказал А. Яковлев: «Эта пародия представляет собой причудливый гибрид, в котором в фабулу шекспировской трагедии вводятся знаменитые герои детективных рассказов А. К. Дойла. В результате этой «перекрёстной прививки» «Гамлет» читается как поэтический детектив». Эта пародия была уже в наши дни опубликована в журнале «Панч» («Петрушка»).

Литературная популярность продлила жизнь многомудрого детектива. Ни к одному из литературных персонажей читатели не подходят с такими мерками, как к Шерлоку Холмсу, никого не

воображают так реально. Современники писали ему письма по знаменитому адресу: Лондон, Бейкер-стрит, 221-Б.

Среди писателей, продолживших летопись приключений Холмса, был и сын его создателя. Сошлюсь на книгу «Подвиги Шерлока Холмса», написанную Адрианом Конан Дойлом в соавторстве с Джоном Диксоном Карром.

Популярность английского сыщика породила не только целую «холмсиаду», но и вызвала немало литературных реминисценций. Имя Шерлока Холмса стало своеобразной метафорой: его часто выносили в заголовки уголовных и приключенческих романов. Так, в начале века появился уголовный роман Константа Геру «Парижские Шерлоки Холмсы» (в России опубликован в журнале «Светлый путь»). Иные авторы писали юмористические рассказы «по Шерлоку Холмсу». Такое название имеет рассказ В. Пежинского (опубликован в 82-м выпуске «Дешёвой библиотеки „Сатирикона“»).

В. Шишков в двадцатые годы выпустил рассказ «Шерлок Холмс — Иван Пузиков». Примеры заглавий-сравнений, заглавий-метафор встречались и позже.

Интерес к приключениям патриарха детективного жанра не угас и в наши дни. В 1982 году журнал «Наука и жизнь» поместил новую историю о знаменитом сыщике под названием «Неизвестная рукопись доктора Уотсона». В журнальном предисловии доктор Уотсон (в этой публикации фамилия транскрибирована так) и Шерлок Холмс названы «персонажами, которые давно перестали быть литературной собственностью их создателя и зажили самостоятельной жизнью». В этой новой жизни Шерлоку Холмсу удаётся исправить неудачи криминалистов, расследовавших «преступления века», совершённые Джеком Потрошителем, считавшимся маниакальным убийцей. «Этюд о страхе», как значится в подзаголовке повести, — любопытный литературный эксперимент по внедрению в современное беллетристическое произведение давних сюжетов и образов.

Впрочем, новая детективная повесть вполне самостоятельна в построении интриги. Характеристики главных героев разворачиваются совершенно в духе Артура Дойла — в той части повествования, которая воссоздаёт неизвестную рукопись доктора Уотсона. Что же касается реалий нашего века, то остроумная манера письма делает «переключку двух знаменитых детективов Холмса и Куина, разделённых тремя четвертями века», острым приключенческим романом.

В Англии издана даже «Шерлокиана» — энциклопедия о Шерлоке Холмсе, которая содержит удивительные сведения о знаменитейшем из сыщиков. Воистину — «всё о Холмсе»!

Библиофилы собирают «шерлокианские» библиотеки.

Владельцы двух помещичьих домов в Дартмуре (Англия) обратились в лондонское общество Шерлока Холмса с просьбой рассудить их спор: какой из домов фигурирует у А. К. Дойла как «Баскервиль-холл». В Англии имеется специальный музей. По всему миру создаются клубы поклонников бессмертного сыщика. Во Франции, по сообщению «Литературной газеты», создано общество друзей Анри Фурнэ, персонажа французской национальности в творчестве А. К. Дойла. Общество выпускает свой журнал «Третье пятно». Более того, мне встретила заметка, где говорилось о... конференции «Шерлок Холмс и Франция». В частности, на ней прозвучал «сенсационный» вывод: «Мать Холмса была французенкой».

В одной только далёкой Японии за последние десять лет вышло сто тридцать оригинальных и переводных книг о знаменитом сыщике.

В минской газете «Звезда» совсем недавно сообщалось о том, что в Японии готовится к выходу вовсе неожиданная версия: Шерлок Холмс в Токио раскрывает тайный заговор преступников. Более того, эта книга ляжет в основу телесериала.

Итак, следуя вдогонку за знаменитым детективом, мы узнали о музеях, энциклопедиях, конференциях, ему посвящённых. В начале же этого литературного путешествия я должна

была восстановить историю возникновения самого персонажа. Из всего, что удалось собрать, пожалуй, самые любопытные факты — в книге Майкла и Молли Хардвик «Человек, который был Шерлоком Холмсом» (вышла в Лондоне). Убедительна версия об эдинбургском профессоре Джозефе Бесле как о прообразе детектива. Поражают факты расследования самим А. К. Дойлом при помощи прославленного аналитического метода многих уголовных тайн. К сожалению, у нас в стране этот труд не переводился; читателей, интересующихся происхождением Холмса, адресую к реферату книги Хардвиков. В этой работе, помещённой в журнале «Наука и жизнь» (1965), подчёркнуто мнение сына изобретателя образа Холмса. Адриан Дойл считал, что отец «наделил вымышленного детектива очень важной чертой собственного характера — бескорыстным стремлением восстановить справедливость».

Александр Беркович
*Будни консультирующего детектива*⁸

Труд сыщика вообще трудно понять до конца. Всегда найдётся что-либо такое, что лежит за гранью видимого и где сориентироваться может лишь тот, кому от Бога дано. А уж кому было дано больше, чем этому высокому человеку, неизменно носящему кепку и не расстающемуся с курительной трубкой... Он видел суть вещей, обладал необычайной проницательностью, и ему случилось воскреснуть и пережить своё время. Да и есть ли у хорошего сыщика своё время? Так получилось, что на Бейкер-стрит поселил его сэр Артур Конан Дойл, в ту пору ещё и не сэр, а просто пытающийся встать на ноги доктор и начинающий писатель. Дом 221-б, где хозяйкой была миссис Хадсон, на долгих

⁸ ж. «Вокруг Света», 1997, № 7 (2682)

25 лет стал штаб-квартирой для непревзойдённого Шерлока Холмса и его друга доктора Ватсона.

Мистер Холмс, в совершенстве владевший дедуктивным методом, легко распознал скрытую ревность своего создателя, и к тому времени, когда Дойл обрёл его на смерть в одном из рассказов, он уже имел такую славу, что общественное мнение просто принудило автора воскресить героя.

Международное общество почитателей таланта гения сыска откупило викторианский особняк, где ныне каждый может увидеть то, что окружало любимого персонажа долгими лондонскими вечерами, и прочитать на фасаде овальную табличку «Шерлок Холмс, сыщик-консультант».

Мистер Чарлз Даниэл — человек необычной профессии, он работает живой рекламой перед выходом из метро «Бейкер-стрит». Там целый день оживлённо, ведь рядом купол Музея мадам Тюссо, обязательного в программе всех туристов. И далеко не каждый догадается, что обитель прославленного детектива в трёхстах метрах, но за углом. Вот мистер Даниэл и раздаёт при-

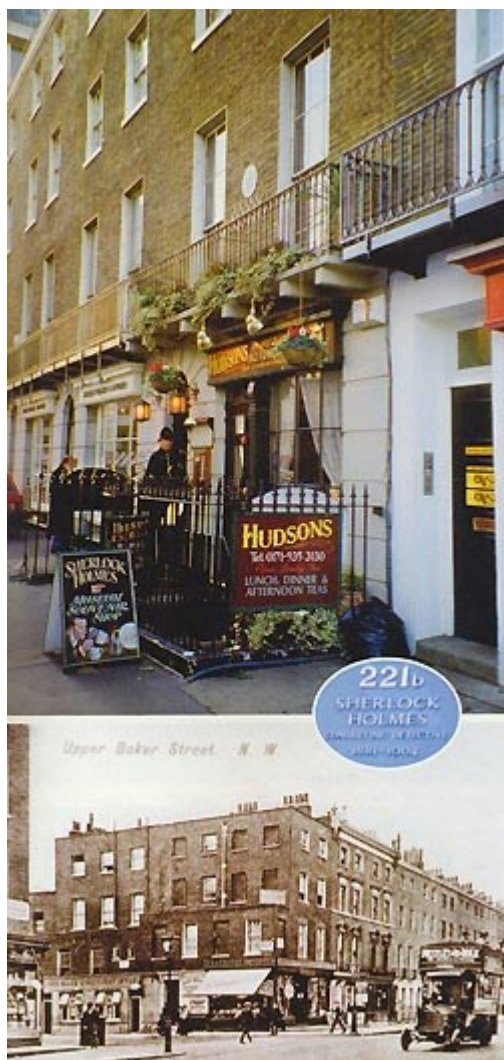
глашения, а поскольку одет он в известную по фильмам одежду Шерлока Холмса, то около него всегда народ.

Человек он общительный, и я быстро узнаю, что музей пригласил его сравнительно недавно, а книгами Конан Дойла он с детства был увлечён. Да и сам пишет, правда, стихи, но пока не публиковал. Не пришло ещё время...

— Я просто наслаждаюсь этой работой, — говорил он мне. — Ведь когда я надеваю наряд Шерлока Холмса, что-то происходит во мне — и я чувствую, что я не просто живой манекен, я как бы и вправду становлюсь детективом, да и люди ожидают от меня этого. Вот стою здесь с длинной курительной трубкой и наблюдаю за потоком людей, кто как реагирует. Недавно мальчишка, лет десять ему, вышел с сигаретой во рту, меня увидел, испугался, смял её и назад шмыгнул. Постоянно кто-нибудь с вопросами обращается — где что-нибудь ценное спрятать или разыскать что-либо. Одна женщина даже настоящее сыскное дело хотела поручить мне... Ведь Шерлок Холмс это такой образ, что вроде бы и литературный герой, а вроде бы и реальный детектив...

Музей получает письма со всего света. Поразительно, но многие пишут гипотетическому Шерлоку Холмсу вполне деловые письма, как мастеру сыскного дела. Всемирную его славу подтверждают многие общества поклонников. Они существуют не только в англоязычных странах, но и в таких, как Дания и Япония.

Наверное, такой человек, как Холмс, обществу нужен, раз слава такая. И многие люди даже и книг Конан Дойла вовсе не читали, может, в кино или на телевидении видели Холмса, а вот спроси — кто величайший сыщик, сразу скажут — Шерлок Холмс.

Чарльз сделал себе перерыв, и мы зашли в музей, где уютно горели каминь, и все вещи были подобраны с любовью и пониманием эпохи. Мистер Даниэл, охотно позируя туристам для фотографий, сказал, что уже в трёх фильмах был снят. Он и впрямь очень хорошо смотрелся в удобном кресле, и, казалось, сейчас свершится чудо и Ватсон войдёт в соседнюю дверь. Всё тут очень

непросто — Конан Дойл, считавший серию о великом сыщике не лучшим своим литературным трудом и получившим рыцарство за труды на поприще медицины и за заслуги в войне с бурами...

После смерти старшего сына Кингсли, получившего тяжёлые ранения в битве при Сомме, сэр Артур полностью отдался увлечению спиритизмом и стал большим авторитетом в этой области, написал два толстых тома о духах. Умирал он с твёрдой уверенностью, что конец жизни, на самом деле, наоборот, начало жизни настоящей... Может, он и сейчас где-то здесь, рядом, ведь Ватсону Конан Дойл придал многие свои черты.

Замечательный час на Бейкер-стрит 221-б пролетел, как одна минута, и на прощанье великий сыщик протянул мне визитную карточку, где было не крупно написано:

«Чарлз Даниэл — контакты с публикой». И подписал её: *Шерлок Холмс.*

Владимир Абаринов
*Самый главный сыщик*⁹

К 140-летию «отца» Шерлока Холмса

— *Вставайте, Уотсон, вставайте!* — говорил он.

— *Игра началась. Ни слова.*

Артур Конан Дойл. Убийство в Эбби-Грейндж

*Иллюстрация Сидни Пэджета
к рассказу «Человек с рассечённой губой»*

Когда я был ребёнком, никаких экранизаций произведений Артура Конан Дойла советская публика ещё не видела. Внешне Шерлок Холмс ассоциировался у меня с Евгением Онегиным из одноимённой оперы — ведь Онегин «как денди лондонский одет» и тоже стреляет из пистолета. В пионерском лагере в тихий час я читал ровесникам вслух рассказы о великом сыщике, останавливался в самых интригующих местах, и мы начинали наперебой «расследовать» дело. Величайшим наслаждением была трениров-

⁹ газ. «Совершенно секретно» (М.), 2009, № 6(241).

ка наблюдательности по методу Холмса. Сейчас я думаю, что в этом и заключается неотразимая притягательность детективной литературы — в её интерактивности, в том, что она вовлекает читателя в решение загадки.

Замечательный детский радиосериал Станислава Рассадина и Бенедикта Сарнова «В стране литературных героев» был построен на том же принципе — жажде соучастия. Авторы сводили в одном сюжете наших любимых героев и заставляли их взаимодействовать в интересах истины и справедливости. Наш детский максимализм находил полное удовлетворение. В одном из выпусков этой программы Холмс разоблачал шекспировского короля Клавдия при помощи нехитрого психологического трюка, казавшегося мне верхом проницательности.

Холмс. Джентльмены! Эксперимент, который я хочу предложить вашему вниманию, заключается в следующем. Я произношу слово, а человек, подвергаемый испытанию, должен тотчас же совершенно автоматически произнести любое другое слово. Первое, которое придёт ему в голову... Испытанию подвергнется король Дании Клавдий, которого инспектор Скотлэнд-Ярда арестовал по подозрению в убийстве... Итак, внимание! Я начинаю! Пушка...

Клавдий. Ядро!

Холмс. Море!

Клавдий. Корабль.

Холмс. Корона!

Клавдий. Власть!

Холмс. Счастливец!

Клавдий. Брат!

Холмс. Соперник!

Клавдий. Устранить!

Потом появился телевизионный спектакль «Собака Баскервелей», в котором Холмса играл Николай Волков — играл отменно, но совершенно вразрез с Холмсом моих детских грёз. Холмс Волкова был флегматичным, рефлексирующим интелли-

гентом, очень похожим на персонажи пьес Чехова с их дворянской повадкой, лёгкой гнусавостью и старомодной учтивостью. И я, уже подросток, влюбился в этот новый образ. Именно из этого спектакля моё поколение усвоило дивную фразу, «элементарно, Ватсон», сказанную с усталым апломбом всезнающего провидца. Спектакль вскоре надолго исчез с экрана, потому что исполнитель роли доктора Ватсона Лев Круглый эмигрировал из Советского Союза.

*Иллюстрация Сидни Пэджета
к рассказу «Случай в интернате»*

Жертва цензуры

Взаимоотношения Шерлока Холмса с советской цензурой — это отдельная тема. Например, повесть «Долина страха», впервые опубликованная по-русски в 1916 году, не переиздавалась в России вплоть до начала 90-х годов — ведь там действует шахтёрский профсоюз, превратившийся в банду вымогателей и убийц. Всем известно, что Ватсон был военным врачом в Афганистане — это Холмс определяет при первом же знакомстве с ним. Но в экранизации с участием Василия Ливанова и Виталия Соломина зритель слышит, что Ватсон воевал где-то на абстрактном «Востоке»: фильм вышел в 1979 году, в Афганистане тогда воевала отнюдь не Англия, а совсем другая держава.

Иногда из перевода исчезали отдельные детали, а иногда появлялись новые по недоразумению, незнанию или вследствие непонятого умысла. В одном рассказе говорится, что у Холмса «богемная душа», то есть мятущаяся, неприкаянная душа артиста. В русской версии душа превратилась в «цыганскую». Корабельный табак, который курит Ватсон, переводчик назвал «матросской махоркой». Голубой карбункул — по-русски сапфир. По совершенно необъяснимой причине гепард и бабуин из «Пёстрой ленты» трансформировались в пантеру и павиана (а в фильме первое животное и вовсе обратилось в гиену). «Я держу щенка бульдога», — отвечает при знакомстве с Холмсом Ватсон на вопрос о своих недостатках. Бульдог этот ни разу потом не появляется на страницах Дойла, и не мудрено, ведь на самом деле фраза Ватсона по-русски означает «я вспыльчив». В эпиграфе к этому эссе тоже есть ошибка: переводчик не узнал во фразе «Игра началась» цитату из шекспировского «Генриха V», а игру перепутал с дичью — чтобы выстрелить по птице, её надо вспугнуть, заставить взлететь. Именно этот момент охоты и имеет в виду Холмс.

Но всё это подробности второстепенные, не связанные с сюжетом. А вот слова «пёстрая лента», которые произносит умирающая от смертельного укуса змеи девушка, имеют ключевое значение. По-английски рассказ называется *The Adventure of the Speckled Band* — «Приключение с крапчатой лентой». *Band* — это ещё и «банда». На этой омонимии основан сюжетный ход, который повторится в «Тайне Боскомской долины»: Холмс идёт по ложному следу, потому что неправильно понял предсмертный крик жертвы — прочёл «ленту» как «банду». Переводчик не справился с мудрёной задачкой и просто-напросто выкинул это место из текста.

Иллюстрация Сидни Пэджета к рассказу «Глория Скотт»

Холмс и двойники

Все эти огрехи не помешали огромной популярности Шерлока Холмса в России. Лишившись трона, увлёкся рассказами о знаменитом сыщике последний русский царь Николай II, читавший детям вслух по-английски «Собаку Баскервиль», «Этюд в багровых тонах», «Долину страха».

Страстным энтузиастом и поклонником Шерлока Холмса был Корней Чуковский. Он восхищался его «победоносным умом» и несокрушимой логикой. «У него были артистические длинные пальцы, — писал Чуковский о Холмсе в статье 1908 года, — он был меланхолик, и, если им овладевала тоска, он либо читал Петрарку, либо играл целыми часами на скрипке. Тонкий знаток и ценитель искусства, если бы не был сыщиком, он писал бы картины, сочинял бы симфонии... В шпионстве он был идеалист и поэт. Он шпионил ради шпионства, а не ради славы, наград или денег. Он был бескорыстен, как и всякий герой».

Особенно удручали Чуковского бесчисленные подделки под «романтический рыцарский образ» — наводнившие рынок копеечные книжонки о новых приключениях Шерлока Холмса. Его раздражение не остыло с годами. В предисловии к советскому изданию Дойла он называл этого «отвратительного двойника» «прислужником богачей и наёмным убийцей»: «Многим мелким лавочникам, обывателям, черносотенцам этот поддельный Шер-

лок Холмс понравился даже больше, чем подлинный. Подлинный был слишком интеллигентен для них, слишком много размышлял и разговаривал. А им хотелось, чтобы он и в самом деле был полицейской ищейкой, побольше бы стрелял из револьвера и почаще бы бил кулаками ненавистных им евреев, китайцев, негров».

*Корней Иванович Чуковский восхищался «победоносным умом»
Холмса и его неопровержимой логикой*

И уж совсем бесила Чуковского аналогичная серия о другом вымышленном сыщике, американце Нате Пинкертоне: «Куда девались тонкие пальцы Шерлока Холмса, и гордое его одиночество, и его величавые жесты? Куда девался Петрарка? Где Сарасате с немецкой музыкой, «которая глубже французской»? Где диссертация по неорганической химии? Где письма Флобера к Жорж Санд? Где грустные афоризмы? Где самоцельный и само-

отверженный подвиг? Где гейневский юмор и брандовский идеализм?

Всё это исчезло и заменилось — кулаком.

«Злодей! — зарычал великий сыщик и сильным ударом свалил преступника на пол», — здесь единственная функция Ната Пинкертона.

Мозговая работа Шерлока отменена совершенно...»

А вот философа Василия Розанова этот «поддельный Шерлок Холмс» интересовал чрезвычайно. Он отнюдь не находил эти книжки аморальными — совсем напротив, и живо воображал портрет безвестного автора: «Неизвестный составитель книжек о Холмсе (48 страниц, 7 копеек книжка) — вероятно, исключённый за неуспешность и шалости гимназист V-VI класса — найдя такое успешное приложение своих сил, серьёзно раскаялся в своих гимназических пороках и написал книжки свои везде с этим пафосом к добродетели и истинным отвращением к преступлению. Книжки его везде нравственны, не циничны, и решительно добропорядочнее множества якобы «литературно-политических» газет и беллетристики».

Розанов цитирует брошюрку «Графиня-преступница», в которой Холмс, подвешенный в коптильне между окороков, размышляет перед смертью: «Неужели же так и кончится его деятельная жизнь, посвящённая всецело на благо человечества?» И впрямь похоже на недоучившегося гимназиста. «Мне кажется, Шерлок Холмс, — пишет Розанов, — то же, что «Страшные приключения Амадиса Гальского», которыми зачитывался, по свидетельству Сервантеса, герой Ламанчский, — и которыми, без сомнения, потихоньку наслаждался и сам Сервантес».

Популярная литература потому и популярна, что говорит с публикой на её языке. И сам Дойл свято помнил этот закон. У Холмса, конечно, отчасти артистическая натура, но разве не льёт он бальзам на душу недоучки-гимназиста своим рассуждением о человеческом мозге, куда, как на чердак, можно натащить

всякой дряни, а можно сознательно выкинуть из головы разный бесполезный сыщику вздор вроде теории Коперника?

Вряд ли основательна и ревность Чуковского к Нату Пинкертону, которого он называет «первый эпический богатырь Города», а мы сегодня назвали бы супергероем. Да ведь и Холмс знает толк в боксе и при случае готов вступить в рукопашную, как с профессором Мориарти над Рейхенбахским водопадом. Холмс — предшественник Бэтмена, Супермена, Человека-Паука.

От великого до смешного

Кстати, далеко не всегда сочинителями Холмса или Пинкертона были недоросли. Несколько выпусков Пинкертона написал начинающий литератор Александр Куприн, одну историю — изысканнейший поэт Серебряного века Михаил Кузмин... Валентин Катаев в автобиографической книге «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» вспоминает о неотразимом впечатлении, которое производили на его воображение похождения Пинкертона: «Чёрт возьми: на каждой странице телефоны, метрополитены, небоскрёбы в двадцать этажей, кебы, экспрессы, стальные наручники, револьверы, загадочная тюрьма Синг-Синг, одно название которой заставляло содрогаться читателя, наконец, электрический стул...»

В текстах сочинителя по имени П. Орловец Шерлок Холмс соревнуется с Натом Пинкертоном в раскрытии тайн криминального Петербурга. В одном из рассказов Холмс и Ватсон надевают водолазные скафандры и опускаются на дно Фонтанки, дабы задержать подводную лодку злоумышленников, похитивших 17-летнюю красавицу княжну Ободолеву.

«По знаку Шерлока Холмса мы двинулись, согнувшись, вперёд, едва переводя дыхание. Шерлок Холмс с фонарём в левой руке и револьвером в правой был похож на дикого зверя, выследившего давно жданную добычу. Его гибкая фигура как-то вся съёжилась, на шее вздулись жилы. Казалось, он готовится сделать гигантский прыжок...»

От такой изящной словесности один шаг до пародии, и он был сделан. «Шерлок Холмс в России», произведение автора, укрывшегося под инициалами К. Н. В.: «В один миг Шерлок Холмс выхватил револьвер, поднялся во весь свой рост в экипаже, схватил ямщика за ворот и приставил к его виску револьвер.

— Батюшка, не погуби! — закричал ямщик и покатился с козел».

А это — пародия Аркадия Аверченко «Пропавшая калоша Добблса»: «Холмс взял протянутую калошу, осмотрел её, понюхал, полизал языком и наконец, откусивши кусок, с трудом разжевал его и проглотил.

— Теперь я понимаю! — радостно сказал он.

Мы вперили в него взоры, полные ожидания.

— Я понимаю... Ясно, что эта калоша — резиновая!

Измучённые, мы вскочили с кресел».

Неудивительно, что и Остап Бендер эксплуатирует всероссийскую славу английского сыщика: на афише «Приехал йог» среди прочих завлекательных трюков значатся «Номера по методу Шерлока Холмса».

Приключения Шерлока Холмса в России

Если верить доктору Ватсону, то Холмс и в самом деле побывал в России как минимум однажды — в рассказе «Скандал в Богемии» говорится, что он расследовал в Одессе убийство генерала Трепова. Ватсон, правда, немного запутался в датах (Вера Засулич стреляла в Трепова в январе 1878 года, а в Россию, судя по тексту рассказа, Холмс ездил 10 годами позже) и в фактах (Трепов остался в живых), да и непонятно, зачем Холмса пригласили в Одессу, коль скоро покушение было совершено в Петербурге. О деле Засулич много писали европейские и американские газеты. Дойл наверняка читал эти репортажи, и фамилия «Трепов», судя по всему, отложилась в его памяти-чердаке, а потом смешалась с покушением на жандармского офицера барона

Гейкинга, убитого народовольцем Григорием Попко в Одессе в мае 1878 года.

В рассказе «Пенсне в золотой оправе» Холмс сталкивается с русскими революционерами-террористами (в тексте они названы «русскими нигилистами», как называли их в Европе) в качестве главных действующих лиц криминальной драмы, разыгравшейся в ноябре 1894 года в Англии, в графстве Кент.

Дойл часто делал своих преступников членами неких братств или тайных обществ — в его историях фигурируют мормоны, масоны, куклуксклановцы. Ту же чисто служебную функцию играют у него и русские революционеры. Обладательница золотого пенсне рассказывает Холмсу о совершённом её организацией покушении на офицера полиции (в русском переводе он назван «высокопоставленным полицейским чиновником», но это вольность переводчика, а может, редактора, которому, вероятно, показалось мелко убивать просто офицера).

Дама-революционерка в рассказе — средних лет, а в организацию, по её словам, она вступила 20-летней девушкой, так что покушение, вероятно, совершено давно — она успела отбыть за него срок ссылки. Дойл за политическими событиями в России не следил, но по газетным сообщениям у него могло сложиться впечатление, что революционный террор там никогда не прекращался. В марте 1887 года были арестованы члены кружка Александра Ульянова, готовившие покушение на Александра III. В феврале 1889-го в Цюрихе швейцарские власти арестовали группу русских бомбистов и за недостатком улик выслали их во Францию. То были остатки народовольцев, соединившиеся в Париже с жившими там единомышленниками. Летом 1890 года участники этой организации были арестованы французской полицией. Состоялся громкий судебный процесс «русских нигилистов», готовивших покушение на царя, который собирался нанести визит во Францию. Дело это было в значительной мере провокацией шефа заграничной агентуры Департамента полиции Петра Рачковского и его агента Аркадия Гартинга, но об этом

стало известно 19 лет спустя. Две молодые женщины, оправданные судом — Анна Рейнштейн и Сусанна Бромберг — были высланы из Франции и поселились в Англии. А в 1894 году в Петербурге была раскрыта террористическая организация на женских Бестужевских курсах, существовавшая, кажется, главным образом в воображении своего организатора Ненилы Истоминой, которая и дала следствию исчерпывающие показания.

Отголоски этих событий звучат в монологе русской нигилистки Анны, рассказывающей Холмсу историю предательства: её муж из ревности оклеветал другого члена кружка, и она решила выкрасть у мужа документы, оправдывающие отбывающего каторгу возлюбленного. Роковой треугольник заставил её пойти на кражу. Похищая документы, она была застигнута в кабинете секретарём мужа и совершила случайное убийство.

Ситуация деликатная. Британское правительство не считает русских революционеров преступниками и отвечает неизменным отказом на требования царских властей об экстрадиции. В Лондоне свободно и легально жил участник покушения на Александра II народоволец Лев Гартман, а в 1881 году беспрепятственно переехавший в США. Холмс явно симпатизирует бедной женщине, из любви и чувства справедливости решившейся на отчаянный поступок. Но в данном случае преступление — убийство, пусть и случайное — совершено на территории Соединённого Королевства, и рядом с частным сыщиком находится должностное лицо, детектив Скотлэнд-Ярда Стэнли Хопкинс, уже объявивший виновницу арестованной.

Доyle избавляет своего героя от морального выбора и угрызений совести: оказывается, перед тем как поведать свою историю, благородная преступница приняла яд, и вот теперь он начинает действовать. Холмс исполняет последнюю просьбу умирающей — везёт в русское посольство пакет с документами, оправдывающими каторжника. По дороге он, как обычно, излагает Ватсону ход своих рассуждений, ничем не выдавая своих политических взглядов, если они у него вообще есть.

Его мастер-классы

Так называемый канон Шерлока Холмса состоит из четырёх повестей и 56 рассказов. Но недавно в этом корпусе появился ещё один текст — «Смерть русского помещика». В этом рассказе Холмс анализирует обстоятельства дела об убийстве Фёдора Павловича Карамазова, устанавливает, что мотивы и возможность совершить убийство были у каждого брата, а также у слуги Григория, но, в конечном счете, приходит к выводу, что убил, скорее всего, всё же Смердяков, как и следует из романа. Помимо прочего, Холмс сообщает Ватсону, что его отец дружил с Александром Герценом и что в детстве он и его брат Майкрофт были свидетелями исторической встречи Герцена и Достоевского...

Рассказ этот — не что иное, как талантливая мистификация некоего С. Борисова, указавшего своё имя в качестве переводчика. Мистификация настолько убедительная, что ввела в заблуждение некоторых издателей, поместивших рассказ под одну обложку с настоящим Дойлом.

Развязкой каждого детективного сюжета должно стать торжество закона над беззаконием. Но при внимательном чтении выясняется, что Холмс и сам сплошь и рядом пренебрегает законом: он тайно проникает в чужие дома, бесцеремонно изымает улики, милует преступников по собственному усмотрению, а иногда, как в «Пёстрой ленте», карает злодея его же оружием, причём скрывает от следствия истинную причину смерти.

Бывший глава Скотленд-Ярда сэр Роберт Андерсон, как видно, уязвлённый образом недалёкого и самодовольного инспектора Лестрейда, написал в 1903 году статью, в которой привёл примеры логических натяжек и несообразностей в историях о Холмсе. «До чего же хорошо, читая Конан Дойла, — пишет Андерсон, — наблюдать, как точно подходят ключи Шерлока Холмса к замкам Шерлока Холмса, как неизменно дважды два равно у него четырём. Однако в реальной жизни ключи порой не соответ-

ствуют замочной скважине или просто теряются, а дважды два вдруг почему-то равняется двадцати двум».

Установить личность преступника не так уж сложно, утверждает Андерсон. Круг подозреваемых — *usual suspects* — обычно узок. Куда сложнее собрать улики, изобличить его — здесь закон стоит на страже презумпции невиновности. Но Холмсу эти трудности неведомы.

Вспомним хотя бы «Его прощальный поклон» — сцену, где Холмс и Ватсон связывают разоблачённого агента немецкой разведки. «Вы — частное лицо, — говорит Холмсу шпион. — У вас нет ордера на мой арест». Холмс с этим соглашается. Немец продолжает: «Если я вздумаю позвать на помощь, когда мы будем проезжать деревню...» «Дорогой сэр, — перебивает его Холмс, — если вы вздумаете сделать подобную глупость, вы, несомненно, нарушите однообразие вывесок наших гостиниц и трактиров, прибавив к ним ещё одну: «Пруссак на верёвке»».

Среди читающей английской публики в 1917 году, когда ещё шла мировая война, эта фраза могла иметь успех, но она совершенно невозможна в реальной правоприменительной практике правового государства.

Холмс прекрасно отдаёт себе отчёт в незаконности некоторых своих действий. Вот характерный диалог из «Скандала в Бомеи»:

- Вы не боитесь нарушать законы?
- Ничуть.
- И опасность ареста вас не пугает?
- Ради хорошего дела готов и на это.

Именно на необходимости точного соблюдения процессуальных норм построена интрига многих эпизодов популярнейшего американского полицейского телесериала «Закон и порядок», русская версия которого идёт на российском телевидении. Пусть на рукоятке ножа отпечатки пальцев арестованного, а на лезвии — кровь жертвы; если улика получена незаконно, она не будет приобщена к делу.

Холмса такие «мелочи» не останавливают. Он, несомненно, одобрил бы действия Глеба Жеглова, который подсовывает кошелек в пиджак карманнику, чтобы получить от него нужные показания.

В распоряжении тогдашнего следствия было не так уж много научных методов исследования улик, но даже те, какие были, Холмсу не требуются. Холмс может отличить пепел гаванской сигары от пепла манильской, но главная его сила — сила логики, интеллект. «Считая вас вторым по величине европейским экспертом...», — говорит в «Собаке Баскервилей» доктор Мортимер. «Вот как, сэр! — ревниво перебивает его Холмс. — Разрешите полюбопытствовать, кто имеет честь быть первым?» «Труды господина Бертильона внушают большое уважение людям с научным складом мышления», — объясняет смутившийся Мортимер.

Альффонс Бертильон — служащий парижской префектуры, разработавший целый ряд приспособлений и антропометрических методов криминалистики для идентификации преступника; вместе с тем Бертильон игнорировал открытый британцами в 1901 году метод дактилоскопии (отпечатков пальцев). В рассказе «Подрядчик из Норвуда» Холмс впервые в своей практике сталкивается с этой неопровержимой уликой. На вопрос торжествующего инспектора Лестрейда «Вам известно, что во всём мире не найдётся двух одинаковых отпечатков пальцев?» Холмс вынужден ответить: «Кое-что слышал об этом».

Но, как выясняется, торжество Лестрейда преждевременно. Отпечаток оказывается ложным следом. «Но как отпечаток мог оказаться на стене?» — недоумевает инспектор, когда дело раскрыто. В ответ Холмс излагает невероятную версию: будто бы истинный преступник подсунул невинному почтовый конверт, запечатанный мягким сургучом, и таким образом получил отпечаток. «А уж снять восковой слепок с сургуча, уколоть палец иглой, выдавить на воск несколько капель крови и приложить к

стене в прихожей — собственной ли рукой, или рукой экономки — особого труда не составило», — заключает Холмс.

Поверить в эти манипуляции трудно: папилляры, образующие неповторимый рисунок на подушечках пальцев, — слишком тонкие линии, чтобы отпечататься на сургуче, а с сургуча перейти на воск. Но опровержение неопровержимой улики — характерный для детектива сюжетный ход. Конан Дойл, видимо, считал, что современная криминалистика убивает жанр, и нашёл способ поставить под сомнение выводы науки.

Современному детективу криминалистика не мешает. Более того: криминалист часто становится главным действующим лицом повествования. Один из таких образов создала американка Патриша Корнуэлл. Постоянная героиня её детективных романов — судебно-медицинский эксперт Кей Скарпетта. Но научные методы исследования улик ни в коей мере не заменяют и не отменяют необходимости думать и рассуждать. Это и есть наследие Артура Конан Дойла и его героя.

Раздел четвёртый

Пляшущие человечки

(шерлокианские прозамы)

Майлз Б. Кингтон
*Дело датского принца*¹⁰

Для любителей нестандартных прочтений старых сюжетов

Акт I

*Бейкер-стрит. Входят Шерлок Холмс и Доктор
Ватсон.*

Х о л м с

Даже если все демоны и ведьмы преисподней
Окутают зловонным дымом Лондон
И тусклой краской выпачкают небо,
То и тогда ненастней дня не будет.

В а т с о н

За окнами туман?

Х о л м с

Туман, и прегустой.

Унылое, безрадостное утро,
И с почты нет вестей. Вот только телеграмма
От Малькольма — он шлёт мне благодарность
За то, что я раскрыл причину смерти
Дункана-короля и Банко.
Вы дело это, надеюсь, записали
И книгу издадите?

В а т с о н

Уже готова, Холмс.

Трагедия «Макбет» её назвал я,
Остались только сноски да глоссарий.

¹⁰ сб. «Ничего смешного : юмор, сатира, пародия, афоризм», М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 256-263. – пер. А. Ливергант.

Х о л м с

Когда я понял, что убийц не двое,
А больше, — остальное само собой решилось.
Вы газеты сегодня видели?

В а т с о н

Лишь «Морнинг пост».
О Лире по-прежнему не слышно. В Венеции
Открылся процесс забавный. Тимон
Скрывается в пещере. Фальстаф опять напился
И буянит. Вот вам все вести.

Шум на лестнице.

Х о л м с

Поверьте, это к нам за помощью
Идут. И слава богу.
Истосковался я без преступлений.

Входит Г а м л е т.

Г а м л е т

Привет вам, господа.
Со мной вы незнакомы, очевидно.

Х о л м с

Отнюдь. Вы датский принц.
Покуда неженатый.
Вы курите табак. Недавно были в море.
Вас в детстве испугала лошадь. А теперь
Позировать надумали кому-то.
Вы нелюдимы, верно?

В а т с о н

Помилуй боже, Холмс.

Г а м л е т *(в сторону)*

Он чародей, не будь я Гамлет!

Х о л м с

Не чародей, но тонкий наблюдатель.

Судите сами, вы носите корону, — значит, принц.

Датчанин вы по речи и повадкам.

Морским узлом подвязаны чулки.

Камзол засыпан пеплом. Воротник

Испачкан синей краской живописца.

Что нелюдимы вы, понятно из того,

Что в дверь вы не стучите, а войдя,

Её прикрыть забыли.

Г а м л е т

Всё это так. Но к делу. Мой отец

Был королём. А ныне его брат

На троне датском. Мать моя,

Гертруда, — вдова отца

И снова королева.

Меня вы поняли?

Х о л м с

Понять вас мудрено,

Вы с речью не в ладах

И с разумом — давно!

Г а м л е т

Хочу я знать, за что

Отец мой был убит?

Х о л м с

Отец? Убит?! Какие основания
У вас так думать?

Г а м л е т

Мне дух его сказал.
Ему я верю.

Х о л м с *(в сторону)*

Поверить привиденью?!
Он безумен.

(Гамлету)

Так кто ж убийца вашего отца?

Г а м л е т

Мой дядя,
Подлый и коварный Клавдий.

Х о л м с

А улики?

Г а м л е т

Их нет.

Известно только.
Что в ухо яд он влил отцу,
Когда тот спал.

Х о л м с

И кто вас надоумил?

Г а м л е т

Всё тот же Призрак.

Х о л м с (*в сторону*)

Вездесущий Призрак!
Интересно, как бы
Себя он вёл в суде британском?

(*Г а м л е т у*)

Что ж, это любопытно.
До встречи, принц,
В далёком Эльсиноре.

Г а м л е т

Благодарю.

Уходит.

Х о л м с

До темноты он вздор молотъ готов,
Таков удел завравшихся юнцов!

Входит переодетый Клавдий.

К л а в д и й

Я честь имею с Холмсом говорить?
Скажите, тот, кто только что спустился,
Не Гамлет ли, принц датский?

Х о л м с

Может статья.

К л а в д и й

Надеюсь, вас он сильно позабавил
Историей предлинной,
Будто дядя его отца
Отправил на тот свет?
Безумен он и сам
Не понимает, что говорит.

Х о л м с

Присядьте, государь.

К л а в д и й

Но как вы угадали?

Х о л м с

Очень просто.
У вас на голове корона, а в глазах
Читается презрение и надменность.

К л а в д и й

Дьявол! И всё ж его словам
Вам верить не пристало,
Не то —
Пеняйте на себя.

Уходит.

Х о л м с

Видали?!
Что, Ватсон, скажете?

В а т с о н

Надо ехать.

Х о л м с

Вы правы, едем.

Наутро — в путь.

Король напрасно злится и грозит —

Ведь датский климат нам не повредит!

Уходят.

Акты II, III, IV, V

Дания. Входят Шерлок Холмс и Ватсон.

В а т с о н

Ну и слякоть. Простуды

Не миновать. Я рад, что захватил

Шотландский плед с собою.

Х о л м с

В своей шотландской юбке

Вы смотрите престранно.

Но что это?!

Входит Призрак.

П р и з р а к (*манит Холмса*)

Пока вся Дания

В полночном царстве спит,

Бегите прочь, домой, на Бейкер-стрит!

Призрак уходит.

Х о л м с *(с увеличительным стеклом)*

Но почему оставил он
Следы охотничьих сапог размером десять,
Одной подошвы нет,
И пятки в глине?
Что значит этот след?

Входит Гамлет с книгой.

Х о л м с

Скажите, принц, остался в Эльсиноре
Придворный, близкий вашему отцу?
Ему вопросов несколько хотел бы
Задать я.

Г а м л е т *(рассеянно)*

Остался, только он — Полоний то бишь —
Гниёт в могиле уже третий день.

В а т с о н

Вот нравы! Вот страна!
Не нравится мне здесь.

Х о л м с

Всё это любопытно. Скажите, принц,
Случись вам быть на троне, —
Кто сел бы подле вас?

Г а м л е т

Офелия была бы королевой.

Х о л м с

Была бы? Что с ней?

Г а м л е т

Мертва, как и Полоний.

В а т с о н

Час от часу не легче.

Х о л м с *(в сторону)*

Убиты все свидетели! О, горе!

Пойду пройдусь. До встречи в Эльсиноре.

Кладбище. М о г и л ь щ и к и с заступами.

Появляется Ш е р л о к Х о л м с.

Х о л м с. Скажи мне, любезный, что это ты тут делаешь?

1-й м о г и л ь щ и к. Мясо, сударь, себе копаю, хотя копаем-то мы мясо, а выкапываем кости — на чужих костях мясо себе зарабатываем. Кладём в могилу чужие кости, а получаем мясо к столу.

Х о л м с. Вот тебе пять монет.

2-й м о г и л ь щ и к. За вопросы?

Х о л м с. Нет, за ответы. Получите ещё столько же, если будете отвечать правду и не паясничать. Ну-ка, говорите по совести, как дела идут?

1-й м о г и л ь щ и к. Ни плохо, ни хорошо, сударь. Когда тем, кто жив, хорошо, нам плохо. Люди теперь зажились на белом свете, никто умирать не хочет, работы мало. Давно уж никого не хоронили. Люди себе живут, а дело наше умирает.

Х о л м с. Я сказал, не паясничать!

2-й м о г и л ь щ и к. Что делать, сударь, профессия наша такая.

Тронный зал в Эльсиноре.

Входят Шерлок Холмс и Ватсон.

Х о л м с

Мой метод вам известен, Ватсон:

Когда я сомневаюсь, исключаю

Всё, что на первый взгляд

Звучит логично, —

Всё прочее и есть разгадка тайны.

Входит Фортинбрас.

Ф о р т и н б р а с

О, горе, горе! Что за гнусный день!

Рыдают небеса, и море слёзы льёт...

Х о л м с

В себя придите, стыдно.

Цветистым монологам я не внемлю.

Что там у вас?

Ф о р т и н б р а с

Принц датский Гамлет

Убит.

Х о л м с

Естественно. Ещё что?

Ф о р т и н б р а с

А с ним Лаэрт, и Клавдий, и Гертруда!

Х о л м с

Конец достойный. Что же,

Мы все умрём... Могильщикам на радость.

Ф о р т и н б р а с

Так плачьте, небеса!

В а т с о н

Опять он за своё.

Х о л м с

Хотите ль вы узнать убийцы имя?

В а т с о н

Наверно, Фортинбрас?

Х о л м с

Нет, нет. Он лишь посыльный
Дурных вестей, и только.
Могильщики убили короля,
Чтобы поправить гибнущее дело
И поживиться на монархе датском.
Всею одну ошибку допустили:
Изображая Призрака, они
Остались в сапогах своих, и глина
Их выдала. Я, помнится, писал
Об обуви, подошвах, каблуках,
Вы, думаю, статьи мои читали, —
Им провести меня не удалось,
Раскрыта тайна датского двора,
И нам пора в обратный путь пуститься;
К тому же получил я телеграмму
От Лестрейда — ему я срочно нужен.

В а т с о н

Что пишет он?

Х о л м с (*читает*)

«Убита Дездемона.

Её нашли мы мёртвой на постели».

В а т с о н

Не успели покончить с Гамлетом...

Х о л м с

Где ваша совесть, Ватсон?

В а т с о н

...И вновь в дорогу дело нас зовёт:

Теперь какой-то мавр.

Х о л м с

Молчите, негодяй!

Сбивает его зонтиком с ног.

Х о л м с уходит, неся тело В а т с о н а. Фанфары. Пушечные залпы.

Похоронный марш.

Михаил Харитонов

Тарантелла

— Отвратительно, — сказал доктор Ватсон, складывая газету.

— Ничего особенного, — заметил Холмс, обглаживая ножку холодной куропатки. — Разговоры о растрате средств — обычное ремесло газетчиков. Министерство, как всегда, отмолчится: серьёзных доказательств нет никаких. Пошумят и забудут.

— Простите меня, Холмс, за все эти годы я должен был привыкнуть к вашей пронизательности, — растерянно сказал Ватсон, — но как? Вы ведь, кажется, не видели сегодняшних газет. И уж точно не могли знать, что я читал сейчас. Могу поклясться, вы даже ни разу не посмотрели в мою сторону!

— Элементарно, Ватсон, — Холмс потянулся к бутылке «Монтраше». — По шороху, с которым вы переворачивали страницы, я определил, что вы читаете «Таймс». В зависимости от размера листа и качества бумаги, газеты издают разные звуки. Хотя как-то раз в молодости, распутывая одно дело на континенте, я спутал на слух «Санкт-Петербургские Ведомости» с «Дрезденскими Известиями». Но ни с чем нельзя спутать тот специфический хруст, с которым раскрываются страницы «Таймс», основанной в тысяча семьсот восемьдесят пятом году типографом Джоном Уолтером, всегда использовавшей самую лучшую бумагу и печатные машины, в частности вальцовый пресс... образчик респектабельности, тираж около пятидесяти тысяч... впрочем, с этим ясно. Пойдём дальше, — он осушил бокал и снова принялся за куропатку, — за эти годы я неплохо изучил вас, Ватсон. У вас есть привычка начинать с раздела объявлений, а передовицу оставлять напоследок. Поскольку сразу после чтения вы сложили газету вдвое, значит, ваше восклицание относилось именно к передовице. Я также замечаю, что вы, поражённый человеческим

страданием, непременно воскликнете «Ужасно!», дурные вести из колоний встретите восклицанием «Кошмар!», низость назовёте низостью, а вот слово «отвратительно» прибережёте для злоупотребления деньгами налогоплательщиков. Наш родной язык так богат синонимами... Ну, а про назревающий скандал в министерстве я знал заранее... кажется, от Майкрофта, да это и не важно. Конкурировать с этой новостью могло бы только открывшееся разорение одного банка, но я как раз занимаюсь этим делом и уже принял все меры, чтобы избежать огласки. Как видите, ничего сложного.

— Да, всё очень просто, Холмс... после того, как вы мне это объяснили, — вздохнул Ватсон.

Друзья сидели в комнате на Бейкер-стрит. Всё вокруг было как обычно: обстановка здесь не менялась годами и даже десятилетиями. Даже насквозь прожжённая полка с химикалиями висела на своём законном месте.

Холмс, облачённый в свой привычный красный халат, устроился у камина и с аппетитом поглощал ланч — впрочем, это можно было назвать и завтраком, так как великий сыщик встал около полудня. Ватсон, напротив, провёл бессонную ночь у постели больного, и оттого был несколько раздражён, что, как известно, не способствует хорошему аппетиту. Поэтому он предпочёл куропатке газету.

— А это что за дрянь? — Ватсон с неудовольствием покопился на обтрёпанный женский зонтик, прислонённый к стене рядом с футляром для скрипки. — Вы опять переодевались старухой?

— Что? А... — Холмс махнул рукой. — Да, недавно пришлось. Нужно было проследить за одним высокопоставленным негодяем, развращающим невинных девушек в предместьях.

— Что-нибудь удалось узнать? — встревожился доктор.

— Так, пустяки. Лорд... впрочем, обойдёмся без имён и титулов, время ещё не пришло... — рассеянно сказал Холмс, подливая себе вина, — разумеется, переодетый, в парике и с

накладной бородой, был замечен мной возле одной гостиницы с дурной репутацией. Под руку он вёл молодую девицу, скрывающую лицо под вуалью. Девушку мне не удалось разглядеть: было темно. Но по отпечатку каблука в комке лошадиного помёта — простите, Ватсон, что я говорю об этом за завтраком, но вы медик... так вот, по отпечатку каблука я определил кое-какие интересные подробности, которые могут дать направление дальнейшим поискам. Но — тс-с-с, Ватсон, об этом рано говорить. Так или иначе, я спасу её, вырву из лап гнусного негодяя. Пока что моя добыча очень скромна: лорд дал мне пенни.

Ватсон смущённо хихикнул, рыжие усики вздрогнули.

— Кстати, — вспомнил он, — мы пойдём вечером на новую постановку? О ней много говорят.

— Не знаю, — Холмс поморщился, — не знаю. Оффенбах бывает недурён, но мне ближе чисто французская музыка. Не подумайте только, что я разделяю известный предрассудок. Но это как с кухней: если уж пробовать *pasta*, то поваром должен быть настоящий итальянец, а не *giudeo*, которому запрещено употреблять в пищу *frutti di mare*. Так и в музыке: Хотя у него есть одна приятная мелодия... — Холмс попытался засвистеть.

— Кстати об итальянцах, — поспешно спросил Ватсон. — Вы, насколько я помню, назначили сегодня доктору Струццо? У него к вам было какое-то дело.

— Я никогда и ничего не забываю, — самодовольно заметил Холмс, опуская тонкую белую руку в ведёрко с углём, где он предпочитал хранить свои трубки и готовясь приступить к сложному ритуалу раскуривания. — Ватсон, вы не помните, куда я положил табак?

— Последний раз я находил его в носке персидской туфли, — сообщил Ватсон.

— Отлично, — Холмс ловко вытянул ногу и достал из-под шифоньера вещицу, — он и в самом деле тут... Итак, я сомневаюсь, что доктор успеет вовремя. Во всяком случае, ещё несколько минут для наслаждения жизнью у нас есть.

— Сомневаюсь, — подумав, сказал Ватсон. — Давайте применим ваш дедуктивный метод. Доктор Ламберто Струццо — итальянец, но при этом практикует в Лондоне. Итальянскому медику очень сложно устроиться в Британии: мы, англичане, не доверяем чужакам, а врач — лицо доверенное. Причём, насколько мне известно, он специалист по нервным болезням, а это вдвойне деликатная тема. Чтобы создать себе репутацию, он должен быть не только хорошим врачом, но и крайне щепетильно относиться к любым мелочам. Пунктуальность же — это настоящая страсть нашей бесстрастной нации, и пренебрежение ей может стоить провинциалу карьеры. Тем более в важных вопросах — а если уж он обратился к вам, значит, вопрос действительно важен. Как вам моё рассуждение, Холмс?

— Браво, мой дорогой Ватсон! — Холмс зааплодировал. — На этот раз вы превзошли самого себя. Вы не просто применили мой метод — вы сделали это правильно. Собственно, ваш вывод был бы совершенно справедлив, — Холмс, сделал паузу, совершая какую-то особенно сложную манипуляцию с трубкой, — но доктора зовут Ламберто, а это значит, что он может быть точным, как часы всегда, но только не сегодня.

— И каким же образом из этого следует, что именно сегодня он опоздает? — саркастически осведомился Ватсон.

— Да, Ватсон, именно следует, потому что любой итальянец, даже последний *farabutto*, скорее даст снять с себя шкуру живём, нежели пропустит церковную службу в день своего святого. А сегодня как раз девятнадцатое апреля. Учитывая расстояние до ближайшей католической церкви и расписание служб...

— Девятнадцатое апреля? — переспросил Ватсон. — Ага, да, понятно... Но почему доктор так настаивал на встрече именно сегодня, даже рискуя опоздать?

— Именно поэтому. Дело, видимо, серьёзное, а доктор в глубине души суеверен. Поэтому он предпочёл встречаться с нами в свой день — это должно принести удачу. Кстати, ещё один повод сходить на службу.

— Вы, как всегда, блестящи, Холмс, — Ватсон развёл руками. — Не устаю удивляться, как эти вы, с вашими энциклопедическими познаниями, умудряетесь в то же время не замечать очевиднейших вещей. Например, того, что...

— Друг мой, для меня нет ничего очевидного, — заметил Холмс, выпуская первый клуб дыма, — но это не слабость, а сила. Я знаю факты, но лишён предрассудков и предубеждений, опутывающих, подобно сети, даже лучшие умы. Впрочем, я без всякой жалости выкидываю из памяти и факты, если они мне ничем не помогают. Например, я стараюсь не запоминать подробности дел, которые уже закончены. Поверьте, я помню многие свои приключения в основном благодаря вашим рассказам, ну и своей картотеке.

— Охотно верю, — Ватсон пожал плечами. — Но не понимаю.

— А к чему мне помнить все эти подробности? Я не тщеславен. Моя скромная репутация меня вполне устраивает. Единственная награда, которую я желал бы для себя — сознание того, что в результате моей деятельности воздух Лондона становится немного чище, порок наказан, а добродетель в очередной раз вступила в свои законные права. Разве этого не достаточно для удовлетворённости собой? — в голосе Холмса послышалось неподдельное волнение.

Ватсон промолчал.

* * *

Великий сыщик как раз заканчивал с трубкой, когда зазвенел дверной колокольчик.

— О, а вот и наш доктор, — довольно сказал Холмс. — Он уладил свои дела с Богом на две минуты раньше, чем я ожидал.

Доктор Струццо появился в самом скором времени. Ватсон отметил про себя, что, несмотря на безупречный костюм и манеры гостя, в нём можно с первого взгляда распознать итальянца. Высокий, плотный, с курчавой головой, отливающий цветом во-

ронова крыла, с чёрными глазами и лихо загнутым носом, доктор производил впечатление типичного южанина.

— Добрый день, мистер Шерлок Холмс, — гость начал говорить прямо от порога, помогая себе энергичной жестикуляцией, — а вы, наверное, доктор Ватсон? — повернулся он к Ватсону, — добрый, добрый день, ужасно рад вас видеть... Простите за моё запоздание, джентльмены: увы, увы, улицы этого города так переполнены...

От Ватсона, однако, не укрылась нервозность, которую гость тщательно пытался скрыть за любезностью и радушием.

— Присаживайтесь, — решительно сказал Холмс, показывая на стул. — И давайте не терять времени. Рассказывайте же, что вас сюда привело: вы, кажется, не из тех людей, которые тратят время на ненужные любезности.

— Да, вы правы, мистер Холмс, — скорость речи собеседника не уменьшилась, но добродушие из неё пропало, как и маслянистые нотки в голосе. Теперь перед Холмсом и его другом сидел не светский щёголь, а решительный человек, столкнувшийся с тяжёлой проблемой, но намеренный её решить.

— Итак, я пришёл к вам по поводу одного необычного убийства, — взял он быка за рога.

— Убийства, как и болезни, обычными не бывают, — философски заметил Холмс, бросив печальный взгляд на оставленную трубку.

— Да, да, но я говорю о случае, необычном и вопиющем даже с точки зрения дилетанта, каким являюсь я в вопросах криминалистики... Два дня назад была убита Анна Кросс, единственная дочь вдовца Эммануила Кросса, художника. Предупреждая дальнейшее: я действую от его имени и по его поручению.

— Вы его друг?

— Смею считать себя таковым. Кроме того, он мой постоянный пациент.

— Почему же он не пришёл ко мне сам?

— Он убит горем. К тому же... — доктор слегка замылся, — есть особые деликатные моменты... В общем, я предложил ему свою помощь и посредничество, более того — настоял на этом.

— Это как-то связано с болезнью? — предположил Холмс.

— Не только. Как бы это объяснить... Во-первых, мистер Кросс несколько простоват. У него гениальные руки и его картины весьма ценятся в обществе, но, по правде говоря, он выходец из предместий. Если бы не наследство дяди, он прозябал бы в самом жалком положении... Недостаток хороших манер...

— Когда речь идёт о жизни и смерти, хорошие манеры — вещь второстепенная... Значит, есть ещё что-то?

— Я не хотел с этого начинать. Ну что ж. Я уже давно пользую господина Кросса от его недуга. Увы, похоже, неизлечимого...

— Доктор Струццо известен как специалист по нервным болезням, — зачем-то сказал Ватсон.

— Ну, не то чтобы известен, — слегка смутился доктор, — но определённая репутация...

— Хорошо, об этом вы расскажите тогда, когда сочтёте нужным, — сказал Холмс. — Мы, сыщики, прежде всего, интересуемся тремя вопросами: где, когда и что. Итак, где и когда были обнаружены последствия преступления?

— Труп Анны Кросс был найден позавчера в гостинице на Мерилбон Роуд... — начал Струццо.

— То есть у нас на соседней улице? — изумился Ватсон. Холмс нахмурился.

— Для человека с рационально устроенным умом должно быть ясно как день, что в Лондоне преступление может совершиться в любом месте: в Вестминстерском дворце, в трущобах или у нас под окнами, — недовольно сказал он своему другу. — Продолжайте, доктор.

— Я и говорю: её тело было обнаружено в дешёвой гостинице на Мерилбон Роуд, — в голосе итальянца прорезалось тщательно сдерживаемое волнение. — Места преступления я не ви-

дел. Но я ездил вместе с моим несчастным другом на опознание тела.

— Так-так, — сказал Холмс. — Опишите как можно подробнее то, что вы видели своими глазами.

— Я врач, Холмс, но должен сказать — даже для моих нервов это было суровым испытанием. Тело Анны изуродовано. Особенно пострадала грудь и нижняя часть тела. Честно сказать, её буквально выпотрошили.

— Характер ран? Вы можете сказать, чем они были нанесены?

— Очень острым предметом, — подумав, сказал итальянец, — но, пожалуй, не слишком длинным. Скорее всего, это был какой-то медицинский инструмент.

— Ланцет? — спросил Холмс.

— Да, скорее всего. Судя по тому, что осталось от груди... Это было просто ужасно. Простите моё волнение, но я хорошо знал покойную, и смотреть на это мне было больно.

— Что ж, мужайтесь. Мне приходилось видеть самые кошмарные вещи, какие только способно измыслить человеческое воображение, — с чувством сказал великий сыщик.

— Или дьявольское! — итальянская натура гостя, наконец, дала о себе знать. — Простите, мистер Холмс, но тот, кто сотворил это — сущий дьявол!

— Я сталкивался с людьми, склонными к мучительству, — заметил Холмс, — обычно это дегенеративные типы из низших слоёв общества.

— О, если бы! Увы, даже среди высоко вознесённых над толпой смертных попадаютсся субъекты, достойные виселицы или Бедлама, — с горечью сказал доктор.

— Что же полиция? — Холмс решительно вернул разговор на почву фактов.

— Ведёт расследование... Меня приглашали на опознание тела.

— А газеты? Почему в газетах ничего не было?

— Обстоятельства дела деликатны. Насколько мне известно, пока что газетчиков держат в отдалении.

— Откуда вам это известно? — недоверчиво прищурился Холмс.

— У меня есть связи в Скотланд-Ярде. Я пользовал от нервного расстройства... впрочем, это врачебная тайна. Как бы то ни было, я в курсе всех подробностей. Можете задавать мне вопросы, как лицу осведомлённому.

— Кто обнаружил тело? — Холмс приступил к расспросам.

— Служанка. Она убирала комнаты.

— Она дала показания?

— Да. Более того, я знаю, какие.

— И что же? — Холмс наклонился вперёд, его ноздри хищно раздувались.

— Служанка подтвердила под присягой, что номер был снят на одну ночь неким мужчиной, представившимся как «мистер Мерри». Разумеется, это не настоящее имя. У него были длинные волосы, усы и борода.

— Парик и накладки, — презрительно сказал Холмс.

— Полиция думает так же... С ним была девушка, которую представили как «мисс Мерри». Это выглядело очень подозрительно. Но он ответил на все вопросы полугинеей поверх счёта.

— И, разумеется, заплатил вперёд? — спросил Холмс.

— Да, именно так... В общем, он снял номер из двух комнат, на двоих. Девушку он представил как свою дочь, путешествующую вместе с ним. Она это подтвердила — служанка клянётся, что добровольно.

— Выглядела ли она напуганной?

— Служанке показалось, что девушка нервничала. Но она поняла это... как бы это сказать, мистер Холмс...

— Она приняла её за падшую женщину, — резко и грубо сказал Шерлок, — беспокоящуюся о том, заплатит ли ей клиент и не вытолкают ли их обоих в шею. Похоже, эта гостиница — просто притон.

— Как и большинство дешёвых гостиниц в Лондоне, — не удержался Ватсон.

— И что же дальше? — не отставал Холмс. — Ночью кто-нибудь слышал крики, звуки борьбы?

— Нет, ничего подобного.

— Как выглядел номер?

— Как лавка мясника, в которую попал артиллерийский снаряд. Говорят, всё было в крови, даже стены.

— Очень, очень интересно... Отец знает? — без тени смущения спросил сыщик.

— Знает... и не знает. Видите ли, — замылся Струццо, — это как раз касается болезни... Господин Эммануил Кросс страдает провалами в памяти. То есть — он может забыть то, что делал буквально несколько часов или даже минут назад. Малейшее нервное потрясение способно лишить его памяти о прошлом.

— И насколько глубоко простираются приступы забывания? — осведомился Холмс.

— Когда как. Обычно он забывает то, что происходило в течение ближайших часов. Но бывает по-всякому. Однажды он при мне не узнал собственную дочь. Он кричал, что у него нет никакой дочери, и требовал, чтобы я вышвырнул за дверь эту гулящую девку, не стоящую трёх шиллингов! Потом всё неожиданно прошло, и он снова стал приветлив. Мы больше не возвращались к этому вопросу. К счастью, его недуг не мешает ему рисовать, и даже по-особенному обостряет восприятие мира... Так вот, когда ему сообщили о смерти дочери, он держался мужественно и стойко, даже поехал вместе со мной на опознание тела... а потом по дороге домой...

— Кстати, где он живёт? — заинтересовался Холмс.

— Собственный дом на Бедфорд-Роу, — сказал доктор.

— Не слишком-то подходящее место для живописца, — заметил великий сыщик. — На Бедфорд-роу обитают в основном юристы, а в юристах, как выражался мой первый учитель музыки, мало пленительного.

— Дом достался мистеру Кроссу в наследство от дяди, и он им очень дорожит, — пояснил доктор Струццо. — К тому же молодость он провёл не в дурном обществе, так что нравы Бедфорд-Роу ему по душе: там тихо и спокойно. В любом случае, его недуг не позволяет ему переменить место жительства: несчастный может просто не запомнить нового адреса, а дорогу к своему дому он изучил ещё до того, как болезнь стала прогрессировать. Он, можно сказать, прикован к своему обиталищу невидимой цепью.

— Ужасно, — искренне сказал Ватсон.

— Так вот, — продолжил Струццо, — когда мы возвращались, он, как ни в чём не бывало, мне и говорит: «эх, доктор, наша Анна вас, небось, заждалась».

— Именно такими словами? — Холмс склонил голову набок, как умная собака, почуявшая след.

— Да. Признаться, у меня чуть не брызнули слёзы...

— Я о словах, — нетерпеливо перебил сыщик. — Он так и сказал — «небось»?

— Он выходец из предместья, — напомнил Струццо, — В принципе, он говорит нормально. Но когда он взволнован или у него эти проклятые провалы в памяти, он сбивается на родное просторечие... Но какое это имеет значение?

— Всё имеет значение, решительно всё... Итак, вы считаете, что он забыл о смерти дочери?

— Не знаю. Я не решаюсь заговорить с ним об этом... И тем ужаснее мои подозрения, — неожиданно закончил он.

— Какие подозрения? — Холмс впился в него глазами.

— Что ж, я вынужден сказать и это... Однажды я видел среди набросков картон, на котором была изображена мёртвая девушка со страшными ранами. Лицо её не было дорисовано, но тело... Могу поклясться, это тело Анны! Там были подробности, которые мог знать только тот, кто видел её полностью обнажённой. Когда я спросил господина Кросса о том, что это такое, он сказал, что это набросок для большой картины, изображающей

казнь одной древнеримской мученицы. Но картина так и не появилась. Вы понимаете, о чём я теперь думаю, о чём я не могу не думать? Ведь несчастный Эммануил и в самом деле не помнит, что делал во время этих своих приступов...

— Этот набросок до сих пор цел? — спросил Холмс.

— Думаю, да. Если мне будет предоставлена такая возможность, я его опознаю... Но не подумайте только, что я и в самом деле верю в то, что несчастный мистер Кросс виновен, — с жаром сказал итальянец. — Напротив, я хотел бы снять с него все подозрения — именно потому я так откровенен, именно потому я делюсь с вами самыми чёрными мыслями... Но я хорошо знаю Эммануила Кросса — и как врач, и, смею произнести это слово, как друг. Это благороднейший человек. И если он узнает, или хотя бы подумает, что в порыве безумия совершил нечто страшное и непоправимое — он больше не сможет жить. Он умрёт от горя. Или убьёт себя.

— Вот как? Вы уверены? — спросил Холмс со странной интонацией. — Самоубийство — тяжкий грех.

— Клянусь Пречистой Девой, я больше всего боюсь именно этого — что он наложит на себя руки. Счастье его жизни составляли искусство и дочь, а теперь он лишился половины — и, наверное, лучшей половины. Если же он возьмёт в голову, что он повинен в гибели Анны... нет, хотя бы в небрежности, в недостаточном внимании к ней... Уже одно это может погубить его. Как видите, я думаю не только о мщении за мёртвую, я борюсь за жизнь живого, более того — за участь его души в грядущей вечности. Я найду настоящего убийцу — с вашей помощью или без неё. И когда он будет найден, я употреблю все средства, чтобы пустить в ход машину правосудия... если только не растерзаю негодая собственными руками! — как бы в подтверждение этих слов доктор Струццо выбросил руки перед собой, так что Ватсон невольно отшатнулся.

— Остановитесь, доктор. Убийство — тоже тяжкий грех, — сказал Холмс.

— Да, да, вы правы... Я сказал всё. Итак, вы берётесь за это дело? Я знаю ваши расценки, мистер Холмс, равно как и вашу репутацию, — добавил он.

— Я должен подумать, — неопределённо ответил великий сыщик, — сейчас я веду сразу несколько дел, а мои силы небезграничны. Приходите послезавтра за окончательным ответом.

— Благодарю за то, что выслушали меня, — сказал доктор, вставая. — Надеюсь, в любом случае это останется между нами.

— Не беспокойтесь, — Холмс любезно улыбнулся, — за это я ручаюсь.

— Если вдруг вам срочно понадобятся какие-то дополнительные сведения, — уже уходя, сказал доктор, — меня можно найти каждый день около семи в итальянском трактирчике на улицы Королевы Анны, в том же доме, что «Хорёк и Ручейник».

* * *

— Итак, — сказал великий сыщик, снова берясь за трубку, — это одно из тех дел, которые я раскрываю, не сходя с места. Впрочем, нужно будет ещё известить Скотланд-Ярд. Ах, какой наглый, ловкий негодяй!

— Кто? — переспросил Ватсон. — Этот несчастный сумасшедший, отец девушки?

— Её отец — такая же жертва итальянца, как и сама несчастная, — сказал Холмс. — Но какая наглость! Совершить преступление и явиться ко мне, чтобы моими руками переложить ответственность на невиновного! Этот человек, похоже, привык воспринимать людей как марионеток, а себя считает кукловодом, который дёргает за ниточки. Но со мной этот номер не пройдёт! — Холмс в негодовании выпустил клуб сизого дыма.

— О чём вы, Холмс? — спросил в изумлении Ватсон. — Ведь все обстоятельства указывают...

— Прежде всего, Ватсон: все эти так называемые «обстоятельства» известны нам только со слов этого господина. Впрочем, здесь я склонен ему доверять. Он прекрасно знает, что мне

ничего не стоит перепроверить его сведения непосредственно в полицейском управлении. Поэтому само дело, его обстоятельства, показания служанки — всё это, скорее всего, соответствует действительности, ну а что касается мелких деталей, это всегда можно списать на то, что его неназываемый источник сообщил не всё или что-то спутал... Нет, разгадка скрывается не здесь.

Ватсон задумчиво почесал переносицу.

— Смотрите, Ватсон, — Холмс вытянулся во весь свой немалый рост и выпустил ещё несколько клубов табачного дыма. — Прежде чем принять этого Струццо, я навёл о нём справки. Вы совершенно правильно предположили, что итальянцу в Лондоне устроиться не так-то просто. Однако же, этот доктор и в самом деле известен. Его особая специализация — женские нервные расстройства. Здесь он слывёт настоящим кудесником.

Холмс выпустил ещё один клуб дыма.

— Но в кругах, далёких от высшего света, о докторе знают другое. От своих верных агентов в самой пучине лондонского дна я узнал, что человек, чрезвычайно похожий на доктора Струццо, был некогда известен в Неаполе как хирург. Говорят, что он не имел систематического медицинского образования. Он освоил ремесло, наёмничая в Африке и набив руку на несчастных абиссинцах...

— Это ещё не доказательство, — упрямо наклонил голову Ватсон. — Все итальянцы похожи друг на друга.

— У меня есть доказательство. Помните, как этот комедикант, изображая гнев, неосторожно показал нам руки? У него очень интересные пальцы. Длинные, тонкие, но сильные. Ногти острижены коротко, но очень аккуратно, без единого заусенца — такие ногти бывают у пианистов, взломщиков и хирургов. На левой руке едва заметный порез, который может нанести только бритва или ланцет. Если бы мне удалось понюхать эти пальцы! Я уверен, что учуял бы следы эфира или хлороформа: эти запахи въедаются в кожу навсегда. Это руки хирурга, Ватсон!

— Боюсь, Холмс, для присяжных это не покажется убедительным, — сказал Ватсон. — В конце концов, даже если он когда-то работал хирургом...

— О, вот тут-то начинается самое интересное. По тем же сведениям, он работал не где-нибудь, а в одном из самых известных неаполитанских борделей. Вы не хуже меня знаете, Ватсон, что именно входит в компетенцию медиков, устроившихся в подобном месте.

— Лечение венерических болезней и аборт, — догадался Ватсон.

— Вот именно, Ватсон, вот именно... Теперь поговорим вот о чём. В нашем высоконравственном обществе, — Холмс не скрыл сарказма, — женщины, претендующие на порядочность, столкнувшись с подобными проблемами, обычно симулируют нервные расстройства, надеясь таким способом избежать ненужных вопросов, выиграть время и найти ловкого человека, который окажет им особого рода услуги. В таких вопросах, кстати, доверяют больше людям чужим, особенно иностранцам: они всё-таки не совсем свои в нашем обществе и зачастую не разделяют нашу строгую мораль, считая её набором предрассудков... Не удивлюсь, если выяснится, что все пациенты доктора Струццо женского пола.

— Ну, дорогой Холмс, уж одного-то пациента-мужчину мы с вами знаем. Это Эммануил Кросс, отец несчастной девушки.

— А так ли это? Во-первых, непонятно, с каких пор модный итальянский доктор пользуется старого, нелюдимого художника, привязанного к своему дому, и, видимо, к соседям? Такие люди очень консервативны — во всяком случае, в вопросах, касающихся их самих. Если Кросс и в самом деле болен... что нужно ещё доказать... думаю, он обратился бы к старому, проверенному доктору, живущему неподалёку. Дочь — другое дело. Если она внезапно заболела... и отказалась лечиться у кого-либо, кроме знаменитого Струццо... Понимаете меня, Ватсон?

Ватсон склонил голову в знак согласия.

— Теперь о причинах заболевания. Помните, как этот негодяй, пытаясь очернить отца девушки, описывал сцену, когда Кросс кричал, что у него нет дочери и требовал выгнать гулящую девку? Я склонен предположить, что это происходило на самом деле, но не имело никакого отношения к провалам в памяти. Семейный позор — вот что приходит на ум. Скорее всего, Анна не была хрупким цветком добродетели. Её обуревали низкие страсти, она ходила по краю бездны, и как знать? — может быть, ей уже случалось падать столь низко, что... — Холмс утёр выступившую на лбу испарину рукавом халата. — Как бы то ни было, в один далеко не прекрасный день ей понадобились услуги Струццо. Скорее всего, речь шла об аборте.

— Аборте от кого? — спросил Ватсон.

— Сейчас это неважно, кто это был. Так или иначе, итальянец пообещал всё сделать без шума. Отец, скорее всего, предпочитал делать вид, что он ничего не знает о новом падении дочери. В частности, это объясняет, зачем понадобилась дешёвая гостиница. Доктор Струццо и был тем самым «мистером Мерри». Но их ждала не ночь любви, а ужасная, кровавая операция, по сути убийство. И я не сочувствую — слышите, Ватсон? — да, не сочувствую этой молодой потаскушке, которая ради сохранения репутации — уже изрядно подмоченной — согласилась убить во чреве младенца, пусть даже зачатого в низком разврате...

— Но почему тогда никто не слышал криков? — нашёл Ватсон новый аргумент.

— Элементарно, Ватсон. Доктор усыпил несчастную хлороформом, чтобы она не чувствовала боли. Что произошло дальше, сказать трудно. Скорее всего, во время операции доктор допустил какую-то ошибку и убил свою пациентку. Так или иначе, оставлять труп с явными следами абортивного вмешательства было нельзя — я уверен, что доктора и без того подозревают... И этому мерзавцу пришлось в голову замаскировать своё преступление ещё более чудовищным преступлением! Как известно, лист следует прятать среди других листьев, книгу среди других книг,

а злодеяние — среди других злодейств. Он изуродовал труп, особенно потрудившись над нижней частью тела, превратив её в кровавую кашу и тем самым уничтожив все следы беременности и аборта. Всё это можно было выдать за преступление маньяка, какого-нибудь нового Джека Потрошителя. Но каков негодяй! С каким изумительным хладнокровием он расписывал нам подробности своего преступления! Впрочем, в одном месте его всё-таки занесло. Помните этот сюжет с эскизом мёртвой женщины, древнеримской мученицы? Он сказал: «там были подробности, которые мог знать только тот, кто видел Анну обнажённой». Но каким образом врач, лечащий нервные заболевания, мог видеть несчастную девушку обнажённой? Хирург — другое дело: ему показывают даже то, что не всегда показывают любовнику. Он выдал себя, Ватсон!

— Простите, Холмс, — осторожно заметил Ватсон, — ваша версия очень правдоподобна, но что вы скажете о словах несчастного отца — «Анна, наверное, вас уже заждалась»? Если это не ложь, то они доказывают, что бедняга и в самом деле страдает провалами в памяти. А это, увы, означает, что его пока нельзя списывать со счетов как возможного участника преступления — или даже преступника...

— Именно эти слова и убедили меня в моей правоте, — сказал Холмс. — Отец знал, что дочери предстоит аборт, хотя и делал вид, что не знает этого. Он понимал, что доктор Струццо — виновник её гибели. И он сказал ему: «Анна вас уже заждалась» — там, где она сейчас пребывает, то есть по ту сторону земного бытия. Это был не провал в памяти, это была угроза! И, видимо, доктор воспринял её всерьёз. Иначе бы он не пришёл ко мне.

— Но чего он добивается? — спросил Ватсон.

— Очевидно, того, чтобы отца несчастной признали убийцей и безумцем. Проще, конечно, второе. Благо, для этого всего-то и нужно, что два врача. Кстати, вы, Ватсон — подходящая кандидатура для его дьявольского плана. Правда, у вас нет соот-

ветствующего медицинского образования. Зато есть репутация, а английское правосудие в таких случаях проявляет исключительную гибкость... И, конечно, мой авторитет этот мерзавец тоже попытается использовать в своих целях... Я сегодня же свяжусь со Скотланд-Ярдом.

— Лучше напишите письмо, как обычно, — посоветовал Ватсон. — Я, наверное, захвачу его с собой: мне всё равно проходить мимо почты.

— Очень любезно с вашей стороны, — пробормотал Холмс, устраиваясь у бюро и доставая из папки лист писчей бумаги. — Кстати, Ватсон, вы не помните, куда я мог подевать новые перья?

— Наверное, вы сочли их местоположение фактом, недостойным вашего внимания, — мстительно сказал Ватсон.

Холмс рассмеялся.

— Дорогой друг, не будем обмениваться булавочными уколами. Перед нами стоит задача: передать преступника в руки правосудия. Помогите мне найти письменные принадлежности — и за дело!

* * *

Доктор Ватсон запахнул полы пальто. Ветер, сырой и промозглый, продувал переулок насквозь.

Он миновал знакомую вывеску «Хорька и Ручейника» — недурного паба, где он, бывало, позволял себе пропустить пинту другую. Ему приходилось слышать о том, что совсем рядом находится какое-то итальянское заведение, но он никогда не придавал этому значения. Будучи истинным британцем, доктор искренне не понимал всеобщего увлечения континентальной кухней.

Найти нужное место оказалось непросто. Ватсон обошёл фасад дома, пока, наконец, не обратил внимание на низкую дверь без вывески, откуда доносился характерный шум. Решительно потянув на себя дверное кольцо, он открыл её и зашёл внутрь.

Обстановка поражала своим убожеством. Свет единственной горелки с грехом пополам освещал крохотный зал, в котором впритык умещались четыре столика. Три из них были заняты какими-то подозрительными субъектами, едящими *pasta* и галдящими на своём гортанном языке. У жалкого подобия стойки суежилась какая-то подозрительная особа в ярком тряпье — видимо, хозяйка заведения. Откуда-то тянуло подгоревшим оливковым маслом.

Когда Ватсон вошёл, все сразу замолчали.

Он присмотрелся и увидел, наконец, доктора Струццо. Тот сидел за угловым столиком возле единственного окна и сосредоточенно орудовал ножом. Рядом с ним стояла оплетённая бутылка с прозрачной жидкостью.

— А, вот и вы, Ватсон, — безо всякого удивления сказал доктор. — Присаживайтесь. Не желаете ли составить мне компанию? Здесь подают почти терпимое *vino secco* и съедобную *carne di maiale*.

Он крикнул что-то по-итальянски в зал. Хозяйка ответила на том же языке. Ватсон обратил внимание, что обстановка изменилась: пожиратели пасты вновь загалдели.

— Я вижу, вас тут хорошо знают, — сказал Ватсон.

— О, ещё бы, — доктор широко улыбнулся. — Я иногда оказываю различные услуги моим соотечественникам, волею судеб заброшенных в этот громадный город. За это я имею право рассчитывать на их расположение. Вы, британцы, живёте каждый в своей раковине, а мы, итальянцы, держимся друг за друга, как корни травы... Вы уверены, что не хотите вина? Да, и, наконец, снимите пальто, здесь натоплено так, чтобы даже южанин не чувствовал холода.

— Нет, — решительно сказал Ватсон. — Я пришёл сюда по делу и не собираюсь задерживаться.

— Ваш друг уже нашёл какие-то нити в том деле, о котором мы говорили сегодня утром? — прищурился Струццо. Лю-

безность из его голоса куда-то пропала — как нитка, выскочившая из игольного ушка.

— Не будем испытывать терпение друг друга. Я намерен сделать вам предложение, — сказал Ватсон. — Десять тысяч фунтов за то, чтобы вы забыли эту историю и уехали из Лондона на родину.

— Десять тысяч? — презрительно сказал Струццо. — Это не деньги.

— Это почти всё, что у меня есть, — спокойно сказал Ватсон. — Соглашайтесь и уезжайте. Вы больше ничего не получите.

— Нет, дорогой коллега, нет. У нас совсем другие планы, — лицо итальянца исказила гримаса злого торжества. — Но начнём с начала. Ведь это вы убили Мери Кросс, не так ли?

— Да, — Ватсон сказал это без всякого волнения. Лицо его не дрогнуло ни единым мускулом, как у хорошего игрока в покер.

— Я это знал, — сказал Струццо.

— Каким образом? — поинтересовался Ватсон.

— Я расскажу вам об этом... чуть позже. Пока лишь намекну, что маленький бизнес Кроссов находился под моей защитой.

— Бизнес, нуждающийся в вашей защите? — поднял бровь Ватсон. — Ведь вы говорили, что Эммануил Кросс — модный художник?

Струццо неожиданно захохотал. В эту минуту никто не принял бы его за светского человека: столь явственно дала о себе знать неукрощённая натура дикаря.

Отсмеявшись, он налил себе стаканчик вина и сказал:

— О да, о да. Теперь, со смертью Анны, британская живопись понесла невосполнимую утрату. Девочка была практически незаменима. Такое сочетание невинности и бесстыдства надо ещё поискать. Ничего, найдёт другую.

— Что вы имеете в виду? — голос Ватсона дрогнул.

— Вам ли не знать, дорогой доктор? Анна была горячей, как печка. Вся в отца. А Эммануил Кросс был изрядным распутником, пока не получил своё от одной красотки.

— Вот, значит, как? Так от чего же вы его лечили на самом деле?

— От сифилиса, — ослабился итальянец. — Правда, застарелый сифилис неизлечим, вы это знаете не хуже меня, не так ли. Но Кросс — тот ещё типчик. Перестав быть мужчиной, он остался настоящим блудодеем. У него была эта маленькая cuntу, Анна — и он использовал её по полной. Знаете, какими художествами Кросс прославился больше всего?

— Догадываюсь, — Ватсон сжал губы.

— Он начал рисовать свою девочку, когда ей было пять лет. Обнажённую, в различных позах, — доктор Струццо неприятно причмокнул губами, — отдающуюся, насилуемую, в пыточном подвале, израненную, мёртвую: всё как пожелает заказчик. Некоторые почтенные джентльмены, коллекционирующие подобные вещи, платили за эти картины кругленькие суммы. Особенно ценились картины, на которых девочка изображалась вместе с клиентом. Впрочем, тут есть тонкость: клиент не всегда был ценителем искусства, но картину покупал всегда... Вы понимаете, к чему я клоню?

— Нет, — Ватсон встретил взгляд итальянца, не моргнув глазом.

— А вы неплохо держитесь, надо отдать вам должное, — оценил Струццо. — В общем-то, вы жертва вполне банальной ситуации. Почтенный человек, отдавший сок жизни сначала армии, а потом скучным больным и никчёмной семье... — и тут вам попадается эта паршивка. Интересно, кстати, при каких обстоятельствах... Впрочем, попробую догадаться. Применю дедуктивный метод вашего друга Холмса. Анну можно было встретить в салонах для богатых развратников, куда её водили особого рода ценители... но вы туда не входите. Или на улице — она не брезговала и малой мздой. Как-то раз эта ненасытная шлюшка отда-

лась случайному прохожему за три шиллинга — и отец выставил девочку из дому и заставил хорошенько помёрзнуть на улице. Я не отказал себе удовольствие вспомнить об этом маленьком эпизоде: я-то был уверен, что вы оцените тонкий юмор ситуации. Нет? Значит, вы всегда платили исправно... Ладно, неважно, — Струццо подлил себе ещё вина, — нет, вы не могли снять уличную девку. Значит, самое банальное: врачебные услуги. Кто-то из её клиентов срочно нуждался в докторе... Так?

— Это не ваше дело, — сквозь зубы процедил Ватсон.

— А вы злитесь. Не переживайте, Ватсон, эта девочка сводила с ума даже членов Парламента. Вы были всего лишь очередным мотыльком, привлечённым пламенем свечи. Мотылёк знает, что пламя губительно, но всё же бросается в него, повинувшись неодолимому инстинкту. Вот и вы бросились в пламя, зная, что рано или поздно в нём сгорит ваше состояние, положение и репутация в глазах общества. Но вас подталкивал основной инстинкт, заложенный в мужской природе. Лично я вас не осуждаю.

— И напрасно, — сказал Ватсон.

— Что это? Раскаяние? Не слишком ли поздно, дорогой доктор? Ведь вы давали девочке соверены за её нехитрые услуги. Что вы при этом чувствовали? Молчите?

— Если вас это интересует — ничего, кроме отвращения, — холодно сказал доктор.

— Бросьте, Ватсон, бросьте! Отвращение, сожаление — это всё пустые слова. А вот горячая плоть — это реальность. Она была очень аппетитна, эта маленькая чертовка, настоящий лакомый кусочек. А помните, как вовремя у старика Кросса случались эти его знаменитые провалы в памяти? Он, должно быть, даже не узнавал вас, когда вы утром, крадучись, выходили через чёрный ход? О человеческая наивность! У старика Эммануила Кросса всё в порядке с головой, по крайней мере, когда речь идёт о деньгах. Рано или поздно эта парочка — отец и дочь — принялась бы доить вас по-настоящему. Обычно партию начинал отец.

Но маленькая Анна решила сыграть в свою игру — ей нужны были деньги, а папаша Кросс скарденничал... Она ведь сказала вам, что беременна?

— Какое это сейчас имеет значение? — пожал плечами доктор.

— И верно, никакого. Но для вас тогда это имело огромное значение. Ваша семья, ваше положение, даже ваша слава — а репутация летописца деяний Шерлока Холмса чего-нибудь да стоит — всё оказалось под угрозой из-за мимолётной страсти... А ведь бедная девочка хотела от вас всего лишь сотню фунтов — не так-то и много. Но вы испугались так, что решили смести с дороги это случайное препятствие. Что ж, это по-мужски. Мы, итальянцы, люди с горячей кровью, уважаем людей, способных на риск. Вы рискнули и проиграли, доктор. И теперь вы находитесь в наших руках.

— Вы поторопились выкладывать карты на стол, — сказал Ватсон. — У вас ничего нет, кроме моего предложения и моего признания, сделанного здесь, в этом притоне, в компании подозрительных лиц. Если я смог отрезать груди и вспороть живот Анне Кросс, я смогу и солгать под присягой. У вас нет никаких доказательств. Пожалуй, я засиделся в этом грязном кабаке, — добавил он, собираясь встать.

— *Che cazzo!* — итальянец ударил по столу кулаком. — Вы думаете, что сорвались с крючка? Не тут-то было! Тот эскиз, о котором я упоминал — он вас обличает. Старик начал рисовать очередную картину, и на сей раз, главным героем были вы. Как вы понимаете, сюжет был очень вольный. Но вы бы оценили этот шедевр и обязательно приобрели его. В противном случае он ушёл бы к другим людям... а вы так дорожите своей репутацией...

— Вы блефуете, Струццо, — Ватсон посмотрел на итальянца с плохо скрываемым презрением. — Никакого рисунка не существует.

— Вы говорите это мне? — прищурился итальянец. — Эскиз находится у меня, и там изображены именно вы, во время

утех с маленькой Анной. Кросс недурной живописец, но на сей раз, он превзошёл самого себя. Мне оставалось только показать рисунок той служанке, чтобы она вас опознала...

— Вы блефуете, Струццо. Никакого рисунка не существует, — повторил Ватсон слово в слово.

— Понимаю. Вы выкупили и уничтожили одну из копий, думая, что она единственная. Ха! Какая наивность! Старик всегда делал несколько вариантов...

— Ваша наглость начинает меня утомлять, — холодно сказал Ватсон. — Примите к сведению: я знаю, что у вас нет никаких рисунков. Более того, вы их не видели. Потому что их не было.

— Похоже, — не без удивления в голосе признал Струццо, — в этой партии вы готовы поднимать ставки до самого верха и дальше. Что ж, пасую. У меня и в самом деле нет такого эскиза. Я блефовал и проиграл. Что вы хотите получить в качестве приза?

— Правду. Почему вы решили, что это сделал я, и как вы меня нашли?

Струццо помолчал. Слил себе в стакан вино, оставшееся на дне бутылки, посмотрел на просвет.

— Вы сильный противник, — признал он. — Что ж, получите свою правду. Когда я шёл к вашему другу — кстати, идея нанять Холмса принадлежала Кроссу, — я и в самом деле собирался его нанять для проведения расследования об убийстве Анны. Разумеется, я искажил кое-какую информацию — мне нужно, чтобы Холмс нашёл преступника, но не лез в наши private дела. Но в силу некоторых причин... о которых вы узнаете чуть позже... я хороший физиогномист. С первого же взгляда, который я бросил на вашу благообразную английскую физиономию, — в голосе итальянца неожиданно прорезался сарказм, — я понял, что вы живёте двойной жизнью. Когда человеку есть что скрывать, это налагает на лицо отпечаток, который можно скрыть, но невозможно стереть.

Ватсон вздрогнул.

— Но это ещё ни о чём не говорит, — продолжал Струццо, в забывчивости жестикулируя вилкой, — каждый второй британец хранит в своём платяном шкафу парочку скелетов. Нет, в тот момент я вас не заподозрил ни в чём конкретном. Но потом, когда я стал излагать обстоятельства дела, я увидел ваши глаза. Вы боитесь, и вы боитесь именно того, о чём я говорил. Тут мне стало всё ясно.

— Итак, у вас нет никаких доказательств... — протянул Ватсон.

— А вы полагаете, что Холмс их не раздобудет? — ухмыльнулся итальянец. — Разумеется, он ваш друг. Но истина, истина — она дороже дружбы. И, обливаясь слезами, ваш друг отправит вас за решётку. Вы не думали о такой перспективе? А ведь она реальна. И так уж получилось, что оказать помощь можем только мы.

— Чего вы хотите? — переспросил Ватсон. — Я уже назвал сумму, она окончательная.

— Полноте, доктор! Меня и моих друзей не интересует ваше жалкое состояние. Более того, мы готовы его пополнить. Да, да, не удивляйтесь. Итальянцы — очень хорошие друзья. Как я уже говорил, мы держимся друг за друга, как корни травы. Вы слышали что-нибудь о мафия?

— Насколько мне известно, это итальянское тайное общество, что-то вроде карбонариев, — подумав, ответил Ватсон.

— О, гораздо, гораздо больше. Мафия — это сообщество друзей, преданных друг другу до конца. Для мафиозо мафия и её интересы важнее всего, в том числе законов чести и уж тем более писанных кодексов законов, принятых в парламентах невежественными глупцами. Взамен мафиозо получает помощь и поддержку в любой ситуации — даже там, где против него закон и обычай.

— То есть это обыкновенная шайка, — сказал Ватсон.

— Нет, Ватсон, нет. Необыкновенная шайка. Наша власть очень велика. Зародившись на юге Италии, мы простираем руки к европейским столицам, а теперь и к берегам Альбиона. Самые выгодные вложения средств, самые хитроумные мошенничества, самые смелые преступления — всё это мы. Мы имеем множество друзей и не меньшее число врагов, но всё-таки выигрываем. Мы...

— Вы также покровительствуете притонам, — добавил Ватсон. — Чем вы отличаетесь от уличного сутенёра? Покроем платья, не более.

— Ничем, — усмехнулся Струццо. — Я начинал свою карьеру на улице. У меня было две девочки, две ободранные кошки, а я продавал их ласки английским туристам. Мне приходилось колотить их до синяков, чтобы отобрать у них деньги. Позже я перебрался в бордель — разбираться с клиентами, которые не хотели платить... Но я чист перед английским законом. Все мои прегрешения остались на континенте.

— Но вы же сами признались, что покровительствовали Кроссу? Я так понимаю, что именно вы помогали ему вести двойную жизнь? Вы не боитесь, что когда-нибудь это выплывет наружу?

— Ха! Несчастный старик, который ничего не помнит! Он не может быть свидетелем в суде. Впрочем, и отдать его под суд, за что бы то ни было, будет крайне затруднительно, если вообще возможно. Какой спрос с безумца?

— В самом деле, — медленно проговорил Ватсон, — какой спрос с безумца?

— Хватит об этом, — Струццо отхлебнул ещё вина. В голосе его появились нотки, характерные для человека, считающего себя хозяином положения. — Как бы то ни было, сейчас я занимаю достаточно высокое положение в той организации, тайну которой я перед вами приоткрыл. С недавних пор я — *capo del personale* мафии в Лондоне.

— Что вам от меня нужно?

— Как я уже сказал, наши возможности весьма велики. И они стали бы гораздо больше, если бы ни одна проблема. Та же, что и у вас, Ватсон. Её имя — Шерлок Холмс.

Ватсон попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

— Признаюсь честно, — доверительно наклонился Струццо к собеседнику, — я преклоняюсь перед вашим другом. По моим оценкам, титаническая работа, проделанная Холмсом в одиночку, может быть совершена разве что многолетними усилиями секретной службы, наделённой особыми полномочиями. Вот что значит гений! Однако, у этого гения есть уязвимое место: вы. Он доверяет вам... и совершенно напрасно...

Ватсон вскочил.

— Я готов пожертвовать жизнью и репутацией, — начал он, заикаясь от негодования, — но ваше гнусное...

— О, не так быстро, — ухмыльнулся итальянец. — Неужели вы подумали, что мы предполагаем убить вашего друга? Если бы мы планировали подобное, то без вашей помощи. Нет, мои планы тоньше. Мистеру Шерлоку Холмсу ничего не угрожает. Более того, мы даже готовы оказывать ему помощь в некоторых делах: у нас есть конкуренты, и мы не против того, чтобы они все отправились за решётку. Просто иногда вы, дорогой Ватсон, будете снабжать нас сведениями о ходе расследований... только некоторых, поверьте. Только тех, которые касаются нас. Ничего более.

— Что, шпионить за Холмсом?

— А чего вы хотели? Вы — развратник и убийца, дорогой доктор. Если вы хотите сохранить доброе имя, свободу и состояние, вы будете делать то, что от вас требуем мы.

— Струццо, — спокойно сказал доктор, — лучше бы вы согласились на десять тысяч фунтов. Что ж, я сделаю вам другое предложение, от которого вы уже не сможете отказаться. Впрочем, — он всмотрелся в лицо собеседника, — кажется, вы его уже приняли. Прощайте.

Ватсон встал и молча вышел.

Через несколько минут послышался пронзительный женский вопль, дверь распахнулась, выбежали люди с фонарями в руках. Но улица была пуста.

* * *

Майкрофт Холмс, некоронованный владыка Британской Империи, задумчиво вертел в руках небольшую металлическую трубку.

— Насколько я понимаю, там есть пружина. Стреляет, скорее всего, отравленной иглой. Что за яд? Кураре или что-то подобное?

— Гораздо сильнее, — сказал Ватсон. — Останавливает дыхание практически сразу. Последняя разработка Кью. По моему скромному разумению, майору Бутройду стоит повысить жалованье. Это его лучшее достижение после того духового ружья. Я держал эту штуку в рукаве пальто.

— И выстрелили под столом?

— Да. Насколько я понимаю, попал в колено или в верхнюю часть бедра. Смерть наступила через пять секунд. Сообщите это Кью.

Они сидели в роскошном клубном кабинете. Тяжёлые бархатные портьеры отливали фиолетовым. Бронзовые светильники, выполненные в виде небольших статуэток, держащих в руках, подобно факелам, газовые рожки, освещали комнату ровным мягким светом. На полу лежал персидский ковёр, шитый золотой нитью. Всё указывало на то, что здесь собираются солидные, уважаемые люди, не испытывающие ни в чём недостатка. Но в атмосфере этого уютного места было нечто неуловимое, некий отсвет того грозного величия замыслов, которые пронизывали атмосферу этого кабинета. Здесь, в тишине и покое, вызревали бури, сотрясающие старый привычный мир и влекущие его к неизведанному будущему. Здесь решались судьбы правительств и государств.

— И всё же, зачем вы убили его, майор? — досадливо поморщился Майкрофт. — Теперь мафия пришлёт сюда другого capo del personale, который будет осторожнее. А мы окажемся отброшены на исходные позиции.

— Он подошёл слишком близко к правде, — нехотя сказал Ватсон. — Даже когда я взял вину на себя... он мне поверил, но всё-таки не до конца.

Майкрофт Холмс ссутулится — как сутулится крестьянин под привычной ношей.

— Ватсон, а вы точно уверены, что это именно он? — спросил он.

— Кто же ещё? Всё как во времена Джека Потрошителя. Тот же инструмент, те же раны. Он снова сделал это, сэр, и я не успел ему помешать.

— Месячный отчёт, — потребовал величайший из подданных Её Величества.

— Как обычно, — сказал Ватсон. — В феврале он был относительно здоров. Я даже обходился без обычных лекарств. Потом началось обострение. Он стрелял из пистолета в стену. Может быть, хотя бы отнять у него огнестрельное оружие?

— Увы, Ватсон, увы. Оставьте ему эту игрушку. Тем более, он никогда не стрелял в людей.

— Как скажете, сэр. Но вчера я провёл у его постели всю ночь: ему было очень нехорошо. Всё как обычно в конце марта.

— Март у него обычно выпадает, — сказал Майкрофт.

— Да, конечно. Сегодня на его календаре девятнадцатое апреля.

— Как он себя ведёт?

— Как обычно во время обострений. Ещё он каждую ночь играет на скрипке, как он это называет. Я не мог слушать эти жуткие звуки — вы сами знаете, что это такое — и отсыпался в клубе. Дозу успокаивающих пришлось увеличить, так что это стало заметно. Пришлось несколько раз пожаловаться в клубе, что он опять злоупотребляет наркотиками.

— По-своему это даже забавно, — с усилием выговорил Майкрофт Холмс.

— Не очень. Один клиент, заядлый кокаинист, проявлял чрезмерное любопытство к его состоянию. Я сказал, что Холмс недавно перешёл на какое-то новое средство, но он мне, кажется, не поверил.

— Ничего, забудет... Что дальше?

— Как обычно. Один припадок — ну, знаете, как это у него бывает. Несколько раз переодевался женщиной.

— Старухой? Этой, как её...

— Домовладелицей, якобы сдающей мне комнату. Он в таком состоянии себя называет «миссис Хадсон». Пытался прибраться, взбивать подушки... всё как всегда. Но я не уследил за ним, и он в этом ужасном старушечьем наряде выбрался на улицу.

— Это всё обычно. Но как он смог?..

— Пока не знаю. Сегодня утром он мне признался, что шлялся возле гостиницы — думаю, той самой, на Мерилбон Род — и кланчил милостыню. Потом принялся рассуждать о том, что в результате его деятельности воздух Лондона становится чище, ну и про порок и добродетель. Все признаки.

— Но как он заманил девушку в номер?

— Он её не заманивал. Девушку привёл в номер клиент. Холмс дождался момента, когда он выйдет, и проник в номер. После своей обычной работы девушка, скорее всего, отдыхала, закрыв глаза, а на шаги не обратила внимания, думая, что это клиент. Дальше он действовал по своей обычной схеме: перерезал горло, потом выпотрошил. Надо будет, кстати, найти того клиента, прежде чем это сделает полиция. Он мог видеть старуху — а тогда у нас будут проблемы.

— Но как Шерлок проник в гостиницу?

— Скорее всего, его просто впустили. В округе все знают: мистер Холмс иногда переодевается старухой, чтобы следить за преступниками. И всячески готовы помочь... Теперь, после убий-

ства, его репутация великого сыщика только укрепитя, — с горькой иронией сказал Ватсон.

— Эта гостиница — просто притон, — сказал Майкрофт. — Надо бы её прикрыть или хотя бы почистить. Откуда он взял ланцет?

— Наверное, украл, — вздохнул Ватсон. — Или купил. Я и так стараюсь не выпускать его лишний раз на улицу и не давать ему денег, но он всё равно где-то их достаёт. Иногда занимает, а я вынужден потом разыскивать кредиторов и объяснять, что мозг великого сыщика устроен особым образом, и о некоторых мелочах ему нужно напоминать. Лучше бы вы мне разрешили контролировать его более плотно, сэр.

— Нет, — сказал Майкрофт. — Он должен сохранять самостоятельность, насколько это возможно. Давайте решать вопрос с этой Анной. Кто её убил — по нашей версии?

— Струццо, конечно. Кто же ещё?

— Мой брат уже сочинил про это историю?

— Да, ещё до того, как я разделался с этим типом. Вы же знаете, как он это ловко умеет.

— Единственное, что осталось от прежнего Шерлока — так это эрудиция и артистизм, — Майкрофт облокотился на столешницу.

— Это создаёт большие проблемы, сэр, — осмелился Ватсон. — Сегодня ему пришло в голову, что он может по шороху газетных страниц отличить одну газету от другой. Моментально слепил в голове целую версию о том, какую газету я читал и что там прочёл.

— И какова же была его версия? — поинтересовался Майкрофт.

— Не помню. Кажется, по его мнению я читал «Таймс», про какой-то скандал в министерстве. Я едва успел спрятать свой «Обсёрвер» — ему могло прийти в голову проверить себя.

— Это вряд ли, он слишком уверен в собственной непогрешимости. Итак, версия Шерлока?

— Струццо делал подпольный аборт и убил пациентку.

— Ха! — Майкрофт потёр руки. — Это очень изящно. Пишите рассказ, Ватсон.

— Скользящая тема, сэр, — заметил майор. — Читатели могут не понять...

— Ерунда! Современный читатель просто жаждет скабрёзностей и крови. Я прослежу, чтобы рассказ был опубликован вовремя. Зато мафия решит, что Холмс сел в лужу и ничего толком не знает. Кстати, как мы объясним смерть Струццо? Нужно предложить какую-то убедительную версию.

— Может быть, он случайно выпьет яд, сэр?

— Что ещё за яд? — великий человек посмотрел на подчинённого, как британский сержант на нерасторопного сипая.

— Ну... — начал на ходу фантазировать Ватсон, — например... представим себе, что у него был с собой какой-нибудь яд. Которым он хотел отравить Холмса. Но по ошибке принял его сам. Неплохая идея, а?

— Забавно, но неправдоподобно. Придумайте что-нибудь получше, майор.

— Сэр, я не литератор. Если бы вы наняли нормального газетчика, который стал бы писать эти чёртовы рассказы...

— И что я буду ему объяснять? Нет, продолжайте в том же духе, это приказ... Кстати, о делах. Что у нас там с клиентами?

— Вот, — Ватсон достал папку с бумагами. — Месяц назад к Холмсу обратились по поводу пропавшего рубина магараджи. Холмс взялся за это дело.

— Что сделано?

— Весь седьмой отдел работает без отдыха, но просвета не видно, — вздохнул майор. — Молодой Бонд говорил мне, что камень, наверное, уже в Бомбее или в Амстердаме.

— Великий Холмс не может потерпеть неудачу в таком деле, — строго сказал Майкрофт, — это подорвёт его репутацию почище, чем то дело в Ливерпуле. Удвойте усилия. Вопросы с финансированием я решу. Что ещё?

— Дартмурское дело о краже лошади. Исчезновение фаворита, который должен был участвовать в скачках на кубок Уэссекса, и убийство тренера. Раскрыто третьим отделом.

— Кто убийца?

— Некий Фицрой Симпсон. Но Шерлоку взбрело в голову, что убийца лошади — тренер. Он же мёртв!

— Делайте что хотите, но подтвердите версию Шерлока. А что, он ездил в Дартмур?

— Я не смог помешать поездке. Разумеется, я был с ним. Он там сильно напугал людей. Копался в грязи, вообще вёл себя странно.

— Ничего страшного. Скажем, что он собирал улики. Когда Холмс делает что-то такое, всегда объясняйте, что он собирает улики. Улики, кстати, тоже изготовьте. Есть ещё что-нибудь?

— Совсем свежее. Дело Джозии Эмберли. Пропажа жены. Предположительно, убежала с любовником. Утверждает, что направлен к Холмсу из Скотланд-Ярда.

— Какой негодяй. Никто его не направлял. Стоит обвинить мошенника в убийстве жены. Кстати, проверьте эту версию — она вполне вероятна... Всё?

— Сэр, — набрался смелости Ватсон. — Вы держите меня на этом задании много лет. И все эти годы я не могу получить ответы на три вопроса. Почему? Как? И зачем?

Великий Майкрофт Холмс посмотрел на подчинённого искоса. Помолчал, собираясь с мыслями.

— Что ж, Ватсон, вы имеете право знать хотя бы часть истины. Вы хотите знать, как я додумался до того, чтобы выдавать своего несчастного брата за гениального сыщика? Как известно, лист следует прятать среди листьев, книгу среди книг, а преступника, пусть невольного — среди других преступников. Однако, не в качестве преступника, потому что в таком случае ему грозит то же, что и им. Но кто ближе всего к преступному миру? Сыщик! Скажу больше: у сыщика — в глазах общества — есть

некие исключительные права. Он может появляться в компании самых подозрительных типов, он может совершать странные поступки, и даже мелкие преступления, если только он сможет оправдать их интересами закона и справедливости. Сыщик может прилюдно возиться в грязи — ведь он ищет улики. Он может переодеваться в женское платье — ведь он следит за опасным преступником. Он может безнаказанно истязать животных — ведь он ставит опыты, имеющие большое значение для судебной медицины. При некоторых условиях он может даже нарушать неприкосновенность чужого жилища: вдруг ему показалось, что в запертой комнате томится невинная жертва? Помимо всего прочего, сыщик может быть мизантропом, наркоманом, кем угодно ещё. И чем более знаменит сыщик, тем большие экстравагантности ему прощаются, ибо раскрытие преступлений — слишком важное дело для общества, чтобы проявлять излишнюю щепетильность. Разумеется, для этого преступления нужно всё-таки раскрывать. Но я, как глава самой могущественной секретной службы Империи, могу бросить все её силы и ресурсы на поддержание репутации Шерлока Холмса. Я ответил на ваш вопрос?

— Благодарю, сэр. Но как вам пришла в голову сама идея?

— Элементарно, Ватсон. От отчаяния. Впервые это случилось, — Майкрофт чуть прикрыл глаза, вспоминая, — почти сразу после той катастрофы, которая навеки сломила разум несчастного Шерлока. — Тогда мне казалось, что он поправляется... Мы строили планы его возвращения к театральной жизни, к свету рампы, к славе... А потом была зарезанная белошвейка, и мой брат, ползающий в грязи с окровавленным ланцетом в руке. Полиция должна была прибыть с минуты на минуту. Мы не могли его увезти, не могли спрятать. Я был в отчаянии, но оно же придало моему уму небывалую остроту. Когда прибыли полицейские, я объяснил им, кто я такой, а Шерлока представил сотрудником нашего секретного отдела, изучающим улики. Бобби приняли всё за чистую монету... Как принимают и теперь.

— У меня последний вопрос, сэр. Мы оба знаем, что Шерлок — душевнобольной, к тому же он опасен для общества. Джеком Потрошителем до сих пор пугают детей, а сколько жертв было до и после этого? Почему бы, наконец, не запереть его в Бедламе? Или хотя бы в небольшой частной клинике, с вежливым обхождением, где ему будет покойно...

— Мы уже пробовали, Ватсон. Помните ту маленькую швейцарскую клинику? Сколько он продержался? Год?

— Да, мы тогда дали маху, — вздохнул майор. — Несчастный профессор Мориарти... Такая нелепая смерть.

— Если бы не его уверенность, что он вернёт разум моему брату, я никогда не согласился бы на это, да мне и не было бы это позволено, — сурово сказал Майкрофт Холмс. — А другого такого специалиста по душевным болезням больше нет.

— Но почему? — взмолился Ватсон. — Ведь вы не просто покрываете безумца и убийцу, вы сделали из него кумира публики. Почему это?

— Вы правы. Мой несчастный брат — ненормальный, более того, он преступник, — тихо проговорил великий человек, — Когда-то я его любил всем сердцем, потом столь же сильно ненавидел, теперь же я несу крест вины и преступления, смирившись с волей непостижимого Промысла. Я вынужден продолжать этот гнусный спектакль, потому что на карту поставлено нечто большее, чем моё положение, моя жизнь и даже моя честь. Больше я вам ничего не скажу, Ватсон.

* * *

— Интересное дельце, — оживлённо рассуждал Шерлок Холмс, поглощая йоркширский пудинг. — Казалось бы, всё очевидно, а на самом деле — двойное дно. Кто бы мог подумать, что этот мерзавец...

— Струццо? — Ватсон отвлёкся от берикса с анчоусами, чтобы взять ещё вина.

— При чём тут Струццо? Доктор Струццо — честнейший человек. Я имею в виду так называемого отца несчастной девушки. Разумеется, он никакой ей не отец. Я навёл справки. От своих верных агентов в самой пучине лондонского дна я узнал, что человек, чрезвычайно похожий на Эммануила Кросса, был известен в Ливерпуле в качестве посредственного живописца. По тем же сведениям, он не имел систематического художественного образования. Он освоил ремесло, работая рисовальщиком на судебных процессах и набив руку на несчастных преступниках...

— И что дальше? — устало спросил Ватсон.

— Сам по себе он был бездарен, — продолжал Холмс, блестя глазами, — но однажды в грязном притоне, который Кросс регулярно посещал — о, разумеется, он был распутником, грязным распутником! — он заметил девочку, в которой почуял искру гения. Она была гениальна... гениальна... Ватсон, я сбиваюсь с мысли. Она рисовала картины, которые этот мерзавец выдал за свои. Так он стал великим... и знаменитым... и убил её, не в силах выдержать чувства её растущей гениальности... гениальности... он убил её. За что? Он стал великим... она сделала его великим... кровь, ужас, искра гения в порочном сосуде... Дело можно считать раскрытым. Но есть несколько мелочей, которые не дают покоя. Ватсон, мне нужна скрипка. Немедленно. Она помогает мне думать.

Доктор Ватсон встал и подал Холмсу футляр.

— Как вы отлично знаете, Ватсон, звуки музыки настраивают мой мозг, подобно камертону. Сейчас я сыграю... сыграю... сыграю тарантеллу. Итальянский средневековый танец, размер три восьмых, чаще шесть восьмых. Вы видите связь? Итальянская тема, Струццо. Для человека с рационально устроенным умом должно быть ясно как день, что итальянец в Лондоне может совершить такое же преступление, которое может совершиться в любом другом месте: в Вестминстерском дворце, в трущобах или у нас под окнами. Тарантелла — стремительный танец, исполняется парами. Парами, понимаете? По легенде, танец изображает

судороги человека, ужаленного скорпионом. Понимаете, Ватсон, что это означает? Судороги — символ нравственного падения: прыг-скок, прыг-скок! Скорпион — символ похоти и блуда, в астрологии этот знак отвечает за тёмную страсть к плоти, к уязвлению её жалом срамного уда. Это блудные извивания, Ватсон, вы совершенно правы, вы превзошли самого себя! Скрипку, Ватсон, немедленно скрипку, или я сойду с ума!

— Она у вас в руках, — напомнил доктор.

— Итак! — Холмс извлёк из футляра инструмент, прижал его подбородком и взмахнул смычком. — Тарантелла собственного сочинения. Не жду от вас похвал, Ватсон, я знаю, вы не любите моего музицирования... но, может быть, на этот раз...

Воздух комнаты разрезал жуткий щемящий звук. Холмс терзал несчастную скрипку, буквально пиля её смычком и извлекающая из струн страшные, потусторонние звуки, исполненные боли и ужаса.

— Вот так, вот так... — шептал он, блаженно улыбаясь, — прыг-скок, прыг-скок...

Скрипка выла.

— Сейчас... сейчас... — бормотал Ватсон, наполняя заранее простерилизованный шприц лекарством.

Одна струна со звоном лопнула.

— А-а-а-а! — закричал Холмс. — Этот мерзавец Струццо подпилил струны! О, как я был слеп! Ватсон, нельзя терять не минуты. Мы должны найти девочку. Анна жива, в этом нет ни малейшего сомнения. Они прячут её в номерах, а на её место положили труп из анатомического театра. Это же ясно как день!

— Лекарство, — сказал Ватсон, приближаясь к Холмсу со шприцом. — Вам нужно лекарство.

— Что? — Холмс недоумённо посмотрел на шприц. — Сейчас, когда мы должны спешить... спешить... мы куда-то едем, Ватсон, я отдал все необходимые распоряжения... Мои верные агенты ждут на своих местах. Мы захватим преступников врасплох. Мне уже донесли, что негодяи скрываются в Рио-де-

Жанейро. Рио — главный город Бразилии, укреплен, около шестисот или семисот тысяч жителей, они намерены укрыться за его стенами, которые считают неприступными, и без помех развращать невинных девушек в предместьях. Какое коварство!

— Лекарство, — напомнил доктор.

— Нет, Ватсон, и не уговаривайте меня! Сначала мы почимся на скоростном поезде до Ливерпуля, а потом возьмём билеты на «Магдалину» и спрячемся в угольном трюме. Это будет погоня, Ватсон! Не забудьте свой револьвер и известите Лейстера. Немедленно!

Ватсон достал из-под стола «Обсёрвер» и накрыл им остатки пудинга.

— Вы ничего не ели, — сказал Ватсон, глядя в глаза больного, — и нуждаетесь в энергии, иначе упадёте без сил.

Взгляд Холмса метнулся в одну сторону, в другую, пытаюсь укрыться от глаз доктора.

— Вы ни-че-го не е-ли, — медленно проговаривая каждое слово, повторил Ватсон.

— В самом деле, — Холмс втянул голову в плечи. — Я запомнил. Это всё музыка. Когда я играю...

— У нас нет времени, — напомнил Ватсон.

— Да, да, — бормотал Холмс, закатывая рукав. — Давайте своё зелье. У меня исколоты все вены... Ватсон, почему?..

Игла вошла в руку.

Через пару минут Холмс спал, откинувшись в кресле, его острый кадык подрагивал при каждом вздохе.

Ватсон посмотрел на безумца с привычным, притупившимся за долгие годы состраданием, смешанным с таким же усталым отвращением. Тяжело вздохнул и вернулся к недоеденному бериксу.

* * *

На сей раз покои госпожи Майкрофт Холмс были обставлены в китайском стиле: бумажные ширмы, фонарики, пузатые

бронзовые божки. На видном месте стояла трёхлапая нефритовая жаба, держащая во рту большую золотую монету.

В полузакрытом окне можно было увидеть небольшую, тихую лондонскую улицу. Дом супругов Холмс располагался почти в центре города, но в нелюдном месте. Супруги не любили шума — но, в отличие от подавляющего большинства жителей столицы Империи, могли себе позволить подобную фобию.

— Дорогая, — недовольно сказал Майкрофт, осторожно пристраиваясь на крохотном лакированном стульчике, — ты могла бы меня предупредить, что сменила обстановку.

— Я хотела сделать тебе сюрприз, дорогой, — нежно прошептала Ирен Холмс, целуя мужа.

— Ты же понимаешь, что я не помещаюсь на этой штуке, — недовольно сказал Майкрофт.

— Так и было задумано, — ответила его супруга, — я заметила, что ты слишком много времени проводишь в креслах... а не в моей постели, — добавила она с той прямоотой, которая бывает уместна только между любящими супругами, чьи чувства выдержали проверку временем, не потеряв ни глубины, ни пылкости.

Майкрофт улыбнулся. Его тяжёлое лицо, на котором годы и заботы оставили неизгладимые следы, на миг словно помолодело.

— Всё-таки ты остаёшься сумасбродной американкой, — проворчал он, напуская на себя важный вид. — Настоящие английские леди никогда не говорят о некоторых вещах.

— И, разумеется, никогда не думают об этих «некоторых вещах», — подхватила Ирэн, — но всё-таки они их делают, хотя бы иногда, иначе непонятно, откуда берутся настоящие английские леди...

— Их рожают американки, — заключил Майкрофт. — Как там наша Дороти?

— Я справлялась в пансионате. Мне сказали, что наша дочь — живой и бойкий ребёнок, но излишне развита для своих

лет! Как будто развитие бывает излишним... Но ты меня не слушаешь! — она внимательно взгляделась в лицо супруга. — Что там у тебя? Твоей обожаемой Империи грозит очередная опасность? Да стоит ли поддерживать жизнь столь хрупкого организма?

— Нет. Я не хотел тебе говорить... Он опять принялся за старое.

— О Господи, — прошептала Ирэн. Радость в её глазах погасла, как пламя свечи от внезапного порыва холодного ветра. — Как это было?

— Как обычно.

— Сколько жертв? — Ирэн взяла себя в руки.

— Всего одна. Проститутка в гостиничном номере.

— Ты принял меры?

— Да.

— Хорошо.

— Ирэн, — Майкрофт сделал паузу, решаясь, — я давно хотел поговорить с тобой...

— Нет. Всё останется по-прежнему, — женщина каким-то образом сумела вложить в эти слова и горячую любовь, и непреклонную волю.

— Дорогая, — великий человек тяжело вздохнул, — ты не понимаешь всей сложности ситуации. Он опасен. Он погубил множество невинных душ, включая свою и наши. Ибо Провидение, от которого не сокроется ни единый помысел, осудит за его преступления нас. Ему будет лучше, если мы, так сказать, насколько ограничим его свободу...

— Позволь, любимый, — кротко сказала Ирэн, — я кое-что тебе напомню. Когда я была помолвлена с Шерлоком...

— Помолвлена! — подчеркнул Майкрофт. — Всего лишь помолвлена! Ты была Ирэн Адлер, а не миссис Холмс! Я не отнимал жену у брата, — сказал он без всякой уверенности в себе.

— Конечно, не отнимал. Я ушла к тебе сама, — гордо вскинула голову Ирэн.

— До сих пор не могу в это поверить, — искренне сказал Майкрофт. — Я же был всего лишь бледной тенью блистательного Шерлока. Он уже был великолепным актёром, а стал бы величайшим. Все верили в него... и никто не замечал меня.

— И я тоже верила в него, — сказала женщина, смахивая слезу, — но Шерлоком я только восхищалась, а тебя полюбила, полюбила сразу и навеки. Ты стал моей жизнью, Майкрофт. Ты как кровь и дыхание: я не могу жить без них, и без тебя я не могу жить ни минуты... Молчи же, мой повелитель. Я тоже знаю, что ты меня любишь.

— Я тебя люблю, Ирэн, я люблю тебя больше жизни и даже чести, — сказал Майкрофт, неуклюже опускаясь на колени и ловя губами тонкое запястье супруги.

— Подожди, Майкрофт, — страсть в голосе Ирэн непостижимым образом переплеталась с холодным металлом, — я должна напомнить ещё кое-что. Я никогда не стала бы твоей, если бы не твоё обещание. Ты помнишь его? Когда мы решились... когда мы признались друг другу...

— Я помню каждую секунду, каждый миг, — Майкрофт поднялся с колен и сел на шаткое сиденье.

— Тогда ты помнишь, что я ответила тебе, когда ты предложил мне свою руку и сердце.

— Ты сказала — «я люблю тебя, но наш союз убьёт Шерлока», — тихо сказал Майкрофт.

— Я сказала больше. «Шерлок любит меня до безумия. Если я уйду от него и стану твоей, это убьёт Шерлока, или надломит его душу так, что он никогда не станет тем, чем он должен стать. Мы отнимем у мира великого артиста — ради того, чтобы быть счастливыми самим. Не слишком ли ничтожна наша любовь по сравнению с его гением?» И ты мне на это ответил...

— Да, я ответил. Я поклялся сделать возможное и невозможное, чтобы Шерлок стал не просто знаменит, но и любим.

Отняв у него любовь одной женщины, я воздам ему любовью миллионов мужчин и женщин. Тогда я ещё не знал, как я этого добьюсь, но чувствовал в себе силу титана. Поэтому я дал клятву без колебаний — зная, что я смогу её исполнить.

— И ты добавил — «я буду верен своему слову, что бы ни сделал мой брат».

— Я имел в виду — против меня! — вскричал Майкрофт. — Кто же знал, что он бросится под твою карету?! Что лучшие врачи столицы будут выхаживать его несколько месяцев? И что в результате всех трудов на этом свете останется лишь тень прежнего Шерлока Холмса, безумная, жалкая тень с окровавленным ланцетом в руке?

Ирэн промолчала.

— Но я всё-таки выполнил своё обещание, хотя и ужасной ценой, — с горячностью продолжал великий человек. — Мой брат обрёл ту славу, которую заслуживали его дарования — во всяком случае, внешне. Он требует огромных гонораров, но от клиентов нет отбоя. Истории о великом сыщике публикуются гигантскими тиражами и уже появилось множество подражателей. Шерлок Холмс — признанный король частного сыска, защита слабых, надежда оскорблённых, кумир бессмысленной толпы... Не слишком ли много для Потрошителя?

— Не мучай себя, — прохладная ладонь любящей жены опустила на разгорячённый лоб супруга. — Ты делал всё правильно... а сейчас заставил меня задуматься. Даже великие актёры уходят на покой... Но я не позволю запереть его в сумасшедшем доме. Найди другой способ.

— Я рассмотрел на такой случай небольшую ферму в Сасексе, — признался Майкрофт, целуя руку. — Чистый воздух, единение с Природой. Там ему будет хорошо и покойно.

— Ферма? — миссис Холмс наморщила лоб. — Поселить его рядом с животными — не очень хорошая мысль. Помнишь ту собаку, над которой он «ставил опыты»? Он может не удержать-

ся, и кому-нибудь это станет известным. Животные, которых режут заживо, очень громко кричат. По округе пойдут разговоры.

— Нет, нет. Ни коров, ни овец. Это пасака. Там только пчёлы.

— Пчёлы? Может быть, это выход... — задумчиво сказала миссис Холмс. — Но хватит об этом. Ты же не хочешь, чтобы у меня сегодня разболелась голова? Как раз когда у тебя выдался свободный вечер? Я не шутила насчёт постели.

— О, Ирэн, — выдохнул Майкрофт Холмс. Деловитое бесстрастие окончательно покинуло его лицо, уступив место совсем иным чувствам. — Ирэн, моя жизнь, моя душа, моё наслаждение...

Женщина застонала и бросилась в объятия любимого.

* * *

Эммануил Кросс последний раз оглядел просохший холст, нанёс острым концом кисточки два или три булавочных мазка, после чего удовлетворённо приложился к стакану с джином.

— Это мы ещё можем, — похвалил он сам себя, поскольку посторонних в мастерской не было.

Мастерская располагалась на чердаке дома на Бедфорд-Роу. Просторное, но неудобное помещение, пропахшее дешёвыми красками — старик Кросс не любил лишних расходов — освещалось единственной керосиновой лампой, стоящей на колченогой табуретке. Там же стояла початая бутылка дешёвого пойла.

Старик привычным жестом отодвинул глухую штору. Грязные пальцы мазнули по стеклу, тёплому и скользкому, как обсопанный леденец. На улице как раз доживал последнюю минутку поздний вечер.

Откуда-то снизу, из жилой части дома, донёсся тяжёлый звон часовой пружины, готовящейся к бою. Потом раздались мерные удары — полночь пошла по Лондону медными шагами вдоль многотысячного строя салютующих маятников.

— Вот так-то, — сказал Кросс, присаживаясь на вторую табуретку и рассматривая творение своих рук. Симпатичная девушка в белом платье и шляпке сидела в лодке, плывущей по водной глади. За её спиной виднелась фигура гребца — тёмная, неразборчивая. В ногах у красотки можно было разглядеть корзину для пикника. Розовая ленточка на шляпке развязалась и летела по ветру, как маленький флажок.

Старик встал. Подвинул табурет поближе к керосинке, выкрутил фитиль повыше. Потом взял с подоконника истрёпанную тетрадь в чёрной обложке. Открыл. Перелистал несколько страниц, иногда задерживаясь на каких-то местах. Иногда он зачитывал про себя какие-то места — медленно, шевеля губами, как читают не слишком грамотные жители предместий.

«Картина в масле насчёт девки и зверей два фута и четыре с моей девкой. Обычная цена. Обезьяна с полной выправкой и змеи кусают за грудь. Для лорда Гарри. Картина в масле большая четыре на восемь три мёртвые девки все места наружу. Девки Струццо. Насчёт цены не сговорились. Для лорда Гарри». Ниже было добавлено — «сговорились на две».

«Пять картин три фута и шесть моя девка во всех видах и негр с большим хозяйством. Для леди Джейн. Для ней же мущина в виде лорда Милфорда те же виды сзади и леди Джейн как мущина. Сговорить цену».

«Картина моя девка с сэром Фельтоном. Тот же размер. Сговорились как раньше».

Старик послунил палец и пролистал несколько страниц подряд.

«Три картона сэру Вайтфилду моя девка на колу как для лорда Гарри. Струццо хочет процент за клиента».

«Ушли все наброски с повешенной. Струццо опять приходил за деньгами».

«Девка с пони китайские пытки отрубание рук и ног всё ушло. На отрубание головы сговорились с тем коммерсантом что брал повешение девки голой. Струццо хочет денег».

Ещё несколько страниц легли на левую сторону тетради.

«Нет заказов. Струццо не ищет клиентов. Хочет больше денег».

«Пошёл к Одноглазому Билли. Тот говорит Струццо он не тронет. Бойтся проклятых иностранцев».

«Нет денег. Отправил Анну заниматься на улице делом. Струццо бил меня и Анну силой взял отнял деньги ушёл. Куда это годится».

«Струццо привёл клиента, потребовал рисовать бесплатно с натуры моя девочка и этот чёртов итальяшка. Как зверь всё сделал прямо в мастерской у меня на глазах. Не заплатил. Анна не могла после него работать лежала. Болело у неё внутри видать намял он ей там. Выгнал на улицу. Очень нужны деньги».

«Струццо требует больше денег говорит мы ему больше такие не нужны».

На этом записи кончались.

Старик схватил цепкими пальцами карандаш и вывел внизу: «Струццо больше не придёт». Положил тетрадь обратно на подоконник, снова уселся напротив портрета. Приложился к бутылке.

— Ты там на папашу Кросса не очень серчай, — сказал он, обращаясь к смеющейся девочке в цветах. — Хучь ты мне и не дочь была, а я, почитай, к тебе как к дочке относился. А насчёт того, чем мы с тобой хлеб добывали — так что ж поделать, уж так всё устроено. Зато тебя большие люди видела, и ты больших людей повидала. Ну, может не с той стороны, где у них воспитание, а с другого конца, где мы все одинакие, что лорд, что угольщик. Лорды так и похуже иного угольщика случаются, сама знаешь. Ну, давай, что-ли...

Бутыль с джином покорно забулькала, отдавая содержимое.

— Но и ты пойми. Мне этот Струццо проклятый весь бизнес порушил. Сначала-то всё прилично было, он меня защищал, я ему платил. Он меня ещё по части здоровья пользовал, потому

как больной я от невоздержанности жизни, и брал недорого. Клиентов опять же приводил, потому как много с кем на короткой ноге он был. Ладили мы с ним, почитай что друзья, ну или там партнёры. Но как повысили его в этой ихней мафии, закружилась у него голова, стал много тратить. Короче, стало у него в карманах пусто, а через то и у нас с тобой пошли злоключения. И деться некуда: никто не хотел с мафией этой проклятой связываться, больно длинные у них руки. Я уж было совсем загрустил, да тут, кстати, кой-чего сошлось, что лучше и не придумаешь.

Снова забормотал-забулькал джин, проваливаясь в вялое горло старика.

— Я тебе, может, говорил, а может, нет. Была у меня тоже девочка, забыл как звали её, бедняжку. Я её на твоём месте держал — рисовал, в смысле, ну в смысле развлечения джентльменов тоже, значит, того... жить-то надо. И вот был случай — пошла она, значит, с одним хорошим господином в гостиницу: потереться, значит, животами за небольшую денежку. Да вот только тот весёлый господин, как увидел её, значит, раздетой до готовности, достал нож хирургический и ну на неё с этим ножом. Убежать-то она убежала, да вот только порезал он её сильно. Как она обратно до меня добралась — ума не приложу. Крови-то из неё текло, что из свинюшки. Потом убираться да отмывать пришлось ужас просто. Зато с того дела я кровь рисовать настоящим образом научился. Так что всё-таки своя польза, как ни крути, со всего бывает, только вот не каждый её увидеть может. Потому-то башковитые в тепле сидят, как сейчас вот мы с тобой, а другие на холоде жмутся... Ну, ещё немножко промочу глотку, так-то оно веселее...

Джина осталось на доньшке.

— Эх, крепкая штука! Ну, ты слушай дальше. Та девка — забыл, как же звали-то её, совсем память ни к чёрту стала... — так вот, она не только женским местом работала, но и головой немножко себе помогала. Работала, значит, на полицию, стучала

на кого надо. Особенно хорошо у неё выходило лица запоминать и потом словами их описывать. А я с тех рассказов картоны рисовал, прямиком господам полицейским на досмотрение. Что делать: жить-то надо... Так вот, она, пока живая была, успела до самой что ни на есть подробности того типа с ножом обсказать. Я со свежих слов за ночь его нарисовал. Правда, пока я рисовал, девка та Богу душу отдала. Ну да что делать: в прежнее ремесло она всё равно не годилась, так как всю красоту ей тот полоумный попортил, а на что другое ей учиться поздненько было. Так что всё к лучшему вышло. Я её, бедняжку, в саду у нас закопал, чтоб с полицией не объясняться. А полицейским, когда они ко мне подвалили, заявил, что видел её с одним скользким типом. Тот тип как раз меня защищать набивался — то есть жирок с меня скрести, как Струццо потом. Не знал я, куда от него деваться: опасный был парень, лихой. Вот я и решил — чего добру-то пропадать? Сдам-ка его полиции, пусть покочевряжится. И выгорело: сцапали голубчика, да и засадили за решётку за всё про всё и за это тоже. Очень правильно всё склалось. А то ведь как получается? Художника обидеть может каждый...

Старик последним глотком прикончил остатки пойла.

— Ну а тут как-то попался мне на глаза портрет знаменитого сыщика Шерлока Холмса. Очень он мне в душу запал, потому как рожа-то знакомая, вона и портрет у меня имеется. Ну а я на такие дела любопытный: никогда ведь не знаешь, где твоё счастье лежит. Начал я наводить справки с двух концов — у самых что ни на есть подонков, а ещё среди клиентов моих, среди которых есть и которые из самого хорошего общества. Ну да ты, небось, помнишь ещё, какие у них специальные вкусы... ну да я не о том толкую. Короче, разнюхал я, что этот самый Холмс — странный тип, и поговаривают о нём всякое: кто одно, а кто совсем даже другое. Да вот только ходу этим разговорчикам нет, потому как у Холмса этого крыша сверху почище любого Струццо, на самой то есть макушке. И никто ему ничего не сделает, а

если кто в те дела полезет, тот сам огребёт по первое число. Вот тут-то мне в голову и вступило...

Кросс взял пустую бутылку, опрокинул её над разинутым ртом и пошлёпал ладонью по доньшку. Из горлышка вылетело несколько капель.

— Короче, — продолжал он разговор с портретом, — дальше ты сама помнишь. Решил я этого Холмса на тебя, как на живца, выловить. Ты всё спрашивала, чего это я в ту гостиницу тебя вожу, парики всякие на голове ношу и смешными именами называюсь. «Мистер Мерри», хе-хе. Но ты у меня послушная была и вопросов лишних не задавала, за что спасибо отдельное. Хлопотно, конечно. Ну да времени убили почитай всего ничего — неделю от силы. Тебе-то хорошо было — хоть выпалась напоследок, от мужиков отдохнула, с грубостью ихней. Правда, связывать тебя пришлось, да и с кляпом неудобно. Да сама понимаешь, нельзя было по-другому. Ну да ты привычная была, хе-хе. Зато мне-то каково было: от Струццо прятаться да Холмса караулить. Он старухой переодевался, там это все знали, да верили, остолопы, что это у него такая сыщицкая метода. Ну да меня не проведёшь: как глянул я на этого Холмса в бабском тряпье, так и понял — психический он, к доктору не ходи. Я, значит, к нему тонкостно, со всем обхожденьцем. Монетку сначала кинул, вроде как милостыню — вроде признал за старуху, а тот и рад. Потом разговорил его. Он всё про порок и добродетель расписывал, что твой проповедник. Как есть психанутый. А я ему этак задвигаю: вот, мол, есть девочка, красавица, только-только на улицу вышла, ещё не испорченная, вы бы с ней поговорили... Он аж взвился — до того ему засвербило. Ну, провёл я его той ночкой напрямик к тебе. Ты-то этого уже не помнишь — я на такой случай тебя снотворным успокоил, чтобы, значит, с тобой у него меньше проблем... Кто ж знал...

Бутылка ещё раз взлетела над головой, дно отозвалось гулким звуком, но в рот не упало ни капли.

— Ну, ты не думай, не зря всё было. От Струццо мы таки избавились. Я с ним потом уже встретился — так, говорю, и так, девочку нашу убили, а мне хоть в омут головой, жить не могу, работать не буду. Итальяшка-то раздулся, как индюк — да кто посмел, да это мне оскорбление, вы под моей защитой, из земли выкопаю, живьём съем, у-у-у. У меня, дескать, и в полиции связи есть, и в обществе, да я, да мы. А я ему этак тихонько говорю: найми Шерлока Холмса, он-то любого из-под земли достанет, последние денежки отдам, только бы найти, кто убил. Убедил. Поехал, значит, он к Холмсу... да так и не возвратался. Эти, друзья его большие, видать, поверили, что это Холмса опять угораздило на девку руку поднять. Ну и стали убирать всех свидетелей. И чуется мне, не в тюрьму его упрятали, а подальше, сразу под четыре доски. Там ему и место, ублюдку.

На улице послышался глухой стук копыт: ехал поздний экипаж.

— А ведь он меня заподозрил, этот итальяшка, ей-Богу, заподозрил. Очень уж он на меня нехорошо посмотрел. Я ведь ему возьми да скажи: «наша Анна вас, доктор, заждалась». Ну, в смысле, поторопился бы, что ли, со своими розысками. А он это как-то по-своему понял и косо на меня так посмотрел. Ну да чего уж теперь-то.

Копыта процокали, и на улице снова стало тихо. Потом слышался далёкий крик избиваемого ребёнка: видимо, припозднившийся отец семейства вздумал на ночь глядя поучить жизни нерадивого отпрыска.

— Ох, сколько же мне перепугу пришлось с этого перетерпеть. Кто ж знал, что у этого Холмса в голове клёпка не в ту сторону повернётся? Я думал, он на тебя кинется, сразу всё и сделает. А он уже и занёс этот свой ланцет, да вдруг в лице переменился, железку свою выронил, и хлоп в обморок. Потом встаёт и уходит, спокойно так, вроде как ничего и не бывало. Не помнит, значит, себя. И до того мне обидно стало, просто ужас! Пришлось всё самому... Прости уж, не сердчай. Ты теперь, навер-

ное, там в раю, за такую смерть чистый рай полагается... Так ты ангелам замолви словечко за старика Кросса. Хотя я как есть распоследний грешник, и с тобой под конец нехорошо обошёлся, а всё-таки тебя не обижал, кормил-поил. Как отец тебе был, почитай. А напоследок смотри какой тебе портрет сварганил — как приличной мисс, безо всяких этих пакостей. Сам дивлюсь, как справно вышло.

Штора чуть колыхнулась. Тонкий луч фонаря проник сквозь отверстие в шторе, коснулся картины, на миг осветил улыбающееся лицо девушки.

Старик умилённо осклабился в ответ.

— Спасибки, — сказал он непонятно кому. — Я на тебя холста не пожалел. Тут ведь как раз портрет был, тот самый, холмовский. Ну да теперь он мне без надобности, а холст хороший. Всё складно получилось... складно... складно...

Бутылка с глухим стуком упала на пол. Эммануил Кросс этого даже не заметил: джин, долго клубившийся в крови, выстрелил, наконец, в голову.

Он всё-таки нашёл в себе силы сползти с табуретки и спуститься вниз. Не раздеваясь, присел на разобранную постель и, кряхтя, начал стаскивать с себя башмаки. Сквозь пьяную дрёму пробивались мысли, что картину будет сложно продать, что ему теперь нужна новая натурщица и новые выходы на клиентов, и стоит ли обращаться к Одноглазому Билли за покровительством.

Потом его окончательно сморил сон — хороший, крепкий сон, какой милосердный Господь приберегает для умаявшихся за день тружеников.

Ему ничего не снилось.

Михаил Харитонов

Подлинная история Баскервильского чудовища

— Всякое сравнение хромает, как Полифем, — назидательно изрёк Шерлок Холмс, тщетно пытаясь разворошить тлеющие в камине угли лаковым рожком для обуви.

— Особенно это, — усмехнулся Ватсон. — Полифем не хромал. Он был одноглазым.

Холмс поднёс руку ко лбу, сосредоточиваясь. Длинная тень метнулась по стене, украшенной портретом Её Величества и следом от пули.

— Нет, — с уверенностью сказал великий сыщик, поправляя левой рукой шаль, в которую он кутал тощую шею. — Полифем хромает. Последний раз, когда я его видел на Пикадилли, он едва волочил своё левое копыто. Посмотрите, Ватсон, нет ли поблизости от вас какой-нибудь газеты, на растопку...

Ватсон молча подал другу смятую «Дейли».

— О, кстати, — заметил Холмс, бегло просматривая лист, перед тем, как скормить его огню, — уголовная хроника. Единственное, что может интересовать разумного человека в наше время. Кроме, разве что, объявлений о розыске пропавших родственников.

— А как же политика, Холмс? — вздохнул Ватсон.

— Это самый неинтересный раздел уголовной хроники... Впрочем, иногда они соприкасаются. Вот, например, — он поднёс газету ближе к глазам, чтобы разглядеть слипающиеся в полумраке буквы, — кража серебряной посуды в Клубе Рыболовов... преступник, к сожалению, уже найден, — с неудовольствием добавил он. — А вот поджог библиотеки... скорее всего, обычный пироманьяк, если только в ней не было чего-нибудь такого, что необходимо было уничтожить. Я допускаю, что Александрийскую библиотеку сожгли только для того, чтобы испепелить какое-нибудь примечание на полях пыльного свитка. Да только

ли библиотека? Несколько последних военных конфликтов... О, ну-ка, ну-ка... Смотрите-ка: «д-р С. Т. Н. извещает друзей о своём прибытии и просит как можно скорее связаться с ним известным им образом». Как я это пропустил... Я хочу сказать, что за таким объявлением может скрываться что угодно — или, точнее, кто угодно, вы не находите, Ватсон?

— Ерунда какая-то, — проговорил доктор сквозь зубы, отчаянно пытаясь подавить рвущийся наружу зевок.

— И в самом деле. Мы ведь говорили о чём-то интересном, а я читаю вслух вчерашнюю газету... Так вот, о Полифеме. Полифем хромает. Недавно это помешало ему удрать от полисмена, который и препроводил препроводил в участок как подозреваемого в мелком вымогательстве наличных денег у почтенных джентльменов. Проще говоря, в попрошайничестве... — он снова взялся за рожок, пропихивая бумагу к угасающим угольям.

— Я вообще-то имел в виду мифологическое чудовище, а не ваших сомнительных знакомых, — пробурчал Ватсон, шаря рукой под креслом. — Холмс, оставьте эту штуку. Для углей есть кочерга.

— Вы её видите, Ватсон? — осведомился Холмс, не прекращая своего занятия.

— Нет, — Ватсон скрючился, пытаясь достать до пола, где, по его предположениям, она могла лежать.

— И я не вижу, — констатировал Холмс, кутаясь в красный персидский халат, — а между тем, в нашей комнате всего лишь десять градусов по Реомюру. Это довольно холодно — даже для такого промозглого ноября, как этот.

— Вы способны с такой точностью определять температуру? — оживился Ватсон.

— Способен, как и всякий человек, у которого перед глазами градусник, — острый подбородок Холмса вынырнул из потрепанной шали и дёрнулся вверх, указывая направление.

Над дверью поблёскивал старинный французский градусник с алой каплей подкрашенного спирта в стеклянном бьюшке.

Доктор тяжело вздохнул.

— Холмс, я столько времени провёл в вашей комнате, но никогда не обращал внимания на эту штуку. Я всё-таки очень невнимателен.

— Люди вообще мало на что обращают внимание, — отметил великий сыщик с плохо скрываемым самодовольством. — Иногда кажется, что они слушают глазами и смотрят руками... О дьявол! — он выдернул из камина затлевший рожок и замахал им в воздухе, распространяя запах палёного.

— Да, Холмс, и к вам это тоже отчасти относится, — заключил Ватсон, подавая Холмсу кочергу.

— Благодарю, — сухо ответил Холмс. — Где вы её откопали?

— Нашарил под креслом. Как видите, руки иногда способны увидеть то, чего не видят глаза, так что ваше сравнение хромает, — не удержался доктор от колкости.

— Возможно, и хромает, зато оно зорко, — рассеянно сказал великий сыщик, разбивая кочергой обгоревшую головню.

— Зорко? Как Полифем? — дожал Ватсон, подволакивая кресло ближе к камину: оттуда, наконец, повеяло теплом.

— Ну хотя бы, — невозмутимо ответил Холмс, — Если, конечно, иметь в виду не короля лондонских нищих и не злополучного пленителя Одиссея, а его более счастливого тёзку — лапифа-аргонавта, ставшего киосским царём. Мореплаватели обычно отличаются хорошим зрением.

— Э-э-э... Я думал, вы не читаете художественной литературы, — сказал Ватсон не слишком уверенно.

— И в этом вы совершенно правы, — легко признал Холмс, — зачем тратить время на чертовски занудных греков, когда есть Британская Энциклопедия? Тем не менее, мне однажды пришлось ознакомиться с соответствующим эпизодом легенд об аргонавтах, и весьма подробно.

— Но зачем? — Ватсон вытянул ноги к огню. Сырая мгла, наполнявшая комнату, чуть отодвинулась от каминного зева, но недалеко: спине доктора было неудобно.

— Зачем мне это понадобилось? — Холмс откинулся в скрипучем кресле, издавшем подагрический стон, и принялся раскуривать давно погасшую трубку, — Ну раз уж оперу на сегодня отменили, развлечём себя воспоминаниями. Как-то мне довелось разбираться в одном чрезвычайно запутанном деле. Не буду посвящать во все подробности, в данном случае несущественные. Скажу лишь, что ключом к важнейшему документу, проливающей свет на всё, был шифр, записанный на полях какой-то книги. Увы, владелец библиотеки, в которой находилась книга, не смог мне её даже назвать. Ножевые ранения очень мешают беседе, особенно когда задеты лёгкие. Всё что он успел, так это произнести непонятное слово «гилас». В результате мне пришлось основательно познакомиться с классической древностью, в частности со смазливим сыном царя дриопов Теодама и нимфы Менодики, пользовавшегося особой благосклонностью Геракла: мальчика звали как раз Гилас. Во время стоянки «Арго» в Мисии юноша пропал. Лапиф Полифем принимал участие в его поисках, но опоздал к отходу корабля. Потом Гераклу сказали, что юношу утащили нимфы, — добавил Холмс, усмехаясь. — Версия, которая не могла бы обмануть даже инспектора Лейстера. Очевидно, паренёк удрал, по весьма уважительной причине: выдерживать объяття Геракла было, наверное, нелегко... Роль лапифа тоже вполне ясна. Впоследствии, как я уже говорил, он стал местным царьком. Ловкий малый.

Ватсон поморщился.

— Холмс, это уж слишком. В конце концов, это просто сказка. Совершенно ни к чему относиться к мифам как к свидетельским показаниям.

— А почему? Мифы — часть реальности, мой дорогой друг. Наша драгоценная империя стоит не только на дредноутах, но и на мифах, — и, заметим, стоит весьма прочно... Так или иначе,

изучение аргонавтики ничего не дало, зато отняло много времени: книги, посвящённые греческой мифологии, занимали четыре полки. В то время как искомый шифр преспокойно ждал моего взгляда на пятнадцатой странице первого издания трактата Джорджа Беркли «Три разговора между Гиласом и Филонусом» — написанном, когда Беркли ещё не был епископом и даже не подозревал о существовании дегтярной настойки. К сожалению, я добрался до этого остроумного сочинения, опровергающего материализм, когда было уже поздно: зашифрованный документ потерял всякую ценность, ввиду самоубийства подозреваемого. У несчастного преступника не выдержали нервы. Кстати, он поторопился. Когда я попытался всё-таки расшифровать документ, выяснилось, что в шифр вкралась ошибка. Так что мне бы всё равно не удалось добыть решающее доказательство. Вам неинтересно, Ватсон? Тогда давайте почитаем то, что осталось от «Дейли»... О, а вот это любопытно. В Рио-де-Жанейро задумана неизвестным Рина Роспо, международная авантюристка... Н-да. Надо же, какое совпадение. То есть я хочу сказать: это многое объясняет.

— Можно подумать, Холмс, вас интересуют женщины, — фыркнул доктор.

— Меня интересуют необычные дела, — загадочно ответил великий сыщик и замолчал, созерцая разматывающийся клубок табачного дыма, похожий на сложную математическую формулу.

Ватсон зевнул. Вечер, неудачно начавшийся, обещал столь же унылое продолжение. Увы, Шерлок, разозлённый неожиданной отменой оперы, твёрдо намеревался провести освободившееся время у себя дома, предаваясь хандре и унынию — и упорно желал видеть доктора рядом с собой.

— Скучаете, дружище? — неожиданно спросил Холмс, вынимая изо рта трубку. — И, наверное, думаете, почему я никак не хочу отпустить вас к пациентам? А я всё надеюсь, что вот-вот зазвонит колокольчик в прихожей, и сюда вбежит перепуганный юноша с известием о краже фамильных бриллиантов, или лорд, у

которого похитили юную невесту, или хотя бы тот самый загадочный «доктор С.Т.Н» из объявления, скрывающийся от могущественных врагов.... и через десять минут, после спешных сборов, мы уже на вокзале, а впереди неизвестность... Ах, Ватсон! Хотя бы одно малюсенькое преступление! Это было бы просто восхитительно.

Ватсон слегка смутился.

— Не уверен, что могу разделить ваши чувства, — наконец, сказал он. — Я понимаю, Холмс, вы любите свою работу, но называть преступление «восхитительным» — это уж слишком. Преступление по своей сути ужасно. Мне тоже попадаются разные случаи в практике, но я никогда не назвал бы, скажем, лужу гниющей мочи «восхитительной».

— О, слышу голос здравого смысла и консервативного вкуса! Увы, увы, мой дорогой друг: именно потому, что вы так привержены этим достопочтенным ценностям, вы никогда не сравнитесь врачебной славой с сэром Джозефом Листером. Сей великий человек, если вы помните, доказал присутствие вредоносных бактерий в воздухе путём демонстрации четырёх бутылок с мочой. У трёх из них были длинные изогнутые горлышки, а у четвёртой он его обломал. Так вот, моча загнила только в четвёртом сосуде, в которой проникала пыль, несущая бактерии...

— Ради всего святого, Холмс! Вы будете читать мне лекцию по антисептике? Опыт Листера — это классика.

— Но, возможно, вы не знаете, что сэр Листер с тех пор не расставался с этими бутылками. Он возил их с собой для демонстрации студентам, — с большими предосторожностями, как величайшую драгоценность. А ведь в одной из них была именно гниющая моча. В дальнейшем он занимался скисшим молоком и прочими малосимпатичными субстанциями. И, смею заверить, находил всё это восхитительно интересным и даже прекрасным. Ставлю гинею против пенни, что временами он просыпался посреди ночи и вставал с постели лишь для того, чтобы понюхать пробирку с какой-нибудь гнилью. И в известных случаях, когда

подтверждались его теории, самые отвратительные запахи радовали его не меньше, чем парижанку — новый флакон духов. Такова уж душа подлинного энтузиаста! В поисках истины она не ведаёт удержу и меры, Ватсон. Удержу — и меры.

Доктор тяжело задумался. В комнате повисла тишина — холодная и сырая, как простыня в морге.

— Может быть, вы и правы, — наконец, сказал он. — Мне и в самом деле не хватает интереса к делу. В сущности, я очень посредственный эскулап. Жалкие отчёты о наших с вами похождениях, — и те занимают меня больше, чем мои пациенты.

— Я иногда заглядываю в них, — признался Холмс. — Временами меня беспокоит, сможет ли читатель угадать подлинную канву описываемых событий. К счастью, вы всегда показываете только сцену, не позволяя читателю проникнуть за кулисы, где иной раз скрывается нечто опасное...

— Вы хотите сказать, подлинные имена? Холмс, в этом отношении я всегда соблюдаю скромность...

— Речь не об этом. Разумеется, вы можете заменить имя албанского принца на имя короля Моравии... или, как его там, Богемии. Для сколько-нибудь проникательного и осведомлённого человека не составит большого труда навести справки. Мне это даже на руку: в определённых кругах подобная негласная огласка — простите за невольный каламбур — делает хорошую рекламу. Нет, я имею в виду подлинную суть событий, которая не подлежит оглашению ни в коем случае. Есть детали и подробности преступлений, которые ни в коем случае не должны стать известны широкой публике, ибо это повредит ей же самой. Например, когда меньшее преступление описывается так, что скрывает большее — как это было в случае первого преступления на Земле.

— Вы имеете в виду грех Адама? — Ватсон недоверчиво поднял бровь. — Что, вы проводили расследование по этому делу и убедились, что змей невиновен? Не хотите ли вы оспорить приговор Всевышнего?

— Об истории с яблоком я мог бы рассказать кое-что, — неожиданно серьёзным тоном сказал Холмс, — но это как раз тот самый случай, когда тайна должна остаться тайной. Возьмём случай попроще — первое чисто уголовное преступление в истории человечества, а именно грех Каина. Некоторые моменты в тексте книги Бытия деликатно опущены. Но сами эти пропуски...

— Вы меня просто пугаете, Холмс. Что, Каин невиновен?

— Отчего же. Виновен, и гораздо больше, чем думают.

Ватсон недоумённо воззрился на друга.

— Помилуйте! Что может быть ужаснее братоубийства и богоборства?

— Вот именно, Ватсон, вот именно... Вам даже не пришло в голову, о чём идёт речь. А между тем, в тексте это есть, и представлено очень ясно. Дайте-ка я вспомню дословно... — Холмс приложил руку ко лбу, — это самое начало Бытия... а, вот оно, — он начал декламировать:

— И был Абель пастырь овец, а Каин был земледелец. Спустя несколько времени Каин принес от плодов земли дар Господу, и Абель также принес от первородных стада своего...

— Да вы прямо богослов, Холмс, — Ватсон посмотрел на своего невозмутимого друга с опасливым удивлением. — Чего доброго, вы знаете Писание наизусть, как какой-нибудь аббат?

— Разумеется, знаю, — сказал великий сыщик безо всякой рисовки. — Видите ли, существует очень распространённый шифр, когда слова заменяются цифрами, указывающими на номер страницы, строки и места слова в строке. Разумеется, эти цифры обычно тоже как-то шифруются, но это уже детали. Так вот, в качестве соответствующей книги очень часто используют Библию...

— Поскольку, — подхватил доктор, радуясь возможности хоть в чём-то проявить проницательность, — она есть практически в каждом доме, текст разбит на главы и стихи...

— И, что не менее важно, в ней встречаются почти все имена собственные, которые мы носим. Неувязка лишь с геогра-

фическими названиями. Ах, если бы все эти события происходили где-нибудь в Суссексе! Это очень облегчило бы жизнь нынешним преступникам и шпионам.

Ватсон улыбнулся.

— Кроме того, — заметил Холмс, — знание Священного Писания очень помогает при общении с лицами духовного звания, а также с иудеями. Они часто изъясняются цитатами и аллюзиями из этой книги и не менее часто бывают замешаны в имущественных преступлениях... Но вернёмся к нашему делу. Итак, Бог не принял жертвы Каина, и тот замыслил недоброе. Разумеется, Господь догадался, что он затеял, но не стал мешать. Что было дальше? *И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдём в поле. И когда они были в поле, поднялся Каин на Авеля, брата своего, и убил его. И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? И сказал Господь: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли.*

— И что же? — спросил Ватсон. — По-моему, всё ясно.

— Посмотрим-посмотрим, — сказал Холмс. — Я, как сыщик, задаюсь тем же простым вопросом, которым задался и Господь. Где Авель? Иными словами, где труп?

— Ну... наверное, он его закопал, — ответил Ватсон. — Там же сказано, что голос крови вопиал от земли.

— Крови, Ватсон, крови! Конечно, не при всяком убийстве проливается кровь. Например, при быстром удушении рояльной струной. Или вот ещё: я знавал женщину, имевшую привычку убивать заострённой шпилькой, смоченной тропическим ядом: никаких следов, никакого кровотечения. Но в данном случае кровь пролилась, это несомненно. Иудеи считают, что Каин убил Авеля топором или камнем, христианские богословы, во всяком случае, согласны с тем, что смерть произошла с пролитием крови, как сказал мне один весьма просвещённый и в высшей степени нравственный аристократ, в ранней молодости убивший двух родных братьев...

— Холмс! Ваш сарказм невыносим. Назвать убийцу гуманным и просвещённым, даже в шутку...

— Обстоятельства, Ватсон. Некогда он принимал участие в известных событиях в Южной Африке. Его братья были колонистами, а он сохранил верность короне... Трагедия, достойная античных времён.

— Н-да, — вздохнул доктор, — кажется, я поторопился с выводами. Но вы меня спровоцировали. Так что же случилось с Каином?

— Нет, что случилось с Авелем? Где был труп? И почему Господь спрашивал Каина — *«где Авель, брат твой?»*

— Очевидно, Каин закопал тело.

— Нет. В словах Творца была жестокая ирония. Он-то знал, *где* именно находится Авель, именно поэтому и был задан этот вопрос. Что ответил Каин?

— Он сказал, что не сторож брату.

— Очень интересное место, кстати сказать. В те времена частной собственности не существовало, сторожить было, в сущности, нечего. Кроме одного: стада. Сторож в те времена — это синоним слова «пастух». А что мы делаем с овцами? В конечном итоге?

Ватсон съёжился в кресле.

— Поэтому-то, — Холмс поднял палец, — и не осталось тела. Кроме костей, переломанных и похожих на все прочие кости. Но к Господу возопила кровь, пролитая на землю во время убийства, а также и во время отвратительного пиршества...

— Пощадите, Холмс! Вы хотите сказать, что человеческая история началась с каннибализма?!

— Не будем также забывать о мотиве, — продолжал Холмс как ни в чём не бывало. — Авель был любим Богом, а Каин — нет. Чего мог возжелать Каин, с его первобытным сознанием? Самому стать Авелем. В самом прямом смысле. С другой стороны, именно Авель первым начал убивать живые существа, как пастух — во всяком случае, для жертвоприношения он зарезал

овцу. Каина это могло навести на мысль, что принесение в жертву живого угодно Богу в большей степени, чем бескровная жертва... Кстати, если так, то мысль была ложной. Ибо Господь, хоть и принял жертву Авеля, но допустил его убийство — а не за то ли, что он, пусть и из самых благочестивых соображений, начал проливать кровь? Каина же Бог, хотя и проклял, но в итоге пощадил и даже оградил от наказания — не потому ли, что он был бессознательным проводником и исполнителем Его воли?.. А всё же интересно, каким образом Творец отличил человеческую кровь от овечьей. Вряд ли то был чисто химический анализ — скорее всего, Он, благодаря своему всеведению, мог непосредственно наблюдать форму кровяных телец...

— Холмс, Холмс! Если вы будете и дальше богословствовать в подобном духе, мы чёрт знает до чего договоримся! — сердито прервал его Ватсон. — Хватит с нас и Полифема.

— Что ж, Ватсон, я готов пощадить ваши чувства: и в самом деле неприятная тема. Сам автор Священного Писания тоже решил опустить завесу над этой сценой — и кто я такой, чтобы её отдёргивать? Я всего лишь продемонстрировал вам, что некоторые подробности иных преступлений лучше скрывать. Географы старой школы надписывали на частях карты, где располагалась очередная *terra incognita* — «здесь живут львы». Это означало, что сюда заглядывать не стоит. Есть чудовища, которые настолько отвратительны, что лучше их не видеть вовсе.

Доктору захотелось поспорить: волей-неволей разговор его увлёк. Даже промозглая сырость, холодным языком лижущая спину, уже не казалась столь несносной.

— Всё-таки, — начал он, — чудовищ рождает сон разума. И если обращаться не к фантастическим измышлениям, а к реальности, правду всегда следует предпочесть недомолвкам. Ну вот например. Вспомните хотя бы, как мы с вами разоблачили тайну Баскервиль-холла.

Холмс выпрямился в кресле, как будто его тела коснулась гальваническая батарея.

— Что с вами? — встревожился Ватсон.

— Пустяки, — бросил Холмс, — кажется, невралгия... Как странно, что вы сами заговорили об этом деле. Всё одно к одному.

— Да, вот вам удачный пример, — разгорячился Ватсон. Если бы не ваша проницательность и не моё перо, местные крестьяне до сих пор верили в призрачного пса, обитающего на болотах. Мы же не только раскрыли убийство, но и покончили с многовековым суеверием.

— Ох, дорогой мой друг. Вы даже не подозреваете, насколько неудачный пример выбрали. Признаться, — в этот момент в голосе великого сыщика послышалась нотка, которая была ему в высшей степени несвойственна, а именно смущение, — меня до сих терзают некие сомнения, связанные с этим делом...

— Вы меня изумляете, — Ватсон окончательно забыл о сырости и потухающем камине. — Неужели в этом деле остались какие-то неясности?

— Нет, я не об этом... Просто есть обстоятельства, которые вам неизвестны. И они касаются как раз той тёмной области, где живут львы. Или другие чудовища, не менее опасные.

— Холмс, ну это уж слишком. Что-что, а события вокруг Баскервилль-холла я помню во всех подробностях. В конце концов, я был их непосредственным участником и даже написал о том недурную повесть — которую вы, кажется, так и не прочитали.

— Представьте себе, мой дорогой друг: можно быть в самой гуще событий и ничего в них не понять. Аристократ, о котором я упоминал, убил своих братьев на глазах у сотен людей, в честном бою. Но отнюдь не потому, что они носили мундиры другого цвета. А потому, что ему было известно, отчего его малолетняя сестра утопилась в колодце. Как я уже говорил, античный сюжет. Зато преступление было наказано, а честь семьи — сохранена.

— Вот как? Пожалуй, Еврипид взялся бы за подобную тему, — вздохнул доктор, — увы, человеческая натура порочна. Но всё же, какое это имеет отношение к баскервильскому делу?

— А вы уверены, что хотите знать? — великий сыщик резко повернулся лицом к другу так резко, что разошедшееся кресло возмущённо крякнуло по-утиному.

— Если вы мне не доверяете, Холмс... — обиженно начал Ватсон, но тот его прервал:

— Дорогой друг, если бы я вам не доверял, то не завёл бы этот разговор. Честно говоря, мне давно хотелось посвятить вас во все подробности этой истории. Но я был связан словом, данным вашему коллеге. Сейчас обстоятельства изменились. Никто не пострадает: главное действующее лицо выведено из игры. К тому же ваша книга уже написана, так что память о семье Баскервильей останется такой, какой её хотел видеть этот благородный человек.

— Что-то случилось с доктором Мортимером? — голос Ватсона задрожал от волнения.

— Успокойтесь, с ним всё в порядке. Да я и не его имел в виду. Ладно, давайте уж начнём с начала. Или, вернее, с конца, так удобнее. С вашей книги. Я её, признаться, не читал. Но не сомневаюсь, что вы представили на суд публики образцовое произведение.

— Вы мне льстите, — пробормотал доктор.

— Нет, нет, это отнюдь не комплимент. Во всяком случае, я сам не вижу в этом ничего особенно замечательного — ну, скажем так, куда меньше, чем в хорошо приготовленной яичнице с беконом. Но я не сомневаюсь, что в обсуждаемом нами опусе присутствуют все ингредиенты, которые делают сочинение занимательным. Смерть, интрига, опасность, любовь, немного мистики, счастливый финал с полным разоблачением всех тайн, оказавшихся ужасными, но всё же посюсторонними... не так ли?

— Да, но всё это было в реальности, — напомнил Ватсон. — Мне до сих пор снится та ночь, когда ...

— Не продолжайте, Ватсон. Вы имеете в виду появление собаки и исчезновение Стэплтона?

— Исчезновения? Вы намекаете, что этот негодяй жив? — изумился Ватсон. — Впрочем, да, тело не было найдено... Возможно, вы правы. Но что это меняет?

— Многое, Ватсон, очень многое! В отличие от пикантной ситуации с Авелем, простёртый на земле труп оставляет немного простора воображению. По сути дела, мы можем выдвигать всего три гипотезы о причинах его плачевного состояния: несчастный случай, самоубийство, убийство. Хотя нет, и тут есть нюансы. Убийство может быть замаскировано под самоубийство или под несчастный случай. Встречались в моей практике также самоубийства, замаскированные под несчастный случай, ради сохранения репутации, и даже самоубийства, замаскированные под убийство, ради мести или просто из ненависти. Наконец, бывают даже самоубийства, которые есть лишь средства для убийства других людей — и я весьма опасаясь, что когда-нибудь это станет распространённым явле... о дьявол! — Холмс взмахнул погасшей трубкой, извергающей серый пароходный дым. — Мне урок, — сказал он, извлекая из кармана халата длинную фосфорную спичку. — Итак, сами посудите: даже тело с явственными следами насильственной смерти, и то оставляет простор для догадок. Но отсутствие тела расширяет сферу возможного почти до бесконечности. Кто он, исчезнувший? Мёртвый или живой? Беглец ли пленник? Скрывается от возмездия или сам готовит месть? Наконец, преступник он или жертва? Или жертва собственного преступления — ведь такое тоже случается?

— Простите, Шерлок, но вы разгадывали подобные загадки, и не раз, — решительно прервал Ватсон это затянувшееся рассуждение. — Мне кажется, в данном случае искать Стэплтона....

— В данном случае, — великий сыщик, наконец, справился со своим курительным инструментом и с наслаждением затянулся, — искать Стэплтона было бы с моей стороны по меньшей ме-

ре глупо, да и бесчестно. Но я не закончил. Итак, Стэплтон исчез. Но было ещё одно исчезновение, на которое вы, кажется, не обратили никакого внимания. Что случилось с его супругой?

— Не помню... — потёр лоб Ватсон. — Кажется, уехала куда-то. В конце концов, какое это имеет значение?

— Мой дорогой доктор Ватсон, я неоднократно говорил вам, что в работе сыщика не существует мелочей. Литераторам легче. Вы, наверное, в своём романе бросили миссис Стэплтон где-нибудь в сердце Гримпенской трясины, а потом говорили о ней исключительно в прошедшем времени?

— Что-то вроде этого, — подтвердил доктор. — Я закончил тем, что упоминал эту женщину в качестве причины нервного расстройства сэра Генри. Он ведь был влюблён...

— Именно, Ватсон, именно! — Холмс вынул изо рта трубку и положил её на пол. — Кажется, мне пора ограничить количество потребляемого мною никотина: он уже перестаёт на меня действовать прежним образом... Хорошо, зайдём с другого конца. Откуда взялась эта красотка?

— Кажется, — неуверенно произнёс Ватсон, — вы мне говорили, что Стэплтон женился на ней в Коста-Рике...

— Да. Причём она считалась одной из самых известных красавиц страны. Спрашивается: почему вдруг прекрасная девушка связывает свою судьбу с ним. С человеком невыразительной, на взгляд женщины, наружности? Небогатым? Без связей и репутации?

— Но ведь она любила его, — растерянно сказал доктор. — Я же помню, как она рыдала и говорила о мучениях, которым её подвергал этот негодяй...

— Вот, вот он, здравый смысл, который так кичится своей солидностью! — Холмс шлёпнул себя по ляжке. — Только в дрянных книжках любовь может вспыхнуть от случайной искры и потом не гаснуть ни на каком ветру, даже самом сильном. В действительности же это святое чувство требует растопки, а гаснет, увы, от малейшего дуновения ветерка. Прекрасная женщина

влюбилась с первого взгляда в ничем не примечательного мужчину, вышла замуж, отвергнув все блестящие партии, и потом терпеливо переносила бедность, безвестность, унылую жизнь, унижения, даже побои — и вы верите этой чепухе?

— Вы же сами учили меня, Холмс, — раздосадовано сказал Ватсон, — отбросьте все невозможные объяснения, и останется истинное, каким бы невероятным оно не казалось. Да, это странно, но...

— Теперь ещё одно. У Стэплтонов — впрочем, тогда они носили фамилию Ванделер — была школа для мальчиков в Йоркшире. Школу пришлось закрыть из-за какой-то скверной истории, несколько детей умерло. А вы знаете, что это была за история?

— Как-то не интересовался, — признал Ватсон. — А разве это имеет какое-то значение?

— Ладно, — сказал Холмс, потянувшись за трубкой, но брать её всё же не стал. — Не буду вас больше томить, мой дорогой друг, хотя я ещё долго мог бы задавать подобные вопросы, вода вас за нос. Но если уж я обещал рассказать вам всё, то я это сделаю. Слушайте же.

Ватсон наклонился поближе, чтобы не пропустить ни одного слова.

— Дело в том, — начал Холмс, чуть помедлив, как будто что-то решив про себя, — что Стэплтон был моим клиентом.

— Вашим клиентом? — вскричал Ватсон.

— Точнее, одним из моих клиентов в этом чрезвычайно запутанном деле. Но он обратился ко мне первым, по очень деликатному поводу, и я долго раздумывал, следует ли мне проявить к нему участие... И только долг перед общественной нравственностью, а также интересы государства, склонили меня к тому, что Стэплтону следует помочь. Помолчите, — великий сыщик сделал властный жест рукой, — ибо я буду говорить о тех самых вещах, над которыми обычно опускают завесу. Но вы ведь хотели знать правду? Так вот, знайте же. Стэплтон, — тогда он носил

другую фамилию и работал в государственном учреждении чиновником средней руки, — женился в Коста-Рике на некоей Бэрил Гарсия, действительно очень красивой девушке. Женился, потому что других предложений у этой красотки не было. Ибо прекрасная мисс Гарсия к тому времени имела в высшей степени скверную репутацию. Причём речь шла не просто о девичьей чести, нет, — но о развратной изощрённости, с которой этот ангелочек пускался в самые непристойные, самые отвратительные похождения... Короче, её просто нельзя было подпускать к мужчинам. Все это знали, её несчастные родители знали это лучше других — и мечтали сбыть порченный товарец с рук любой ценой и за любую цену. Молодой Стэплтон тоже это знал — но увы, её красота и богатое приданое оказались сильнее здравого смысла. К тому же он поверил, что она любит его и будет хорошей женой, несмотря на разгульное прошлое. Увы, брак получился несчастный, трижды несчастный. Не будем касаться альковных тайн — это слишком отвратительно. Достаточно грубой прозы денег: за полгода эта чертовка промотала всё, что дали ей родители, а потом стала требовать всё новых и новых средств от мужа. Тот подпал под её влияние — и растратил казённые деньги. Тогда супруга подговорила его бежать — тем более, ей давно хотелось покинуть края, где её слишком хорошо знали, и совершенно выйти из-под власти родственников и общественного мнения... Они поселились в Йоркшире, где открыли частную школу. Но госпожу Гарсия, которая тогда звалась миссис Ванделер, было категорически нельзя оставлять наедине с молодыми красивыми юношами. Хотя, возможно, ей сошли бы с рук её шалости, если бы в школе не вспыхнула эпидемия одной неудобоназываемой болезни, которую женщины переносят гораздо легче, чем мужчины... Вы врач, Ватсон, вы понимаете, о чём я говорю.

— Мне приходилось лечить это в Афганистане, — машинально ответил Ватсон, пытаясь собраться с мыслями. — Мы это называли «солдатский насморк».

— Да, именно. Увы, несколько наивных мальчиков, которых госпожа Ванделер таким образом посвятила в тайны взрослой жизни, решили, что с ними происходит что-то страшное и позорное, и убили себя газом... Дело удалось замять — в огласке не был заинтересован никто, включая родителей. Но, разумеется, школу пришлось закрыть. С того же времени прекратил *de facto* существовать и брак. Потому что госпожа Ванделер наградила «солдатским насморком» и своего супруга. Он вылезился и вылезил её — но с тех пор не прикасался к ней как к женщине. Он даже отказался называть её своей женой, везде представляя как «сестру». Впрочем, если уж говорить начистоту, дело было не только в моральном выборе. Стэплтон имел от природы слабую мужскую конституцию, а болезнь и нервное потрясение окончательно убило в нём мужчину.

— Это бывает, — только и нашёл что сказать Ватсон.

— Потому-то, — продолжал Холмс, — естественная в иной ситуации идея о новом браке и новом семейном счастье была для него невозможна. Он чувствовал себя прикованным к этой женщине, обречённым влачить эту тяжесть на себе. Поэтому он принял решение навсегда покинуть свет и уехать в какую-нибудь пустынную, безлюдную местность, где порочные страсти его супруги не нашли бы себе удовлетворения. Несчастный надеялся, что простая, грубая жизнь вдали от соблазнов охладит её кровь и оздоровит чувства. Как он был наивен! К тому времени госпожа Гарсиа уже не могла считаться нормальной женщиной. Она думала только об одном и хотела только одного — всё равно с кем, всё равно где. Несчастный муж — известный нам уже под фамилией Стэплтон, — просто не знал, что делать со своей супругой, которая была ему более не супруга по плоти, но которая сохраняла над ним известную власть. Власть, основанную на бесстыдстве, Ватсон! У Стэплтона, как и у всякого по-настоящему благородного человека, была ахиллесова пята — гордость. В его жизни было слишком много позора, и он не хотел его испытывать снова и снова. А эта женщина... вы не представляете себе, Ват-

сон, до каких низостей она доходила. Достаточно упомянуть беглого каторжника, убийцу по имени Селден, которого она прятала в своём доме...

— Что? — не понял Ватсон.

— Именно так. Она предоставила ему это убежище — понятно, почему. К тому моменту она находилась под надёжной охраной, и других орудий удовлетворения своей отвратительной страсти у неё не было.

— Но, Холмс! Ведь каторжник ходил за едой к чете Берриморов...

— На самом деле ему была нужна не еда, — резко перебил Холмс, — а одежда и деньги. Женщина прятала его в доме и кормила, но отобрала у него одежду... и постоянно требовала от него, если можно так сказать, отработки — стола, крова и безопасности. В конце концов Селдон решил бежать, воспользовавшись помощью своей сестры, несчастной супруги Бэрримора. Но не мог же он ей объяснить своё настоящее положение? Ему пришлось сочинить байку, что он прячется на болотах, а самому потихоньку готовиться к побегу. Думаю, он собрался ограбить Баскервилль-холл. Для этого ему нужна была сообщница. Он почти склонил свою сестру к своему замыслу, если бы не пёс, который, наконец, выследил его вне дома и загнал в пропасть.

— Собака?

— Да. Собака-охранник. Стэплтон в конце концов понял, что его жена неисправима. Тогда он стал её тюремщиком. Сначала он просто не выпускал её из комнаты, но она находила тысячи способов его обманывать. К тому же этот благородный человек не хотел вовсе лишать её свободы, ему нужно было только обезопасить от неё посторонних.

— Вам определённо нравился этот Стэплтон, — усмехнулся Ватсон.

— Тогда ему пришла в голову, — увлечённо продолжал Холмс, проигнорировав колкость, — идея, показавшаяся оригинальной: приставить к «мисс Стэплтон» неподкупного и всегда

бдящего сторожа, своего рода Аргуса, который всё время находился бы поблизости, не показываясь на глаза, но не подпускал бы к женщине незнакомых мужчин. Он купил в Лондоне, у Росса и Менгласа на Фулхем-роуд, специально выдрессированного пса-охранника. Этого мужчину госпожа Гарсия соблазнить не смогла. Впрочем, нашёлся ещё один стойкий к её чарам — доктор Мортимер, к которому Стэплтон обратился со своим делом, как к специалисту по дурной наследственности, атавизму и дегенерации... Вы помните своеобразные научные интересы доктора?

— Да, они мне тогда показались весьма странными, — пробормотал Ватсон.

— Ничего странного. Доктор Мортимер пользовал сэра Чарльза, — ради которого, собственно, и покинул Лондон, — а сэру Чарльзу нужен был именно такой специалист. Но об этом позже. Так вот, после смерти сэра Чарльза и появления на горизонте нашего несчастного американского друга, Генри Баскервилля, ситуация стала крайне опасной. Было ясно, что госпожа Гарсия непременно постарается обольстить молодого хозяина поместья. Она была опасна даже для самых стойких, ибо обладала своего рода животным магнетизмом, отличающим некоторые низшие, выродившиеся натуры. К счастью для нас всех, вы, мой дорогой друг, почти совершенно нечувствительны к подобным чарам. Даже этот ваш злополучный брак, ради которого вы когда-то чуть было не разорвали нашу дружбу...

— Прошу, не будем об этом, — доктор тяжело вздохнул. — Моя покойная супруга была настоящим ангелом... во всех отношениях.

— Увы, увы, мой бедный Ватсон, ангелы не созданы для нашей грешной земли. Вернёмся же к делу. Так вот, Стэплтон принял, наконец, твёрдое решение прекратить это ужасное сожителство — единожды и навсегда. Но позор публичного развода и вся та грязь, которая его неизбежно сопровождала бы, были для него невозможны. Такие цельные натуры предпочитают смерть, но вера в Бога удержала его от ужасающей идеи само-

убийства. В конце концов он обратился ко мне. И я, обдумав все обстоятельства и обозрев все нити паутины, в которой он запутался, дал ему совет: исчезнуть. Ценой старого имени, — но, к сожалению, в некоторых обстоятельствах приходится платить и такую цену. Впрочем, назначал её не я.

— А кто же?

— Майкрофт. Его ведомству всегда нужны люди, на которых можно положиться. Как ни цинично это звучит, сомнительное прошлое — хорошая гарантия преданности. Но полагаться на дурных людей по-настоящему дурных тоже не следует: они будут искать способ сорваться с крючка, предать. Зато человек, не лишённый принципов, но по жизненным обстоятельствам имеющий, что скрывать, может стать идеальным исполнителем. В тот момент моему брату требовался как раз такой человек для особых поручений в Южной Америке. Стэплтон подошёл идеально... Но здесь уже начинаются секреты, о которых я не имею права говорить. Так или иначе, решение было принято. Дальше был разыгран спектакль, в котором вы приняли посильное участие. Детали вы можете восстановить по памяти. Скажу только, что госпожа Гарсия была поставлена перед выбором: или она подыгрывает нам и получает свободу — или она будет признана по закону душевнобольной и заключена в одно из медицинских учреждений соответствующего типа... Когда в дело вмешивается ведомство Майкрофта, такие вопросы решаются быстро. И, надо сказать, «мисс Стэплтон» оказалась вполне договороспособна: готовый пансион в Бедламе её не прельстил. И даже когда её несчастный супруг на прощание повёл себя не вполне корректно, — за что я его осуждаю лишь самым умеренным образом, — она нашла в себе силы успешно довести свою роль до конца.

— Он поднял руку на женщину, — напомнил Ватсон. — Это недостойно джентльмена.

— Да, поднял. После бесконечных страданий, которые она ему причинила. Впрочем, все женщины стоят друг друга. Все они, в сущности, животные: различие лишь в том, что движет

ими — страх перед мужчинами или так называемое влечение, то есть стремление поглощать и использовать мужчин. Я вообще не понимаю, как возможно любить женщину. Вождедель её, как грубую пищу, чтобы насытить плоть — это я ещё могу представить, хотя бы теоретически, несмотря на то, что я сам крайне далёк от всего подобного. Но любить? Любить можно только равного... Впрочем, это не имеет отношения к делу, которое как раз подходит к важнейшему повороту. В игру вступили новые обстоятельства, а именно — интересы моего второго клиента, доктора Джеймса Мортимера.

— Так значит, он всё же ваш клиент?

— Разумеется. Правда, клиент, представляющий не свои личные интересы, а интересы своего высокопоставленного пациента, к тому времени покойного. Если же быть совсем точным — интересы всего рода Баскервиллей.

— Вот как? И в чём же эти интересы состояли?

— Как обычно, в сокрытии истины, — Холмс сгорбился в кресле перед умирающим в каминном зеве огнём. — Именно в этом обычно и состоят интересы большинства людей, у которых есть интересы. Но на сей раз речь шла о задаче действительно сложной. А именно: о тайне уже разглашённой, хотя и в превратном свете, о тайне известной, хотя и не тем, кого следовало бы бояться, о тайне, готовой в любой момент вырваться наружу и причинить непоправимый вред репутации почтенного семейства... Я имею в виду проклятие рода Баскервилей. Проклятия, послужившего причиной смерти сэра Генри. А также, судя по сведениям, собранным доктором Мортимером, и многих других представителей того же семейства.

— То есть всё-таки легендарная собака? — Ватсон помотал головой, заранее отвергая подобную идею.

— Нет, конечно. Собаки — живые или призрачные — в этом деле играют, если можно так выразиться, собачью роль. Мне, правда, искренне жаль, что пришлось прикончить несчастного пса, вся вина которого состояла в том, что он понадобился в

качестве театрального реквизита для постановки финальной сцены. Других собак в этом деле не было. Более того, не было и никакой легенды о собаке. Миф о собаке Баскервилей — это, если угодно, миф о мифе. Его не существует. На собаку навешали всех собак, чтобы ни одна собака не стала рыться в шкафу со скелетами.

— То есть как? — не понял Ватсон. — А семейное предание? А рассказы местных жителей? Наконец, тот самый манускрипт, который нам показывал доктор? Вы, помните, датировали его тысяча семьсот... — начал было Ватсон и осёкся на полуслове.

— Да, мой дорогой друг, да... Кстати на будущее: палеографическая экспертиза — тонкое и сложное дело. Не доверяйте экспертам, которые судят по первому взгляду. Разумеется, я изготовил рукопись весьма аккуратно. Разоблачить подделку такого уровня не сможет ни один полицейский эксперт, разве только какой-нибудь книжный червь из Берлина, пропитанный архивной пылью. Но у меня есть все основания полагать, что сэр Генри никогда не захотел бы пробыть в обществе подобного субъекта более пяти минут, и уж тем более делиться с ним семейными тайнами... Что касается местных жителей, вы знакомы с ними по словам Бэрримора, не так ли? А Бжрримор был проинструктирован мной. Впрочем, местные жители и в самом кое-что знают о баскервильском чудовище. Но ваша книга, Ватсон, со временем произведёт своё благотворное действие, то есть поможет им расстаться с подлинным преданием, с успехом заменив его подделкой. Вот оно, преимущество массового образования! Люди приучаются думать чужим умом, верить чужим глазам, а главное — пользоваться чужой памятью как своей. Сейчас несколько газетных статей могут произвести полный переворот во всём умственном строе нашей просвещённой нации, что говорить о книге знаменитого литератора! — Холмс посмотрел на друга с нескрываемой иронией. — Тогда тайна Баскервилей, она же и причина смерти несчастного сэра Генри, будет надёжно погребена.

— Но вы-то знаете правду?! — Ватсон даже привстал, предчувствуя близость разгадки.

— Всё по порядку, Ватсон, всё по порядку... Помните, что я говорил о смерти? Труп оставляет очень мало простора воображению. Несчастный случай, самоубийство, убийство. Так вот, в случае сэра Генри мы имеем дело с ситуацией, выходящей за эти тесные рамки. Ибо его смерть не была несчастным случаем, но и самоубийством не была тоже. Что касается убийства... пожалуй, да, но в некоем ином смысле, выходящем за рамки уголовного кодекса, да и вообще человеческого правосудия как такового.

— Я не верю своим ушам, Холмс, — проговорил потрясённый Ватсон. — Вы, скептик и материалист...

— Ещё раз: не торопитесь с выводами! Я не говорил, что эта сила нематериальна или находится за гранью естества. Это всего лишь одна из страстей, в силу некоей ошибки природы приобретшей своего рода отдельное бытие... Впрочем, вы могли бы догадаться и сами. Напомню ключевые моменты. Во-первых, предание о собаке, которая живёт на болотах, в сердце трясины. Даже крестьяне не могли бы изобрести подобную чушь. Собаки не живут на болотах. Собаке нечего делать на болоте. Даже призрачную собаку народное воображение не поселило бы на болоте. На болотах обитают совершенно другие существа, Ватсон. Совершенно другие.

Доктор замер, почувствовал, как любопытство уступает место неприятному беспокойству. Замечание о «других существах», произнесённое спокойным, даже насмешливым тоном, всё же затронуло некую струну, которая имеется в душе даже самого закоренелого скептика.

— Теперь подойдём к той же теме с другой стороны, Ватсон, — продолжал Холмс, не обращая внимания на состояние друга. — Помните эпизод с кражей башмака сэра Генри в гостинице. Вы при нём присутствовали. Не показалось ли вам кое-что странным?

— Кажется, нет, — доктор потёр виски: слишком резким показался ему переход. — Помню, сэр Генри был очень недоволен...

— Всё сложнее, Ватсон. Поскольку этот момент важен, я настоятельно попрошу вас освежить память. Кстати, на это как раз сгодились бы ваше знаменитое сочинение... Вы, надеюсь, уделили внимание этому эпизоду?

— Кажется, да, — не вполне уверенно сказал Ватсон. — Да, точно, — добавил он.

— Где-то я видел эту вашу книжку, не далее как сегодня утром, — высокий лоб Холмса перерезала вертикальная морщина. — А, вспомнил! Ватсон, пожалуйста, сходите вниз. Когда мы сюда поднимались, я видел зелёный томик на столике в прихожей. Судя по всему, наша дорогая миссис Хадсон почитывает ваши опусы... Заодно прихватите бренди! — крикнул Холмс, когда доктор, встав, уже подходил к двери.

Ватсон молча скрылся за дверь. Заскрипела лестница, потом что-то стукнуло, зашуршало, затихло внизу.

Ветер воспользовался паузой и заскулил в трубе, торопясь обратить на себя внимание. Но тщетно: человек в кресле погрузился в свои думы, судя по всему, не слишком весёлые.

— Вот, — голос доктора Ватсона вернул Холмса на землю. — Еле нашёл. Она спрятала его под портьерой.

Он протянул великому сыщику початую бутылку бренди. В другой руке он держал крохотный поднос из плетёной соломки, на котором едва умещались два маленьких, не очень чистых стаканчика.

— Славно, — одобрил Холмс, забирая бутылку. — С возрастом начинаешь находить смысл в алкоголе. На месте правительства я запретил бы продавать крепкие напитки джентльменам моложе сорока... Вы не забыли книгу?

Ватсон дёрнул плечом и шеей, показывая на кресло. Там лежала книжка в потрёпанной красной обложке с золотыми надписями и чёрным силуэтом пса, стоящего на дороге.

— Найдите то место про башмак, — распорядился Холмс. — Это важно.

Ватсон открыл том, перелистнул несколько страниц, потом ещё несколько.

— Да, это здесь.

— Читайте! — распорядился великий сыщик, подливая себе бренди.

«Сэр Генри улыбнулся» — начал доктор. «Почти все мое детство и юность прошли в Соединенных Штатах и в Канаде, поэтому английский уклад жизни мне еще в новинку. Но вряд ли у вас считается в порядке вещей, когда у человека вдруг пропадает один башмак»...

— Это всё можно пропустить, — нетерпеливо бросил великий сыщик. — Помните, как он высчитывал цену ботинок? Вы об этом ведь, кажется, писали?

— Вот, — нашёл Ватсон.

«— Вы отдали чистить новые башмаки? Зачем же это?»

— Они светло-коричневые. Поэтому я велел почистить их тёмной ваксой.

— Значит, по приезде в Лондон вы сразу же отправились покупать башмаки?»

— Я вообще ходил по магазинам. Доктор Мортимер составил мне компанию. Дело в том, что если уж человеку суждено стать владельцем большого поместья, так и одеваться надо соответственно, а я несколько пренебрегал своим туалетом, живя на Западе. В числе других вещей были куплены и эти башмаки — ценой в шесть долларов! — а вот надеть-то их так и не пришлось».

— Отлично, Ватсон! Теперь подумайте вот о чём. Человек становится наследником огромного состояния. Он, по его собственным словам, собирается принарядиться. Он покупает светлые башмаки и просит их начистить тёмной ваксой. Почему он не купил чёрные? Потому что чёрные стоили дороже, и ему не захотелось переплачивать. Вот единственное объяснение. Заметьте,

он отлично запомнил цену башмаков: шесть долларов. Понимаете?

— Не понимаю, — Ватсон не скрывал, что раздосадован и сбит с толку. — Сэр Генри в тот момент ещё не привык к своему новому положению. Возможно, в Америке ему приходилось считать каждый цент. К тому же в этой стране принято, что даже миллионеры посещают дешёвые распродажи. Я не вижу в этом ничего необычного. И, главное, нет никакой связи с обстоятельствами гибели несчастного сэра Чарльза Баскервиля.

— Вы меня разочаровываете, Ватсон, — вздохнул Холмс. — В конце концов, вы же врач. И знаете, что такое симптоматика. Допустим, у вас чешется ладонь и покраснела кожа. Это может быть случайностью — а может оказаться грозным признаком воспаления, заражения, может быть, опухоли... Впрочем, всё зависит от условий. Здесь, в нашем ужасном английском климате, вы вряд ли отнесётесь серьёзно к подобной мелочи. Но если бы мы находились в благодатной Индии...

— Да, пожалуй, — признал Ватсон. — В индийских условиях можно ожидать чего угодно, вплоть до риштозных червей.

— Вот именно. Всё дело в условиях. Так вот, поведение сэра Генри было именно симптомом. Первым признаком пробуждения в его душе той силы, которая преследовала несчастный род Баскервелей из поколения в поколение... Вам интересно? А ведь на улице уже ночь, Ватсон. Может, останетесь? Откровенно говоря, я не прочь вспомнить прежние времена. Оставайтесь, Ватсон.

Доктор бросил на друга косой взгляд и ничего не ответил.

Замолчал и Холмс. В обступающей тишине последовательно, как на фотографической пластине, начали проявляться разные звуки: тусклое позвякивание часового механизма, шипение светильного газа в рожке, наконец — мерный шум законного дождя и басовитое поскуливание ветра в каминной трубе.

— Оставайтесь, — повторил сыщик. — Что вам делать дома, в холодной постели? И ведь вы заинтригованы, не так ли? Выпейте, бренди недурён.

Ватсон взялся за стаканчик, с видимым усилием проглотил едкий комочек бренди

— Есть длинная индийская сказка, — медленно сказал он, — где попугай развлекает женщину, собирающуюся к любовнику, всякими рассказами, и прерывает рассказ на самом интересном месте — а продолжает только тогда, когда получает от неё твёрдое обещание остаться дома и хранить верность мужу. Обычно попугаю удавался его трюк. Что ж, мне некому хранить верность... и я заинтригован.

Улыбка разрезала острое лицо Холмса. Глаза его сверкнули, как у охотника, подбившего дичь и уже отстёгивающего поводок, чтобы пустить собаку по следу.

— Ну, если так, то продолжим. Тем более, что разгадка близка. Знаете ли вы истории про несчастных, которые тащат в свой дом любую заплесневелую корку, грязную тряпку, трясутся над каждым грошом и умирают с голоду над сундуками с золотом?

— Такие случаи описаны в специальной литературе, — пожал плечами доктор, не пытаясь скрыть разочарования, — но какое это имеет отношение к Баскервилям? Насколько мне известно, сэр Чарльз был симпатичным и щедрым человеком, много занимался благотворительностью и охотно помогал ближним. Сэр Генри тоже не отличался страстью к накопительству. Он был прижимист, но не более.

— Да, Ватсон, психиатрия — не ваша специальность. Мне же, как сыщику, приходится быть специалистом широкого профиля. В частности, я неплохо разбираюсь в так называемых мафиях. Немало проступков и преступлений люди совершают, по винуясь не трезвому расчёту, а невнятным порывам большой души. Например, я знал одного почтенного адмирала, пироманьяка-поджигателя. Он он выбирал исключительно здания эпохи Ге-

орга III, к которому испытывал противоречивые чувства... Хотя чаще всего в моей практике встречается kleптомания, или нервическое стремление к мелким бессмысленным кражам. Однажды мне пришлось выручать из нехорошей истории герцогиню де...впрочем, неважно. Противоположностью мании является фобия — страх перед чем-либо. Например, среди женщин распространена является нервическая боязнь мышей и пауков, хотя эти существа практически безобидны. Больше неприятностей причиняет агорафобия — страх перед открытым пространством. Этим страдал... — Холмс досадливо хлопнул себя по колену, так что соломенный подносик со стаканчиком подпрыгнул. — Кажется, я много болтаю... Так или иначе, фобия — очень неприятная вещь. Сталкиваясь с предметом, вызывающим страх, больной испытывает приступ паники, который он не может контролировать. Он чувствует удушье, спазмы в горле, сердце выскакивает из груди, выступает холодный пот, начинается дрожь в конечностях, возможен обморок... Понимаете?

— Да, симптомы мне известны, — подтвердил Ватсон.

— Так вот. У рода Баскервильей несчастливо сошлись два наследственных дефекта. Один из них — склонность к редкой, малоизученной фобии, являющейся в каком-то смысле парой по отношению к мании скупости. Патологический скупец, как я уже говорил, тащит к себе в дом мусор, барахло, и спит на мешках с золотом. Но существует и фобия, очень похожая на манию скупости. Это страх перед тратами, перед отдачей денег.

Ватсон рассмеялся.

— Пожалуй, — сказал он, — этой фобией страдают все здравомыслящие люди, включая нас с вами. Разве мы не боимся лишних расходов?

— Нет, — Холмс покачал головой, — дело не в этом. Мы все хотим получать больше и отдавать меньше. Это рациональное желание. Но вы же не упадёте в обморок в магазине, покупая себе трость или перчатки. Вы не наброситесь с кулаками на кондуктора в omnibusе, желающего получить свои четыре пенса

за две мили. Вам не станет дурно на благотворительном вечере, когда коробка для денег пойдёт по кругу. А вот несчастный сэр Чарльз попадал в такие ситуации регулярно. Как и большинство мужчин в этом злополучном роду. Причём болезнь обострялась с возрастом. В молодости Баскервили почти не проявляли этого своего свойства. В старости они теряли всякий рассудок, когда дело касалось необходимости отдать хотя бы пенни.

— Весьма прискорбно, — Ватсон произнёс это без особенного сожаления. Он, не отрываясь, смотрел на каминные угли, уже остывающие, подёрнувшиеся пеплом.

— Но это ещё не всё. Баскервили, на свою беду, неудачно пересекли свою мужскую линию с женской, по которой передавалась другая болезнь, не психическая, а всего лишь физическая — слабость сердца, то есть врождённая стенокардия.

— *Angina pectoris*, — заметил Ватсон. — Ну да, ведь сэр Чарльз умер от сердечного приступа.

— Да, — сказал Холмс. — Вот именно. Вы понимаете, к чему может привести приступ фобии у человека со слабым сердцем? Ну, а теперь вспомните обстоятельства дела. Сэр Чарльз систематически занимался благотворительностью и делал разнообразные пожертвования.

— Но, Холмс, зачем, если это было так тягостно?

— Очень просто, мой дорогой друг. Доктор Мортимер назначил сэру Чарльзу подобную практику в качестве лечения. Он исходил из той теории, что небольшой контролируемый приступ болезни снимает на время симптоматику. Клини вышибают клином. Отчасти это оправдывало себя. Конечно, сэру Чарльзу было тяжело, но доктор в таких случаях всегда находился рядом и был готов оказать первую помощь. После подобного приступа фобия на некоторое время отступала...

— И никто ничего не замечал? — не поверил Ватсон.

— Кто как. Местные, конечно, кое-что кумекали. Посторонние думали, что старый сэр излишне впечатлителен. На самом деле у сэра Чарльза, как утверждал доктор Мортимер, — и я

ему верю — были стальные нервы. Иначе он не протянул бы так долго. Но однажды он переоценил свои силы, что и привело его к печальному концу. Невольной причиной его смерти стала некая Лаура Лайонс, особа, попавшая в затруднительные обстоятельства. Вы, конечно, помните её историю. Она попросила у сэра Чарльза небольшую финансовую помощь. Речь шла о незначительной сумме, и старый сэр легкомысленно понадеялся на то, что приступа не будет. Он даже не предупредил доктора Мортимера. В тот роковой вечер он стоял у калитки, ожидая появления Лауры. Томясь в ожидании, он прикидывал в уме обстоятельства, размер суммы, невольно представляя себе, как он подпишет чек, как Лаура Лайонс возьмёт его... тут-то и случился приступ. Он внезапно почувствовал дикий страх при мысли о расставании с деньгами. Естественно, он побежал прочь от калитки — тут-то его и накрыл приступ. Две болезни, душевная и телесная, объединившись, убили его.

Ватсон задумался, потом понимающе кивнул головой.

— Наверное, доктор Мортимер не мог себе простить, что *упустил* пациента, — сказал он задумчиво, употребив врачебное слово.

— На этот раз вы правы. Потому-то он и принял столь деятельное участие во всём последующем... Его мучило чувство вины. И к тому же страх за молодого сэра Генри, у которого уже начали проявляться всё те же зловещие симптомы. Правда, у него приступы наследственной фобии вызывали, скорее, вспышки ярости, а не страха. Подобную вспышку вы наблюдали во время сцены с ботинком. Надеюсь, теперь вам понятно, почему я тогда так встревожился?

— Ну хорошо, — сказал Ватсон решительно. — Я даже примерно представляю себе ваш дальнейший рассказ. Вы вместе с доктором Мортимером поставили себе целью защитить сэра Генри от пагубных чар жены Стэплтона, при этом спасти самого Стэплтона, а также скрыть от общественности, в том числе и от сэра Генри, обстоятельства смерти сэра Чарльза. Кстати, а кто

написал то письмо сэру Генри насчёт торфяных болот? Вы или доктор Мортимер?

— Нет, Стэплтон. Он был отчасти посвящён в наши планы, но благородство, в высшей степени свойственное этому замечательному человеку, и здесь сыграло дурную шутку. Как и я, он опасался, что его жена начнёт крутить голову молодому баронету... который ему, похоже, нравился. И решил заранее напугать его — дабы сэр Генри пореже появлялся на болотах, то есть вблизи домика Стэплов. Трогательно, но очень глупо. Я, разумеется, принял меры. В дальнейшем наш друг исправно играл предписанную ему роль — без особенной охоты, но старательно. На кону было слишком многое.

— Понятно, — сказал Ватсон и решительно налил себе ещё. — Я даже догадываюсь, зачем понадобился спектакль с собакой. Это ведь была идея доктора Мортимера? Сильнейшее потрясение, спровоцированный приступ ужаса, как средство против наследственной фобии? Клин клином вышибают?

Великий сыщик посмотрел на своего друга с известной толикой уважения.

— Похоже, бренди способствует раскрепощению умственных способностей. Не буду отрицать, идею использовать злополучного пса для того, чтобы напугать сэра Генри до полусмерти, и в самом деле принадлежала доктору. Что ж, этого он добился. Как и места около баронета: если вы помните, врачи его отправили в путешествие, для укрепления нервной системы... Насколько мне известно, эта своеобразная шоковая терапия и впрямь имела положительный эффект: по моим сведениям, с сэром Генри всё в порядке. Впрочем, он молод, а проклятие умеет ждать.

— Я всё ж не понимаю одного, — продолжил Ватсон, терпеливо дожидавшийся, пока Холмс закончит. — Зачем понадобилось сочинять какую-то «легенду о собаке Баскервилей»?

— В этом-то вся суть дела, Ватсон. Видите ли, о несчастье Баскервилей в Девоншире знали. Ведь наследственный дефект

передавался из поколения в поколение. Так вот, среди местных жителей и впрямь бродила легенда о том, что род Баскервильей преследует некое отвратительное существо, нечто вроде призрака, от удушающих объятий которого они умирают. Только это была, конечно, не собака. Как я уже говорил, собаки не живут на торфяных болотах.

Ватсону опять стало неудобно — как будто ему послышался какой-то тихий, зловещий звук.

— Интересная штука филология, — внезапно сменил тему Холмс. Мы, англичане, для обозначения чего-нибудь гадкого используем слово, обозначающее некую живую тварь. Её же именем французские апаши называют кошелёк, а немецкие карманники — деньги вообще. А русские врачи используют то же слово для обозначения *angina pectoris*, той самой роковой болезни сэра Чарльза. Не думаю, что наивные девонширские жители знали о таких подробностях, когда складывалась легенда. Во всяком случае, доктор Мортимер легенду знал. Он же и назвал мне отвратительное имя истинного убийцы старого лорда... Е го за ду ш и ла жа ба Б а с к е р в и л е й .

— М-м-м — протянул Ватсон, не зная, что сказать.

— Да. В этом-то и состояла подлинная легенда. Жаба! Призрачная жаба-душительница, проклятие рода! Среди местных до сих пор бытует жаргонное выражение «*жаба душит*», — так говорят о приступе неконтролируемой жадности при незначительной трате... А теперь представьте себе какого-нибудь газетчика, который случайно узнаёт эту легенду, проводит своё расследование — и преподносит читающей публике! Какой-нибудь бумагомарака, восполняющего отсутствие таланта бесстыдством, непременно развил бы эту тему. Светские остолопы и твердолобые обыватели подхватили бы её. А если бы это дошло до континента? Французские фельетонисты не упускают случая посмеяться над английскими нравами, и в особенности любят приписывать нам скупость и мелочность. Образ жабы, задушившей английского аристократа при попытке совершить небольшое

доброе дело — лакомый кусочек для сатирика. Дальше — больше. Коронованная жаба на мешке с золотом — отличный образ для карикатуриста. А это уже серьёзно, Ватсон, ибо затронуты интересы Британии!

Ватсон уронил стаканчик с бренди. Жидкость пролилась на брюки, но он этого даже не заметил.

— Холмс... — лицо его выражало крайнее изумление. — Вы серьёзный человек, занятый серьёзными делами. Помилуйте, как может какая-то карикатурная жаба затронуть британские интересы? Французы будут смеяться над нами? Пока Британия владеет морями, это нас не касается.

— Ватсон, вы идиот, не понимающий элементарных вещей. — Холмс произнёс это почти спокойно, но доктор вздрогнул всем телом, как лошадь от удара хлыста. — Ох, простите меня, дорогой друг, — спохватился великий сыщик, — я не должен был этого говорить. Впрочем, теперь придётся объясняться. Вы знаете, кто такой Шарль Филипон?

— Что-то слышал, — в голосе Ватсона ещё дрожала свежая обида.

— Ну, ну, дорогой друг, я ведь попросил прощения... Так вот, Филипон — знаменитый французский карикатурист, избравший мишенью для своих насмешек короля Луи-Филиппа. Он придумал гениальный ход: изображать лицо короля в виде груши, поскольку у короля были широкие скулы... Эта шуточка очень помогла Британии.

Ватсон молча уставился на Холмса.

— Видите ли, мой дорогой, Луи-Филипп был очень умным и очень опасным человеком. При других обстоятельствах он смог бы поднять свою страну к вершинам славы. Но для великих замыслов и решений ему не хватало одного: народной любви. А народная любовь необходима для великого человека, иначе великие замыслы у него даже не возникают. Как, впрочем, и у обычного человека. Ведь большинство наших лучших достижений обязаны тщеславному желанию произвести впечатление на лю-

бимого... или на любимую, если у человека не хватает душевных сил для настоящей любви. Но даже ради женщин люди совершали чудеса. Так вот, то же самое верно и для отношений правителя и подданных. Однако эта любовь должна быть взаимной или хотя бы не безнадёжной. Правитель должен быть уверен в любви своего народа — или хотя бы верить, что сможет любовь завоевать. А Луи-Филипп, при всех его достоинствах, был презираем всей Францией. И он знал, знал точно, что это презрение неодолимо. Ибо его презирали не за дела, которые были блестящи, — а лишь за то, что считали грушей! Опять же филология: *poire* по-французски означает ещё и «тупица», «простофиля». И сделал это один-единственный остроумец... Во всяком случае, так все думают, — загадочно добавил он. — Но, так или иначе, Луи-Филипп, каналья и ловкач, подготовивший и осуществивший самый изящный переворот во всей истории Франции, вёл крайне робкую внешнюю политику и практически не угрожал британским интересам. Ибо знал: всё тщетно. Что бы ни сделал для Франции, какие бы деяния не совершил, на всё он получал один ответ — очередную карикатуру в «Шаривари», то есть очередную грушу. Грушу, грушу, грушу! Потому его правление, несмотря на все успехи, было тусклым, лишённым блеска — а это не прощается. Нам он был удобен, и мы его поддерживали. Когда же его отношения с Англией ухудшились, мы его легко убра... то есть во Франции произошла очередная революция. После чего старая добрая Англия великодушно предоставила несчастному убежище. Луи-Филипп умер в Клермонте, графство Суррей... Неплохой заключительный штрих, вы не находите, Ватсон? Его гений *убили грушей*, убили заранее, не дав раскрыться, — закончил он. — Но заметьте, Ватсон, у него и в самом деле были широкие скулы, да ещё и отвислые щёки. Издёвка должна опираться на какие-то реальные факты, какие-то зацепки. Поэтому важно вовремя убирать с глаз подобные зацепки, чтобы те же французы в ответ на грушу не подложили нам жабу.

— Вы преувеличиваете, Холмс, — Ватсон зевнул, прикрывая рот ладонью. — Какая-то груша... То есть, конечно, ваше рассуждение остроумно, но, сдаётся мне, это всё праздная игра ума, наподобие ваших обвинений в адрес Каина. Насмешка — это не оружие. Мы, англичане, и сами любим и умеем хорошенько посмеяться над собой.

— Ах, как вы правы, Ватсон! Мы, англичане, любим и умеем хорошо посмеяться. Юмор — наш национальный культ. Мы знаем о юморе всё. И умеем им пользоваться. Как царь Митридат умел пользоваться ядами.

— Холмс, у меня такое ощущение, что я сижу в школьном классе на уроке латыни. Может быть, я всё-таки напрасно остался?

— Поздно капризничать, дружище, на дворе глухая ночь, на улицах рыщут субъекты вроде Полифема, а то и похуже... Митридат Четвёртый, понтийский царь, имел полезную привычку пользоваться ядами для уничтожения врагов. Он очень хорошо разбирался в ядовитых веществах и в их действии. И для того, чтобы они не действовали на него самого, регулярно принимал небольшие дозы отравы, постепенно их увеличивая. В конце концов его организм научился вырабатывать противоядия. Митридат мог распить со своим врагом кубок вина, и враг умирал, а царь отделялся небольшим недомоганием. Правда, в конце концов это ему не пошло на пользу — ему изменили все, и пришлось закалываться мечом, потому что яд уже не действовал... Но это в данном случае неважно. Так вот, английский юмор имеет ту же самую природу и назначение, мой дорогой друг. Ту же самую. О подробностях я умолчу — вы всё равно ничего не поймёте. Для этого нужно знать особенные науки, которые преподают не во всякой школе... Вы говорили, что Британия владеет морями. Но есть вещи поважнее морей. Британия, мой дорогой друг, владеет морями, пока она владеет умами...

— Моим умом стремительно овладевает скука, — признался Ватсон.

— Да, мой дорогой, честный друг, так и должно быть. Но мы, кажется, засиделись в этой комнате. Мне холодно, Ватсон.

Где-то на улице послышалось унылое шлёпанье заплетающихся ног: поздний прохожий шёл по улице с фонарём. Луч света мазнул по стеклу, ударился о бутылочный бок и упал на дверь. Капля подкрашенного спирта в старинном термометре на миг вспыхнула алым — грозно и бессильно, словно библейское пророчество в устах уличного проповедника.

Потом луч погас, а шаги стихли, как гаснут все лучи и стихают все шаги.

— ...И всё-таки, — через некоторое время сказал Ватсон, поправляя одеяло — в этой истории есть что-то неправильное. Она хромает, как Полифем. Не пойму только, где и в чём.

— И не нужно, — легко ответил Холмс, приподнимаясь на локте. — Есть вещи, которые можно делать, но о которых не стоит говорить. Я рассказал вам почти всё. А детали... Одно можно заменить другим. Если уж мы, с вашей помощью, сделали из жабы пса, то почему бы не заменить, скажем, женщину мужчиной или наоборот... нет-нет, я не имел в виду ничего двусмысленного. Так или иначе, теперь всё кончено. Будем жить, мой друг, и заботиться о живых. Жаба умерла.

* * *

Из неопубликованных воспоминаний Майкрофта Холмса, начальника Особой Службы Её Величества.

...Неприятная ситуация сложилась также и в наших южно-африканских делах. Наш основной источник средств, сэр Чарльз Баскервиль, благодаря взаимовыгодному сотрудничеству с нами сколотил огромное состояние. К сожалению, его всегда отличала жадность, имевшая почти патологическую природу. В какой-то момент она подвигла его на измену. Он отказался финансировать наши проекты, разорвал все контакты со Службой и самовольно вернулся в Англию. Все попытки выйти на контакт он игнорировал, так что нам пришлось принять решение об устранении.

К сожалению, два покушения сорвались: сэр Генри был готов к такому повороту дела и вёл себя крайне осторожно. Однако в конце концов дело разрешилось наилучшим образом: мы не только ликвидировали сэра Генри, но и приобрели ценного агента — некую Бэрил Гарсия, искавшую способ отделаться от мужа-импотента, не дававшего ей развода и заточившего в провинциальной английской глуши.

Первичную работу по вербовке провела наша агент Лаура Лайонс, дальнейшее ведение было передано доктору Мортимеру и моему брату, который блестяще завершил это дело.

Первым заданием Бэрил было соблазнение и последующая ликвидация сэра Чарльза Баскервиля. Остроумный доктор Мортимер предложил использовать для этой цели яд редкой суринамской жабы, вызывающий остановку дыхания. Это себя оправдало: медицинская экспертиза не сумела ничего распознать и ограничилась диагнозом, который предложил наш ловкий доктор. Госпожа Гарсия тоже выступила вполне удачно для новичка: в момент романтических объятий у калитки она оцарапала голову сэра Чарльза заострённой шпилькой, покрытой ядовитой слизью. Впоследствии этот приём стал её коронным трюком, а сама Бэрил получила оперативный псевдоним «Жаба».

Она также приняла самое активное участие в ряде оперативных мероприятий, которые позволили вернуть нам огромное состояние сэра Чарльза под свой контроль. Благодаря блестящей работе нашего агента, изображавшего «племянника» покойного (ликвидированного в Америке сразу после устранения главного фигуранта) вопрос о контроле над миллионом фунтов стерлингов был решён в рекордно короткие сроки. Мы в свою очередь помогли ей избавиться от злополучного мужа: по её просьбе он был утоплен в трясине.

Не могу упомянуть ещё об одной детали. Бэрил хотела, чтобы имя её супруга было опорочено в глазах самой широкой публики. Это её условие также было выполнено: доктор Ватсон, весьма близкий друг моего брата, опубликовал по мотивам «дела

сэра Чарльза Баскервиля» недурной роман, получивший широкую известность.

Нашими специалистами была на всякий случай подготовлена альтернативная легенда, весьма нелестная для рода Баскервелей. Это было сделано для того, чтобы контролировать фальшивого «сэра Генри», если он вдруг сорвется с крючка: версия давала почву для сомнений в его психическом здоровье, и в перспективе — заключению в Бедламе. Она, впрочем, так и не понадобилась. Я упоминаю об этом, так как разработка этой легенды навела меня на революционную мысль о том, что мировая психологическая наука должна быть поставлена под наш контроль. Истинные пружины человеческой психики не должны стать известны за пределами нашей Службы. Сейчас эту важнейшую миссию искажения образа человека в зеркале точного знания взял на себя один из наших лучших агентов, молодой доктор Фрэйд. Я уверен, что его работы имеют огромное стратегическое значение для упрочения британского господства над цивилизованной частью человечества.

Что касается Бэрил, то её дальнейшая карьера описана в шестой части моих воспоминаний, касающихся южноамериканских дел. Там она была известна под именем Рины Роспо и пользовалась репутацией авантюристки. Она была убита в Рио накануне важной встречи, — видимо, каким-то случайным любовником. Эта нелепая смерть, так до сих пор и не расследованная, сильно дезорганизовала и подорвала агентурную работу на бразильском направлении.

* * *

Из частного письма Шерлока Холмса.

Дорогой друг! Я позволю себе называть Вас другом, хотя бы другом. Конечно, в ту ночь, когда я спас вас от ужасной смерти в трясине, а потом доказал, что не обязательно быть мужчиной, чтобы быть мужчиной, — о, тогда я называл вас иначе. Но сейчас нас разделяет время и пространство, и, может

быть, вы уже начали забывать меня, скромного сыщика, изменившего долгу ради чувства.

Зато я ничего не забыл — пока во мне бьётся сердце, я буду помнить и надеяться. Память и надежда сильнее пространства и времени, я верю в это.

Хорошо, что Вы не забыли моего совета и дали объявление в газету, когда попали в беду. Признаться, я уже и не надеялся его увидеть: оно попало мне на глаза случайно, причём в том же самом номере, где сообщалось о гибели Рины Роспо, то есть Бэрил Гарсиа.

Благодарю за выполнение моей просьбы — оставить в живых эту отвратительную жабу хотя бы на какое-то время. К сожалению, вы всё-таки не смогли отказаться от своего мщения. Я этого ждал, и вполне понимаю: эта женщина была сосудом скверны.

Но, заклинаю вас, отнеситесь серьёзно к словам, которые вы сейчас прочтёте.

Служба Её Величества может пожертвовать агентом, но всегда мстит за незапланированную гибель своих сотрудников, особенно столь ценимых, как она. Механизм расследования запущен, и он уже работает.

Сейчас Вам лучше всего исчезнуть. То, что Вы прячетесь в Лондоне, скоро станет известно, раз уж они начали копать. Роят они медленно, но верно. Я постараюсь затормозить работу этой машины, насколько это в моих силах, но, похоже, мои собственные дела не так уж хороши. Майкрофт, этот дьявол, подозревает меня в двойной игре и открыто угрожает отправить меня «к пчёлам на пасеку» (вам лучше даже не знать, что это такое).

Тем не менее, пока это ещё возможно, я могу оказать вам посильную помощь. Действовать придётся через известного вам Ватсона. Я рассказал ему часть истории, подавая факты в нужном свете, так что он больше не видит в вас злодея, а, напротив, считает сотрудником Службы — хотя доверять ему всё же нельзя.

Это письмо передаст вам мой человек. Несмотря на хромоту, Полифем — толковый малый. Через сутки он появится снова. Ему можно доверять — в известных пределах. Полностью доверять Вы можете только мне.

Я ничего не жду, ничего не прошу от Вас. Я лишь хочу спасти Вас от длинных рук Службы — силы, истинные масштабы и возможности которой Вы даже не можете себе представить.

Умоляю, поторопитесь, Стэплтон!

Михаил Харитонов

Баркарола

Надежде, моей супруге

Фауст

Что там белеет? говори.

Мефистофель

Корабль испанский трёхмачтовый,

Пристать в Голландию готовый:

На нем мерзавцев сотни три,

Две обезьяны, бочки злата,

Да груз богатый шоколата,

Да модная болезнь: она

Недавно вам подарена.

Фауст

Всё утопить.

А. С. Пушкин, «Сцена из Фауста»

Чёрт, я порезал палец!

«Король шантажа»

14 апреля 1912 года. Ночь.

Доктор Абрахам Меслов лежал на узенькой кроватке, свернувшись калачиком, с головой забившись под одеяльце, и никак не мог проснуться.

Ему снилось, что он лежит на узенькой кроватке, свернувшись калачиком, с головой забившись под одеяльце, и никак не может заснуть. Чтобы отвлечься, он размышлял об учении епископа Беркли: существует лишь то, на что смотрит живое существо, а прочие вещи существуют потому, что их наблюдает Бог, — тот самый, который некогда сказал Моисею, что никто не может увидеть Его и остаться в живых. Доктору казалось, что Бог каким-то неясным образом опровергал самонадеянного епископа. Ему захотелось записать эту идею, чтобы впоследствии с ней разобраться. Поэтому он встал — то есть ему приснилось, что он встаёт, — и, держа перед собой свечку (которая светила

каким-то условным светом, без пламени и дыма, и, конечно, без капли тепла), побрёл к далёкому — где-то на горизонте, сказал бы он, если б вспомнил о существовании горизонта — письменном столе. Движение — не шаги, а, скорее, длящееся усилие воли, пытающейся вырваться из собственных пут и влачащей их за собой — было утомительно тщетно, ни на йоту не приближая цель: стол оставался недостижим, точнее, непостижим, словно кантовская «вещь сама по себе»: концепция, которую доктор не разделял, но не мог опровергнуть. Меслов решил, что не хочет больше двигаться — и вдруг понял, что, оказывает, всё это время сидел за столом, и купленный в Цюрихе тагебух, раскрытый на чистой странице, заговорщицки подмигивает ему латунным уголком.

Укутавшись в неведомо как собравшийся на плечах халат — призрачный дар Морфея не грел: доктор отчаянно мёрз, — он принялся мельчить карандашиком по листу, намереваясь написать о взглядах Беркли на взгляд Бога, но запутался в каком-то нелепом описании сопутствующих обстоятельств: как встал, как шёл к столу, свеча тоже требовала внимания, а главное — нужно было объяснить (кому, зачем?), кто такой епископ Беркли, какое отношение он имеет к Господу Богу, и почему он, Меслов, человек науки, заинтересовался этим курьёзным писателем — а именно, из-за прочитанной в студенческие годы «Новой теории зрения», которая интересовала его как попытка философски осмыслить микроскопию, каковая, в свою очередь, была важна для будущего адепта естественных наук, каковым он стал в силу обстоятельств, о которых писать отнюдь не следовало. Подробности громоздились и громоздились, заводя в тупики и отдаляя цель высказывания, и бесконечный этот анабазис был подобен мученьям Ахиллеса, Пелеева сына, коего Господь покарал за надменность, бросив его, подобно Сизифу и Иксиону, во мрачный Аид вечно догонять черепаху — про которую теперь, раз уж она пришла на ум, тоже нужно что-то написать.

Эта непонятно откуда взявшаяся неодолимая надобность, — писать про черепаху, — показалась доктору ему настолько нелепой, что он внезапно очнулся.

Меслов приподнялся на руках, отбрыкиваясь от вязнущего в ногах одеяла. Вокруг было темно, промозгло, сыро: судя по всему, какие-то проблемы с отоплением. Ночная рубашка из тонкого полотна, противно влажная, прилипла к спине. Слева в рёбра упиралось что-то твёрдое.

Он отчаянно зевнул — до боли в челюсти. Слева под ухом что-то мерзко скрипнуло, — мелькнула мысль, что так, наверное, скрипит мокрое дерево в трюме какой-нибудь пиратской барки или галеона, на чём там плавали пираты. Потом стукнула кровь в виске, удар отдался двойным эхом в глазных впадинах, и голова загудела от привычной утренней боли.

Всё, понял доктор, всё. Придётся подниматься. Перекинуть ноги за край кровати, ловить босыми ногами хитрые, прячущиеся тапки, потом встать, пошатываясь и хватаясь мокрыми пальцами за воздух. Спичка, свечка, стакан воды, средство от мигрени, но сначала очки, без очков он видит только сны, а потом ещё снимать ночнушку через голову, стараясь не сбить окуляры с носа, — или лучше сначала снять, а потом искать? но нет, он так замёрзнет, — потом ещё искать халат, одевать халат... и вся эта последовательность действий ужасала своей неопределённостью.

Лучше уж писать про черепаху, с запоздалым раскаянием подумал Меслов, и ему отчаянно захотелось, чтобы и это несчастное пробуждение оказалось тоже сном.

Ах, проснуться бы сейчас у себя, в Берлине! Он частенько засыпал в лаборатории за работой, особенно если какой-нибудь сложный опыт затягивался до утра, сны эти были похожи на глубокие обмороки, он приходил в себя к рассвету, с головой одновременно тяжёлой и какой-то прозрачной, как бы изнутри залитой твёрдым хрусталём, — и тут же, в косых лучах утреннего солнца, просматривал сделанные накануне записи, а вот и Джим, молчаливый и аккуратный, уже несёт кофе, масло и горячие бу-

лочки... А теперь — никакой определённости, под ногами бездна, а вокруг — гнетущая тишина.

«Почему так тихо?» — подумалось ему.

— Still! — свистнуло из темноты.

Доктор даже не успел испугаться, когда ему в плечо упёрлось что-то твёрдое, и, скорее всего, опасное.

— Shut up. Молчите. Не двигайтесь. — на этот раз по-английски.

Твёрдый предмет настойчивее вжался в плечо. Доктор замер, боясь шевельнуться.

— Вот так и сидите, — приказал невидимка. — Можете говорить. Только тихо, коротко и по существу.

Меслов попытался справиться с толкотнёй мыслей в голове. Получалось плохо: они в ужасе заметались внутри черепа, цепляясь друг за друга, и унять это мельтешение было совершенно невозможно. Всё, что удалось выжать из себя доктору — тихий стон.

— Это-то к чему? — голос из темноты был недоволен. — Вы же не склонны к обморокам и истерикам, не так ли?

— Не склонен, — механически ответил Меслов.

— Вот и хорошо, — подтвердила темнота. — Всё, что мне нужно — так это обсудить некоторые вопросы, представляющие взаимный интерес.

Пока непрощенный гость произносил свою тираду, доктор успел собраться с мыслями и даже обрести некое подобие хладнокровия — благо, проклятая мигрень юркнула куда-то и затаилась, видимо от испуга.

— Я привык беседовать в иной обстановке, и не намерен менять свои привычки, — произнёс он фразу, которую вычитал неделю назад в дешёвом немецком романчике про полицейских.

Невидимый незнакомец издал странный звук: что-то среднее между хмыканьем и коротким сухим смешком.

— Хех. А чем вам не нравится обстановка? Нет света? Это не так уж плохо. À propos, месяц назад в Париже я присутство-

вал на премьере пьесы из современной жизни, где весь первый акт в зале было темно, как в трюме: зрители слышали только голоса. Во втором акте дали полный свет и показали героев. Оказалось, актёров подобрали так, чтобы сделать их непохожими на уже сложившиеся в воображении образы. Например, мужчина, которого принимали за красавца, — так он говорил и держался, — оказался коротконогим фатом. Обладательница девичьего сопрано обернулась неопрятной старухой. А надтреснутым старческим голосом говорил молодой человек приятной наружности, туберкулёзник в последней стадии... И когда до зрителей дошла штука, как вы думаете, что они сделали?

— Мне-то откуда знать, — нервно огрызнулся доктор, пытаясь как-то сориентироваться. Насмешливый голос незнакомца не столько пугал, сколько сбивал с толку. Кто бы ни был этот человек, он, похоже, знал, что делает. В отличие от него — полуголого, беспомощного, застигнутого врасплох.

— Зрители возмутились, — незнакомец произнёс это с нескрываемым удовлетворением. — Ошибали пьесу и ушли. Постановка провалилась. Французские буржуа не любят, когда и дурачат, даже на сцене.

Слово «буржуа», произнесённое безо всякого уважения, навело доктора на мысль.

— Вы революционер? Анархист? — спросил он, осторожно отодвигаясь от твёрдого предмета, продолжавшего давить на плечо.

— Да не дёргайтесь, — в голосе незваного гостя прорезалась усталая досада учителя, всю жизнь втемяшивавшего балбесам начатки наук и не сильно в том преуспевшего. — Это не револьвер, это всего лишь деревянная палочка. Палка не стреляет, но это не значит, что она не может служить оружием, особенно в моих руках. Я могу убить и палочкой. Я не революционер и не анархист, даже, скорее, наоборот. Но это не значит, что я безопасен. Я принёс больше горя сильным мира сего, чем все парижские анархисты, вместе взятые. Которые, между прочим, со-

бирались взорвать бомбу на том самом представлении. Её должен был бросить со сцены главный герой, тот самый молодой человек приятной наружности, больной чахоткой. Кстати, и в самом деле чахоточный. Мишенью был британский консул. К счастью для всего просвещённого человечества, — досада в голосе уступила место кисловатой иронии, — он был вовремя предупреждён.

В голове доктора провернулась шестерёнка, отвечающая за добропорядочность и правопослушание.

— Вы полицейский? — с надеждой спросил он.

— Я не служу в полиции. Это полиция мне служит. И служат скверно. Такое впечатление, что все толковые люди подались в лаборанты.

— Где вы видели толкового лаборанта? — искренне возмутился Меслов: растерянный рассудок зацепился за привычную тему и с облегчением выдал обычную реакцию.

— А где вы видели толкового полисмена? — тем же тоном ответили из темноты. — Хех! Впрочем, в Глазго я знавал одного небезнадёжного человека в инспекторской должности. Сейчас он ушёл со службы и торгует сыром.

— Может быть, вы всё-таки объясните своё появление? — доктор попытался быть решительным. — Я спать хочу, а не слушать про сыр.

— Нет уж, терпите, сами виноваты. Хотя отчасти это и моя вина: в последний момент я вас упустил. Вы собирались очень скрытно и никого не предупредили, даже своего верного Джима. Хорошо ещё, что я успел до вашего отбытия. А теперь вы заперлись и не выходите наружу. Хорошо, что эти замки для меня не препятствие... Да и спать вы не хотите. Вы и заснули-то с трудом. Хлоралгидрат?

— Веронал, — вздохнул доктор. — У меня общее расстройство нервной системы.

— Да, я в курсе, — рассеянно подтвердил незнакомец.

— Всё-таки я предпочёл бы зажечь свет, — решил настоять на своём доктор.

— Право же, не стоит. Темнота безопасна. Она кажется угрожающей и рождает чудовищ, но эти чудовища призрачные, и мы это знаем. Не случайно приговорённому к смерти завязывают глаза или надевают на голову мешок. Ему, конечно, страшно. Но пока он не видит последних, самых ужасных приготовлений, он волен воображать, что всё это сон, что он вот-вот проснётся... ну или казнь отменят. Осознать своё заблуждение он уже не успевает. Свет в этом отношении гораздо хуже.

— Собираетесь меня убить? — произнёс доктор почти без дрожи в голосе.

— Вас? Не хотелось бы. Тем более, что меня просили не причинять вам вреда. Но, возможно, мне придётся вас огорчить. Да, пожалуй — огорчить вас придётся в любом случае. Вам не холодно?

— Очень, — признался Меслов.

— Подозреваю, что это наша недоработка. Но не будем об этом. Есть конкретная проблема, будем решать её в тех рамках, в которых мы находимся... Знаете что? Ложитесь-ка обратно. И накройте. Лично я предпочитаю размышлять в горизонтальном положении. Насколько мне известно, у вас нет подобной привычки, но вам ещё не поздно её приобрести. И не продрогнете. Тремор мешает общению.

Доктор вздохнул.

— Под этим одеялом я тоже мёрзну.

— Значит, плед... Всё-таки придётся зажечь свет, — с несколько наигранным неудовольствием произнёс незнакомец. — Шнур над вами.

Меслов вспомнил про электричество и невольно задался вопросом, почему и зачем ему приснилась горящая свеча. Спихватился, зашарил рукой по стене. Нащупал витой шнур, кстати вспомнил индийскую притчу о верёвке и змее, уже всерьёз рассердился на себя за неуместный в данной ситуации ход мысли, — и потому дёрнул изо всей силы.

Шнур тяжело скрипнул, сверху посыпалась какая-то пыль. Доктор с неудовольствием отметил про себя, что удобства, заявленные как первоклассные, предполагают иной уровень комфорта.

Под потолком налился желтизной стеклянный круг цвета дегтярного мыла. Свет был слабенький, дохловатый: никакого сравнения с дуговыми фонарями в главном корпусе берлинской лаборатории. В жёлто-сером тумане расплывались тёмные контуры предметов. Зрение доктора, и без того дрянное, в последние годы совсем сдало.

— Вы не видели моих очков? — спросил он, отдаваясь на милость незнакомца.

Из тумана протянулась рука с чем-то блестящим.

— Возьмите. Признаться, у меня было искушение остаться невидимкой, но раз уж наш tête à tête получил столь неуместное освещение...

Первое, что увидел доктор — аккуратно закрытую дверь и новенький, невытертый коврик под ней. Потом — собеседника.

Незнакомец с удобством расположился в кресле, вытянув длинные ноги в клетчатых брюках. Худые руки, тощее, поджарое тело, светло-серый вязаный жилет. Белый стоячий воротничок обёртывал шею. Лицо незнакомца было очень выразительным, но каким-то незапоминающимся — взгляд скользил по нему, как пальцы по куску мокрого мыла, не цепляясь ни за одну деталь. Доктор вдруг подумал: если закрыть глаза, то через пару секунд уже не сможет вспомнить, как, собственно, выглядит ётот тип, тем более описать его — ну разве что дурацкие клетки на штанинах, да прислонённый к креслу скрипичный смычок.

— Вы разглядываете меня так, как будто собираетесь снять мерку, — незнакомец открыл рот, и чары как ветром сдуло. У постели доктора сидел пожилой англичанин, худой и длинный, всем своим видом выражающий главную английскую добродетель — невозмутимую компетентность. Такие лица бывают у дорогой, знающей себе цену (но и своё место) прислуги — старых

камердинеров, опытных распорядителей в дорогих отелях, портных с Сэвил Роу. Доктор почему-то решил, что из такого человека получился бы вполне сносный лаборант.

— Сейчас вы придёте в себя и приметесь выяснять, кто я, откуда, и что мне надо. Если расхрабритесь, спросите, не собираюсь ли я в этот поздний час дать концерт. Не исключено, что попробуете закричать или убежать, но это вряд ли. Вне лаборатории вы беспомощны. К тому же вам уже интересно. Вы же интеллеktуал.

Доктор в смущении потёр лоб. Ему нравилось, когда его называли интеллеktуалом, но в данном случае, как он понимал, это был не комплимент. Но и не оскорбление, а что-то третье... что-то худшее. «Диагноз» — нашёл слово доктор. Да, именно диагноз. Судя по тону — из таких, за которыми следует неблагоприятный прогноз.

— Ну, ну, — англичанин чуть подвинулся в кресле, показав краешек подбородка, — а теперь вы сбиты с ног простейшим риторическим приёмом. Нет, я не собираюсь давать концерт — во всяком случае, сейчас. Убежать я вам не позволю, а звать на помощь бесполезно. Да, на всякий случай: я вполне вмняем, дееспособен, и что там ещё обычно говорится в таких случаях. Что подтвердил бы любой дипломированный психиатр, если бы наблюдал эту сцену со стороны. Разумеется, я нарушил некоторые условности. Но это входит в мои профессиональные обязанности.

Упоминание о профессиональных обязанностях включила в голову доктора одну из привычных функций.

— Вы говорите слишком быстро, — заметил он.

— Ага-ага, — англичанин ослабился, — это в вас врач проснулся. Люди надевают на других людей маски, и без этих масок мы друг друга не видим. Вы сначала надели на меня личину убийцы, потом полицейского, а теперь, когда я подставился, видите пациента: взволнованного, неуверенного в себе, подозревающего худшее — или уже уверенного в худшем. Такие к вам обычно и ходят, не так ли? Что ж, отчасти вы правы. Я слишком

много говорю, поскольку чрезвычайно взволнован. Для меня это нетипичное состояние. Да-да, дорогой доктор, вы наблюдаете редчайшее зрелище. Многие хотели бы полюбоваться. Увы, ничего интересного: я просто начинаю неудержимо болтать.

— Как вы назвали себя? — переспросил доктор.

— Очень немецкий оборот речи — «как вы назвали себя». Но вы правы, я забыл представиться. Меня зовут Холмс, Шерлок Холмс. Я частный сыщик-консультант. Возможно, вы обо мне слышали.

— Что-то припоминаю, — осторожно сказал Меслов.

— У нас куда больше общих знакомых, чем вы думаете, — англичанин никак не мог остановиться, всё тараторил и тараторил, — но вряд ли они рассказывали вам обо мне. А мне — о вас. Мы в каком-то смысле коллеги: занимаемся вещами, о которых не говорят. О дьявол, я и в самом деле слишком много болтаю.

— Выпейте успокоительное, — предложил доктор. — У меня есть.

— Спасибо, не стоит. Вот от чего бы я уж точно не отказался, так это от пары затяжек. Я весь на нервах, а тут ещё и воздержание.

— У меня на табачный дым аллергия, — вздохнул доктор.

— Помню-помню. Но трубка быстро привела бы меня в норму. А так я весь — как перетянутая струна. Хотя, с другой стороны, взвинченные нервы — не такая уж плохая штука, если относиться к этому хладнокровно. Звучит оксюморон, но такое возможно... Всё же постараемся соблюсти минимум приличий. Итак, я сыщик. Моя работа — раскрытие преступлений. Иногда я берусь и за ликвидацию последствий. В настоящий момент я занят ликвидацией последствий преступления, жертвами которого станут миллионы людей, большая часть которых ни в чём не повинны, кроме естественных человеческих слабостей. Боюсь, мне придётся принять тяжёлое решение. К сожалению, другого выхода нет. Но вы-то не прогадаете, это я вам обещаю.

— Всё это какая-то чушь. И при чём тут я? — попытался сопротивляться доктор.

— Вы принимаете в этом преступлении самое непосредственное участие, — сухо сказал англичанин.

— У вас нет никаких оснований... — начал было Меслов, но незнакомец стремительно вытянул вперёд правую руку, призывая к молчанию. На безымянном пальце сыщика сверкнуло кольцо из тёмного металла.

— Давайте вернёмся к этому вопросу чуть позже. Мы ведь знакомимся, не так ли? Продолжим. Я представился, а про вас я и так всё знаю. Вы — доктор Абрахам Меслов, уроженец Бреслау, родители приняли крещение. Первое образование филологическое, второе — медицинское. Постоянно проживаете в Берлине. Действительный член берлинского отделения Общества Социальной Гармонии. Закоренелый холостяк. Пользуетесь определённой известностью как биолог, но больше — как популяризатор биологических знаний, пишущий также на отвлечённые темы — в основном метафизические и моральные. Самая известные работы — «Эволюция метафизических иллюзий», а также статья «Наследственность и нравственное здоровье». Однако основной род ваших занятий иной, и далеко не столь возвышенный. В настоящее время вы имеете репутацию крупнейшего в Европе специалиста по известному рода заболеваниям...

Доктор почувствовал приступ привычного раздражения: мистер Шерлок Холмс не побоялся нарушить его покой, но боится называть вещи своими именами.

— Как врач я специализируюсь по заболеваниям, передающимся половым путём, именуемым также венерическими, — проговорил он с нажимом. — Сифилис, например. Или гонорея. Неприличные заболевания, которыми иногда страдают приличные люди. Надеюсь, вы не по этому вопросу. Я сейчас не принимаю.

— Ну как сказать... В каком-то смысле... Кстати, у герцога недавно родился сын. Если ребёнок его, то с вашей стороны это замечательное достижение.

— Случай был не запущенный... — принялся объяснять Меслов и осёкся.

— Не пугайтесь, ваши сотрудники на высоте, никто не сболтнул лишнего. Мне эту историю рассказал сам герцог. Как я уже говорил, нас немало общих знакомых... Да, продолжу. Итак, вы — крупнейший в Европе специалист по венерическим болезням, с недавних пор — владелец собственной клиники в Берлине. Роскошное здание, современнейшее оборудование. В Лондоне нет ничего подобного, а ведь наша столица так нуждается в специалистах подобного рода. Лордам приходится ездить на континент, чтобы поправить пошатнувшееся... здоровье, — сыщик выделит голосом маленькую паузу, наполненную ядом.

Меслов поморщился.

— И вы бросили всё это ради Америки?

— Вы хотите побеседовать о моих коммерческих перспективах? — попытался съязвить Меслов.

— Нет, — серьёзно сказал Холмс. — О вашем преступлении.

— Я не совершал ничего противозаконного, — снова начал доктор, и снова был прерван энергичным жестом.

— Может быть, всё-таки дадите плед? — вспомнил Меслов. — Он где-то здесь.

— Он лежит рядом с вами, справа. Вы предусмотрительны, доктор, но рассеяны. Опасное сочетание. Как и ваш интерес к морализированию — это тоже опасная страсть. О, это что у вас такое? Вон там, справа? — Холмс внезапно подался вперёд.

Доктор зашлёпал руками по простыням и нащупал что-то твёрдое. Взял в руки, близоруко приблизил к глазам.

— Вот, — виновато сказал он, подавая Холмсу книжечку.

Холмс взял томик в голубом переплёте, брезгливо отодвинул обложку, заглянул внутрь с выражением лица прозектора, вскрывающего несвежий труп.

— Сочинение какого-то Робертсона, — пробормотал он, пролистывая страницы. — *«Он остановил взгляд на молодой женщине с золотистыми волосами и глазами морской голубизны»*, — прочитал сыщик с отвращением и захлопнул книжку. — Экая дрянь. Лучше бы вы отравляли себе мозг сочинениями господина Уэллса.

Меслов внезапно, как будто вдохнув нашатыря, ощутил всю ирреальность ситуации. Эта ночь, этот холод, это нелепое вторжение, и, наконец, цитата из бульварного романа — о нет, нет. Это сон, самый обычный, заурядный кошмар, веронал подействовал, он наконец-то заснул и видит какие-то глупости. Он проснётся в Берлине. Джим принесёт кофе и булочку, и масло в синей маслёнке, и, как всегда, забудет нож...

Доктор зажмурился и затряс головой. Очки соскочили с носа, кувыркнулись в воздухе и упали на пол стёклами вниз.

— Опять пытаетесь проснуться? — Холмс снова расплылся в туманное пятно, от которого шёл голос. — Не буду вас убеждать, хотя это несложно. Ну давайте посмотрим на вещи с этой точки зрения. Если это сон, вам нечего бояться и нечего стыдиться. Представьте себе, что вы читаете роман. Что-то вроде этого Робертсона.

— Я это читал, чтобы заснуть, — соврал доктор, с трудом наклоняясь, чтобы пошарить на полу.

— Так ли? У вас в платяном шкафу — целая гора подобной макулатуры. В основном бульварщина и полицейские романы. Интересно, почему вы её прячете именно там.

— Как вы смеете... — начал доктор.

— Смею, смею, — Холмс добавил в голос немного холода. — Вообще-то вы у нас в руках. Если бы мы хотели узнать что-то по-настоящему важное, то разговаривали бы в другом месте. У нас есть отличные специалисты по дознанию, они способ-

ны вытрясти правду даже из чиппендейловского гарнитура. Но меня просили не причинять вам лишних страданий. Да я и сам успел к вам привыкнуть за это время. Не то чтобы полюбить или хотя бы простить, но и привычка — это тоже немаловажно.

— Что значит привыкнуть? — не понял доктор.

— Потом. Меслов, ответьте мне на один вопрос, только честно. Почему вы бросили... а, чёрт, — расплывчатое пятно колыхнулось, раздался характерный стук: похоже, Холмс бросил книжку на пол. — Почему вы бросили филологию?

Вопрос настолько выбивался из общей канвы, что доктор опешил, как лошадь, увидевшая живого единорога.

— Это-то вам к чему? — наконец, спросил он.

— Не люблю лакун в общей картине, — заявил Холмс. — Итак, почему вы бросили филологию? Я очень любопытен и не отстану, даже не надейтесь.

Деревянная палочка снова коснулась плеча доктора, и тот внезапно ощутил себя червяком, над которым зависла стеклянная пипетка с каким-то опасным веществом.

Меслов решил, что пока будет слушаться, а по ходу дела — прощупает собеседника и поймёт, что же ему на самом деле известно. Мысль ему понравилась, хотя само слово «прощупать» всплыло, увы, со страниц какого-то приключенческого романчика, только не немецкого, а американского.

— Раз вы так настаиваете... — начал доктор, воспользовавшись фразой из того же источника. — На самом деле меня интересовала не столько филология, сколько литература. Я писал рассказы. Несовершенные, наверное, но что-то в них было. Хотел сесть за роман, но...

— Кто вам сказал, что в ваших текстах «что-то было»? — Холмс наклонил голову, как умная собака. — Это не ваши слова. Вас кто-то обнадеживал, не так ли? Профессор Рейнхарт, я полагаю? Знаменитый филолог, ваш учитель?

— Вы и это знаете? Да, Георг Рейнхарт. Он проявлял интерес к моему творчеству. Какое-то время. Пока я не попросил его прочитать один мой опус.

— И что же? Он разнёс его в пух и прах? — поинтересовался Холмс.

— Хуже, — голос доктора дрогнул. — Он взял мой рассказ и переписал его заново. И показал мне. Почти те же самые слова, но разница — как между мазнёй ребёнка и наброском Рёскина. Я прочёл, поблагодарил, а потом поинтересовался, чем мне стоило бы заняться в жизни, чтобы иметь успех. Он порекомендовал медицину. «У вас есть вкус к мелким физиологическим подробностям, совершенно избыточный для литератора, но важный для клинициста» — до сих пор помню эти слова... Через год самостоятельных занятий я поступил на медицинский.

— Трогательно. Не жалеете?

— Георг Рейнхарт был прав, — вздохнул Меслов. — Как литератор я безнадежен. Например, эта озабоченность подробностями. Ну, например, когда я описывал пробуждение героя, то должен был сначала изобразить, как он встаёт с постели, потом ищет свечу, зажигает, и всё это в мелких деталях, вплоть до каждого жеста... Иногда это превращалось в настоящий кошмар.

— Обилие деталей облегчает чтение, — заметил Холмс. — Люблю точность.

— Не понимаю, чего вы от меня добиваетесь, — вздохнул доктор.

— О, непонимание — это нормально. Я тоже многого не понимал. Например, почему ваш учитель, которого вы боготворили, с такой жестокостью растоптал ваше литературное самолюбие. Пока не выяснил детали. Вы были благонравным юношей. И симпатичным, как думал ваш учитель, — добавил Холмс. — Который завлёк вас к себе домой, напоил — первый и последний раз в жизни — и попытался совратить. Попытка оказалась неудачной. К тому же вы спяну назвали его вонючим швулем. Профессор Рейнхарт пришёл в ярость и выставил вас вон. Вы

были так пьяны, что ничего не запомнили. Хотя потом вы каким-то образом выяснили правду и даже её записали. Кстати, весьма выразительный текст.

Повисло молчание. Где-то снаружи раздался тяжёлый гул и тут же смолк.

— Какая чушь, — вздохнул Меслов. — Какая нелепая чушь.

— Отрицаете реальность? — насмешливо спросил сыщик.

— Какая уж тут реальность... — доктор замялся, потом махнул рукой. — То, о чём вы говорили — литературный опыт. Тот самый, о котором я говорил. Мой рассказ. Точнее, вариант профессора Рейнхарда.

— Написанный вашим почерком? — Холмс прищурился. — Не смешите меня, доктор.

— Вы и в самом деле ничего не понимаете, — Меслов откашлялся: холод забрался в горло. — Совсем. Хоть и рылись в моём архиве. Кого вы подкупили? Джима? Во что вам обошлись его услуги?

Холмс неожиданно рассмеялся.

— Ну-ну, — с трудом выговорил он, вытирая глаза рукавом. — Старина Джим не получил ни пенни. А вот я, похоже, где-то дал маху. Хотя... почему в тексте — подлинные имена? О нет, не надо объяснений, — он снова выставил руку вперёд, — я сам догадаюсь. Вы таким образом признались профессору в своих чувствах, не так ли? И описали желательный для вас вариант развития событий, в мелких подробностях. Что его и оттолкнуло. Мужеложцы обычно сентиментальны и на дух не переносят, когда вещи называют своими именами. Ваша ошибка была чисто стилистической, Абрахам. Но именно такие ошибки оказываются роковыми.

— А вот это — не ваше дело, — сказал Меслов.

— Ага! — Холмс поднял палец вверх. — Теперь мне более понятны причины, толкнувшие вас на преступление. Я-то думал, что вы — жертва домогательств старого мужеложца. Оказывает-

ся, вы — отвергнутый поклонник, к тому же вас отвергли столь оскорбительным образом. Вами побрезговали. Неудивительно, что вы остались девственником. И занялись лечением скверных болезней. Жалкий вид венерических больных, их страдания, их страх перед разоблачением — всё это укрепляет вас в вашем отношении к половой сфере, и особенно в той её части, что отклоняется от так называемой нормы. Но вашим чувствам необходима пища, желательна — регулярная, поэтому большинство ваших клиентов — именно педерасты, которых вы лечите и которых ненавидите...

— Прекратите нести чепуху, — неожиданно резко оборвал его доктор. — Может быть, у вас котелок и варит, — добавил он с отвращением, — но то, что в нём варится, скверно пахнет. У вас отшибло нюх, Холмс.

— А вы ведь это всерьёз, — с некоторым удивлением протянул сыщик. — Похоже, я и в самом деле в чём-то ошибся. В чём именно?

— В главном. Холмс, как вы думаете, зачем я переписал рассказ?

— Ах, ну да, вы его переписали... Текст профессора был неразборчив... какая чушь. Хотели выдать за своё? Нет, зачем тогда копировать самому... Нет, не понимаю.

— Да ни черта вы не понимаете, — с горечью сказал доктор. — Вот и я тоже не понял, как он это, чёрт возьми, сделал! Почему у него это получилось ярко и достоверно, а у меня — нет.

Холмс хлопнул себя по лбу.

— О-о-о! Ну конечно! Вы переписали текст от руки, чтобы хоть так понять, в чём секрет. А ведь профессор был прав — у вас сугубо научный подход... Пойдите-пойдите. Стоп! Вот оно! — Холмс в возбуждении щёлкнул пальцами. — Вы ведь не гомосексуалист и никогда им не были, вы не испытываете тяги к мужчинам, — длинный палец сыщика упёрся доктору чуть ли не в переносицу. — Вы взяли эту тему именно потому, что пытались

проникнуть в недоступную для вас область чувств. Страсть к исследованиям!

— Наконец-то, — Меслов грустно улыбнулся.

— И, конечно, имена в вашем тексте были другие. А ваше и своё вставил сам Рейнхарт. Чтобы вас унижить и задеть. Потому что для него эта тема была глубоко личной и весьма болезненной. Чего вы, разумеется, не учли. А может быть, даже не знали? Простите за откровенность, но вы и в самом деле плохой литератор: при всей своей страсти к исследованиям, у вас проблемы с глазами, ушами и житейским чутьём, а хороший писатель должен всем этим обладать почти в такой же мере, как и хороший сыщик... Но оставим это, — Холмс чем-то звонко щёлкнул — видимо, крышкой часов.

— В любом случае у нас ещё есть время, — пробормотал он. — Ладно. В каком-то смысле я у вас в долгу. Расскажу-ка в таком случае другую историю, тоже связанную с литературой. Когда меня спрашивают, почему я не читаю романов, я обычно отвечаю, что не хочу захламлять свой чердак, — раздался характерный звук: похоже, Холмс постучал пальцем по черепу. — На самом деле причина не в этом. Хотите знать правду?

— Нет, — сказал доктор. — Мне это неинтересно, — повторил он.

— И всё-таки послушайте. Не знаю, как вы, а я просто места себе не нахожу. Мне нужно отвлечься, да и вам не помешает. Итак, однажды... это было в молодости, когда я бросался на любую задачу, достойную моего интеллекта, как волк на свежее мясо... так вот, однажды мне в руки попал какой-то роман. Из тех, которые вы читаете по вечерам, когда не заняты ни людьми, ни лягушками. Имя автора вам ничего не скажет, название тоже. Дурацкая история о молодом человеке и наследстве, которое он стремился получить. Автор в конце кое-как свёл концы с концами, женив героя на богатой вдове. Никакой художественной ценности роман не представлял, но что-то заставляло меня перечитывать его раз за разом — так, как я впоследствии перечитыва-

вал раз за разом свидетельские показания в поисках зацепки. И, представьте себе, на восемнадцатой странице я нашёл улику! Самую настоящую улику. Дальше я стал разматывать клубок, выискивая обмолвки, случайные детали, всё то, на что сам автор не обращал никакого внимания. Книга сопротивлялась анализу, как олеронская устрица ножу, но я был настойчив. В конце концов события выстроились в стройную картину. Роман оказался подобным айсбергу — у него была подводная часть. Преступление — дерзкое и коварное, особенно потому, что почти все события совершались как бы на виду. Кстати, преступницей была вдова, а молодой человек — всего лишь её орудием... Впрочем, неважно. Я столкнулся с двумя вещами. Во-первых, я твёрдо убеждён в том, что все мои выводы справедливы. Я применил к роману дедуктивный метод, который никогда меня не подводил в реальности, и получил однозначный результат. И, во-вторых, я столь же твёрдо убеждён, что автор не вкладывал в свой опус двойного смысла — во всяком случае, сознательно. Этот пошлейший писака даже не догадывался о том, что на самом деле происходило между его героями! А теперь подумайте, какой из этого следует вывод?

— Пока не понимаю, — осторожно сказал доктор.

Холмс глянул на него искоса, как ворона.

— Как сказал некий не очень удачливый сочинитель, — точнее, его герой, — откиньте все невозможные версии, и та, которая останется, будет правдой, как бы невероятна она ни была. Итак, в романе содержалось то, чего автор туда не вкладывал. Это означает, что так называемая художественная литература не является чистой выдумкой, плодом произвола.

— Текст обладает внутренней логикой, это вам скажет любой филолог, — заметил Меслов.

— Вот, вот! А то, что обладает своей внутренней логикой, то есть своими законами, уже не является совершеннейшей фикцией. То есть миры, создаваемые писателями, в каком-то смысле реальны, — хотя, разумеется, их не существует в том же смысле,

в котором существуем мы с вами. Но для самих себя они реальны, хотя, наверное, не все. Во всяком случае, я изучил ещё несколько сочинений того же автора, и не нашёл ничего похожего на расследованное мною дело: там не было ничего, кроме грубых ниток, на которых дёргались бессмысленные марионетки. Но тот роман, ничем не выделяющийся — он описывал настоящие события, я в этом уверен. Из чего мы можем заключить кое-что о природе Божества, — неожиданно завершил незнакомец.

— Каким образом? — поинтересовался доктор: в голове всплыли размышления о Беркли. Их догнала мысль о том, что наблюдаемое, пусть даже внутренним образом, с помощью воображения, и в самом деле реально — а хорошая литература создаёт именно оптический эффект. Меслов подумал, что эту мысль стоило бы развить.

— Я предполагаю, — сказал Холмс, и в его голосе прозвучала своего рода наигранная неуверенность, — что Бог создал мир примерно таким же образом, каким мы сочиняем художественную прозу. «В начале было Слово» — это прямое указание на природу нашей реальности. Наша свобода воли — то же самое, что и свобода воли литературного персонажа. Автор волен написать всё, что угодно, но некая толика свободы всё-таки не может быть полностью отнята у несчастной марионетки, и нам иногда удаётся повернуть кой-какие делишки под самым носом сочинителя...

Меслов осторожно запрятал мёрзнущую левую руку под плед.

— И если уж на то пошло, — продолжал разглагольствовать сыщик, — Бог — довольно скверный литератор. Пейзажи и описания природы у него выходят неплохие, но вот сюжетная сторона никуда не годится. Хотя если рассматривать наш мир как груды черновиков, это объяснимо. Большинство судеб — продукт божественной графомании, тщетные попытки выписать какой-нибудь мелкий эпизод. Миллионы домохозяек живут и умирают потому, что Господь никак не может завершить одну-

единственную сцену на кухне или в детской... В таком случае, мы все — жертвы стремления Творца к совершенству. Но если даже и так — кто-то должен воспрепятствовать развитию некоторых сюжетов. Или, наоборот, завершить их.

Доктор осторожно пошевелил пальцами на ногах — плед был коротковат, пальцы занемели от холода.

— Тут практически не топят, — пожаловался он. — Не пойму, за что я платил деньги.

— Мы тут делаем некоторые приготовления, и, кажется, задели какую-то отопительную трубу, — озабоченно сказал Холмс. — Мне тоже зябко. Но признаю, что вам приходится хуже: у вас плохое кровообращение. Остаётся согреться беседой. Так, может быть, всё-таки расскажете, как это было?

— Что было? — вздохнул доктор.

— Кто к вам обратился. Почему именно к вам. Что вы знаете о болезни. Почему согласились на предложение. Все подробности. Ещё раз: мы всё знаем. Всё или почти всё. Вы уже свыклись с этой мыслью. Остались мелкие детали. Итак, кто к вам обратился?

Меслов втянул в себя сырой, холодный воздух. Теперь ему хотелось только одного — согреться.

— Это был адвокат, американец. Он представлял интересы клиента, страдающего пневмонией, но убеждённого, что стал жертвой болезни, неизвестной современной науке, и при этом — передающейся половым путём. По словам адвоката, американские врачи отнеслись к нему с предвзятостью, так как он чернокожий. Поэтому он поехал в Европу, чтобы обратиться в мою клинику. Сумма, предложенная за обследование, меня впечатлила.

— Вы не подумали, почему вам предлагают такие деньги и откуда они? — прищурился Холмс.

— Он представил рекомендации от бруклинского Общества Социальной Гармонии, членом которого являлся, — отрезал

Меслов. — Я не видел причин не доверять своим коллегам и единомышленникам или отказывать им.

— Да, понятно, — сыщик зевнул, аккуратно прикрыв рот тыльной стороной кисти. — Итак, вам предложили осмотреть негра. Как он вам?

— Обычный негр, с уровнем развития, характерным для этой расы, — пожал плечами Меслов. — Он не умел толком говорить ни на одном европейском языке. Но его болезнь меня заинтересовала.

— Чем?

— Сначала я посчитал её редкой формой лёгочного заболевания и стал настаивать, чтобы его осмотрел хороший специалист по туберкулёзу. Но адвокат настаивал, чтобы он наблюдался именно у меня.

— Настаивал, открывая кошелёк пошире?

— Можно подумать, вы работаете из любви к человечеству! — возмутился Меслов. — Я знаю, чем занимаются сыщики, и по сравнению с этим... — он не закончил фразы.

— Ну-ну, не кипятитесь, — примирительно сказал Холмс. — И насчёт сыщиков вы правы. Самая доходная статья в бюджете любого детектива — сбор сведений о чужой личной жизни, обычно о супружеской неверности и связях на стороне. Учитывая вашу специальность, можно сказать, что ваши клиенты — это наши недоработки.

Доктор улыбнулся, почти против воли.

— Вам виднее, Холмс, — сказал он. — В общем, я не стал возражать, тем более, что болезнь была хроническая. Но потом она внезапно активизировалась. У пациента началось истощение, потом — симптомы, отчасти напоминающие туберкулёзные: сухой кашель, одышка, и нечто вроде лихорадки. Я пытался применить метод Стивенса, но тщетно. Всё завершилось бурно развивающимся фиброзом... Вам, наверное, неинтересны эти подробности, — остановился он.

— Не беспокойтесь, я не настолько невежествен в медицине, — Холмс сделал недовольное лицо. — Итак, ваш пациент умер. Ваш клиент настоял на тщательном изучении тканей. Скорее всего, с юридической стороны всё было обеспечено наилучшим образом?

— Да. Пациент завещал своё тело науке.

— Завещание оформил и расходы оплатил всё тот же адвокат? Не отвечайте, и так понятно. Думаю, к тому моменту ваше исследовательское любопытство было в достаточной мере разожжено. Вы вскрыли труп. И что вы нашли?

— Нечто весьма любопытное. Я изучил лёгочные ткани, и не обнаружил в них ничего, кроме обычных пневмацистов. Это микробы, которые в принципе способны вызвать воспаление, но иммунитет организма их подавляет. Создавалось впечатление, что болезнь каким-то образом подавляет иммунную систему. Впоследствии мои изыскания подтвердили это.

— Кстати, как вы назвали эту болезнь? Своим именем? — перебил сыщик.

— Я об этом думал, — признался Меслов. — «Пневмония Меслова» или что-то в этом роде. Но пока использую условное название: Acquired immunodeficiency Syndrome. Синдром приобретённого иммунодефицита.

— A-I-D-S. AIDS. Звучит недурно, в меру зловеще, — отметил сыщик. — Так, значит, пресловутый адвокат уговорил вас продолжить исследования. На что он сослался? На то, что есть и другие больные? И настаивал именно на половом способе заражения?

— Не помню точно, что он говорил, — признался Меслов. — К тому моменту его интерес к болезни уже казался мне подозрительным. Я предположил, что он сам болен. Или болен кто-то из его близких. Но скорее всего — какой-нибудь высокопоставленный человек, который боялся огласки почти столь же сильно, сколь и смерти. Вы же знаете этих американцев, они

все помешаны на здоровье. Физическом, умственном и нравственном.

— К сожалению, не все, иначе бы мы с вами не беседовали в столь неподходящее время... Кстати, время...

Снова звякнула крышка часов. Этот звук напомнил доктору берлинскую клинику. Свет дуговых фонарей, кафель, белые столы, Джим катит тележку с позвякивающими инструментами... Он мотнул головой, отгоняя видение.

— Да где же они там, уж пора бы, — процедил сквозь зубы сыщик. — Ладно, продолжим. Вам удалось выделить возбудителя заболевания?

— Вибрион? Увы, нет. Чем бы он ни был, он — за гранью возможностей наших микроскопов. Возможно, в Америке я смогу заняться этим вопросом, используя новейшую технику... Но я выяснил, что заболевание передаётся через кровь. Мне удалось заразить обезьяну. Я использовал вытяжку из лимфатических узлов.

— К тому времени вы уже знали, в чём состоит американский план?

— Видите ли...

— Смелее. Или мне помочь?

— Всё дело именно в способе заражения. Насколько я успел разобраться, возбудитель не контактен к слизистым как таковым. Для того, чтобы заражение произошло, нужны разрывы слизистых — трещинки, ранки. Появление таковых вероятно в случае неестественного или нежеланного контакта с органом носителя заболевания. Это означает... — доктор задумался, подыскивая формулировку.

— Ну, ну, — с неудовольствием протянул Холмс. — Давайте уж прямо. Под неестественным контактом вы понимали содомизирование. А под нежеланным — естественное соитие, но в ситуации, когда женщина не хочет или не готова. Что указывает либо на насилие, либо, что вероятнее, на занятие проституцией. Профессионалки обычно занимаются своим ремеслом бес-

страстно... Итак, наибольшие шансы заразиться «пневмонией Меслова» могут либо мужеложцы, либо продажные женщины.

— А также их клиенты, — уточнил доктор. — Недостаточно увлажнённые ткани слизистых повреждаются при интенсивных фрикциях...

Туманное пятно, обозначающее Холмса, шевельнулось.

— Давайте без этих подробностей. Продолжу сам. Ваш клиент сообщил вам, что Общество Социальной Гармонии считает эту болезнь хорошим способом очистить американскую нацию от нежелательных элементов. То есть от мужеложцев, в том числе высокопоставленных, а также от проституции. Американцы, как вы удачно выразились, помешаны на здоровье, физическом, умственном и нравственном — и, более того, не видят особой разницы между его видами. Хотя, конечно, лечить нравственные болезни посредством физических — это всё-таки сомнительный способ, вы не находите? Хотя в своё время американцы продавали индейцам одеяла, заражённые оспой. То, что вы задумали — примерно то же самое.

Меслов помолчал, собираясь с мыслями.

— Я думал об этом. Да, Холмс, такой путь оздоровления нравов может показаться жестоким — для сентиментальных барышень, которые падают в обморок при виде вскрытого фурункула. Но я-то знаю, насколько жестокими могут показаться некоторые методы лечения. Увы, такова цена, которую приходится платить за изнеженность и порочность. Лечение больного общества тоже не может обойтись без болезненных процедур. К сожалению, в наше гуманное и просвещённое время хирургические средства не в чести. Поэтому приходится прибегать к терапии, которая может оказаться ещё более жестокой. Эта цена, которую приходится выплачивать за понимание вечной истины — мы созданы естественным отбором, и можем двигаться вперёд только ценой постоянного совершенствования нашего рода и отсекаания гнилых ветвей. Интересы расы стоят выше частных интересов.

— А с вами хорошо поработали, — протянул Холмс. — Чешете как по-писаному... простите мне подобное просторечие, но оно здесь уместно. Вы сами-то заметили, как изменился ваш голос, построение фраз, и так далее? Как будто читаете вслух пропагандистскую брошюру. Чью?

— Я произносил речь на эту тему в Обществе Социальной Гармонии, — пожал плечами доктор.

— Интересная, очень интересная организация это ваше Общество. Насколько я понимаю, пресловутый Мальтус имел к нему самое непосредственное отношение?

— Он был одним из основателей, — строго поправил доктор.

— Ну, это вы зря. Общество гораздо старше. В каком-то смысле оно существовало — под разными именами — всегда. И многое сделало для того, чтобы привести человеческие порядки в согласие с естественным...

— Вы так говорите, как будто в этом есть что-то предосудительное.

— Ну что вы, право, — голос Холмса сделался очень неприятным. — Что может быть предосудительного в том, что называется естественным? Тот же отбор, например.

— Вы против естественного отбора? — удивился Меслов.

— Обожаю свою страну, — процедил сыщик. — Мы, британцы — просто гении по части лицемерия. Например, слово «естественное». В Дарвина поверил весь мир. Хотя в большинстве случаев слово «естественное» нужно понимать как «английское», а точнее — «выгодное правящим кругам Британии».

— Очищение общества выгодно всем, — сказал доктор убеждённо.

Холмс издал непонятный звук — что-то вроде «тьфу».

— Может быть, вы недурной врач, Меслов, но вы ничего не понимаете в вопросах общественного устройства. Вы над ними даже задумывались. Хорошо, попробую кое-что объяснить, хотя это не в наших правилах. Эпидемия «пневмонии Меслова» будет

использована для того, чтобы представить Новый Свет источником опасности. Никто не захочет иметь дело с американцами. Чего и добиваются силы, стоящие за этим вашим социально-гармоническим обществом.

— Что значит — «не захотят иметь дела»? — не понял доктор.

— Вы всё прекрасно поняли, — сухо сказал сыщик. — Вы ведь хорошо осведомлены о нравах высших классов современной Европы.

— Да, я это хорошо знаю, — признал Меслов. — Именно это меня и убедило.

— Но вы не задумывались, *почему* они именно таковы. Вы просто называете всё это испорченностью, как будто это слово имеет какой-то смысл и что-то объясняет... Подумайте вот над чем. Социальные низы объединены голодом и ненавистью к верхам. Но чем объединены социальные верхи? Что общего у двух лордов, двух миллионеров, двух политиканов? Ведь они — конкуренты. Лорд стремится отобрать у другого лорда место в Палате, миллионер разевает рот на чужой миллион, а как ненавидят друг друга представители разных политических направлений! Что же принуждает их держаться вместе, а не вступить в смертельную схватку, с привлечением низших классов?

— Очевидно, боязнь последствий, — пожал плечами Меслов. — *Bellum omnium contra omnes* в наше время может привести к социальной революции.

— Этого мало. Всегда существовала некая тайна, объединяющая высших. Тайна возвышенная или низменная, но тайна. Нечто такое, в разглашении чего не заинтересован никто. Раньше это было участие в скрытых от постороннего взора мистериях орденов, в тайных обрядах и жертвоприношениях, запрещённых Церковью. Но сейчас никто не верит в Бога: научное мировоззрение подвигает к атеизму, а оно сейчас главенствует... Значит, нужно что-то другое. Если тайна не может быть возвышенной, она должна быть хотя бы постыдной. Жертвоприношения заме-

нились тайными оргиями. При которых совершаются действия, способствующие заражению этой вашей болезнью. Позвольте обойтись без подробностей... Как бы то ни было, иных методов поддержания единства европейской элиты не осталось. Поэтому исключение американцев из общей системы вызовет самые катастрофические последствия для Соединённых Штатов. Они станут изгоями, париями. Более того, их собственная система закрытых клубов тоже развалится. А это сделает Америку лёгкой добычей британской интриги. Причём это лишь одна сторона дела. Вторая — это AIDS, пошедший в массы. Низшие классы низки и нравственно. Об этом вы, судя по всему не подумали.

— О моральном облике так называемых простых людей я знаю достаточно, — доктор потёр ладони, пытаясь разогнать кровь, — но вы преувеличиваете. Для того, чтобы болезнь пошла в массы, необходимо полное падение нравов, свойственное разве что дикарям.

— Вот именно, Меслов! А вы не задумывались о том, чем наша экономика обязана дикарям? Например, к чему приведёт эпидемия этой болезни среди чернокожих? Например, в Африке и других колониях? И как это отразится на мировой системе?

— Почему вы мне всё это рассказываете? — перешёл в атаку Меслов. — В конце концов, чего вы от меня хотите?!

Холмс откинулся на спинку стула, явно чем-то довольный.

— Ну наконец-то вы задали правильный вопрос. Точнее, половину вопроса. Вы так и не удосужились спросить, кого я, собственно, представляю.

— Очевидно, британское правительство, — проворчал доктор.

— Британское правительство сейчас играет на стороне Общества. Да и вообще интересы британской верхушки меня не волнуют. Я работаю на континентальную организацию, отвечающую за безопасность белой расы в целом. В которой, кстати, состоят и многие ваши знакомые. В том числе — очень старые.

Сыщик скрутил с пальца кольцо и кинул на колени собеседнику. Меслов механически взял вещицу, поднёс к глазам. Кольцо было из тёмного металла, с печаткой в виде пчелы. На спинке насекомого доктор разглядел череп.

— Это наш символ, — сказал сыщик, протягивая руку. — Мы — «Фауст», — он осторожно накрутил кольцо на палец. — Тайная организация, отвечающее за порядок в Европе.

— Претенциозно. К тому же, чем вы отличаетесь, например, от того же Общества? — поинтересовался доктор.

— Я мог бы говорить долго, но вряд ли это произведёт на вас сильное впечатление. Скажем так: мы — часть той силы, что иногда совершает зло, дабы сохранить благо... Вы меня поняли?

— Опять вы мне угрожаете, — вздохнул доктор.

— Нет, не угрожаю. Речь идёт о рациональном выборе. Вот сейчас для него настал момент. Меня интересует один вопрос. Вы можете солгать, и тогда вы останетесь здесь. Я имею в виду — навсегда.

Он замолчал.

— Или? — голос доктора предательски дрогнул.

— Или сказать правду. Тогда мы вас спасём. Вы даже не промочите ноги. Итак?

— Что вас интересует? — Меслов вздохнул.

— Всего лишь один мелкий эпизод. Помните Джима, вашего лаборанта? Который каждое утро приносил вам кофе и булочку с маслом, и всегда забывал нож? Однажды он разбил пробирку и порезался о стекло. Помните? Это было совсем недавно, три дня назад. Что было в пробирке?

Доктор посмотрел на туманное пятно перед собой. Прищурился. Потом медленно кивнул.

— Симптомы? — осведомился он.

— После пореза — небольшое повышение температуры, головная боль... Это оно?

В каюте повисло молчание. Оно длилось недолго — секунды три, но было очень напряжённым.

— Я ничего не обещаю, но при регулярных проверках и надлежащем уходе Джим может протянуть достаточно долго, — Меслов заговорил совершенно другим тоном, жёстким и уверенным. — К тому же, быть может, мне удастся найти способ лечения. Для этого мне понадобится оборудование и определённые средства. Надеюсь, ваша организация ими располагает. Кроме того, вы должны предоставить мне защиту. Общество Социальной Гармонии будет очень недоволено. Я должен исчезнуть...

— Ну что ж, — вздохнул Холмс, — будь по-вашему. Вы исчезнете. Ап!

Неуловимо быстрым движением сыщик выбросил вперёд правую руку, в которой каким-то образом оказался смычок.

Твёрдое дерево пронзило левую глазницу доктора, пробило её и вошло глубоко в мозг.

Абрахам Меслов вскинулся, хватаясь за лицо, и упал на кровать. В горле у него булькнуло — но звук был уже неживой, как из бутылки с водой.

Холмс тяжело, с шумом вдохнул. Подержал сырой холодный воздух в лёгких, потом быстро выдохнул. Наклонился и подобрал с пола очки доктора. Потом внимательно посмотрел в обезображенное мёртвое лицо.

— Я же говорил: вы не прогадаете в любом случае, — сказал сыщик, обращаясь к мертвецу. — Это гораздо лучше, чем то, что здесь скоро начнётся.

В коридоре раздались шаги, остановившиеся у двери. Потом осторожный стук — та, та-та, та, та.

— Наконец-то, — сказал Холмс. — Входи.

Дверь каюты беззвучно приотворилась. Внутри бочком пробрался высокий, грузный человек в чёрном. Лицо его скрывал капюшон.

— Ты его всё-таки убил, Шерлок, — осуждающе сказал он.

— И к тому же испортил хорошую вещь, — грустно усмехнулся Холмс, смотря на торчащий смычок.

— Тебя же просили не делать этого!

— Мне жаль, Майкрофт, — сказал Холмс, — но мы не можем ему доверять.

— Почему?

— Я дал ему понять, что лаборант Джим — это я. Он неглупый человек и прочёл немало полицейских романов, так что знает, как меняет внешность грим и парик — а при желании можно подделать и голос. Кстати, с голосом у меня были проблемы: насилие над горлом мне даётся с трудом, не то что раньше. Но Джим был неразговорчив... В общем, он поверил. Потом я напомнил ему, как Джим порезался о разбитую пробирку. А после этого — спросил, не заразился ли Джим той болезнью. Меслов знал, что в той пробирке не было ничего опасного. Но не знал, что я это знаю.

— И что же? Он солгал?

— Да. Стал предлагать помощь на своих условиях. Он говорил очень уверенно — как будто точно знал, что я болен. Из чего я сделал вывод, что он решил заразить меня при первом удобном случае. Как он это делал со своими пациентами.

— Вот даже так? Жаль. Но я всё же хотел сохранить его для нас. Он больше всех знал об этой болезни. К тому же... — ааапчи! — Майкрофт чихнул, потом выпростал из балахона огромный клетчатый платок и вытер лицо.

— ...досточтимый мастер Рейнхарт будет очень огорчён, — закончил он.

— Под старость досточтимый мастер стал чересчур сентиментальным, — процедил Холмс.

— Мастер считает, — вздохнул Майкрофт, — что отчасти виноват в этой истории. Если бы не его совет, этот Меслов так и остался бы обычным графоманом. Может быть, даже научился бы строчить романчики.

— Ну это вряд ли, у него были проблемы с развитием действия, — протянул Холмс. — Но досточтимый мастер в чём-то прав. Когда-нибудь какой-нибудь посредственный художник с горя займётся политикой...

— И мир взвоят, — в тон ему ответил Майкрофт.

— Давай о деле, — сказал Холмс. — Итак, основной контингент больных здесь. Общество Социальной Гармонии положило все яйца в одну корзину. Даже не верится. Они обычно так осторожны.

— Они уверены, что эта корзина очень прочная, — усмехнулся Майкрофт. — Корабль считается абсолютно непотопляемым.

— Но мы хорошо поработали над этим, — усмехнулся Холмс.

— И очень скоро увидим результат, — Майкрофт усмехнулся. — По радио с «Калифорнийца» сообщили, что прямо по курсу — подходящий айсберг. Столкновение — около полуночи, если всё пойдёт по плану.

— Значит, у нас ещё полчаса. Кто принимал передачу с «Калифорнийца»?

— Всё под контролем наших людей, Шерлок. Ты же знаешь, я неплохой организатор.

— Корпусные работы проведены? Не придётся взрывать переборки?

— Я тебе говорил уже десять раз: всё было сделано ещё в Саутгемптонском порту.

— Что с пассажирами?

— Замки кают испорчены, сейчас наши люди заваривают решётки.

— Сколько доберётся до шлюпок? — Холмс потёр лоб, что-то прикидывая в уме.

— Из второго и третьего класса — процентов двадцать, может быть, меньше. То есть около ста человек. Среди них, возможно, останутся заражённые. Их мы добьём позже, в воде.

— Постарайтесь сохранить женщин и особенно детей: они, скорее всего, здоровы, — серьёзно попросил Холмс. — Что с первым классом?

— Благодаря твоим сведениям, дорогой брат, у нас есть полные списки клиентов Меслова. Гуттенхейм, например. Или супруги Страусы.

— Ну, за этих я не волнуюсь. Они потонут так, как подобает людям из высшего общества. Слава Богу, аристократия ещё не потеряла представления о чести и долге... Но второй и третий класс внушает опасения.

— Вот и проследи за этим, Шерлок, — сказал Майкрофт. — Мы должны уничтожить заразу полностью. А Общество Социальной Гармонии должно понять, кто хозяин положения.

— Не надейся, — вздохнул сыщик. — Сейчас они, конечно, подожмут хвост. Но у них наверняка имеются образцы заражённых тканей, а может быть, и... о чёрт, — под ногой Шерлока что-то хрустнуло, как раковина улитки. Он наклонился и увидел раздавленный голубой переплёт романчика Робертсона. На обложке было написано «Тщета».

— Подходящее к случаю название, — пробормотал он. — Когда-нибудь они снова попытаются.

— Но это будет не скоро, — Майкрофт потянул брата за рукав. — Пойдём. Пора.

— Пора, — сказал Холмс, вставая с места.

...Ночь была безлунной и очень тихой. Огромный корабль шёл по курсу со скоростью в двадцать один узел, убивая бортами плоские серые волны.

Впереди стоял холодной стеной арктический лёд.

Михаил Харитонов

Девоншир

Джону Фаулзу и Василию Щептенёву

Ночь. Смерть. Вода.

То, что у других брало годы и десятилетия, для него сложилось в дни, наполненные собиранием сил. Силу он брал у деревьев, силу — у воды. Ночи он проводил, стоя на гранитных столбах, и сила камня пронизывала его насквозь.

Он видел перед собой лабиринт, водоворот Сил. Чёрное, зелёное, голубое сплеталось над мёртвой водой. Над ней стояли звёзды. Знаки, образуемые ими, были чудовищны.

Чёрное: смерть. Лоа Агве, владычица вод. Ей не место в этом краю, её привели сюда тайно, но теперь она здесь. Это её — влажные, липкие паутины, в которых трепещут души, пронзённые иглами колдуна-бокора. Центр паутины совсем рядом, в доме, где бокор и его вторая половина, чёрная мамба, ткут нити Агве. Он должен пройти между ними, не касаясь их ни взглядом, ни намерением.

Голубое: ночь. Сила, пришедшая на острова со Святым Крестом, сила морей. Она хранит острова от бед, но она слишком высока. Нужно идти вдоль голубых огней, не препятствуя им.

Зелень: вода. Не его стихия, нет — но на эту ночь ему дали ключи от вод. Он не слышит их песни, но может повелевать. Может быть, вода выведет его за цепь заклятий Агве, за чёрные паутины.

Он простёр правую руку. Языки огня вылетели из пальцев и сплелись в узор, образуя дорожку, петляющую между нитей.

Подобрав мешок, лежавший у ног, он пошёл вперёд, к чёрной туше острова. Там ждало безумное чудовище, которое он должен убедить, освободить, убить. Впрочем, убить нетрудно. Главное — получить согласие его сердца.

Тишину разорвал долгий, унылый вой.

Человек остановился, опустил руку в мешок и вытащил небольшой предмет. Размахнулся и бросил его в топь, подальше от переплетения нитей.

Это был узкий чёрный ботинок с острым носком.

* * *

1921 г. Великобритания, графство Девоншир. Зима

1

Поезд остановился у маленькой, захолустной станции.

Доктор Ватсон попытался что-нибудь разглядеть сквозь запотевшее стекло, и ничего не увидел. Аккуратно протёр дырочку рукавом дождевика. На той стороне стекла проступили мелкие оспины капель, но видимость не улучшилась.

Доктор зябко поёжился и в который раз подумал, что эта поездка бессмысленна и его обманывают. Встал. Проверил карманы. Нашёл письмо медиума, зачем-то перечитал последний абзац, потом медленно разорвал бумагу наискось, ещё и ещё раз. Набил обрывками пепельницу, поискал спички, и вспомнил, что оставил их в Лондоне вместе с сигарной коробкой. Его просили не брать с собой огонь.

Он поправил кепи, взял трость за середину и покинул вагон.

Моросил дождь. Сквозь пелену мороси можно было видеть перрон, покосившийся забор, с которого давно слезла краска, а за ней — угрюмое, изнурённое дождями дерево.

На платформе было пусто. О том, что здесь хотя бы изредка бывают люди, свидетельствовал только обрывок газеты, раскисший от влаги. Ватсон на всякий случай ещё раз осмотрелся, ничего нового не увидел и пошёл вниз, к домику смотрителя.

Красная кирпичная будка казалась необитаемой. Единственное окошко было тёмным и пустым. Стекло перечёркивала длинная трещина, заклеенная изнутри жёлтой газетной бумагой.

Доктор постучал в дверь. Шум дождя заглушили тяжёлые удары трости.

Через минуту дверные петли заскрипели, дверь приотворилась, и в тёмном провале блеснул глаз.

— Вы мистер Еген? — спросил Ватсон, невольно повышая голос.

— Ш-ш-ш... Не надо кричать, — дверь приоткрылась чуть шире. — Што нужно?

— Я доктор Ватсон из Лондона. Вас предупреждали, что я приеду? — доктор невольно повысил голос.

— Да. Што нужно? — отнюдь не вежливо повторил хозяин.

— Для начала — войти, — решительно сказал Ватсон и потянул дверь на себя.

Человечек по ту сторону двери недовольно зашипел, но отступил назад. Доктор счёл это приглашением и вошёл.

Внутри будки было немногим лучше, чем снаружи. В полумраке можно было разглядеть трёхногий стул со сломанной спинкой, крохотную железную печку, холодную даже на вид, какой-то хлам в углу. У окна стояли козлы, на них — стакан, рюмка и два сухаря. Ватсон, по старой привычке, отметил про себя, что в помещении не пахнет ничем, кроме всё той же всепроникающей сырости.

— Меня просили приехать в Баскервиль-холл по важному делу, мистер Еген, и я прибыл, — сказал доктор, когда решил, что пауза слишком затянулась.

— Йожин. Йожин меня жовут, — представился человек.

Доктор подумал, что автоматические письмо — не самый удовлетворительный способ донесения сведений до адресата. К тому же медиум, через которого ему передали приглашение, был не силён в грамоте.

— Мистер Йожин, вы должны меня провести на ту сторону. Вы ведь получили инструкции на мой счёт, не так ли?

— Ш-ш-ш... Пжовесчи на ту штормжону... — забормотал смотритель. — Шложно это, вот што я вам шкажу, и ждоржовья

много бержёт, — он дёрнул шеей, как пьющая ворона, искоса глядя на гостя.

Доктор внимательного посмотрел на негостеприимного хозяина комнатки. Тот выглядел непрезентабельно и не внушал доверия: маленький, лысый, с непропорционально большой головой и оттопыренными ушами. Особенно неприятно было смотреть на нижнюю часть лица — в морщинах и складках рта было что-то обезьянье. Звуки, которые он издавал, мало напоминали человеческую речь: — Ватсон с трудом разбирал эту кашу из слов. Но, в общем-то, решил доктор, ему доводилось видеть и более подозрительных субъектов.

Он положил на стол гинею. Обезьянье лицо расплылось в довольной гримасе.

— Ну, ну, — бормотал человек, пряча деньги, — всё жделаем в лучшем виде. Шадичешь, шадичешь, — он пододвинул к козлам стул и изобразил нечто вроде приглашающего жеста. — Ижьвольте вот ужоштитьшя, — он взял со стола рюмку и протёр её пальцем, после чего извлёк из-под стола бутылку подозрительного вида.

— Это что? — доктор с подозрением уставился на бутылку.

— Погода плохая, — пожаловался хозяин, плеснув сначала себе, а потом доктору. — Вщё вржемя льёт швержу. Холодно. Надо бы шогречша.

Ватсон выразительно покосился на печку.

— Ш-ш-ш... Ожонь! — мистер Ёжин сжался и втянул голову в плечи.

— Ах да, конечно, — доктор поморщился и взял рюмку двумя пальцами.

Как он и предполагал, это оказался скверный джин, дерущий горло, как грубая шерсть. Стало, однако, теплее.

— Оджин момент, минутошку, — бормотал мистер Ёжин, наливая себе ещё. Рука тряслась, горлышко бутылки билось о край стакана.

Доктор с сомнением взял сухарь, понюхал. От сухаря пахло плесенью и спорыньёй.

В глазах хозяина что-то мелькнуло — как будто загорелись две тусклые, голодные искры.

— Чеперь ошторожнее. Ржот откройте. Уши может жаложить, — предупредил он.

Уши не заложило. На долю секунды возникло чувство погружения — как будто он тонул в какой-то невидимой воде. Ватсон сглотнул, и неприятное ощущение пропало.

— Уже можно идчи, — сказал человек, показывая на дверь.

— И это вся ваша работа? — не понял гость.

— Можу немношко провожичь, — не особенно любезно предложил мистер Йожин. — Но вы же шами жнаече, куда вам нужно?

— Я бывал в этих местах, — медленно сказал доктор, — много лет назад, и на другой стороне. Не хотелось бы, знаете ли, заблудиться.

— Пойжёмче, — хозяин решительным жестом нахлобучил на голову бесформенную шляпу, распахнул дверь и они вышли под дождь.

Поезда у платформы не было. Зато на лавочке сидела какая-то дама в голубом газовом платье, вызывающе неуместном среди этого унылого пейзажа. Ватсон напряг зрения и разглядел белое пятно лица и крохотную сумочку на коленях.

Дождя дама, казалось, не замечала.

— Кто это? — почему-то шёпотом спросил он своего проводника.

— Это мадам Луижа, — так же тихо ответил Йожин. — Она вшегда тут шидит. Ждёт поезда.

— Давно? — зачем-то спросил Ватсон.

— Ш тех пор, как пржоложили ржелъшы, — человек развёл руками.

— И поезд всё не приходит?

— Для неё — неч.

— А куда ходят поезда? — на всякий случай поинтересовался доктор.

— В обе стороны, — вздохнул человек, пытаясь ещё сильнее натянуть на себя шляпу, — но чашше... — человек зябко поёжился и не закончил фразу. — И у наш не оштанавливающа. Я школько лет уже ждешь, а такого не пржипомню, штобы поезд оштановилщя. У наш чихие мешта, миштерж.

— А эта дама... Луиза... как сюда попала? — уточнил доктор.

— Швоим ходом, — человек скривился. — Бедняжка, ей ошень не повежло в жижни. И потом тоже. Шами виджиче.

— Да уж, — сказал Ватсон, чтобы хоть что-то сказать.

В небе дрогнуло, по низким тучам пробежала волна — как будто кто-то сверху кинул камень в пруд.

Мистер Йожин озабоченно зацокал языком.

— Ш-ш-ш... Надо поторжапливашщя, — сказал он. — Я шморжю, гошпода иж жамка жа вами пришлала экипаж, — человек впервые посмотрел на доктора с толикой уважения.

Ватсон повернул голову, ожидая увидеть что угодно — хоть золотую карету, запряжённую грифонами. Однако возле чёрного дерева стояла самая обычная повозка с тентом. Возницы не было, лошади тоже.

— Шадичешь. Она ваш шама довежёт куда нужно, — разъяснил человек.

— И на том спасибо, — вздохнул Ватсон. Потом, в порыве чувства, колеблющегося между великодушием и предусмотрительностью, достал из кармана несколько шиллингов и протянул их своему проводнику. Мистер Йожин пробормотал нечто вроде благодарности.

Через несколько минут доктор кое-как устроился на узкой доске, выполнявшей роль сиденья. Полы дождевика он спустил вперёд, трость пристроил вертикально. Невольно подумал, что со

стороны он сейчас выглядит, как типичный сельский лекарь, спешащий на вызов.

— По шторонам не шмотржите, — советовал Йожин, подавая доктору его саквояж. — Нишего интержешного не увидиче, а ехать долше бужече.

— Почему? — поинтересовался Ватсон.

— Живой шеловек, когда шмотржит, вше оштанавливает, — туманно объяснил Йожин. — Как бы это шказачь... — он прищёлкнул пальцами. — Людям вшегда нужна... не знаю как по-английшки... что ришуют... кажчинка, что-ли. Но у людей вржемени много, а у наш тут его мало. Вот вы и тржачиче швоё шобштвенное врремя, а потом жалучечеш. Лучше вшего — вообще гжажа жакржойте. Домчичесь мигом. Только уж тогда не подгжядывайче. Можече, э-э-э... упашь, — последнее слово человек сопроводил энергичным жестом.

— Я могу сконцентрироваться и впасть в транс, — без уверенности сказал Ватсон, вспомнив уроки, которые брал у профессора Уильяма Клейста из Общества Психических Исследований.

— Не штоит, миштер, — ирония в голосе мистера Йожина обозначилась совершенно отчётливо, а угодливость куда-то пропала. — Вы шлишком ждржавомышлящий джентчьмен, чтобы впасть в тржанш.

— Ну, в общем... — Ватсон смутился, вспомнив, что сказал ему профессор Клейст после месяца — напрасных занятий. — Наверное, вы правы. Мы ещё увидимся?

— Кто жнаеч, — вздохнул человек. — Вшякое может шлучиччя.

— В таком случае — шчастлииво оставаться, — доктор в очередной раз подумал, что выглядит сейчас крайне глупо. Потом подобрал под себя ноги и прикрыл глаза.

— Шщасштлииво добржачьша, мишт... — голос маленького человечка истончился и пропал где-то за спиной.

Ватсон на всякий случай зажмурился покрепче. Что-то ему подсказывало, что глазеть по сторонам и впрямь не стоит.

2

Странный это был путь — в полной темноте, даже без того остаточного света, который обычно брезжит из-под закрытых век. Никакого движения тоже не ощущалось — но не было и чувства, что стоишь на месте. Ватсон прислушался к себе и ощутил нечто вроде медленного ветра, пронизывающего тело и душу — как будто что-то невесомое плыло прямо сквозь него. Такое он испытывал иногда на спиритических сеансах, непосредственно перед явлением духов: словно внутри живота открыли форточку. Но тогда это было мгновенным и острым ощущением, а тут что-то плыло и плыло сквозь него, и это пугало.

Чтобы отвлечься, Ватсон принялся перебирать в уме свои последние решения и поступки.

Меры на случай его внезапного исчезновения приняты: большое письмо сэру Джеймсу Гейслопу, председателю Общества Психических Исследований, в котором он подробнейшим образом описывает свои последние изыскания, и аналогичное письмо Холмсу в Суссекс, будут отправлены через месяц, Картрайт об этом позаботится. Личный архив надёжно упакован и готов к отправке в Кембридж. Примерная опись самых важных бумаг приложена, Картрайт позаботился и об этом. Очень толковый малый. Он оставил ему кое-что по завещанию. Остальное — Обществу. Могут быть проблемы с правами на ранние сочинения: его старые литературные опыты всё ещё популярны. Но на такой случай у Общества есть адвокаты.

Может быть, всё-таки стоило что-нибудь завещать церкви? Этого жеста от него ждут... но — нет. После всего того, что он узнал за годы увлечения спиритуализмом, он не может даже косвенно способствовать распространению грубого, косного невежества, веками стоявшего на пути истинного познания духовного мира...

Что-то хлопнуло у него прямо над ухом, потом послышался клёкот. Коляску ощутимо тряхнуло — впервые за всё время пути. Ватсон, зажмурившись ещё крепче, схватился за трость — но тут же ощутил, что опасности больше нет.

Он снова углубился в размышления.

Будет очень жаль, если он не сможет вычитать корректуру «Истории спиритуализма в современном мире», не посетит Египет, куда он собирается уже два года, и не увидит больше Гемму. Хотя — книгу издадут и без него, в Египте нет ничего настоящего интересного, а девочка скоро утешится, ведь она так молода. Благо, в их отношениях они никогда не приближались к опасной грани, отделяющей искреннюю дружбу от так называемой страсти...

— Добрый день, сэр. Хорошо доехали? — раздалось прямо над ухом.

Ватсон открыл глаза и понял, что уже давно стоит. Тента над головой не было. Не было и дождя, хотя запах сырости висел в воздухе. Доктор поднял глаза и увидел смыкающиеся над головой кроны. Когда-то он их уже видел — только они были зелёными, пронизанными солнцем. Эти кроны были чёрными, и мёртвая листва свисала с них траурными лентами.

— Добрый день, Бэрримор, я отлично доехал, — сказал Ватсон, сходя с повозки и осторожно пробуя тростью дорожку: ему вдруг почудилось, что гравий заколыхался, как ряска на боте.

— Всё в порядке, сэр, — поспешно сказал Бэрримор, принимая саквояж. — Досточтимый сэр Баскервиль лично распорядился, чтобы к вашему приезду всё выглядело как полагается.

— А что, — полюбопытствовал Ватсон, — обычно это всё выглядит... иначе?

— По-всякому бывает, сэр, — уклончиво ответил старик. — Но вы не волнуйтесь. Пока вы здесь, всё будет в наилучшем виде, мы об этом позаботимся. Да и вы сами очень здоровымыслящий человек и не позволите себе лишнего, — добавил он.

— Я сегодня уже что-то слышал про своё здравомыслие, — нахмурился Ватсон. — Что вы имеете в виду?

— Не подумайте чего дурного, сэр. Просто люди так устроены, что видят только то, что допускает рассудок, — туманно пояснил Бэрримор. — Вот например, сейчас мы идём по аллее к дому. Вы видите Баскервиль-холл? Посмотрите внимательно...

Доктор всмотрелся в чёрный провал аллеи. В первую секунду ему показалось, что в нём нет ничего, кроме клубящегося тумана, но потом он разглядел очертания башен, стены, ворот. Створка приотворилась, показалась полоска неяркого света — твёрдая, гладкая и очень близкая, рукой подать. Он протянул руку — и неожиданно коснулся холодного металла.

Ватсон недоумённо заморгал: прямо перед ним была окочеванная медью дверь.

— Сэр! Подождите, сэр! У меня ваши вещи!

Доктор недоумённо обернулся — и увидел позади широкий газон, по которому ковылял Бэрримор, прижимая к животу саквояж.

Ватсон в недоумении потёр виски, на секунду прикрыв глаза. В тот же миг тяжёлое дыхание запыхавшегося старика раздалось у него буквально над ухом.

Доктор вздрогнул от неожиданности: Бэрримор стоял рядом. Вид у него был усталый и испуганный.

— Ох, сэр, ну и заставили же вы меня побегать! — укоризненно сказал он.

Ватсон опёрся на трость, ощутив внезапную слабость в коленях.

— Что произошло? Почему я здесь? Я ничего не делал.

— Простите, сэр, это моя вина. Вы смотрите слишком... сильно, — вздохнул старик. — Вас, можно сказать, засосало. Зато вы быстро добрались до места. Позвольте, я открою.

Он отворил дверь — она оказалась не заперта — и почтиительно замер, пропуская гостя.

Ватсон вошёл в холл и осмотрелся. Холл был очень похож на тот, который он помнил по старым временам — те же стропила из чёрного дуба, тот же ряд фамильных портретов на стенах. Длинный обеденный стол был покрыт камчатой скатертью, с искусно вытканными изображениями водорослей, лягушек и каких-то извивающихся существ. Сквозь узкое окно с блёклыми, выцветшими витражами пробивался тусклый свет, почему-то наводящий на мысли о толще вод.

Над портретами висел родовой герб — огромная кабанья голова, искусно вырезанная из всё того же морёного дуба. Глаза кабана были закрыты, в отличие от оскаленной пасти.

Чугунная каминная решётка казалась затянутой тиной. Над ней плавали зеленоватые болотные огоньки. От камина ощущимо веяло холодом.

— Располагайтесь, сэр, хозяин скоро вернётся, — Бэрримор принял у доктора дождевик и кепи и заученным жестом отодвинул высокий дубовый стул с необыкновенно высокой и очень прямой спинкой. Ватсон такие стулья ненавидел, но во всех приличных домах подобная мебель была в чести. Увы, даже изнанка реальности не стала исключением.

— Извините, что не предлагаю перекусить: у нас это не принято, — хлопотал Бэрримор. — Кстати, — забеспокоился он, — вы пили и ели на той стороне? Это крайне желательно для поддержания стабильности вашего астрального тела...

— Мистер Йожин любезно угостил меня джином и сухарями, — усмехнулся Ватсон.

— Вас встречал Йожин? — на бесстрастное лицо Бэрримора легла тень. — Он с континента, — сообщил он таким тоном, каким говорят о незаконнорождённых. — Господин его пожалел и взял к себе на службу.

— И вы ревнуете, Бэрримор?

— Я не доверяю таким, как этот Йожин, сэр. Людоеды бывшими не бывают.

— Так он людоед? — Ватсону вспомнились голодные огоньки в глазах проводника.

— Ходят такие разговоры, сэр.

— Вот как? И что ж такого с ним случилось, что сэр Бэрримор преисполнился сочувствия к этому подозрительному субъекту? — поинтересовался доктор, устраиваясь за столом.

— Последний век он жил в каком-то тихом болоте — кажется, где-то в Польше, если я ничего не путаю, — объяснил Бэрримор. — Там во время войны германцы использовали газ. Хлор или что-то вроде того. Ему пришлось выйти на свет, его заметили и даже пытались изловить. Вот он и эмигрировал.

— Разве существа, вам подобные, боятся отравляющих веществ? — заинтересовался Ватсон. — Ох, извините, Бэрримор — разумеется, вы человек...

— Не за что, сэр. Я призрак, и знаю своё место. А те, кого вы имели в виду — живые. Не совсем как люди, но они пьют, едят и дышат.

— Их можно убить? — доктор попробовал откинуться и вытянуть ноги, но высокая спина стула

— Всех можно убить, — вздохнул старик, — вот только зачем?

Ватсон не нашёлся с ответом и уставился на переливающиеся огоньки в камине. Под его взглядом они ожили и начали разгораться, брызгая зелёными искрами. Тогда он перевёл взгляд на фамильные портреты. Его внимание привлекла дама в голубом платье. Работа Неллера, вспомнил он слова Холмса, произнесённые много лет назад — за сутки до того самого вечера. Дама чем-то напоминала Гемму Ронкони, только старше, в расцвете зрелой красоты. Присмотревшись, Ватсон вздрогнул — ему показалось, что губы женщины на портрете двигаются. Да, вне всяких сомнений — она что-то говорила, и, несомненно, что-то очень важное, важное и интересное, нужно только прислушаться...

— Сэр! Не смотрите туда, сэр!

Доктор в гневе обернулся, чтобы заткнуть нахального старика, позволившего себе отвлечь его от важного разговора — и замер с открытым ртом. Наваждение спало.

— Осторожнее с картинами, сэр, — извиняющимся тоном сказал Бэрримор. — Вас может затянуть внутрь, и потом придётся вас вытаскивать.

— Внутрь чего? — не понял доктор.

— Внутрь картины, сэр, — пояснил Бэрримор. — Вы же не хотите оказаться внутри картины?

— Н-да, у вас тут непростая жизнь, — заметил Ватсон.

— Что вы! Есть места и похуже, — искренне сказал старик. — Мне тут, во всяком случае, понравилось.

— Чем именно? — решил на всякий случай разведать обстановку доктор.

— Трудно так сразу сказать, сэр. Тихо, спокойно, хорошее обращение, и всегда знаешь, чего от тебя потребуют. В духовных мирах неизвестно какая жизнь. И туда можно попасть только через вышний суд. Мало ли что на нём решат.

— Гм. Неужели вам есть чего опасаться, Бэрримор? — доктор посмотрел на старого слугу с интересом. — На вашей совести есть тайные грехи?

— Жизнь — сложная штука, сэр, — уклонился от вопросов старик. — А вот и сэр Баскервиль прибыл!

— Где? — не понял Ватсон.

— Перед вами, сэр, — Бэрримор склонился в старомодном полупоклоне, обращённом почему-то к стене с портретами.

Ватсон поднял голову и увидел, что глаза кабаньей головы открыты и смотрят прямо на него.

3

— Сэр Баскервиль! — объявил дворецкий.

— Доброго прибытия, почтеннейший мастер Ватсон, — отчётливо произнесла голова. Голос был низким и глухим, как буд-

то доносился из железной бочки. Ватсону стало несколько не по себе, но он быстро взял себя в руки.

— Добрый день, сэр, — ответил он, — пытаюсь встать. Кабан, судя по всему, был высокопоставленным духом, а Ватсон читал, что подобные существа любят церемонии.

— О, прошу вас, досточтимый мастер Ватсон, располагайтесь вольно и никоим образом не беспокойте себя. Вы ведь наш дорогой гость, и к тому же обладаете более высоким достоинством, нежели мы, — пробасил кабан.

— То есть? — не понял Ватсон.

— Вы являетесь живым человеком из плоти и крови, обладателем бессмертной души, — объяснила голова, — а мы, сколь бы ни было высоко наше служение, всего лишь призраки, хотя и обладаем определённым могуществом, ибо мы имеем честь пребывать в высоком сане родового духа.

— Как это? — заинтересовался доктор. Про родовых духов он читал в записках некоей ясновидящей из Иллинойса. Но записки были написаны крайне невнятно, к тому же и ясновидящая не внушала доверия, поскольку по происхождению была цыганкой, а по первой профессии — сводней.

— Позвольте нам изъяснить наше естество в самых кратких выражениях, — кабанья голова закатила глаза, и Ватсон понял, что его ждёт длинная напыщенная тирада. — Родовой дух есть одушевлённое средоточие божественного намерения, вложенное, подобно некоему семени, мудрым Творцом в сокровеннейшие глубины душ всех членов рода, начиная с почтенного первооснователя и кончая отдалённейшими потомками его, за исключением незаконнорождённых, кои, неуклонно протрубуриемые рогами собственной нечистоты...

— Чем-чем турбурируемые? — невежливо перебил Ватсон.

Голова смущённо повернула рыло на сторону.

— Проще говоря, — сказала она, — мы — дух, который следит за делами семьи Баскервилей. Нас можно называть сэром

Баскервилем... так сказать, Баскервилем вообще. — Мы несём наше служение начиная с одиннадцатого века.

— Очень приятно, сэр, — подумав, сказал доктор. О древности рода Баскервилей он решил не спорить: обстановка не располагала.

Клыкастая пасть осклабилась. Ватсону даже показалось, что это была смущённая улыбка.

— И нам чрезвычайно приятно, — пробасил кабан. — Признаться, мы опасались, что вы не примете наше приглашение, ведь оно несколько экстравагантно и противоречит обычаям. Но, поверьте, обстоятельства дела столь чрезвычайны и в то же время деликатны, что мы осмелились побеспокоить...

— Ничего-ничего, — замахал руками Ватсон, опасаясь, что голова опять начнёт вещать про какие-нибудь рога нечистоты. — Мне очень интересно. В конце концов, немногим доводилось при жизни посетить тот свет...

— Никоим образом, мастер, — снисходительно улыбнулась голова, показав длинные клыки. — Настоящий, как вы изволили выразиться, «тот свет», сиречь обители душ, полностью завершивших земное существование, закрыт для живых и живущих самим Творцом. Разумеется, вы непременно посетите эти места, но в своё время. Ныне же вы пребываете в так называемом Призрачном Мире, который являет собой часть мира материального, хотя и в несколько урезанном виде, если вы извините нам столь вульгарное и низменное выражение, достойное скорее школяра, нежели учёного мужа...

— Где урезанном? — Ватсон понял, что клыкастого сэра Баскервиля нужно останавливать короткими вопросами, не давая заговариваться.

— Позвольте нам изъяснить это следующим образом. Подлунный мир, в котором вы имели честь и удовольствие находиться доселе, состоит из четырёх стихий, или коренных природных сил, каковые суть земля, вода, воздух и огонь. Этого последнего в нашем, так сказать, отделении мира и не хватает. Отсутствие

столь важной стихии, равно как и избыток сил воды и земли, делает наш мир несколько текучим, в чём вы уже, наверное, имели возможность убедиться...

— Да уж, — не удержался доктор. — Тут всё как-то... засасывает.

— Воистину, меткое наблюдение, — кабаньи глазки одобрительно прищурились. — Собственно, по этой самой причине наш мир именуют «водяным адом». Разумеется, это всего лишь недоброжелательное иносказание, ибо истинный ад, равно как и истинный рай, находятся за пределами всякого людского воображения. Даже огненный мир, в котором совершенно отсутствует сила воды, адом не называется, что бы там не говорили невежды и профаны, притворяющиеся сведущими и гордящиеся книжными познаниями...

— Не хотел бы я оказаться в огне, — пробормотал Ватсон.

— И это весьма резонно и предусмотрительно, достопочтенный мастер Ватсон! Без особенных и не всякому смертному доступных мер предохранения, — наставительно заметил родовой дух, — человек, оказавшийся в огненном мире, проживёт весьма недолго. — Хотя некоторые предприимчивые или безрассудные люди посещали и такие места, с теми или иными намерениями. Но, к нашему великому счастью и удовольствию, род Баскервильей связан лишь с благими и жизнепитательными силами воды и земли, средоточием коих является великая Гримпенская трясина. Но не будем рассуждать об этом много, ведь время дорого, так что не стоит тратить ни скрупула его драгоценной субстанции на празднословие, справедливо почитаемое меж людьми и духами пустым занятием...

Ватсон тихонечко вздохнул.

— Итак, приступим же! — клыкастый сэр напустил на морду чрезвычайно важный и торжественный вид. — Мы имеем сообщить вам, досточтимый мастер, что, в качестве родового духа, мы обладаем многими важными правами и привилегиями, среди коих, подобно алмазу среди менее значительных драгоценно-

стей, сияет наше право на осуществление правосудия. Разумеется, мы не смеем выносить решения, касающиеся людей, ибо их дух и судьба находятся всецело в руке Творца и вышних ангелов. Зато мы исправно следуем нашему призванию, когда дело касается исполнения долга низших духов, связанных с нашим великим родом. Ныне же, — кабан шумно фыркнул, — мы столкнулись с ситуацией столь двусмысленной и затруднительной, и более того, небывалой даже в самые отдалённые времена... — сэра Баскервиль понял, что окончательно запутался в придаточных предложениях, наморщил рыло и задумался.

— Простите, что отвлекаю, сэра, — вступил доселе молчавший Бэрримор, — но прибыл господин обвинитель.

4

Старый слуга прошёл прямо сквозь стол — его поверхность при этом пошла кругами — и встал напротив Ватсона, после чего почтительно отодвинул стул и склонился в полупоклоне со словами:

— Прошу вас, сэра, ваше посещение — огромная честь для нас...

Ватсон был внутренне готов ко всему — например, что из камина выпрыгнет жаба в золотых позументах, или что из стены выкатится золотой обруч и превратится в говорящую цаплю. Но всё оказалось куда прозаичнее. Рядом с отодвинутым стулом нарисовался человек с очень характерной внешностью. Острые, хищные черты лица, блестящие чёрные волосы, чисто выбритый подбородок, безупречный костюм и старомодная длинная булавка для галстука — всё это более чем соответствовало классическому облику высокопоставленного судейского: доктору доводилось знать и эту породу. Впечатление подчёркивали зелёные когтистые лапы. Впрочем, когти у господина обвинителя были золотые, а указательный правой — инкрустирован изумрудом.

— Доброго прибытия, почтеннейший мастер Алабастр, — пробасил со стены сэра Баскервиль. — Весьма прискорбно, что

два столь славных милорда встречаются при столь печальных обстоятельствах...

— Доброго дня, сэр, — бросил гость, — вежливо, но быстро склонил голову перед хозяином холла, после чего повернулся и уставился на Ватсона холодными немигающими глазами.

— Господин Алабастр, — представил его Бэрримор, — доктор Ватсон. Доктор Ватсон, господин Алабастр.

Гость подарил Ватсону кивок и сел.

— У меня есть несколько формальных вопросов, — сказал он сухим и скрипучим голосом. — Я имею честь беседовать с доктором Джоном Хэмишем Ватсоном, отставным офицером военно-медицинской службы Её Величества, действительным членом Общества Психических Исследований?

— Всё верно, — ответил доктор.

— Вы христианин?

— Это разве ваше дело? — насупился Ватсон.

— Нам необходимо это знать, — твёрдо сказал господин Алабастр.

— Достопочтенный мастер Ватсон, — пробасил кабан, — господин Алабастр отнюдь не пытается вторгнуться в священную область вашей совести. Он интересуется лишь фактом совершения над вами таинства крещения.

— В этом смысле — да, — сказал доктор.

— Вы бывали когда-либо осуждены законным судом графства Девоншир?

— Случалось, — вздохнул Ватсон, — недавно мне пришлось выплатить штраф. Я осваивал новый автомобиль и задвил цыплёнка.

— Понятно. Были ли в вашем роду волшебники, друиды, ясновидящие, мошенники, преступники или безумцы? — продолжал Алабастр.

— Насколько мне известно, Ватсоны всегда отличались здравомыслием и законопослушанием, — усмехнулся доктор.

— Верите ли вы в существование духовного мира?

— Трудно не верить в то, где находишься, — доктор пожал плечами.

— Человеческая способность к самообману практически беспредельна, — заметил господин Алабастр несколько менее сухим тоном. — Я имел в виду: вы верили в духовный мир до того, как получили наше приглашение?

— Да. Я давно изучаю спиритические феномены и вполне убеждён в истинности хотя бы некоторых из них, — ответил Ватсон.

— Точный ответ, — одобрил судейский. — Каким образом вы получили приглашение?

— Через медиума, пользующегося моим доверием. Но вы же сами всё это знаете? — не понял доктор.

— Процедура должна быть соблюдена, — пояснил судейский. — Сообщили ли вам полные и исчерпывающие сведения о том, каким образом вы можете попасть в Призрачный Мир без ущерба для себя и своей души?

— Как видите. Иначе я бы здесь не сидел, не так ли?

— Знакомы ли вы с историей семьи Баскервилей?

— Как сказать... Скорее да. К тому же я был участником событий, связанных с этой семьёй, — медленно проговорил Ватсон. — Собственно, из-за этого я в конце концов и обратился к спиритуализму.

— В таком случае, — господин Алабастр извлёк из воздуха лист бумаги, — вы удовлетворяете всем условиям. Примите и заверьте собственноручно, — он протянул ему бумагу, украшенную какими-то символами и знаками.

— Пойдите, — решительно сказал доктор. — Я ничего не буду подписывать, пока не пойму, что происходит и в чём будут заключаться мои обязанности.

— Справедливо, — признал Алабастр. — Обстоятельства таковы. Некий дух, вам лично известный, в настоящее время находится под родовым судом Баскервилей за совершённые им проступки. В принципе, решение по таким делам принимает сэр

Баскервиль единолично. Но данный дух потребовал для себя так называемого высшего суда. Высший суд — это суд, в котором право выносить решение делегируется существу, превосходящему подсудимого как минимум на одну иерархическую ступень. Право на подобный суд получает всякое существо, перешагнувшее порог смерти, в том числе и люди. Вы знакомы с духовной иерархией?

— В самых общих чертах, — Ватсон не стал углубляться в тему.

— Поясню. В случае человеческой смерти высшим судом считаются так называемые мытарства, через которые проходят человеческие души, полностью завершившие земное поприще. В качестве судей и защитников обычно выступают ангелы-хранители усопшего. Что же касается низших природных духов, к каковым и относится подсудимый, то для них в роли высшего судьи может выступать, например, человек.

— Я был знаком с некоторыми духами, — сказал Ватсон, — даже с духом Наполеона. Но элементарей среди них не было.

— Я не имею в виду ваши спиритические увлечения. Вы были знакомы с неким природным духом в то время, когда он пребывал во плоти и крови, и имел человеческое тело, — пояснил господин Алабастр. — Некоторые духовные существа получают такую привилегию в особых целях.

— И он воспользовался моим доверием самым ужасным и отвратительным образом, сначала совершив измену, а потом и вовсе погубив своего господина, — прогундосил со стены сэр Баскервиль.

— Это нам лишь предстоит выяснить, — твёрдо сказал господин Алабастр. — Итак, согласны ли вы принять на себя обязанности судьи?

— А что, если я откажусь? — поинтересовался Ватсон.

Господин Алабастр молча вытащил из кармана коробку спичек и небольшую сигару. Доктор в недоумении уставился на эти предметы.

— Вы можете в любой момент нас покинуть, — сообщил судейский. — Достаточно глубоко затянуться. Как только в ваши лёгкие проникнут частицы дыма, вы станете совершенно чужды этому миру, лишённому сил огня. Фигурально выражаясь, вас вынесет отсюда, как пробку из бутылки шампанского.

— Куда? — Ватсон потянулся за сигарой.

— Человек, покидая Призрачный Мир, — ответил господин Алабастр, — обычно перемещается в какое-нибудь знакомое ему место. В вашем случае вероятнее всего, что вы попадёте прямоком в личный кабинет. Ваши вещи мы переправим следом. Извините за беспокойство.

— Ну уж нет, — сказал доктор, решительно отодвигая от себя курительные принадлежности. — Я не для того сюда добирался с такими трудами, чтобы быть куда-то вышвырнутым пробкой.

— То есть, — уточнил въедливый Алабастр, — вы готовы вынести окончательное решение по означенному делу?

— Разумеется. Иначе я до конца своих дней буду мучиться от любопытства, — признал Ватсон, подвинул к себе бумагу. — Где расписываться? И чем?

— Достаточно приложить руку, вот так, — Алабастр растопырил пятерню и положил её на стол.

Ватсон прижал ладонь к бумаге. На мгновение он снова ощутил текущий ветер внутри, а потом лист сморщился и исчез.

5

— Я совсем забыл, — сказал доктор, — я же не знаю ваших законов.

— О, это не столь важно. По нашим законам, — ответил Алабастр, — от вас требуется только справедливость и беспри-

страстность. Приступим. Доктор Ватсон, что вам известно об обстоятельствах так называемого «дела собаки Баскервилей»?

— Я даже написал об этом деле книгу, — ответил доктор. — В ней я изложил все подробности, мне лично известные. За исключением одной детали, которая показалась мне несколько странной. В конце концов, она-то всё и изменила.

— Что именно? — подался вперёд господин Алабастр.

— Пасть и глаза собаки, — Ватсон прикрыл глаза, вспоминая ту ночь, — были покрыты каким-то светящимся веществом. Когда мы её убили, я прикоснулся к нему и мои пальцы тоже засветились. Холмс сказал, что это какой-то люминофор, лишённый запаха, чтобы у собаки не исчезло чутьё.

— И что же?

— Впоследствии я часто вспоминал об этом веществе, — сказал Ватсон. — Потому что, благодаря Холмсу, а также своему врачебному опыту, я кое-что знаю о светящихся составах. Все они летучи, но ни одно из них не лишено запаха, и не могло бы испариться, не оставив ни малейшего следа.

— А было именно так? — на всякий случай уточнил Алабастр.

— Именно так, — подтвердил Ватсон. — Уже через минуту ни на собаке, ни на моей руке ничего не осталось. Холмс хотел взять образцы, и потерпел неудачу.

— Что вы думаете об этом теперь?

— Эктоплазма. Субстанция, выделяющаяся из тел медиумов во время транса. Я сам неоднократно наблюдал её появление и прикасался к ней. Это было то же самое.

— И поэтому вы увлеклись спиритизмом?

— Не сразу. Но это послужило неким толчком, — сказал Ватсон после небольшой паузы.

— И теперь вы считаете, что собака Баскервилей была призраком? — не отставал Алабастр.

— Нет. Её тело вполне материально, я готов засвидетельствовать это и сейчас. Но это существо имело связь с какими-то

окультными силами, я в этом убеждён. Возможно, натуралист Стэплтон производил над ней какие-то опыты...

— Понятно, — заключил Алабастр. — Введите обвиняемого!

Зелёные огоньки в камине отчаянно заметались, и из воздуха выступила другая фигура. Это был очень худой, сгорбленный, но высокий человек, с длинным носом, торчащим между близко посаженными глазами. Нижнюю часть лица скрывала растрёпанная полуседеющая борода. Одет он был в ужасающе грязный тренкот и рваные форменные брюки. Ступни были заматаны окровавленными тряпками, на груди можно было различить пятно характерной формы.

— Здравствуйте, Ватсон, — хрипло прокаркал человек, — не думал, что увидимся. Извините за голос — у меня пуля в лёгких.

— Доктор Джеймс Мортимер, — не поверил своим глазам Ватсон, — как вы здесь оказались?

— Своим ходом, — доктор закашлялся, на губах показалась кровь.

— Презренный изменник... — начал было сэръ Баскервиль, но господин Алабастр его прервал:

— Приговор ещё не вынесен. Пусть обвиняемый расскажет суду об этом деле, не упуская никаких подробностей. Доктор Ватсон, вы имеете право задавать любые вопросы, вплоть до самых личных.

— Нет, постойте, — нахмурился доктор. — Вы мне говорили, что я буду судить какого-то духа. А доктор Мортимер — человек... хотя, похоже, мёртвый, — сказал он, приглядевшись к пятну.

— Уж простите, — прохрипел доктор Мортимер, — они правы. Я не человек. Я болотник. Меня и звать-то... — он опять закашлялся.

— *Morte mer*, сиречь мёртвая вода, есть обыкновенное наименование болота на благородном норманнском наречии, —

подал голос сэр Баскервиль. — Сие есть распространённое прозвище болотных духов.

Ватсона, однако, занимало другое.

— Человек он или нет, но доктор Мортимер стоит здесь, перед нами, в грязной одежде, страдая от ран, которые получил при жизни. Это можно как-то исправить?

— Если вы того пожелаете, — сказал Алабастр.

— Я требую этого.

— В таком случае... — судейский повёл рукой. Доктора Мортимера закрутило волчком, и Ватсон успел заметить, что руки у него стянуты за спиной проволокой.

Через несколько секунд доктор Джеймс Мортимер сидел за столом, одетый в поношенный, но чистый пиджак и белую рубашку со слегка обтрёпанными манжетами. На лице появились очки в тонкой золотой оправе.

Доктор первым делом расстегнул пуговицу на левом рукаве и принялся с наслаждением массировать себе кисть руки, с которой на глазах сходил огромный кровоподтёк.

— Спасибо, доктор, — почти нормальным голосом сказал он. — Хорошо, что вы всё-таки приехали. Я тут с войны.

— И что же? — ужаснулся Ватсон, — они всё это время вас держали... в таком виде?

— Пустяки, — доктор Мортимер махнул рукой. — У нас тут время течёт по-другому, а когда не надо — вообще не течёт. К тому же мой хозяин на меня несколько обижен, поэтому на мою долю никакого времени и вовсе не выделяли. Я хранился, как сардина в жестянке. Кстати, — оживился он, — чем закончилась та заварушка? Надеюсь, усатый болван Вильгельм получил по шапке?

— Сейчас он живёт в Голландии, разводит капусту и пишет мемуары, — усмехнулся Ватсон.

— Славно. А то тевтонские варвары меня очень больно расстреляли, — доктор поморщился.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы предаваться личным воспоминаниям, — напомнил господин Алабастр. — Сейчас вы должны честно и без утайки рассказать все обстоятельства, связанные с делом Баскервилей.

— С чего начинать? — буркнул доктор Джеймс Мортимер. Ватсон про себя отметил, что Джеймс несколько огрубел в окопах.

— С проклятия рода, — распорядился Алабастр.

— Эту часть можно пропустить, — сказал Ватсон. — О проклятии я знаю. Доктор Мортимер зачитывал мне и Холмсу рукопись сэра Гуго, потомка того самого Гуго Баскервиля... Или вы о чём-то умолчали?

— Было дело, — признал доктор. — Нет, рукопись-то я прочёл слово в слово. Просто к тому времени кое-какие неприятные детали забылись. Хотя основные факты в ней изложены верно. Проклятие Баскервилей и в самом деле существует, и виной тому — дерзкий и нечестивый Гуго.

— Который посягнул на честь сельской барышни? — вспомнил Ватсон.

— Вот именно, — подтвердил Джеймс. — А теперь я расскажу подробности.

Ватсон заметил, что кабанья голова на стене как-то обвисла вниз и поджала ушки. Похоже, для родового духа наступил неприятный момент.

— Итак, в глухие времена некий Гуго Баскервиль, жестокий и надменный хозяин поместья, поймал и увёз к себе девицу, фермерскую дочку — понятно зачем. Он и раньше такое проделывал, и ему всё сходило с рук. На нашу беду, девица была из древнего рода друидов. Её ничему не учили, но у неё был врождённый Дар...

— О котором она, похоже, сама не подозревала, — буркнул с сожалением кабан.

— Вот именно... Гуго привёз её в свой дом и принялся пировать, оставив девушку на сладкое. Она тем временем сумела

бежать, спустившись по плющу со стены замка. Гуго бросился в погоню...

— И за ним погналась адская собака, — напомнил Ватсон.

— Вот тут и начинаются расхождения с легендой. Он её настиг, поймал, а дальше проделал всё то, что намеревался. То есть надругался над ней и потом на всякий случай задушил. На свою беду, он совершил всё это у древнего капища друидов, у священных каменных столбов, где древняя магия сильна даже сейчас, а уж в те времена... И когда он кончал с девушкой, она его прокляла.

— Как именно? — скучающим тоном знатока спросил господин Алабастр.

— Назвала его мерзкой собакой, всех его детей — хищными псами, и пожелала всем Баскервилям, посягнувшим на женщину, жрать собственное семя. Вряд ли бедняжка надеялась, что её — слова сбудутся. Но естественная магия умирающей ведьмы, усиленная магией капища, сработала. С тех пор весь род Баскервелей проклят. Всякий потомок сэра Гуго, пытающийся совершить насилие над женщиной, превращается в пса. И стремится сожрать своё семя, то есть потомство и родственников. То есть других Баскервелей, если они не убьют его раньше... Разумеется, первым на собственной шкуре это испытал сам Гуго Проклятый. Его прикончили его же дружки, застав над трупом девушки. Которым он ужинал.

— Это похоже на то, что происходит с оборотнями, — заметил господин Алабастр, — только превращение необратимо.

Ватсон задумался.

— Пожалуй, — наконец, сказал он, — подобное проклятье не мешало бы наложить на добрую половину человечества. Это навеки пресекло бы самое отвратительное из всех преступлений, совершаемых мужчинами.

— Не могу не отметить, что почтенный мастер Ватсон совершенно прав, — кабанья голова вздёрнула рыло. — В сущности говоря, это прискорбное происшествие весьма способство-

вало умножению добронравия в нашем семействе, каковое могло бы послужить примером многим прочим родам, среди которых...

— Не всё так прекрасно, — лицо доктор Мортимера пере-секла злая усмешка. — Кровь беспутного Гуго время от времени давала о себе знать. Не будем сейчас вспоминать, сколько Баскервией обратилось в псов, и что ними случалось дальше. Не-сколько раз...

— Это не суть важно, — перебил кабан, — ибо в конце концов мы решили более не оставлять наследников Гуго без при-смотра. Посему с некоторых пор мужчин из этого рода, живущих в родовом замке, где проклятье особенно могущественно, сопровождает советчик и спутник, знающий тайну и облечённый пол-номочиями хранить его и защищать, в особенности же от соблаз-нов, приводящих к осуществлению проклятия. Таковые обычно избираются нами из низших духов, имеющих тело, и благослов-ляются нами на подобное служение.

Ватсон вопросительно посмотрел на доктора Мортимера. Тот ответил на взгляд коротким кивком.

6

— Теперь расскажите нам о сэре Чарльзе, — потребовал Алабастр.

— Он долго жил в Южной Африке и не нуждался в спут-нике, — ответил Мортимер, — Женщины там доступны, к тому же в тех землях своя магия, и проклятие не столь действенно, как в девонширских болотах, близ Гримпенской трясины. Но ему вздумалось вернуться в родные края. Тогда-то я и вышел из род-ного болота и приступил к своему служению, которое закончи-лось столь плачевно.

— А статьи в «Ланцет» вы отправляли прямо из тряси-ны? — язвительно спросил Ватсон.

Доктор только махнул рукой.

— Мне не чуждо тщеславие. Это нам вообще свойственно. Нам — в смысле болотной нечисти. Например, знакомый вам

Йожин мечтает, чтобы о нём сочинили песню. А я изучал биологию и отправлял статьи в научные журналы. Приходилось, конечно, немного отводить глаза, чтобы создать впечатление, что меня где-то видели и помнят. Зато, когда я получил разрешение на постоянное пребывание на твёрдой почве, у меня уже имелась репутация в научных кругах. Собственно, поэтому сэр Баскервиль меня и отрядил на такую работу. Я был командирован к сэру Чарльзу Мортимеру, охранял и защищал его, был его врачом и другом.

— О чём мы весьма сожалеем, — вздохнул кабан, — ибо ты не исполнил своего долга, и даже изменил ему...

— У меня не было выбора! — крикнул подсудимый.

— Тихо! — рявкнул господин Алабастр. Ватсону почудилось, что из ноздрей господина обвинителя посыпались искры.

Стены замка дрогнули. Где-то с шумом затрещала потолочная балка. Зелёные огоньки в камине вспыхнули и разом погасли.

— Господин дракон! Прошу вас! — взмолился Бэрримор.

— Пффф, — судейский сделал судорожное движение ноздрями, как будто втягивая в себя что-то, готовое вырваться наружу.

Грохот и треск прекратились. Над решёткой робко загорелся крохотный огонёк, через пару мгновений к нему прибавился второй.

— Вы дракон, сэр? — заинтересовался Ватсон. — Простите моё любопытство, но я представлял себе драконов совсем иначе.

— Да, — подтвердил господин Алабастр не без некоторого самодовольства, — я житель мира, в котором отсутствует сила земли, зато огонь и вода находятся в соединении. Поскольку же стихия огня превосходит все остальные стихии...

— В разрушительности и губительности своей природы, — не удержался кабан.

— Джентльмены, давайте всё-таки о деле, — Ватсон подумал, что спор о достоинствах стихий может кончиться плохо. — Я так и не понял, что же дурного совершил доктор Мортимер. Насколько мне известно, он был верным другом сэра Чарльза.

Алабастр внимательно посмотрел на Мортимера. Тот опустил глаза.

— Моей основной задачей, — сказал он, — было удержание сэра Чарльза от неджентльменского поведения с женщинами. Не то чтобы меня к нему приставили как донну к невинной девушке, — криво ухмыльнулся болотник, — мне важно было только одно: чтобы он не пытался поступить как Гуго. Я надеялся, что почтенный возраст и хорошие манеры уберегут его от этого. И просчитался.

У Ватсона округлились глаза.

— Что? Сэр Чарльз накинулся на какую-нибудь деревенскую красотку?

— Всё сложнее, — вздохнул доктор. — Началось с того, что он влюбился в некую особу, Лауру Лайонз из Кумб-Трейси, дочь старика Френкленда. Помните Френкленда?

Доктор невольно улыбнулся, потом нахмурился.

— Сэр Чарльз? Влюбился? В эту Лауру? Но ведь она...

— Давайте, что ли, по порядку. Сэр Чарльз, несмотря на возраст, был ещё на что-то способен, а Лаура была доступной и соблазнительной женщиной. Кроме того, она нуждалась в средствах, чтобы вести бракоразводный процесс, а у сэра Чарльза они имелись. Короче, у них завязался роман. Я не мешался в эти дела, так как всё происходило по обоюдному согласию. Эта связь продолжалась где-то с год. Потом Лаура влюбилась в натуралиста Стэплтона, который дал ей надежду на законный брак.

— И обманул её, — вспомнил Ватсон. — Он даже выдавал свою жену за сестру, чтобы иметь свободу рук.

— Не всё так просто. Видите ли, Стэплтон был совсем не тем, чем казался... но к этому мы ещё вернёмся. Так или иначе, намерения Стэплтона, в чём бы они не состояли, она приняла за

возможность надёжно устроить жизнь. И решилась расстаться с сэром Чарльзом, который к тому же интересовал её скорее как источник средств, чем как мужчина. Я говорил ему это сто раз, — с горечью сказал доктор Мортимер, — но он меня и слушать не хотел. Для него эта Лаура была последней любовью. В таких ситуациях стареющие мужчины обычно слепы и глухи. Он верил в её чувства к нему, пока не получил то злополучное письмо, где она, наконец, призналась, что любит другого и хочет завершить отношения. Кстати, если бы не Бэрримор, вы бы об этом письме не узнали.

— Я хотел как лучше, сэр, — пробормотал старый слуга.

— А, сгоревшее письмо! «Умоляю вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов вечера» — вспомнил Ватсон.

— Да-да, именно это. Лаура Лайонс хотела попрощаться и отдать сэру Чарльзу его письма к ней. Благородное решение, благо оно ничего не стоит. В отличие от подарков, которые она возвращать не собиралась... Но сэр Чарльз не оценил её благородства. Он был совершенно убит горем и яростью. И тогда ему пришлось в голову как раз то, чего мы так боялись.

Ватсон недоверчиво покачал головой.

— Да, он намеревался заманить в дом и там запереть. Он даже приготовил специальную комнату для этой цели, с надёжными засовами и узким окном. После чего — преподать ей урок послушания. Он убедил себя, что Лаура на самом деле любит его, и её отношения со Стэплтоном — просто капризы, а в глубине души она мечтает о твёрдой руке. Хотя в таких делах твёрдой должна быть не рука, а кое-что другое.

Ватсон в который раз подумал, что защита Отечества — дело высокое и благородное, но крайне скверно влияющее на манеры. Если бы кто-нибудь сказал подобную пошлость при Гемме...

— И что из этого вышло? — спросил он.

Мортимер пожал плечами.

— Я встретился с Лаурой и уговорил её не ходить на это свидание. Когда надо, я умею быть убедительным.

— Простите, — подался вперёд Ватсон, — но я хорошо помню ту сцену. Лаура при мне говорила, что письмо было написано по наущению Стэплтона, и он же уговорил её не приходить.

— Ну, первое было отчасти правдой — хотя содержание письма Лаура в своём рассказе слегка отретушировала. Второе — нет. Стэплтона она побаивалась, но ещё больше она боялась меня.

— Почему? — спросил Ватсон.

— Я ей кое-что показал, — не стал вдаваться в подробности доктор Мортимер. — Кое-что такое, чего Стэплтон не мог, несмотря на всю свою силу. Так или иначе, она не пришла.

— Это мы знали и раньше, — сказал Ватсон.

— Но не сэр Чарльз. Видите ли, если бы Лаура просто не явилась, он не отказался бы от своего скверного намерения. Поэтому я решил его напугать. Дать ему, так сказать, наглядный урок, который открыл бы ему глаза на то, что его чувства, по сути, безумны...

— Мы полагаем это оскорблением благородного члена нашего рода, — встрял сэр Баскервиль.

Алабастр чуть повернул голову, выражение его лица не сулило ничего хорошего. Кабанья голова по уши вжалась в стену.

— И что же именно вы сделали? — поспешно спросил Ватсон.

— Навёл морок. У нас, болотников, это неплохо получается, особенно в темноте и близ болот. Многие любят заманивать путников, дразня их видениями прекрасных женщин...

— И вы, — догадался Ватсон, — показали ему Лауру Лайонс?

— Именно так, — признал доктор Мортимер. — По моему плану, она должна была пройти сквозь калитку мимо опешившего сэра Чарльза по дорожке к дому, после чего растаять в воздухе

хе. Как я рассчитывал, после подобного зрелища сэр Чарльз усомнится в собственном рассудке — и побежит ко мне советовать-ся. Я бы сказал ему, что его мечтания о Лауре вызвали эротический психоз, назначил бы лечение успокоительными средствами и категорически запретил бы ему даже думать об этом женщине. Через какое-то время страсть угасла бы сама... Беда была в том, что к тому моменту бедный сэр Чарльз и в самом деле был не-сколько не в себе.

— И что же он сделал? — Ватсону стало интересно.

— Он рванул за ней, как кобель за сук... как Орфей за Эвридикой, — на сей раз ложноклассическая метафора резанула Ватсону ухо сильнее, чем откровенная грубость. — Видимо, он был готов на всё. И проклятие его настигло. Почтенный сэр Чарльз на моих глазах превратился в огромного пса преотвратительного вида. Поверьте, зрелище не из приятных.

— А как же тело? — вдруг пришло в голову Ватсону. — Ведь труп сэра Чарльза видели многие люди. Кто-то же похоронен в семейном склепе?

Доктор Мортимер замолчал. Алабастр уставился на него весьма пристально.

— Мне не хотелось бы об этом говорить, — наконец, выдавил из себя доктор.

— А придётся, — предупредил обвинитель.

Мортимер упорно молчал.

— В таком случае, — принял решение Алабастр, — пора вызвать главного свидетеля по этому делу. Если доктор не возражает — поскольку речь идёт о человеческом духе.

— Хотя мы полагаем его в высшей степени недостойном этого звания, — осуждающе прогудел дух Баскервилей и оскалил клыки. Из кабаньей пасти дохнуло злой колодезной сыростью.

— Вы согласны? — обратился к Ватсону дракон.

— Вызывайте, — Ватсон пожал плечами. — Кстати, я его знаю?

— С определённой стороны, — невнятно выразился Алабастр и сделал руками непонятный жест.

Мир снова покачнулся, стены вздрогнули и поплыли. Когда же Ватсон проморгался, то увидел, что рядом с Бэрримором стоит невысокий человек в костюме, пропитанном водой и перемазанном тиной. Вода стекала с его лица, грязь залепила лоб и склеила веки. На скуле багровела незаживающая царапина. Через плечо у новоприбывшего висела жестяная коробка для ботанических сборов.

7

— Стэплтон! — вскричал Ватсон.

Тот, услышав своё имя, открыл глаза — чёрные, цвета протухшего яйца.

— Я мёртв, — без выражения сказал человек. — Зачем вы тревожите мертвеца?

— Нельзя ли его... привести в порядок, что-ли? — попросил Ватсон. — Мне не очень-то приятно смотреть на этого человека, а в таком виде он особенно отвратителен.

— Как вам будет угодно, — дракон сделал ещё одно движение.

Лицо и фигура Стэплтона изменились. Грязь и тина исчезли, лицо приобрело естественный цвет, глаза — тоже. Если бы не остановившийся взгляд, то злополучного натуралиста можно было бы принять за живого, хотя и несколько потрёпанного обстоятельствами.

— Назови своё имя или имена, — потребовал Алабастр.

— Стэплтон. Ванделер. Баскервиль, — сказал мертвец. — У меня много имён.

— Теперь назови имя силы, которой ты служишь, — Алабастр нетерпеливо щёлкнул пальцами.

— Вы не имеете власти надо мной, — попробовал было упорствовать Стэплтон, но дракон так впился в него взглядом, что тот пошатнулся.

— Твои боги тебе не помогут, — насмешливо сказал дракон. — Повинуйся! — он поднял зелёную лапу с изумрудом и начертил в воздухе какой-то знак.

Глаза трупа, и без того не радовавшие сменой выражений, окончательно застыли. Было видно, что дух, удерживаемый внутри временной оболочки, подавлен и подчинён.

— Я раб loa Агве и loa Симби, — прошептали бескровные губы Стэплтона. — Я имел силу от них и творил волшбу их именем.

Ватсон вытаращил глаза.

— Что? Волшба?

— Он занимался магией, и весьма успешно, — мрачно сказал доктор Мортимер. — Можно сказать, на профессиональном уровне. Наш хороший знакомый был адептом вуду, тайного африканского культа.

Ватсон затряс головой.

Нет, это какая-то ошибка. Стэплтон и африканский культ? Он конечно, негодяй, но я в жизни не встречал более прозаического человека.

— Похоже, вы слишком много общались с шарлатанами, — не удержался от колкости болотник. — Колдовство — практическое и даже прозаическое занятие. А этот мерзавец был сильным колдуном. Таких называют бокорами: они занимаются уловлением тел и душ. При помощи иголок и булавок.

— Пойдите, — Ватсон сжал голову руками, пытаясь сосредоточиться. — Булавки? Я что-то читал об этом. Какое-то деревенское колдовство. Колдуны, делающие тряпичные куколки, изображающие жертв, и потом протыкающие их иглами, чтобы принести вред — это оно и есть?

— Примерно так, если говорить о внешней стороне дела, — подтвердил Мортимер.

— В таком случае вы все ошибаетесь, — решительно заявил Ватсон. — Мы с Холмсом были в доме Стэплтона и внимательно осматривали там всё. Никаких следов подобных занятий я

не видел. Если он кого и прокалывал булавками, то исключительно бабочек...

— Вот именно, — вздохнул Мортимер. — Люди удивительно слепы. Всё происходило буквально на ваших глазах. Зачем делать куколку из тряпок, когда можно взять живую куколку или бабочку? Вы знаете, Ватсон, что бабочка является символом человеческой души? Вы смотрели на его коллекцию насекомых и не понимали, что видите.

Доктор потряс головой, не желая верить.

— Стэплтон был ещё и ботаником. Может быть, и в этом вы усматриваете что-то предосудительное?

Мортимер посмотрел на доктора с удивлением. Потом криво ухмыльнулся.

— Да, вот что значат слова, — сказал он. — Для вас «ботаник» — что-то совершенно безобидное. А ведь раньше собирателей трав чурались. Потому что знали: некоторые растения собираются со вполне определёнными целями. В особенности — редкие болотные травы. Кое-какие растения силы растут только здесь, в сердце Гримпена. Потому-то Стэплтоны сюда и перебрались. А отнюдь не потому, что их утомили тропики.

— Он переехал в Девоншир, чтобы завладеть родовым поместьем и деньгами, — начал было Ватсон, но Мортимер его перебил:

— Деньгами? Вы вообще задумывались, на что живёт чета Стэплтонов?

— Холмс что-то говорил об остатках состояния. Да какое это имеет значение?

— В самом деле, никакого. В смысле — деньги для него значения не имели. Потому что он их мог заработать в любой момент, сколько угодно. Один мотылёк, умерщвлённый особым способом, или несколько капель какого-нибудь настоя или отвара, могли стоить столько, сколько вы, мой дорогой друг, получили бы за исцеление премьер-министра. Услугами Стэплтона пользовались очень серьёзные люди. Если бы он захотел, то мог

бы купаться в золоте. Но богатство его мало интересовало. Его интересовала Сила, — последнее слово Мортимер подчеркнул голосом.

— Нет, подождите, — Ватсон решил сражаться за остатки собственного здравомыслия до конца. — Он всё-таки белый. Откуда он мог набраться всей этой гадости? Втёрся в доверие к какому-то подозрительным черномазым? И они его приняли? Не верю.

— Вообще-то, — напомнил Мортимер, — это совершил его отец, Роджер. Он бежал в Южную Америку и осел на Гаити, где находится центр культа. Вы не были на Гаити? Очень интересное место.

— И зачем это было нужно Роджеру?

— Насколько я понимаю, он начал с того, что обратился к колдунам-вудуистам за каким-то делом. Бокоры умеют видеть человека изнутри. В Роджере они разглядели много интересного, в том числе и проклятие Баскервилей. Колдуны интересуются такими людьми.

— И что же дальше?

— Не знаю. Можно у него спросить, — Мортимер указал на неподвижно стоящего Стэплтона.

— Вы позволите? — обратился Ватсон к обвинителю.

— Я сам задам необходимые вопросы, — решил Алабастр. — Это всё-таки колдун, хотя и мёртвый. Общение с подобными существами требует мер предосторожности.

— Справедливо, — признал Ватсон.

— Раб лоа Агве, — обратился дракон к Стэплтону, подняв руку, — кто отдал тебя в учение и где ты учился своему искусству?

— Меня отдал отец, по завету с колдунами Башни Синего Света. Меня учил хунган Оромо, а потом мамбо Сели. Посвящение Агве принял я в Башне по имени Рухнувшая, и восприимчивыми были...

— Достаточно, — дракон опустил руку, и колдун замолчал.

— В самом деле, достаточно, — вздохнул Мортимер. — Дальнейшее и без того известно. Он выучился всему, что смогли дать ему учителя, а потом покинул их и перебрался в Коста-Рику, где при помощи вуду овладел сердцем первой красавицы Сан-Хосе, Бэзил Гарсиа. Они поженились, и он сделал из неё свою помощницу, жрицу-сестру... Кстати, сестрой он называл свою жену именно поэтому. Посвящённые считаются братьями и сёстрами. А они составляли так называемую священную пару — бокор-некромант и мамба-прорицательница. Это очень тесная связь — как половинки зерна. Что не помешало ему, когда пришло время... ладно, об этом потом.

— И ты, Мортимер, якшался со столь отвратительным колдуном и некромантом! — торжествующе прогрохотал голос сэра Баскервиля.

— А что я мог сделать? — равнодушно отвечивал Мортимер. — Я всего лишь болотник. Мои природные способности слабее его искусства, и у него был заложник. Сэр Чарльз.

— Как случилось, что сэр Чарльз оказался у него в руках? — обвинитель подался вперёд, ожидая ответа.

— Своим ходом, — вздохнул доктор Мортимер. — Этот колдун, как-никак, Баскервиль. А проклятие рода вызывает у обратившегося сильнейшее желание жрать своё семя, то бишь убивать других Баскервилей. Если бы у сэра Чарльза была семья, ей бы не поздоровилось. Но единственный из членов рода, который проживал в пределах досягаемости, был Стэплтон. Проклятие погнало сэра Чарльза прямо в Меррипит-хаус.

— И что было дальше?

— Если бы Стэплтон и его жена были обычными людьми, пёс растерзал бы их. Но сильный бокор — совсем другое дело. Он заклил пса, пленил и посадил на цепь. Получил над ним власть. А, следовательно, и надо мной тоже. Ведь я должен был охранять и защищать сэра Чарльза, во что бы то ни стало. Даже после того, что с ним случилось. Тем более — по моей вине.

— А труп, который вы выдали за тело сэра Чарльза, любезно предоставил вам Стэплтон? — вкрадчиво заметил дракон. — Это значит, что вы были знакомы с колдуном раньше, и знали о его занятиях.

— Пусть он сам скажет, — предложил Мортимер.

Алабастр кивнул, повернулся к безразлично вззирающему на всё Стэплтону и поднял руку.

— Вы предоставили духу-болотнику по имени Мортимер труп, чтобы выдать его за тело сэра Чарльза?

— Труп был украден, — безжизненным голосом сказал Стэплтон. — После этого я окружил остров среди болот, где хранил тела, магическим барьером.

Ватсон вспомнил островок с рудником, но промолчал.

— Зачем вам были нужны трупы?

— Для занятий некромантией. Мёртвые хорошо предсказывают будущее.

— Откуда вы доставали трупы? — уточнил Алабастр.

— Их разных мест. Последних добыл для меня каторжник по имени Сэдден. Это были солдаты, которые его ловили. Он убил двоих. Они мне достались совсем свежими.

— Кстати, а что случилось с Сэдденом? Почему пёс напал на него? — не удержался Ватсон.

К его удивлению, колдун ответил:

— Пёс не нападал на каторжника.

Алабастр строго посмотрел на Ватсона.

— Доктор, вопросы задаю я... Так вы держали тела на острове?

— Да.

— А потом вы поймали сэра Чарльза и держали там же?

— Да. Он причинил много вреда, этот пёс. Он ел трупы, и все они пришли в негодность. Пришлось от них избавиться.

— Но господин Мортимер не мог туда проникнуть и забрать пса?

— Никто не может одолеть барьер лоа Агве без её ведома и согласия. Только очень сильный колдун-человек.

— Что вы собирались сделать с собакой?

— Проклятый — хорошая жертва для лоа. Принести в жертву проклятого от своего рода очень хорошая жертва. Я готовил жертвоприношение лоа Агве. Она выпила бы его душу. И дала бы мне великую силу.

— Такое жертвоприношение — хуже самой смерти, — сказал Мортимер. — Это гибель без возврата.

— Что вы делали с псом?

— Я готовил его к жертвоприношению, — ответил Стэптон. — Когда сходятся звёзды четырёх великих созвездий и пяти планет...

— Достаточно, — быстро сказал дракон. — Обсуждение технических моментов в присутствии непосвящённых излишне. Можешь отправляться в свой ад, колдун.

— У меня вопрос, — вклинился Ватсон. — Кто убил торговщика Селдена?

— Я больше не могу держать эту душу в повиновении, — сказал дракон и взмахнул лапой с изумрудом.

Камень вспыхнул. Жестяная коробка для ботанических сборов грохнулась на пол, а тело колдуна рассыпалось на тысячи зелёных искр.

Итак, — Алабастр пристально посмотрел на Мортимера. — Резюмируем. Вы стали причиной того, что проклятие сбылось, и хуже того — ваш подопечный попал в плен к чёрному колдуну. Что вы можете сказать в своё оправдание?

— В общем-то, ничего, — развёл руками доктор. — Откровенно говоря, я не знал, что делать. А когда прямо из Канады, как снег на голову, свалился сэр Генри, я просто впал в отчаяние.

— И не придумали ничего лучшего, нежели обратиться за помощью к Шерлоку Холмсу? — не выдержал Ватсон. — К сыщику!

— Мне не нужен был сыщик. Мне нужен был сильный маг, который поможет мне одолеть Стэплтона, — совершенно серьёзно сказал доктор Мортимер. — Именно за этим я и обратился к Шерлоку Холмсу.

8

Ватсон посмотрел на обвиняемого испуганно, после чего выразительно постучал пальцем по лбу.

— Сэр, — обратился он к дракону, — простите меня, но, по-моему, мой несчастный друг в результате перенесённых страданий несколько повредился в уме...

— Уж не собираетесь ли вы мне, Ватсон, поставить мне диагноз? — насмешливо сказал Мортимер. — При всём уважении к вашему диплому и практическим познаниям, вы всё-таки хирург, а не психиатр.

— Но то, что вы сказали... Или я вас неправильно понял? — с надеждой в голосе спросил доктор.

— Вы поняли меня совершенно правильно. Мне нужен был маг. Я нашёл Холмса. И он меня не подвёл.

— Подождите, подождите... Но Холмс не волшебник, разве что в переносном смысле. Он гениальный сыщик, но если бы знали, какой это скептик и материалист!

— Материализм — не такое уж дурное мировоззрение, — задумчиво сказал доктор Мортимер. — Оно способствует развитию воображения.

— Воображения? Час от часу не легче, — Ватсон сделал досадливый жест и попытался устроиться на жёстком стуле удобнее. — Всякий подлинный материалист, вроде Холмса — это логическая машина, автомат, выводящий следствия из посылок. Воображение ему столь же чуждо, как немецкому шуцману — сантименты.

— Немцы чрезвычайно сентиментальны, это обратная сторона жестокости, — заметил болотник, — а материалисту требуется очень много воображения, чтобы хоть как-то понять мир,

который он видит вокруг. Идеалист может сослаться на чудо, а честный последователь материалистического учения вынужден изобретать самые невообразимые сущности, ибо его толкает к этому необходимость...

— Забавный парадокс, — развёл руками Ватсон, — материализм — отец фантастического. Но мы говорим о живом человеке, которого я прекрасно знаю. Он настолько далёк от всего потустороннего, что даже если оказался бы здесь, среди нас, и наблюдал бы всё то, что наблюдаю я, то немедленно придумал бы какое-нибудь объяснение, исключаящее элемент сверхъестественного.

— Обратите внимание, Ватсон — ведь это всего лишь слова. «Сверхъестественное», «потустороннее». А если их не использовать? Если считать то, что мы видим, просто ещё одной гранью реальности? Тем более, что это так и есть?

— Это какая-то казуистика. Холмс ни за что на свете не стал бы...

— Я его убедил, — сказал доктор. — Видите ли, настоящие материалисты верят себе и своим глазам. Я кое-что продемонстрировал мистеру Шерлоку Холмсу, а потом предложил ему сделать то же самое. И у него получилось. Что и неудивительно — его род идёт от друидов, и на его теле имеются знаки, указывающие на магические способности.

— А это вы как установили? — тон Ватсона сочился сарказмом.

— Помните, что я сделал, когда впервые пришёл на Бейкер-стрит?

— Прощупали череп Холмса? Да, это было не очень-то светский жест. Но мы списали это на увлечённость антропологией. А что?

— Мне нужно было проверить теменной шов кандидата и установить наличие тайных знаков Дара. Что касается формы черепа, она однозначно указывает на друидический род. Собственно говоря, я примерно такого человека и искал. Хорошо,

что благодаря вам, Ватсон, портреты великого сыщика можно найти в любой книжной лавке.

— Нет, это просто немыслимо. Холмс согласился заняться магией? Хорошо, сойдём с ума и предположим, что то так. Но когда? Всё это время он занимался расследованием. У него не было ни единой свободной минуты.

— Люди иногда поразительно слепы, — философски заметил доктор Мортимер. — Помните странное отсутствие Холмса в Баскервилль-холле? Почему он не поехал с вами?

— Он поехал. Просто он некоторое время прятался на болотах, чтобы вести расследование в одиночку, — досадливо поправил его Ватсон.

— Прятался на болотах? Вам не кажется это странным, доктор? Кстати, вы ведь вроде бы однажды застали его стоящим на гранитном столбе со скрещёнными руками. Ритуальная поза друида. Это тоже было необходимо для расследования?

— Что вы хотите сказать? — доктор внезапно почувствовал смертельную усталость. Такую усталость он обычно ощущал в молодости — после тяжёлой лекции по анатомии или физиологии, когда приходилось усваивать слишком много материала за раз.

— За время пребывания на болотах Холмс принял семь посвящений, — серьёзным тоном сказал Мортимер. — Против всех правил и обычаев я посвятил его в тайны, которые даже его гениальный ум едва сумел освоить, и дал ему силы, с которыми он не смог бы совладать без посторонней помощи. Он прошёл путь, который у обычных людей, даже обладающих врождённым даром, занимает годы. У меня не было выбора, и у него тоже. Но мы справились.

Ватсон замолчал, переваривая сказанное.

— У меня нет оснований вам не доверять, Мортимер, — сказал он. — Хотя это очень сильно меняет... всё. Я не могу себе представить моего друга Шерлока Холмса, занимающегося подобными делами.

— Я прошу у высокого собрания, — Мортимер выразительно посмотрел на Алабастра, молча слушающего разговор, — позволения показать воочию, что происходило в ту ночь, когда собака Баскервилей вырвалась на волю.

Алабастр подумал, потом коротко кивнул.

9

В центре стола, на скатерти, появилось блестящее пятно. Оно начало расти, и поверхность под ним становилась прозрачной и глубокой, как будто сквозь неё просвечивало нечто, видимое с высоты птичьего полёта. Это нечто приближалось. Ватсон увидел знакомые просторы торфяных болот, усеянными обломками гранитных скал и каменными столбами. Снизу их окутывала белая пелена, сгущающаяся на глазах. Это был туман, густой и белый, как молоко.

Ватсон приблизил взгляд к изображению — ему показалось, что в тумане что-то кроется. Прищурившись, он разглядел какие-то чёрные паутины. На них едва мерцали жалкие, слабые огоньки. И между ними, не касаясь их, шёл худой высокий человек, которого Ватсон узнал бы из тысячи, даже со спины.

— Куда он идёт? — прошептал он.

— На остров. Сейчас он идёт через защитный пояс, сквозь путы лоа Агве, — так же шёпотом ответил Мортимер.

— Зачем?

— Он должен получить позволение сэра Чарльза убить его. Без этого я не мог бы действовать. Ведь я — всего лишь слуга Баскервилей.

— Но вы же говорили, что Баскервиль после превращения в собаку потерял рассудок?

— Рассудок в таких делах не требуется. Впрочем, словами этого не объяснишь. Просто смотрите.

Ватсон прищурился — и вдруг почувствовал то же самое, что и тогда, когда смотрел на портрет дамы в голубом. Его засасывало внутрь.

— Осторожнее, — донёсся откуда-то издалека голос болотника.

Но Ватсону уже было не до того. Он стоял посреди Гримпенской трясины, светящейся мёртвым колдовским светом, и перед ним лежала чёрная туша острова.

Острый силуэт Холмса чуть сдвинулся вперёд. Потом ещё и ещё. Наконец, он растворился в тени.

Ватсон медленно пошёл вперёд, стараясь не задевать чёрные паутины. Всё-таки задел одну. Рука прошла сквозь неё, но осталось ощущение какой-то липкой грязи, испачкавшей кожу не снаружи, а изнутри.

Чёрный силуэт выступил из тени. И он был не один — рядом с ним, у самых ног, лежал огромный пёс со светящимися пятнами глаз.

Холмс откашлялся. Звук прозвучал резко, как выстрел.

— Уважаемый сэр Чарльз, меня зовут Шерлок Холмс, — начал он спокойным и деловитым тоном, как будто каждую ночь вёл светские беседы с адкими псами. — И вы и я попали в затруднительное положение, и увы, по собственной воле. Вами двигала страсть, мной — любопытство и высокомерие. Теперь мы оба знаем, чем приходится платить за эти пороки. Мы оба перестали быть собой.

Ватсон решил подойти поближе.

— Позвольте, я объясню положение дел, — сказал Холмс. — Вы пали жертвой родового проклятия. Теперь вы до конца своих дней будете скитаться в собачьей шкуре. Это недолгий век, и, признаться, довольно паршивый. У вас не будет никаких радостей, и даже никаких желаний, кроме одного-единственного — убивать близких вам по крови людей. Но убийства лишь усугубят ваши муки. Впрочем, и этого не будет. Ваш нынешний хозяин, Стэплтон, готовится принести вас в жертву своим отвратительным богам. Я не смогу вам объяснить, что ждёт вашу душу. Я сам не знаю этого. Но, насколько мне извест-

но из компетентных источников, обычная смерть по сравнению с этим — большая удача.

Собака недовольно заворчала. Рык был негромким, но очень страшным. Походив поближе Ватсону сразу расхотелось.

— Я знаю, что вы меня не понимаете, сэр Чарльз. Ваш рас­судок помрачён. Но ваше сердце осталось прежним, и оно видит всё, — столь же спокойно сказал сыщик-маг.

Пёс ощерился. Из пасти полыхнуло холодным светом.

— Ваша плоть слаба, она хочет жить во что бы то ни ста­ло. Но ваше сердце стремится к высшей цели, я верю в это, — продолжал Холмс. — Поэтому я освобождаю вас.

Он вскинул руки к небу. Наверху полыхнуло голубым. Си­ла сошла с неба и перелилась в его руки: Ватсон видел голубые искры, мечущиеся между пальцев.

Рука опустилась на морду пса, тот дёрнулся, но не отпря­нул. Тихо зазавенел металл. Ватсон понял, что это упала цепь.

— Вот так, — сказал Холмс. — Теперь у вас есть выбор. Вы можете спрятаться здесь, на острове. Тогда вы достанетесь Стэплтону. Или вы сумеете бежать. Тогда вас убьём мы. Ваша душа сможет предстать перед вышним судом — и, может быть, оправдаться.

Пёс поднял к небу заострённую морду и завыл.

— У вас будет время — совсем немного, но вашему сердцу хватит. А потом вы решитесь. Yes or No.

Пёс снова завыл. В этом вое было столько тоски и отчая­ния, что Ватсон невольно всхлипнул и потянулся за носовым платком.

Это простое действие что-то нарушило. Картинка пошла рябью и пропала. Ватсон снова сидел за столом и пялился на скатерть, разрисованную водяными созданиями.

— Решение сердца, — тихо сказал болотник. — Вот что нам было нужно.

— А что было дальше? — Ватсон знал ответ.

— Мы вместе с Холмсом разорвали нити лоя. Сэр Чарльз вырвался на свободу — как раз когда Стэплтон — подготовил всё для своего жертвоприношения. Потом он учуял сэра Генри и побежал. Под пули.

10

— Мне очень жаль, — пробормотал доктор, пытаюсь припомнить, сколько именно зарядов он всадил в адского пса.

— Напротив, вы оказали ему большую услугу, — доктор Мортимер склонил голову в вежливом полупоклоне. — Иначе бокор совершил бы жертвоприношение, и душа сэра Чарльза навеки канула бы в бездну Агве. Кстати, — добавил он, — Стэплтон собирался принести в жертву и свою жрицу-супругу.

Ватсон вспомнил дом Стэплтона, подпорку под балясиной, фигуру, укутанную с головы до ног простынями, и внезапно понял, что именно его так смутило и напугало в ту ночь: белая пелена, ритуальное одеяние.

— Мерзавец, — искренне сказал Ватсон.

— Оба хороши. Она бы тоже не отказалась обрести великую силу, просто Стэплтон успел околдовать её раньше. Но потом, когда мы её освободили от жертвенных пелен и чары рассеялись — помните, как она жаждала крови своего супруга-брата?

— И в самом деле. Так что же, сэр Генри послужил приманкой для сэра Чарльза? А Стэплтон, значит, был ни при чём?

— Ну да, — ответил Мортимер. — Стэплтон вообще не собирался убивать молодого Баскервиля. Хотя, если бы захотел, то извёл бы его в неделю, не касаясь и пальцем. Просто в коллекции мотыльков появилась бы ещё одна бабочка на булавке.

— Вообще-то, — заметил Ватсон — у него были личные причины не любить сэра Генри.

— Вы имеете в виду заигрывания его жены-сестры? Гм, Ватсон, вы и в самом деле не понимаете некоторых вещей. На самом деле Стэплтон, можно сказать, спасал сэра Генри от своей супруги. Отнюдь не по доброте душевной — он просто не хотел

лишних неприятностей. После жертвоприношения эти места стали бы его местом силы. Он собирался жить в этих краях ещё очень долго, может быть — несколько сотен лет. А высосанный досуха труп владельца крупного поместья привлёк бы слишком много внимания, понимаете?

— Высосанный? — не понял Ватсон.

— Ну, я не имею в виду кровь. Просто после того, как сэр Генри оказался бы в её постели, он вряд ли протянул бы долго. Мамба выпила бы из него жизненную энергию... определённым способом. Ватсон, вас и в самом деле интересуют свойства магии этого типа?

— Нет, конечно, — добродетельный доктор содрогнулся от отвращения. — Меня больше интересует, кто всё-таки убил торговщика Селдена. Неужели собака?

— Дался вам этот Селден! Извините, Ватсон, просто я и сам не знаю, кто его убил. В нашем пасьянсе это лишняя карта. Может, выкинуть её, да и дело с концом?

— Это был я, — вдруг сказал Бэрримор, о чём молчаливом присутствии Ватсон успел забыть.

Обвинитель медленно повернулся к нему.

— Да, сэр, — признался старик. — Я отравил еду, которую моя жена носила этому негодяю.

Ватсон на мгновение потерял дар речи. Потом расхохотался.

— Чёрт возьми! — наконец, сказал он, вытирая слёзы. — А ведь я с самого начала подозревал вас в чём-то подобном, Бэрримор!

— Этот человек, брат моей несчастной супруги, — старик опустил голову, но в его голосе слышалось неподдельное страдание, — был причиной всех несчастий нашей семьи. Моя жена отдавала ему всё, а он тянул и тянул с неё, эксплуатируя её чувства. Я терпел, потому что надеялся, что он когда-нибудь уедет отсюда. Но жена мне рассказала, что её брат нашёл себе покровителя и убивает людей, потому что ему нужны трупы для каких-

то мерзких занятий... а тут как раз приехал молодой хозяин, сэр Генри! Я уж пытался удержать его в Лондоне, даже письмо ему написал...

— «Если рассудок и жизнь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот» — вспомнил Ватсон.

— Точно. И ещё пытался вас напугать, ездил за вами в кэбе, искал случай, — признался старик. — Только сэр Генри всё равно поехал в эти проклятые места. И когда каторжник сказал сестре, что он убьёт молодого хозяина, если она не даст ему денег — тут уж я не выдержал. Если бы яд не подействовал, я пошёл бы на болота, чтобы найти и застрелить его, клянусь всем святым! Моя совесть чиста.

— Сей добрый слуга воистину чист перед нашим родом, — одобрила кабанья голова.

— Но перед вышним судом ты предстать всё-таки боишься, — констатировал Алабастр, внимательно выслушавший весь диалог.

— Да, сэр. Поэтому я предпочёл остаться призраком, сэр.

— Понятно, — протянул Ватсон. — А ведь мы с Холмсом думали, что за ним гонится собака Баскервильей. Он так страшно кричал, — вспомнил доктор.

— Ещё бы он не кричал, я же насыпал ему крепкой крысиной отравы, — признался старик. — Быстро он сдох?

— Очень мучился, кричал от боли, а потом упал со скалы и сломал себе шею, — сказал Ватсон. — Холмс сперва принял его за сэра Генри.

— Как мне жаль вашего друга, доктор, — сказал болотник. — В тот день он истратил всю магическую силу, которую я дал ему, и снова стал обычным человеком. То есть, фактически, слепым и глухим. Утратить дар ясновиденья, не различать ауры — какое унижение для того, кто повелевал первоначальными силами...

— А меня радует, что хоть какой-то кусочек этой сумасшедшей истории объясняется самыми обычными материальными причинами, — признался Ватсон.

— Так или иначе, — сказал Мортимер, — мы все исполнили свой долг. Что касается меня, то я всего лишь уничтожил Стэплтона.

— Каким образом? — заинтересовался дракон.

— Я знал, что, когда собака погибнет, Стэплтон почувствует колебания Силы и поймёт, что случилось. Тогда он рванёт на свой остров, где его магические возможности максимальны, и попробует воздействовать на нас чёрным колдовством Агве. Это был самый опасный момент. Я это предвидел и попросил Холмса, когда он пойдёт на остров, разбросать своего рода ловушки. Как я уже говорил, я умею наводить морок. Правда, для того, чтобы создать призрак, который может обмануть мага, нужен какой-нибудь предмет, который этому человеку долго принадлежал. Тогда я могу растянуть остатки его ауры на полноценный мираж. Холмс разбросал по болоту несколько таких вещиц. Как ни странно, сработал старый башмак сэра Генри, который я предусмотрительно украл ещё в Лондоне. В общем, великий маг Стэплтон попался, как мальчишка. Он увидел посреди болота сэра Генри, который, как ему померещилось, целится в него из револьвера. Изучать ауру у него не было времени. Он метнулся в сторону, чтобы уклониться от пули — и угодил в трясины. Из которой, несмотря на все свои возможности, он не смог выбраться. Его магия была слишком тонкой, чтобы помочь ему вытащить себя за волосы из болота.

— Один мой знакомый полковник, — почему-то вспомнил Ватсон, — верил в амулеты и всегда носил в кармане заговорённую пулю. Он прошёл всю афганскую компанию без единой царапины, вышел в отставку, вернулся в Лондон, и в первый же день попал под кэб. И сломал себе шею.

— Примерно так. Интересно, что он при этом чувствовал, — задумчиво сказал Мортимер.

— Полковник? — не понял Ватсон.

— Нет, Стэплтон. У него-то было время поразмыслить.

— Можно было и спросить покойника, — подумал вслух Ватсон.

— Подобные вопросы не имеют отношения к делу, — тут же заявил Алабастр.

Мортимер скорчил ироническую физиономию.

— Вот так всегда. Впрочем, ладно, мы бессовестно крадём время у нашего гостя. Пожалуй, закруглюсь. Как вы, наверное, понимаете, после всего того, что случилось, у меня остался один путь — охранять сэра Генри. Что я и исполнял, насколько меня хватило.

— Насколько я понял, — сказал Ватсон, — вы погибли, защищая Британию?

— Если уж совсем честно, я погиб, защищая сэра Генри. Он настоящий патриот, и не мог остаться в стороне, когда обе его родины в опасности.

Ватсон не нашёлся что ответить, и ограничился скорбной миной.

— А как же Холмс? — внезапно вспомнил он. — Вы утверждаете, что он стал магом...

— Не совсем так, — вздохнул Мортимер. — Я дал ему очень много Силы. И к тому же у него было очень мало времени. В общем, после завершения всей этой истории он остался практически без магических способностей. Хотя, зная вашего друга, я уверен, что он с этим не смирился. Кстати, чем он сейчас занят?

— Он ушёл от дел. Почти двадцать лет назад. Сейчас живёт в Суссексе и разводит пчёл, — вздохнул Ватсон. — Иногда я ему пишу. Отвечает он очень редко.

— Пчёл? Интересно... — задумался Мортимер. — Значит, он избрал противоположный путь.

— Что за путь? И противоположный чему? — не понял доктор.

— Стэплтон ловил бабочек и пронзал их булавками. Зачем он это делал, вы теперь знаете. Холмс разводит пчёл и добывает мёд. Подумайте, нет ли и в этом некоего иного смысла... Хотя зачем? Вам он всё равно ничего не скажет, впрочем, как и мне. Путь пчелы — очень высокий путь. Ну, будем надеяться, ваш друг обрёл то, что искал.

— Всё это также не имеет отношения к делу, — оборвал его дракон. — Я резюмирую. Болотник Мортимер обвиняется в преступном небрежении своими обязанностями перед родом Баскервильей. Его необдуманные действия стали причиной превращения сэра Чарльза в собаку. Также на нём лежит основная доля ответственности за его гибель. Кроме того, он поставил в опаснейшее положение многих людей. Наконец, имела место самовольная магическая инициация человека, не связанного с традициями рода. Всё это обвиняемый признал.

— Чего уж там, — доктор Мортимер несколько помрачнел.

— То, что болотник Мортимер виновен во всех перечисленных деяниях, несомненно. Вопрос стоит так: заслуживает ли он наказания?

— Я считаю, что мой друг более чем... — горячо начал Ватсон, но господин Алабастр поднял руку, призывая к молчанию.

— Если болотник Мортимер не заслуживает наказания, он свободен. Тогда он сможет вернуться к служению роду Баскервильей, или избрать иной путь, если пожелает.

— Мы чрезвычайно разгневаны на нашего слугу, — прогундосила кабанья голова, — но, учитывая явственное и чисто-сердечное раскаяние и сожаление... а также проявленное мужество и героизм... — голова замолкла, умоляюще глядя на Ватсона.

Ватсон подумал, что дух рода Баскервильей, несмотря на экстравагантный внешний вид, всё-таки не свинья.

— Если же наказание необходимо, он будет развоплощён до уровня элементарного духа, — закончил Алабастр.

— Как это? — тихо спросил Ватсон.

Мортимер молча показал на зелёные огоньки, плавающие над тиной в камине.

— Моя работа на этом закончена, — сообщил Алабастр. — И теперь вам, Ватсон, предстоит принять окончательное решение, а судьбе рода — принять и исполнить его.

Ватсон набрал в грудь воздуха: он намеревался быть очень убедительным.

— Я всё обдумал, и моё решение таково... — начал было он.

— Извините, — внезапно прервал его дракон, — но нас не интересует решение вашего рассудка, доктор. Нас интересует решение сердца.

— Клянусь, что я совершенно объективно... — снова заговорил Ватсон, и рука дракона снова замкнула его уста.

— Всё правильно, Ватсон, — сказал Мортимер. — Как с сэром Чарльзом. Собака хотела жить и убивать. А сердце старого лорда приняло решение умереть честной смертью.

— Но я всем сердцем... — попытался сказать Ватсон, и в третий раз дракон запретил ему говорить.

— Вы вернётесь в свой мир, — сказал господин Алабастр, — с пустым рассудком. У вас будет время — совсем немного, но вашему сердцу хватит. А потом вы напишете на бумаге одно слово. Yes or No. Сэр Баскервиль увидит это слово сквозь астрал — и примет его как приговор.

— Мы вынуждены, — голова кабана скособочилась куда-то вверх и влево, как будто от неловкости, — предупредить уважаемого мастера, что мы, в силу неких обстоятельств, связанных, в свою очередь... — кабан замолчал, как показалось Ватсону, крайне сконфуженно.

Дракон махнул лапой.

— Ничего сложного. Две буквы или три буквы. Три буквы, Yes: Мортимер виновен и не заслуживает снисхождения. Две

буквы, Но: он прощён и свободен. Это всё, что нам нужно. Ясно? — вопрос был обращён к кабаньей голове.

— В таком случае мы не предвидим ни малейших трудностей в столь простом деле, — заявил сэр Баскервиль, — и, каково бы ни было решение почтенного мастера, исполним его в точности.

— Вот и хорошо. Не хотите сигару, доктор?

Ватсону уже давно хотелось курить. Он взял сигару, сунул в рот, достал из коробки спичку. Та загорелась высоким зелёным пламенем.

— Не бойтесь, прикуривайте, — сказал дракон.

Доктор поднёс спичку к сигаре и затанулся.

В этот миг стены Баскервиль-холла начали таять, и на един-единственный миг ошеломлённый доктор увидел, как рушатся декорации и обнажается то, чем они были на самом деле. Ватсона чуть не стошнило, но в этот самый миг трепещущий дым вознёс его наверх.

11

— Доктор Ватсон! Вам срочное письмо!

Секретарь влетел в кабинет, забыв прикрыть дверь. Доктор недоумённо поднял голову: он как раз сел вычитывать корректуру пятнадцатой главы «Истории спиритуализма в современном мире», о чём предупреждал как минимум четырежды.

— Картрайт, я сколько раз говорил — никогда не беспокойте меня во время работы!

— Но, сэр... — залепетал Картрайт, — письмо вручили мне в руки... одна очень энергичная юная леди, вам лично известная... я не мог отказать...

Доктор Ватсон тяжело вздохнул. Конечно, Гемма. Гемма Ронкони. Приехала, оставила очередную записку и ушла, не зайдя даже поздороваться. Современные девушки вообще ни в грош не ставят приличия и хорошие манеры, а эти американки, с

их свободными нравами — и вовсе притча во языцех. Куда катится мир?

Ватсон уставился на зелёное сукно стола. Стол хорош, красное дерево, работа Хэплуайта. Из тех вещей, что обходятся недёшево, но стоят своих денег. Досадно, что не удалось приобрести тот шератоновский гарнитур: слишком уж много запросили. Зато книжные шкафы с фасонной пайкой стёкол — аккуратная сетка — выглядели чрезвычайно солидно. В таких шкафах тома «Истории» будут смотреться именно так, как подобает труду подобной значимости. Даже чистый алмаз интеллекта нуждается в чувственной оправе... Гемме эта мысль понравится, надо бы записать... Да что это такое, рассердился на себя доктор, почему он думает о пустяках, когда его ждёт работа!

Он попытался сосредоточиться на «Истории», но в голову лезла ерунда. Хуже того — сердце грызла какая-то странная тревога.

Такое с ним обычно бывало, когда он возвращался из какой-нибудь далёкой поездки, взбудораженный неуложившимися впечатлениями. Как полагал профессор Клейст, подобные явления — происходят из-за того, что впитанный в путешествии астральный флюид дисгармонирует с устоявшейся атмосферой родного жилья, что приводит к своего рода эфирным судорогам. Объяснение казалось убедительным, но в данном случае было решительно непонятно, какой же именно вояж из недавно совершённых так дурно повлиял на душевную гармонию.

— Картрайт, — крикнул Ватсон, — зайдите!

Секретарь появился через минуту. Его живая физиономия казалась виноватой.

— Картрайт, — доктор потёр виски, — вы не помните, куда я ездил в последний раз?

— Кажется, — секретарь наморщил лоб, — вы сегодня собирались в Девоншир... Я помню, как вы собирались на вокзал... оставили на столе сигары... — Картрайт поднял на Ватсона умоляющий взгляд. — Но вы же никуда не ездили, сэр, не так ли?

— Нет, конечно, что за чепуха, — нахмурился доктор. В Девоншире мне делать нечего. Так где же я был в последний раз?

— Может быть, в Эдинбурге, сэр? — робко предположил Картрайт. — Вы, кажется, делали доклад о каком-то новом медиуме.

— Чушь, — неожиданно резко оборвал его Ватсон. — Ладно, работайте.

Секретарь скрылся.

Ватсон задумался. Он и в самом деле ездил на позапрошлой неделе в Эдинбург. Там он сделал публичный доклад, который был хорошо принят публикой. Потом он присутствовал на торжественном ужине... но тут начала выкидывать дурные шутки память. Откуда-то всплыла маленькая, захолустная станция, пустая платформа, где под дождём сидит женщина в голубом газовом платье (Ватсон успел даже придумать ей имя: Луиза) и какой-то маленький человечек со смешным именем, которого он не сумел ни придумать, ни вспомнить.

Надо отвлечься, решил он. Может быть, разобрать корреспонденцию? Это даст ему моральное право прочесть письмо Геммы, подумал он и снова почувствовал что-то вроде укола в сердце — как всегда, когда он думал об этой девушке. Очаровательная, но совершенно несносная особа, которая когда-нибудь сведёт его с ума... если уже не свела...

Он затряс головой и протянул руку к ящику с письмами.

На сей раз их было немного. Приглашение выступить с публичной лекцией в гарвардском Музее естественной истории — пожалуй, стоит принять. Две просьбы о пожертвованиях — в корзину. Туда же — длинное безумное письмо от какого-то очередного медиума, — которому, видите ли, явился дух с сообщением лично для доктора Ватсона. Сколько вреда делу духовного развития человечества принесли шарлатаны!

С интересом он взял в руки письмо от Шерлока. Холмс в последние годы почти перестал писать, предпочитая пользо-

ся телеграфом или телефонограммами. Обычно это касалось тех или иных старых дел, которые он разрешал описывать. Но на этот раз он прислал настоящее письмо.

Как и многое другое, исходящее от Холмса, оно было коротким и загадочным.

«Ватсон», — писал суссекский затворник, — «пчёлы сказали мне, что в самое ближайшее время вам предстоит принять серьёзное решение, касающееся нашего общего знакомого. Выбор вашего сердца не может быть изменён, но будьте осторожны. Одна лишняя буква, вышедшая из-под вашего пера, может погрузить благородное существо в пучину страданий и лишить надежд на будущую жизнь. Холмс».

Доктор в замешательстве перечитал послание. Он ничего не понял, кроме одного — его друг пытается предупредить его — о чём-то важном, очень важном, о том, что случилось совсем недавно... Память снова выпихнула на авансцену женщину в голубом газе, но это было всё.

Письмо Геммы вызывающе белело на зелёном сукне. Ватсон понял, что не сможет вернуться к работе, пока не прочтёт, что там ещё написала юная сумасбродка.

Когда он вскрывал письмо, то чуть не уронил его: руки почему-то перестали слушаться.

«Ватсон, — писала мисс Ронкони, буквы были маленькими и твёрдыми, как орешки. — Я больше не могу обманывать себя и вас. Я влюблена. Я ждала, когда это пройдёт, но это не проходит уже год. Кажется, это серьёзнее, чем всё, что случалось со мной раньше. Придётся прибегнуть к радикальным мерам.

Имейте в виду следующее. Я избалована. Я легкомысленна. Я невероятно капризна. Иногда я бываю невыносима даже для себя самой, но гораздо чаще — для окружающих. Я не люблю так называемую домашнюю работу. Я не умею готовить английский завтрак. Я не хочу детей, по крайней мере пока. Чтобы окончательно разбить ваше сердце, признаюсь, что мне до смерти надоел спиритуализм. Я высиживаю эти бесконечные собрания, толь-

ко чтобы видеть вас. Кроме того, я наполовину итальянка, к тому же американского происхождения, что, безусловно, уронит ваши акции в глазах света. — Короче, я невыгодный товар со всех точек зрения, и я жду от вас твёрдого и рассудительного «нет». Но мне нужно это «нет», чтобы уехать на родину и больше о вас не думать.

Ответьте мне, как только прочтёте это письмо. Одно слово. Yes or No. Две буквы или три буквы. И окажите мне эту маленькую любезность немедленно, потому что я писала это письмо неделю и схожу с ума. Гемма».

Ватсон с глухим стоном сжал голову руками. Во имя всего святого, чего себе навоображала эта девчонка! Как она вообще посмела обратиться к нему с подобным... — Ватсон попробовал найти подходящее слово, и в голове проявилось недвусмысленное: «ультиматум».

Он обвёл взглядом кабинет, ища то ли поддержки, то ли подмоги. Все вещи смотрели на него враждебно и вызывающе. Гневно рдели бордовые портьеры на окнах. Возмущённо блестел медный газовый рожок, его отражение в хрустальном шаре для прорицаний плыло и дрожало. Зло смотрела базальтовая статуэтка неизвестной науке богини — казалось, её грудь вздымается от волнения. Вещи решительно осуждали Гемму Ронкони, позволившую себе подобную дерзость.

Ватсон развернул чистый лист бумаги, открыл чернильницу и аккуратно вывел первые строчки:

«Дорогая Гемма, мне больно это писать, но вы меня вынудили...» — перо сорвалось, на бумагу скатилась жирная клякса.

Он взял другой лист. На этот раз пошло лучше. «Я отношусь к вам с самой искренней и сердечной симпатией, какая только возможна между двумя душами. Я восхищаюсь вами, и это чувство никогда не покинет моё сердце. Но, по более чем понятным причинам, я не могу составить счастье женщины, подобной вам...» — перо разорвало бумагу, чернила предательски расплылись на зелёном сукне.

Возясь с пятновыводителем, — доктор сочинил в уме ещё несколько вариантов ответа и тут же их забраковал. Когда же он вернулся за стол, мыслей у него не осталось вообще.

«Yes or No», — подумал он. «Две буквы или три буквы».

Напряжение стало почти невыносимым — как будто в воздухе сгустилось что-то незримое, некий астральный флюид, невидимая туча, полная молний.

— Картрайт! — закричал Ватсон.

Секретарь просунулся в дверь, не решаясь войти.

— Дайте срочную телеграмму, — распорядился доктор. — Адрес мисс Ронкони вы знаете. Вот текст.

Он протянул секретарю клочок бумаги, на котором чернели две буквы.

— Что это? — секретарь недоумённо поднял брови.

— Срочно, — повторил Ватсон. — Пока я не передумал.

Дверь хлопнула, секретарь убежал.

Вещи стояли на своих местах — тусклые, мёртвые, молчащие.

«Простите меня» — мысленно сказал доктор. — «У меня не было выбора».

— Спасибо, Ватсон, — сказал доктор Мортимер, выходя из воздуха и усаживаясь в гостевое кресло.

12

Ватсон схватился за голову. Под веками поплыли чёрные своды Призрачного Мира.

— Хоть теперь-то я ничего не забуду? — с надеждой спросил он.

— Это зависит от вас, — пожал плечами Мортимер. — Вы можете убедить себя, что это был сон. Или видение, случившееся во время спиритического сеанса.

— Нет уж, — заявил Ватсон. — Для этого во мне слишком много здравого смысла. Я смотрю, вы курите?

Доктор выглядел почти так же, как и там, внизу — поношенный пиджак, очки в золотой оправе. Однако гладко выбритые щёки сильно меняли впечатление. Как и дымящаяся пахитоса из розовой бумаги, неловко зажатая между пальцев.

— Теперь курю, — вздохнул Мортимер. — Как вы, вероятно, догадываетесь, я воспользовался этой штукой в качестве транспортного средства. Извините за неожиданное вторжение, но мне удобнее было передвигаться по уже проложенному маршруту. К тому же другого случая поговорить у нас ещё долго не будет.

— В смысле — до конца этой жизни? — уточнил Ватсон.

— Ну зачем такие ужасы... Просто ближайшие год-два вы будете чрезвычайно заняты, — сказал доктор Мортимер. — Если и будем видеться, то урывками.

— Вот как? — Ватсон пододвинул гостю хрустальную пепельницу. — И каковы же ваши планы?

— Как сказать, — Мортимер затаился слишком глубоко и закашлялся. Положил дымящуюся пахитосу на край пепельницы, потом немного подумал и резким движением затушил о дно. — Я решил покинуть дом Баскервильей. Не то чтобы я был в обиде на почтенного родового духа...

Ватсон вспомнил самодовольную кабанью морду и понимающе усмехнулся.

— Как получилось, — спросил он, — что столь почтенный дух, так убедительно рассуждавший об учёности, неграмотен?

— Ничего удивительного, — пожал плечами Мортимер. — Среди бесплотных духов знание грамоты — большая редкость. Зачем это нам? У нас нет бумаги, зато нет и материальных преград для общения.

Ватсон вспомнил каракули медиума и понимающе кивнул.

— Но вот ваше решение он должен был прочесть самостоятельно, — продолжил Мортимер. — Всего одно слово. А он не знал, как оно пишется.

— И тогда Алавастр подсказал ему — «три буквы или две буквы», — подхватил Ватсон.

— Вот именно. Три буквы — yes, две — no. Ошибиться невозможно, даже если не знаешь букв.

— Я не смог ей отказать, — Ватсон опустил голову. — Просто не мог написать «no».

— Ну конечно. Вы по уши влюблены в свою Гемму. Это уже давно ясно всем вокруг, кроме вас. Человеческая способность к самообману практически беспредельна... Но и ответить «yes» вы не могли. Что-то вас останавливало.

— Холмс написал письмо, — вспомнил Ватсон. — Там было про одну лишнюю букву.

— Всё-таки он добился своего, — серьёзно сказал доктор Мортимер. — Непременно посету его дом... если только он захочет меня видеть.

— Он мог бы выразиться и яснее, — с грустью сказал Ватсон.

— Нет, вы ведь ничего не помнили. Он обращался не к голове, а к сердцу. И сделал всё правильно, — не согласился Мортимер. — Но как вам пришла в голову эта мысль?

— Не знаю. Просто не мог написать «yes». Рука не поднималась. Пришлось прибегнуть к американскому жаргону.

— Кстати, если бы почтенный сэръ Баскервиль всё-таки умел читать, ваш трюк не прошёл бы. Букв он не знает, а вот языками, в том числе и очень старыми, владеет отменно. Среди прочего он знает окситанский язык, *langue d'oc*. Который и называется так, потому что слово «да» в нём пишется почти так же, как и в американском жаргоне. Разве что не через «кей», а через «си».

— Хорошо, что всё обошлось, — прервал его Ватсон. Филологию он недолюбливал с тех пор, как проштудировал с карандашом в руках том «Разоблачённой Изиды».

— Ну так вот. Я решил, что оставаться слугой Баскервилей — значит, в каком-то смысле, топтаться на месте. Так что я

подал прошение о переводе меня в человеческое состояние. Шансов, откровенно говоря, было немного: для болотного духа это очень серьёзное повышение в иерархическом статусе. Но старина Алавастр, как ни странно, встал на мою сторону — и вот, как видите, я здесь.

— Когда это вы всё успели? — не понял Ватсон.

— Что значит — когда? Вы же знаете: время в Призрачном Мире — условная величина, не то, что у нас под солнцем... Осталось только выправить документы. Я ведь считаюсь без вести пропавшим.

— И чем вы намерены заниматься дальше? — Ватсону стало любопытно. — Медициной или биологией?

— Ни тем, ни другим. Хочу попробовать себя в литературных занятиях. У медиков неплохо получается мараить бумагу... Ватсон, а вы не жалеете о своём решении? Теперь вам не видать покоя. И про уединение придётся забыть. Даже этот кабинет... Для начала она тут всё переставит. А вот эту статуэтку с грудью — выкинет. Скорее всего, сегодня же.

— Просто ужасно, — искренне сказал Ватсон. — Она совершенно не приспособлена к семейной жизни.

— Это, скорее, вы не приспособлены... Дорогой друг, вы совсем не знаете этих американских барышень. Они сначала говорят, что ненавидят домашнюю работу и не хотят детей, а потом разводят домашний садик и рожают вам целую ораву. Кстати, первые роды будут тяжёлыми, приготовьтесь заранее. Зато какая очаровательная дочка...

— Какие роды? Какая дочка?! — Ватсон умоляюще посмотрел на друга. — В моём-то возрасте!

— Вот-вот, о возрасте, — Мортимер сделал строгое лицо. — Мы оба врачи, Ватсон, и знаем, что существуют известные мужские проблемы, связанные с возрастом... Так вот, — он протянул Ватсону жестяную коробку для ботанических сборов. — Здесь — кое-какие травы, растущие только в сердце Гримпенской трясины. Стэплтон делал на этом недурные деньги. Рецепт

внутри. Высушите, заваривайте и пейте ежедневно в течение трёх месяцев.

Ватсон посмотрел на жестяную коробку как на свернувшуюся змею.

Мортимер ухмыльнулся.

— Не беспокойтесь, Ватсон, если вы будете осторожны, то и здесь всё будет, как вы изволили выразиться... — он сделал колечко из большого и указательного пальцев и вытянул средний.

Доктор растерянно кивнул.

— И напоследок, — Мортимер сделал озабоченное лицо, — должен предупредить об одной опасности. Остатки ясновиденья подсказывают мне... — он сделал паузу, потом, видя испуганное лицо Ватсона, не выдержал и рассмеялся. — Ваша Гемма терпеть не может английскую кухню, но прекрасно готовит итальянскую еду. Так что вам угрожает полная смена гардероба.

Станислав Васильевич Родионов

Доктор Ватсон о себе

Рассказ

Свою жизнь я посвятил медицине и моему другу Холмсу. Личной жизни у меня, в сущности, не было, поэтому иногда делается грустно.

Однажды я зашёл в „Золотого Чёрта“ выпить чашку шоколада. За мой столик села женщина не столь юная, сколь прекрасная. Много я на своём веку перевидел женщин в анатомическом театре, но эта поразила какой-то живостью лица, да и вообще всего тела.

— Чудесный шоколад, мисс, — сказал я и представился.

Её же представлять было не надо — леди, настоящая леди. Стройна, изящна, грациозна, как новенький скальпель. Одного со мной роста, настолько одного, что даже немного повыше. И всё-таки, когда она отозвалась, у меня потеплело в душе. Это была известная семья, одна ветвь которой уходила в седую древность, а другая в современные банки. А имя, старое доброе имя Стелла, шло к ней, как вата к бинту.

На следующий день мы опять случайно встретились в „Белой саже“ за чашкой бульона. Я был заново ослеплён невинно-белым, как алиби, личиком Стеллы. Мы весело болтали и незаметно выпили по пять чашек бульона. Я удивился, как они вошли в меня, и ещё больше удивился, как они вошли в изящную Стеллу...

Я влюбился, как студент. Забросил литературную деятельность, свёл до минимума практику и мало виделся с Холмсом.

Стелла поражала воображение не только женскими чарами. Она была умна, как мужчина. Я получал наслаждение от беседы с ней, сильно намолчавшись с Холмсом, где мне отводилась роль запоминающего устройства историй моего друга. Наши встречи всё учащались, и я уже перестал скрывать от себя их логический

конец. Холмс поинтересовался относительно моих отлучек. Я сослался на Британский музей, во что он так же поверил, как и в версию инспектора полиции из Скотланд-Ярда.

Однажды за ужином, когда мы с ним съели рябчика и выпили бутылку вина 98 года до Р. Х., Холмс спросил:

— Знаете, Ватсон, почему я не женился?

Было очевидно, что моя тайна разгадана.

— Да, Ватсон, разгадана. Если мужчина на протяжении дня затачивает карандаши в ботинок, читает газету вверх ногами, вместо соли сыпет в суп пепел из моей трубки, а вечером тщательно одевается — бесспорно, он идёт не в Британский музей. Так знаете, почему я не женился?

— Не имею представления.

— Я женюсь на той женщине, которая совершит психологически уникальное преступление и которое я не смогу распутать. Только с такой женщиной мне будет не скучно пить утренний кофе.

Для меня подобное условие было не обязательным, и в отношении Стеллы я остался при прежних намерениях.

С ней мы встречались почти ежедневно. Когда же она призналась, что читала мои записи о Холмсе и весьма счастлива, что познакомилась с их автором, я даже перестал чувствовать большую ногу. Признание моего скромного таланта означало, что у меня будет не только жена, но и друг, а может, даже и стенографистка.

Видимо, такт леди или какой другой такт не позволял ей пригласить меня в свой дом и представить родителям. Но я заметил, что она хотела познакомиться со знаменитым Холмсом. Когда я пригласил её в нашу скромную квартирку на Бейкер-стрит, её личико порозовело, как после переливания крови.

Мои приготовления к приёму желанной гостьи Холмс встретил иронически, но всё-таки убрал со стола пистолет, связку наручников и череп бандита-профессора Мориарти.

С чувством тихого восторга, близкого к чувству тихого помешательства, ввёл я Стеллу на Бейкер-стрит. Она озиралась, как в музее. У меня ёкнуло сердце, когда девушка нежно гладила мой старый костыль, шкуру баскервильской собаки и носок с правой ноги Холмса, который она приняла за реликвию, а Холмс принимал за носовой платок. Мой взгляд, привыкший отдыхать на чучеле убийцы, стоявшем в углу с вылезшими из орбит глазами, теперь отдыхал на её восторженном личике.

Но Холмс опаздывал, а это было совершенно не в его привычках. Видимо, случилось что-нибудь важное. И откашлявшись, я счёл удобным предложить Стелле руку, сердце и часть состояния. Она зарделась, как газель. И положив ей руки на плечи, я привлёк её к себе дюймов на пять...

Но Стелла вдруг меня оттолкнула и загоготала голосом, каким смеются кэбмены после имбирного пива. Затем к моему ужасу, она приподняла платье, или, как выразились бы кэбмены, задрала его, достала откуда-то трубку и ловко набила табаком:

— Я же говорил, Ватсон, что нельзя жениться, не пытаясь разгадать женщину, хотя бы как банальное убийство, — грустно сказал Холмс, снимая парик.

Станислав Васильевич Родионов

Последнее дело Холмса

Рассказ

Мы сидели за столом и собирались пить чёрный кофе и кушать сэндвичи.

— Да, Ватсон, — сказал Холмс, — и у меня бывали ошибки, но эти ошибки стоили побед.

Я воспользовался его дедуктивным методом и пришёл к выводу, что у Холмса хорошее настроение. Действительно, он взял скрипку, а также смычок.

Но чарующим звукам не суждено было вырваться из-под его длинных и гибких пальцев. В дверь энергично постучали, и тут же вошёл человек, о котором я ничего не смог бы сказать. Он только показался мне сдержанно взволнованным.

— Сэр, я хочу просить вашей помощи, — обратился он к Холмсу.

— Садитесь, — сказал Холмс, сцепил пальцы и схватил его глазами, как ястреб хватает пташку. — А вы, дружище, по утрам пьёте имбирное пиво? Помните, Ватсон, мою работу о запахах ста восьмидесяти алкогольных напитков?

Я кивнул, так как внимательно прочёл этот интересный труд.

— Нет, сэр, по вечерам я выпиваю кружку плодоягодного, — скромно ответил джентльмен.

Плодоягодное среди ста восьмидесяти напитков не значилось.

— Итак, — продолжал слегка удивлённый Холмс, — вы не горожанин и сегодня приехали первым поездом, иначе бы не пришли в такой ранний час.

— Что вы, сэр! Коренной горожанин, но эту ночь я провёл не совсем дома, а к той особе утром должен был вернуться муж.

И вот в пять утра я на улице, а это очень унижительно для мужчины, сэр.

— Но вы не будете отрицать, что были на ферме. На ваших брюках я вижу свежий силос! — громко сказал Холмс, и я впервые услышал такой раздражённый тон в разговоре с клиентом.

— Буду отрицать, сэр, — опять не согласился ранний гость. — Я вам не сказал, что к той особе муж всё-таки вернулся и, в пять часов мне пришлось прыгать в окно. Я попал в бачок с нечистотами, а это, сэр, очень унижительно для мужчины.

Лицо Холмса дёрнулось, и я отвернулся, чтобы не видеть его. Минутная пауза показалась часом.

— Может быть, вы скажете, что у вас не болит зуб и вы беспричинно хватаетесь за щёку? — с вымученной иронией спросил Холмс.

— Хуже, сэр. У меня перебита ключица. Я не сообщил, что в бачок прыгнул не совсем добровольно, а с помощью мужа той особы. Скажу вам, сэр, это очень унижительно для мужчины.

— Почему же вы держитесь за щёку?

— Видите ли, сэр, у меня болит, извините, живот. Как съем два фунта грудинки и запью плодоягодным, так обязательно болит живот.

Лицо Холмса, и без того бледное, совершенно побелело, будто он сразу лишился всей крови. Длинные тонкие пальцы облепили смычок.

— Но почему вы всё-таки держитесь за щёку? — не удержался и я.

Ранний гость с уважением посмотрел на скрипку:

— Не могу же я, джентльмены, в вашем обществе держаться за живот. Это унижительно для мужчины.

— Может, у вас нет и плоскостопия? — отрывисто бросил Холмс.

— Сэр, на мне нет ботинок, и мне с непривычки щекотно, поэтому я так и хожу.

Он выставил из-под кресла босые ноги.

— Что вам угодно? — не сдержался Холмс.

— Сэр, говорят, что вы мировая ищейка. Я не знаю ни адреса, ни имени, да и в лицо бы не узнал особу, с которой провёл ночь. Прошу вас, проявите свои способности, найдите эту особу и верните мне ботинки. У неё под мышкой бородавка. Вам-то этой приметы хватит за глаза. Поверьте, сэр, вернуться домой без ботинок — это очень унижительно для мужчины.

Смычок, как сухарик, переломился надвое в руках Холмса, в тех руках, которые могли завязать бантиком каминную кочергу.

— Ватсон, — сказал он, — дайте ему мои самые лучшие ботинки и спустите его с лестницы, иначе ему уготована судьба этого смычка.

Я это сделал. Но признаюсь: джентльмен без ботинок показал всю несостоятельность методов моего друга.

Станислав Васильевич Родионов

Самое последнее дело Холмса

Рассказ

— Вы, Ватсон, знаете, что я редко ошибался. Чем же вы объясните инцидент с джентльменом без ботинок? — неожиданно спросил Холмс про посетителя в помоях, о котором он ни разу до сих пор не вспоминал.

Я рассказал Холмсу какой-то анекдот о глупейших ошибках великого человека.

— Ценю вашу деликатность, Ватсон. Вы намекаете, что я всё-таки совершил ошибку.

На это я и намекал. Не скрою, намекнуть мне доставило удовольствие, потому что после случая с моей неудавшейся жеманностью на Стелле-Холмсе между нами стало прохладно, как на утренней Темзе.

— Видите ли, Ватсон, мой метод основан на алмазной логике. И если преступник не в ладу с ней, я могу ошибиться. Ум — это логика. Отсюда парадокс: умному преступнику от меня не уйти, дурак же может ускользнуть...

Энергично-официальный стук в дверь прервал его, и в комнату вошёл Чилдрен из Скотланд-Ярда.

— Сигару, коллега? — без церемоний спросил Холмс. — У вас в платке, разумеется, арбуз?

— О нет, сэр, — и Чилдрен расстелил платок на столе: в нём лежал жёлтый череп и жутковатыми впадинами выжидательно поглядывал на Холмса.

— Слушаю, Чилдрен, — сел в кресло Холмс, и вмиг на его лицо легла маска напряжённой рассеянности.

— Мне и говорить нечего, сэр. Череп найден в одном из домов Паддингтона, в подвале. Дырка в нём говорит сама за себя.

Холмс взял череп и принялся его изучать при помощи лупы. Осмотрев, он бросил, как мяч, череп мне.

— Скажите, Чилдрен, а старых заявок о пропаже людей у вас нет?

— Да нет, сэр, ни одна заявка не подходит.

— Ваше мнение, Ватсон?

— Череп не старой женщины. Пробита височная кость, повреждения прижизненные. Время смерти определить трудно.

— Добавьте, Ватсон, что голова пробита не ножом. Кстати, вы помните мою работу „250 видов ран, причинённых холодным оружием и другими предметами“?

Действительно, в черепе была малюсенькая щёлочка не толще листа бумаги.

— Едемте, Чилдрен, в Паддингтон, — вскочил Холмс.

Я привычно метнулся за ним, но лёгкая наша размолвка остановила меня. Холмс же тактично ничего не заметил, и они ушли.

С этого вечера мой друг мало бывал дома и приезжал только спать. Однажды я видел его выходящим из анатомического театра, в другой раз фигура Холмса мелькнула в библиотеке, где он просматривал подшивки старых газет. Я не спрашивал его о ходе следствия. Холмс же молчал, изредка роня загадочные фразы и такие же вопросы.

— Ватсон, вы тщеславны? — спросил он как-то.

Я слегка оторопел, но, собравшись с мыслями, как и подобает джентльмену, отказал себе в этом недостатке.

Однажды после утреннего кофе Холмс молча выкурил трубку и, уходя, бросил:

— А женщине усы ни к чему, Ватсон.

Признаться, у меня испортилось настроение, и я не знал — почему. Что-то мне не нравилось в новом деле Холмса. Я захандрил и пристрастился к роману. От романа ещё больше захандрил и ещё больше привязался к роману. Не знаю, как бы я остановил этот процесс, не сообщи Холмс в субботу:

— Ну, Ватсон, дело закончено. Завтра у меня к обеду соберётся несколько джентльменов из Скотланд-Ярда и я вас посвящу в обстоятельства появления черепа.

На следующий день из ресторана был доставлен изысканный обед и пять полицейских джентльменов заняли свои места. Видимо, они также были в неведении относительно исхода дела и только интерес к хорошему вину сдерживал их любопытство. Поскольку всю неделю возле меня был ром, мой интерес к вину был слабее, и я спросил:

— Дорогой Холмс, не пытайте нас неизвестностью.

— Да, сэръ, кто же убитая и кто убийца? — пробубнил Чилдрен над останками второго рябчика.

— Троньте, Ватсон, эту спелую дыньку. Удивительно нежная кожа, — протянул мне Холмс дыню.

И только взял я её в руки, как щёлкнули наручники и холодный металл сцепил мои запястья. Кровь рванулась мне в лицо. Все побледнели. Грегсон подавился жареными шампиньонами.

— Господа, — сказал Холмс, — арестуйте доктора Ватсона по обвинению в убийстве своей жены.

— Доказательства, — тихо и хрипло сказал я.

Холмс усмехнулся, как усмехнулся бы ястреб, если бы умел усмехаться.

— Вы, Ватсон, умны, а умный преступник от меня не ушёл.

— Доказательства, — ещё раз безнадёжно сказал я.

— Да, не плохо бы, сэръ, — поддержал меня опытный Грегсон.

— Помните, господа, какой молодой и как неожиданно умерла жена Ватсона? А череп женщины найден в подвале дома, где имел практику Ватсон.

— Этого мало, — сказал я, не зная куда деть руки в железках.

— Разумеется, Ватсон. Череп пробит не ножом, а скальпелем. Это мог сделать только врач.

— Но моя жена была похоронена и все это видели! — с надеждой крикнул я.

— Господа, я прочту вам заметку в старой газете: „Редкий случай. Вчера во время похорон миссис В., жены известного врача и писателя В., было отмечено странное явление — за ночь покойная сильно изменилась и у неё выросли усы, поэтому лицо пришлось полуприкрыть...“ Ничего странного, господа. Ватсон, опасаясь, что на похоронах могут заметить ранку, заменил голову жены. К сожалению, у него в анатомическом театре не нашлось под рукой женской головы и он употребил мужскую.

— Не может быть! — вырвалось у кого-то.

— Может, мистер Лейстред. Я делал эксгумацию трупа.

— Но зачем, зачем я пошёл на убийство? — спросил я неизвестно кого.

— Тщеславие, Ватсон. Она вам мешала участвовать в моих расследованиях, писать обо мне записки, мешала вам жить интересной жизнью на Бейкер-стрит. Жёны вообще мешают.

Наступила тишина. Чилдрен катал рябчиковую кость. Грегсон смотрел в бокал с вином, отыскивая там истину.

Я с достоинством поднял голову.

— И всё-таки, Холмс, вы не только меня арестовываете. Вы сами уходите из литературы и остаётесь просто хорошим сыщиком.

— Да, Ватсон, вы правы, — грустно сказал Холмс. — Я много теряю. Но я теряю ещё больше — друга. Однако истина мне дороже друга...

Может быть, у Холмса было много блестящих дел, но я уже писать не мог. Если же о герое не пишут, то о нём не знают. А если о нём не знают, то он остаётся просто сыщиком.

Григорий Ефимович Рыклин

Новое о Шерлоке Холмсе

Просматривая свои записи о приключениях Шерлока Холмса, я нахожу в них немало трагического, кое-что забавное, кое-что странное, но нет ни в одной из них ничего заурядного. Его всегда привлекали только такие дела, в которых есть что-нибудь необычайное, а порою даже фантастическое.

Это было осенью прошлого года. Я зашёл ранним утром к Шерлоку Холмсу. Он сидел в кресла, откинувшись назад. Глаза его были закрыты. Приподняв веки и взглянув на меня, он сказал:

— Доктор Уотсон, вы сегодня не брились.

Я вздрогнул от неожиданности. Мне уже давно следовало привыкнуть к пронизательности моего друга. Но всякий раз он удивлял меня всё более и более. Я невольно коснулся пальцами своих щёк, и торчащая на них колючая щетина ещё раз убедила меня, что для этого человека нет никаких тайн.

— Я думаю, — начал я, — что...

— Милый доктор, — прервал он меня, — я знаю, о чём вы думаете. Более того, я даже знаю, о чём вы не думаете.

— Если последнее не является секретом, мистер Холмс, поделитесь со мной.

— Вы не думаете, Уотсон, вложить ваши сбережения в южноафриканские акции.

Я был ошеломлён. Действительно, я об этом никогда не думал.

— Кроме того, Уотсон, вы не думаете сесть на абиссинский трон.

В самом деле, я никогда не претендовал на этот пост. Но разве можно что-нибудь скрыть от Шерлока Холмса?

Нашу беседу прервал звонок у входных дверей.

— Кто-то звонит, — сказал Холмс со свойственной ему пронизательностью, затем совершенно добавил: — Это идёт ко мне посетитель. У него рыжие усы. А на голове — ушанка.

Я, конечно, поспешил удивиться.

— Всё очень просто, милый доктор. В этом и заключается мой метод. Сейчас я вам объясню, как я узнал, что у него рыжие усы и ушанка. Видите, Уотсон, я сижу против окна. А этот человек прошёл мимо окна.

Он встал, прошёлся по комнате, затем резко повернулся ко мне и сказал:

— У этого посетителя запутанное жилищное дело.

— Откуда вы это знаете?

— Опять-таки всё очень просто. Ко мне сейчас главным образом ходят по жилищным делам. А всякое жилищное дело запутано.

Раздался робкий стук в дверь. Вслед за тем в комнату вошёл человек с рыжими усами.

— Садитесь! — сказал ему великий сыщик. — Я знаю, что привело вас ко мне. Когда вы были в отъезде, вашу комнату заняли. Вы вернулись в родной город, но человек, занявший вашу жилплощадь, не пускает вас на порог.

Рыжие усы зашевелились.

— Не прерывайте меня, — произнёс Шерлок Холмс. — Вы обращаетесь в суд первой инстанции. Суд присуждает в вашу пользу. Но ответчик — пройдоха, и он подаёт кассацию в горсуд. Горсуд передаёт дело на новое рассмотрение. Слушается дело, но ответчик не является.

Рыжие усы ещё больше заволновались.

— Сидите спокойно, — приказал ему Шерлок Холмс. — Ответчик не является, и суд откладывается. Вы, разинув рот, бегаєте от судьи к прокурору, от прокурора к судье, Наконец, ваше дело слушается. И опять суд выносит приговор в вашу пользу. Но ответчик мошенник...

Рыжие усы опять пришли в движение.

— Не мешайте, — ледяным голосом промолвил Шерлок Холмс. — Но мошенник-ответчик, чтоб затянуть дело, подал новую кассацию. Так прошёл целый год...

Вдруг рыжие усы вскочили, схватили руку Шерлока Холмса и начали её усиленно трясти:

— Спасибо! Большое спасибо!!!

— Что, я правильно нарисовал картину? — спросив Шерлок Холмс.

— Не в этом дело, мистер Холмс. Ещё раз большое спасибо. За мысль! За науку! Теперь я знаю, что я должен делать. Ведь я и есть ответчик.

С этими словами он выскочил из комнаты.

Когда мы остались вдвоём, мой друг, несколько усталый от напряжения, закурил трубку и сказал мне:

— Милый Уотсон, этот случай убеждает меня в том, что надо всё чаще проверять свой метод. Достаньте мне, пожалуйста, где-нибудь Конан-Дойля. Говорят, в Детгизе вышла книжка этого автора под редакцией мистера Кор Нея Чуковского.

Содержание

Раздел первый

Его прощальный поклон (произведения Артура Конан Дойла)

Когда и как будет заключён мир	6
Гроб	12

Раздел второй

Знаменитый клиент (рассказы об Артуре Конан Дойле)

Р. Ким. Дело об убийстве Шерлока Холмса	29
Р. Ким. Сэр Артур – детектив.....	72

Раздел третий

Знатный холостяк (материалы о Шерлоке Холмсе)

А. Колганова. Как я искала Шерлока Холмса.....	128
А. Беркович. Будни консультирующего детектива	142
В. Абаринов. Самый главный сыщик.....	147

Раздел четвёртый

Пляшущие человечки (шерлокианские прозамы)

М.Кингтон. Дело датского принца	163
М. Харитонов. Тарантела	175
М. Харитонов. Подлинная история Баскервильского чудовища ..	225
М. Харитонов. Баркарола	266
М. Харитонов. Девоншир	299
С. Родионов. Доктор Ватсон о себе	361
С. Родионов. Последнее дело Холмса.....	364
С. Родионов. Самое последнее дело Холмса	367
Г. Рыклин. Новое о Шерлоке Холмсе.....	371